

2026 № 1

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

1(35)
2026

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2026

1 (35)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов
А. К. Аликберов

В. М. Алпатов

С. Э. Бабкин

А. Г. Белова

В. Я. Белокреницкий

С. А. Бурлак

А. В. Воронцов

А. В. Демченко

А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская

А. О. Захаров

Т. А. Карасова

Е. Л. Катасонова

А. И. Кобзев

В. А. Кузнецов

Ю. В. Любимов

Н. М. Мамедова

С. Е. Малых

Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков

В. Н. Настич

В. В. Наумкин

К. В. Орлова

Н. Г. Романова

А. В. Сарабьев

В. Н. Саутов

Т. Л. Шаумян

На обложке: Цзиндэчжэнь. Столица китайского императорского фарфора. Фото Д. Г. Зубко.

© ФГБУН ИВ РАН, 2026

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS
2026
1 (35)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: Jingdezhen. The capital of Chinese imperial porcelain. Photo by D. G. Zubko.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2026

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility
for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание учёной степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Д. М. Тимохин.</i> Рассказ о потомках Йафета в сочинении Мирхвāнда	10
<i>Д. Г. Зубко.</i> Куртизанки эпохи Тан в литературе и культуре: между эстетикой и моралью	22
<i>С. Л. Кузьмин.</i> Гибель Джунгарского ханства и геноцид джунгаров в XVIII в. Часть I	32
<i>Н. И. Матвеева.</i> Формирование и развитие системы народного здравоохранения в Северной Корее в первые десятилетия холодной войны	54

КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКИ, ТЕКСТЫ

<i>О. Н. Меренкова.</i> Исчезающие заклинатели змей: кризис традиционного образа жизни народа беде (Бангладеш)	66
<i>Л. В. Федорова.</i> Один и Одун	76
<i>А. А. Блинов.</i> Современная языковая ситуация в Эритрее	85
<i>М. М. Репенкова.</i> Поэтологические особенности детективной прозы Ахмета Умита	92
<i>И. В. Саркисов.</i> «Австронезийский» текст с Кюсю и его перевод Ю. Х. Сирка: попытка реконструкции	100

ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

<i>И. Ю. Авдаков.</i> Информационные, социальные и экономические функции японских железнодорожных станций (последняя четверть XIX — первая четверть XXI в.)	110
<i>Лю Ин.</i> Китайская концепция экологической безопасности: теоретические основания, ключевые положения и практические пути	116
<i>Е. М. Астафьева.</i> Ведущие университеты и научно-исследовательские центры Малайзии: вклад в развитие инновационной экономики страны	124
<i>О. Л. Петрова.</i> Ядерная технология борьбы с пластиком в Индонезии	136

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Д. Б. Графов.</i> Ядерная политика Индии: от стратегической предсказуемости к неопределенности	143
<i>Н. Н. Миклухо-Маклай мл.</i> Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа – Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). Часть II	156

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Д. Васильев, О. М. Курникова, Н. К. Чарыева, Д. З. Шарафетдинова.* Обзор Третьей международной научной конференции «Востоковедные эпиграфические чтения памяти А. Д. Васильева» (13–14 октября 2025 г.) 175
- А. Д. Васильев, О. М. Курникова, Д. З. Шарафетдинова.* Международная научная конференция «Исследователи и исследования евразийского пространства XVIII — XXI вв.» (03–04 декабря 2025 г.) 186

РЕЦЕНЗИИ

- В. Я. Белокреницкий.* Пакистано-российские отношения. [Рецензия на:] Pakistan-Russia Relations. A Comprehensive Historical and Strategic Analysis. Ed. by Dr. Neelam Niger. Islamabad: Institute of Strategic Studies, 2025. 271 p. ISBN 978-969-8772-23-9 194
- П. Ю. Рыбина.* [Рецензия на:] Adaptation in Turkish Literature. Cinema and Media. Ed. by Sedia Öz, Taner Can. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. XIII, 241 p. ISBN 978-3-031-74448-8 200

CONTENTS

HISTORY

<i>D. M. Timokhin.</i> The Story of the Descendants of Japheth in the work of Mirkhvānd	10
<i>D. G. Zubko.</i> Courtesans of the Tang Dynasty in Literature and Culture: Between Aesthetics and Morality	22
<i>S. L. Kuzmin.</i> Collapse of the Zungar Khanate and Genocide of the Zungars in the Eighteenth Century. Part I	32
<i>N. I. Matveeva.</i> Formation and Development of Healthcare System in North Korea During the First Cold War Decades	54

CULTURES, LANGUAGES, TEXTS

<i>O. N. Merenkova.</i> The Vanishing Snake Charmers: Crisis of Bede's Traditional Lifestyle (Bangladesh)	66
<i>L. V. Fegorova.</i> Odin and Odun	76
<i>A. A. Blinov.</i> The Current Linguistic Situation in Eritrea	85
<i>Repenkova M. M.</i> Poetological Features of Ahmet Umit's Detective Fiction	92
<i>I. V. Sarkisov.</i> "Austronesian" Text from the Island of Kyushu and Its Translation by U. Kh. Sirk: an Attempt of Reconstruction	100

ECONOMY AND SOCIUM

<i>I. Yu. Avdakov.</i> Informational, Social and Economic Functions of the Japanese Railway Stations (Last Quarter of the Nineteenth XIX — First Quarter of the Twenty-First Century)	110
<i>Lui In.</i> China's Concept of Ecological Security: Theoretical Foundations, Core Tenets, and Practical Pathways	116
<i>E. M. Astafieva.</i> Leading Universities and Research Centers in Malaysia: Contributing to the Development of the Country's Innovation Economy	124
<i>O. L. Petrova.</i> Nuclear Technology to Combat Plastic Pollution in Indonesia	136

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>D. B. Grafov.</i> India's Nuclear Policy: From Strategic Predictability to Ambiguity	143
<i>N. N. Miklouho-Maclay jr.</i> Multitrack Diplomacy in the Context of Russia's Relations with Papua New Guinea (Asia-Pacific Region), Part II	156

ACADEMIC LIFE

- A. D. Vasilyev, O. M. Kurnikova, N. K. Charyeva, D. Z. Shariafetdinova. Overview. Third International Conference “Oriental Epigraphic Readings in Memoriam of Dmitry D. Vasiliyev” (October 13–14, 2025) 175
- A. D. Vasilyev, O. M. Kurnikova, D. Z. Shariafetdinova. International Conference “Researchers and Researches into the Eurasian Space of the Eighteenth — Twenty-First Century” (December 03-04, 2025) 186

REVIEWS

- V. Ya. Belokrenitsky. Pakistan-Russia Relations [Review of:] Pakistan-Russia Relations. A Comprehensive Historical and Strategic Analysis. Ed. by Dr. Neelam Niger. Islamabad: Institute of Strategic Studies, 2025. 271 p. ISBN 978-969-8772-23-9 194
- P. Yu. Rybina. [Review of:] Adaptation in Turkish Literature. Cinema and Media. Ed. by Sedia Öz, Taner Can. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. XIII, 241 p. ISBN 978-3-031-74448-8 200

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-010-021

РАССКАЗ О ПОТОМКАХ ЙАФЕТА В СОЧИНЕНИИ МЙРХВАНДА

© 2026

Д. М. Тимохин¹

Сочинение Мйрхванда «*Раузат ас-сафā' фй сйрат ал-āнбийā' ва ал-мулūк ва ал-хулафā*» («*Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов*») сравнительно давно известно специалистам, однако его рассказ о потомках Йафета ибн Нуха до сих пор не был предметом специального изучения даже несмотря на то, что уже в 1891 г. эта часть многотомного сочинения персидского историка была переведена Э. Рехацеком. При этом рассказ Мйрхванда является частью весьма любопытной историографической традиции описания истории происхождения народов, которая восходит к существенно более раннему сочинению Абū Са'йда 'Абд-ал-Хайа б. аз-Заххāка б. Махмūда Гардйй «*Зайн ал-ахбār*» («*Украшение известий*») и анонимному «*Муджмал ат-таварйх ва 'л-кысас*» («*Свод историй и повествований*»). В рамках данной статьи нам хотелось бы познакомить читателя с переводом главы, которую Мйрхванд назвал «*Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли*», сделанным по персидскому изданию текста «*Раузат ас-сафā'*». Помимо самого перевода и соответствующих комментариев к нему нам хотелось бы не столько указать историографические связи с более ранними сочинениями, о чем и так известно специалистам, сколько выделить особенности нарратива, который создал Мйрхванд, базируясь на трудах предшествующих мусульманских историков. Отдельного внимания, как нам кажется, заслуживает локализация места проживания потомков Йафета ибн Нуха, указания на народы, которые ведут от них свое происхождение, и характерные особенности «*биографий*» легендарных предков, которых упоминает автор «*Раузат ас-сафā'*». Надеемся, что представленное исследование будет интересно не только специалистам в области мусульманской историографии монгольской эпохи, но и самому широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Йафет, Мйрхванд, Раузат ас-сафā', Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус

Для цитирования: Тимохин Д. М. Рассказ о потомках Йафета в сочинении Мйрхванда. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-010-021

THE STORY OF THE DESCENDANTS OF JAPHET IN THE WORK OF MIRKHVAND

Dmitry M. Timokhin

Mirkhvānd's work "Rauzat as-safā' fi sīrat al-ānbiyā' wa al-mulūq wa al-khulafā" ("The Garden of Purity concerning the lives of the prophets, kings and Caliphs") has been known to experts for a relatively long time, but his story about the descendants of Japheth ibn Nuh has not yet been the subject of special study, even

¹ Тимохин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. Timokhin, PhD (Hist.), Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; horezm83@mail.ru

though the fact that already in 1891 this part of the multi-volume work of the Persian historian was translated by E. Rekhatsek. The story Mīrkhvānd is part of a very interesting historiographical traditions describe the history of the people's origin, which dates back considerably earlier essay Abū Sa'īd 'Abd-al-Hayā b. az-Zahhāk b. Mahmūd Gardīzī "Zayn al-ahbār" ("Jewelry news") and an anonymous "Mujmal al-tavārikh wa'l-qisas" ("The corpus of histories and narratives"). Within the framework of this article, we would like to introduce the reader to the translation of the chapter, which Mīrkhvānd called "The story of Japheth the son of Nuh (Peace be upon Him!) and the description of the origin of the Turkic tribes that descended from his descendants", made according to the Persian edition of the text "Rauzat as-safā' ". In addition to the translation itself and the relevant comments to it, we would like to point out not so much the historiographical connections with earlier writings, which is already known to experts, as to highlight the features of the narrative created by Mīrkhvānd based on the works of previous Muslim historians. It seems to us that special attention should be paid to the localization of the place of residence of the descendants of Japheth ibn Nuh, references to the peoples who trace their origin from them, and the characteristic features of the "biographies" of legendary ancestors mentioned by the author of "Rauzat as-safā' ". We hope that the presented research will be of interest not only to experts in the field of Muslim historiography of the Mongolian era, but also to the widest range of readers.

Keywords: Japheth, Mīrkhvānd, Rauzat as-safā', Turk, Khazar, Saklab, Rus

For citation: Timokhin D. M. The Story of the Descendants of Japheth in the work of Mīrkhvānd. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-010-021

Введение

Интересующее нас сочинение второй половины XV в., принадлежащее перу Мухаммада ибн Хавандшāха ибн Махмūда или Мйрх'анда, носит название «*Раузат ас-сафā' фй сйрат ал-āнбийā' ва ал-мулук ва ал-хулафā*» («*Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов*») и представляет собой многотомную «историческую компиляцию» [Бартольд, 1963, с. 106], охватывающую период с древнейших времен и вплоть до периода жизни ее автора. Уже В. В. Бартольд отмечает, что данное сочинение «*долгое время было почти единственным источником для европейских исследователей истории Персии и Средней Азии...*» [Бартольд, 1963, с. 106], что объясняет во многом тот факт, что уже в XIX в. появляются как издания оригинального текста «*Раузат ас-сафā'*», так и переводы его отдельных частей на европейские языки. Впрочем, введение в научный оборот новых памятников мусульманской историографии, в том числе и более ранних, нежели сочинение Мйрх'анда, заметно снизило интерес европейских ученых к этому историческому источнику, чем, вероятно, следует объяснять и тот факт, что полного перевода «*Раузат ас-сафā'*» на европейские языки до сих пор осуществлено не было.

Весьма вероятно, что этому способствовало и критическое отношение к содержанию сочинения Мйрх'анда, которое было озвучено уже в классической работе упомянутого нами В. В. Бартольда. «*При изложении истории хорезмшахов, кара-китаев и монгол автор, конечно, пользовался сочинениями Джувейни, Рашид ад-Дина, Вассафа и Шереф ад-Дина. Эта часть его труда вообще не возбуждает доверия к его компиляции; так, Мирхонд не делает попытки разобраться с противоречиями, которые мы находим в рассказах Джувейни о хорезмшахах и кара-китаеях, но выбирает одну из версий и произвольно опускает все то, что противоречит ей*» [Бартольд, 1963, с. 107]. Справедливости ради стоит отметить, что начиная со второй половины XX в. в исследовательской среде закрепилось более сдержанное отношение к ценности сведений из состава «*Раузат ас-сафā'*», а отдельные специалисты подчеркивали выдающееся значение как самого этого памятника

мусульманской историографии, так и отдельных его разделов, включавших в себя более ранние тексты, которые сами по себе до нас не дошли [Ansari, 2016, pp. 249–259; Bockholt, 2017, pp. 139–142].

Впрочем, даже если более ранний памятник, использованный Мирх'андом для составления того или иного раздела «*Раузат ас-сафā*'», до нас дошел, это не отменяет того факта, что в более поздний вариант текста включались любопытные дополнения или целые сюжеты, отсутствующие в сочинениях предшественников. Так, в более ранних исследованиях мы обратили внимание на историографическую связь между рассказом Мирх'анда об Йафете ибн Нухе и его потомках и анонимным сочинением 1126 г., которое более известно специалистам под названием «*Муджмал ат-таварих ва 'л-кысас*» («*Свод историй и повествований*») [См.: Тимохин, 2025, с. 72–82; Тимохин, 2026 (b)]. Нами было высказано предположение, что именно этот памятник домонгольского периода оказался востребован автором «*Раузат ас-сафā*'» и некоторыми другими более поздними историками для выстраивания собственного рассказа о потомках Йафета, к которым относились, в частности, турки². При этом в фокусе нашего внимания в указанных выше исследованиях оставался более ранний памятник и особенности того нарратива, который был сформирован анонимным автором, а также источники, которые были им для этого использованы. Здесь же мы хотели бы обратить внимание читателей на рассказ самого Мирх'анда о потомках Йафета, привести его полный перевод и необходимые комментарии к нему³. Как нам кажется, это будет полезно для понимания эволюции ранних нарративов в составе поздних памятников мусульманской историографии и трансформации в них отдельных сюжетов на примере «*Раузат ас-сафā*'».

Перевод

Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Емун!) и описание происхождения Туркских племен, которые от потомков его произошли

Иные говорят, что он (Йафет — Д.Т.) был послан в качестве пророка, а когда Нух (Мир ему!) с ним прощался у подножия горы Джуди (جودي)⁴, в сторону севера и востока его отправил, которые были предназначены ему в удел. Тогда Йафет попросил своего отца научить его такой молитве, чтобы каждый раз, когда ему потребуется, можно было вызвать дождь. Нух (Мир ему!) откликнулся на его просьбу и вознес молитву Господу Величия, тогда Джабраил (جبريل) в ответ на его молитву Великое имя [Божие] ему открыл, которое Нух (Мир ему!) затем вырезал на камне и отдал Йафету. Этот камень называют *йада* (يده) или *камень дождя* (حجر المطر)⁵, а турки его называют *джада таиш* (جده تاش). Когда же Йафет покинул *вершину восьмидесяти* (بيق الثمانين)⁶, то, пространствовав долгое время, достиг пределов своей страны, где стал

² Полный текст перевода данного раздела из состава «*Муджмал ат-таварих ва 'л-кысас*» должен выйти в 2026 г. в коллективной монографии «Малоизвестные аспекты истории и культуры Ближнего и Среднего Востока в Средние века и Новое время» [Тимохин, 2026 (a)] — Д.Т.

³ Единственный перевод данного раздела из состава «*Раузат ас-сафā*'» на европейские языки был осуществлен Э. Рехацеком в 1891 г. [The Rauzat-us-safa..., 1891, pp. 92–96]. Мы в свою очередь учли этот более ранний опыт, однако ориентировались не на него, а на персидское издание текста «*Раузат ас-сафā*'», опубликованное в 1959 г. [Mirhond, 1959, s. 66–70] — Д.Т.

⁴ В исламской традиции ковчег Ноя (Нуха) остановился не на горе Арарат, а на горе ал-Джуди согласно суре «Худ»: «И было сказано: «О земля, поглоти воду! О небо, перестань!» Вода спала, и свершилось веление. Ковчег пристал к аль-Джуди, и было сказано: Да сгинут люди несправедливые!»» (Коран 11:44) — Д.Т.

⁵ Здесь автор вместо персидского варианта использует арабское название «*камень дождя*» — Д.Т.

⁶ Согласно некоторым толкованиям 64 аята суры 7 «*аль-Араф*» («*Ограды*») — «Они сочли его лжецом, а Мы спасли его и тех, кто был с ним, в ковчеге, и потопили тех, кто считал ложью Наши знамения. Воистину они были слепыми людьми» (Коран, 7:64), вместе с Ноем в ковчеге спаслись всего восемьдесят человек (<https://quran-online.ru/7:64>). Эта же

предводителем жителей пустыни (صحرا نشینان) и, некоторое время живя с ними, установил среди них добрые обычаи. Когда же потомство его стало весьма многочисленным, то он облачился в одеяния вечности (رخت بسرای بقا کشید). Многие говорят, что один из великих городов области **Чин** (چین) был им основан и стал частью его владений. А также было сказано, что Всемиловитый Господь, Предоставляющий Дары, наградил его одиннадцатью сыновьями, а [их имена]: **Чин** (چین) и **Саклаб** (صقلاب), **Камари** (کماری) и **Тюрк** (ترک), **Халлух** (خلخ) и **Хазар** (خزر), **Рус** (روس) и **Садсан** (سدسان), **Гуз** (غز), **Барадж** (بارج) и **Манишадж** (منشج). И каждого из своих сыновей он женил на одной из своих дочерей, завещая им восстанавливать землю, плодиться и размножаться.

Начнем с Тюрка ибн Йафета, который был его наследником и старшим из его сыновей, и он был чрезвычайно храбрым, мужественным, искусным и мудрым. Его также называли **Аглан Йафета** (یافث اغلان)⁷, когда он путешествовал по тем местам. И он нашел себе место, которое там называли **Силук** (سیلوك), а там было небольшое озеро и [источник] горячей воды, источники пресной воды и обильные пастбища. Тюрку это место пришлось по душе, и он решил остаться там вместе со своими последователями. Из дерева и травы они стали строить себе дома, а через некоторое время в связи с тем, что им были придуманы шатры, из шкур овец и других животных стали шить себе одежду и шапки. Его держава была устроена справедливо и мудро, а в отношении соблюдения [законов] и подданных он не оставил без внимания ни одной мелочи, и все рабы Всевышнего Бога были под тенью его защиты в благоденствии и покое. Помимо иных благословений Всевышний наградил его достойным потомством. Один из тех сыновей, чье имя было **Фудак** (فودك)⁸, очень любил охоту: однажды в пустыне из мяса дикого козла сделал кебаб и начал есть его. Внезапно кусок мяса из его руки упал в солончак (نمک زار), тогда Фудак поднял его и положил в рот, и так было гораздо вкуснее, чем раньше. И после этого соль стали добавлять в еду и таким образом питаться, а подобный обычай распространен до сего дня у всех народов и тюрков, которые называют себя его наследниками.

Однако Хазар после странствий в северной области достиг берега [реки] **Амаль** (آمل)⁹, и тот край пришелся ему по душе, так что он город свой там основал; здесь его наследники освоили охоту на лис и научили этому весь мир. А по совету отца из лисьих шкур стали делать одежду. Еще при жизни Хазара один из его сыновей умер, и его отец долгое время не знал, что ему делать с телом. А поскольку Йафет вместе со многими последователями утонул в море (دریا), то он выбрал огонь как противоположность воде и сжег его тело, в то время как его последователи пели и играли на музыкальных инструментах во время кремации. Говорят, такой обычай существует в тех краях и по сей день! Передают, что его потомки подобно рою пчел в горных пещерах добывают мед, из которого потом делают сладости.

легенда четко фиксируется у более позднего, в сравнении с Мирх'андом, Абӯ-л-Гāзӣ: «из земли выступила вода, с неба полился дождь. Все живое, бывшее на земле, потонуло. Пророк Нух со своими тремя сыновьями и восьмьюдесятью членами, обращенными в [праведную] веру, сел на корабль. Спустя несколько месяцев земля, по велению Всевышнего Бога, впитала воду. Вблизи города, называемого Мосул, корабль пристал к горе по имени Джуди» [Кононов, 1958, с. 39] — Д.Т.

⁷ В работе Герхарда Дерфера дается вариант перевода термина «аглан» в персидской литературе как «принц» или «паж/слуга» [Doerfer, 1965, s. 78–79]. У более поздних авторов, нежели Мирх'анд, можно увидеть иной вариант прозвища Тюрка: «Тюрку дали прозвище "Детище Яфеса"» [Кононов, 1958, с. 39] — Д.Т.

⁸ В более раннем тексте мы видим иной вариант — «Тутук» (توتک) [Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 77] — Д.Т.

⁹ Вероятно, искаженный вариант от «Итиль» (ايتیل) [См.: Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 79] — Д.Т.

Затем спустя некоторое время Рус направился в окрестности страны Хазара и отправил к нему посольство, прося у него место или область для поселения в тех местах. Хазар встретил его посла многочисленными добрыми словами и некоторые из островов того края, где мягкий климат и плодородная почва, предоставил ему (т. е. Русу — Д.Т.).

Когда каждый из потомков Йафета стал искать себе место для проживания, Гуз (عز), сын Йафета, к границам области Булгар пришел и там воздвиг постройки и стал жить. Натура его была весьма коварна и полна хитрости: он с братом своим Тюрком ибн Йафетом во многих битвах сражался, а причина этому такова. Когда Йафет со многими [последователями] утонул в море, камень, который Нух даровал ему для вызова дождя, попал в руки Гуза, но каждый из его братьев желал тот камень присвоить себе. Гуз долго думал, а затем другой камень, подобный тому камню, нашел и Великое Имя на нем вырезал. Затем, когда все собрались метать жребий, на жребии выпало имя Тюрка ибн Йафета и потребовалось отдать желанный камень ему. Тогда Гуз камень, сделанный им, отдал Тюрку. А Тюрк, в подлинность этого камня поверив, обрадовался и оберегал и хранил его. Прошло несколько лет, прежде чем Тюрку понадобилось вызвать дождь: он достал упомянутый камень, но не смог вызвать столь необходимый ему дождь и понял, что Гуз в этом его обманул. Тогда он собрал войско, которое не могли вместить горы и равнины, навел в нем порядок и направил для битв и сражений с братом своим для того, чтобы завладеть подлинным камнем. Гуз также собрал мощную армию, во главе которой был Бигуд (بيغود)¹⁰ — старший из его сыновей, который был украшен ожерельем доблести и отваги, и направил ее против Тюрка. И было множество кровавых сражений, в одном из которых Бигуд был убит. А Тюрк повернул назад, но сказал: **«Вражда между нашими племенами будет продолжаться!»**

Саклаб ибн Йафет также отправился в путь и нашел хорошее место для проживания, где его потомство стало весьма многочисленным. В это время один из его новорожденных сыновей лишился матери, которая умерла родами. Однако как раз в то самое время одна из его охотничьих собак ошенилась, и он сына своего стал выкармливать собачьим молоком. А когда тот вырос, то вел себя среди людей подобно собаке, и отец его дал ему в жены одну из его родственниц, и от нее родился ребенок, которому также дали имя Саклаб. А после этого со всем своим добром и людьми он решил отправиться в край Руса, прося для себя достойного местопребывания. Рус в ответ сказал: **«Этот край невелик, а вам нужна большая земля, потому что вас слишком много!»** Как только они получили от Руса такое послание, то с той же просьбой обратились к Камари и Хазару, но получили такой же ответ. По этой причине между ними разгорелся огонь вражды, и Саклабы (صقالبيه) были разбиты. За широтой шестидесяти четырех градусов, что называют **«за пределами седьмого климата»**, проживают они, а там по причине страшных морозов стали строить дома под землей.

Камари (كماری) ибн Йафет был человеком распущенным (развратником, مردی عیاش) и больше всего любил охоту. Однажды, будучи на охоте, в пределах Булгарии (بلغار) он нашел плодородные равнины и место с приятным видом и умеренным климатом, так что остался там жить. Всевышний Господь даровал ему двух сыновей: одного из них звали Булгар (بلغار), а второго — Буртас (برطاس). Когда эти потомки набрались

¹⁰ Искаженный вариант титула «Йабгу» (يابغو). [См.: Martinez, 1982, p. 118; Zayn al-Ahbar, 1984, s. 548; Бартольд, 1973, с. 42; Hudūd al-Ālam, 1970, p. 97] — Д.Т.

сил (т. е. выросли — *Д.Т.*), каждый из них выбрал себе местопребывание и занялся его благоустройством. Добывали лису, соболя, куницу и горностая, а из шкур делали одежду. И до сих пор то сообщество в этих землях проживает.

Чин ибн Йафет был весьма мудр, чист сердцем и благоразумен, и его отец в своей державе основывал города, которые до сих пор называют в честь него (т. е. Чина — *Д.Т.*), как об этом было сказано выше. Поскольку Чин был высок помыслами и глубок разумом, то придумал живопись, и росписи, и цветную одежду и этому искусству научил своих потомков. Он открыл шелкового червя, и большинство ремесел, которыми до сих пор славится народ Чина, были им придуманы. Во время всех этих событий Всевидающее мир Око озарило его счастливой звездой в виде рождения сына, который был назван Мачин (ماچين). Когда Мачин достиг возраста зрелости, то женился и обзавелся многочисленным потомством. И этот потомок (т. е. Мачин — *Д.Т.*) похвального качества советы давал отцу своему, а также сказал: *«Для наших внуков и наследников и племени в этом городе места недостаточно! Дай позволение всем желающим покинуть это место и рядом с ним основать другой город, и большое количество людей уйдет!»* Чин дал на это свое согласие. Мачин в пределах державы Чина город основал и в честь него этот город стали называть. И там стал проживать, и в этом месте увеличилось его потомство. Мачин от овец брал шерсть и учил прясть с помощью веретена, а из этого потом делать одежду. Он также занимался охотой и однажды поймал на охоте Ангу (عنقا), которая является самой прекрасной из птиц¹¹. Он выбрал ее перья для украшения в бою и повелел, чтобы во время сражений воины прикрепляли их на свои головы и тюрбаны. А в другой раз во время охоты поймал антилопу и, когда убил ее и ее выпотрошили, то из пупка потекла черная благоухающая жидкость. Тогда Мачин приказал ее собрать и высушить. В другой раз он решил быть осторожнее, и, поскольку его обоняния теперь достиг запах в несколько раз сильнее, то приказал: *«С этого момента, где бы ни поймали оленя, сохраните его мускусную железу!»* И таким образом он научил людей добывать мускус.

После того, как прошли месяцы и годы, дети и потомки Йафета стали весьма многочисленны: между ними появились различные наречия, и языки отклонились от общепринятого говорения, так что тридцать шесть видов языков появилось между ними, и они больше не могли понимать друг друга. По этой причине они решили покинуть друг друга, разошлись по разным сторонам и в различных частях севера возделывали земли и основали небольшие города. А многие из них, которые привыкли проживать в пустынях, продолжают вести кочевой образ жизни. Так что сегодня принадлежность всех категорий Тюрков (اتراك), и Монголов (مغول), и Татар (تاتار), и Кыпчаков (قپچاق), и других к роду Йафета общеизвестна. И султаны, и ханы Туркестана (تركستان) и северных областей являются его потомками. Для того, чтобы критики не сомневались в истинности, пусть не останется скрытым то, что в этих листах найдено относительно числа потомства Йафета, а описанные обстоятельства в мукаддаме «Зафар-наме» (ظفر نامه), которые этому противоречат, оставим, поскольку эта версия не была рассмотрена автором, да ниспошлет ему за это Аллах прощение, — перо не взялось за пересказ слов этого счастливого человека! [Mirhond, 1959, s. 66–70].

¹¹ Анга или Анка — птица, встречающаяся уже в доисламской арабской мифологии. [См.: Pellat, 2012] — *Д.Т.*

Комментарии к переводу

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на структуру рассказа Мйрх^анда об Йафете ибн Нухе и его потомках, которая, как нам кажется, имеет определенную логику в своем построении. Так, автор «*Раузат ас-сафā*» *начинает главу с рассказа о Йафете ибн Нухе, даровании ему «камня дождя», обретении им своего местообитания, а в конце этого подраздела перечисляются его наследники. Они перечислены в следующем порядке: «Чин (چين) и Саклаб (صقلاب), Камари (كمارى) и Тюрк (ترك), Халлух (خلخ) и Хазар (خزر), Рус (روس) и Садсан (سدسان), Гуз (غز), Барадж (بارج) и Маншадж (منشج)»* [Mirhond, 1959, s. 66], однако он не соблюдается в дальнейшем рассказе, а многие из указанных «*потомков Йафета*» и вовсе обделены авторским вниманием. В сочинении Мйрх^анда сразу после указанного рассказа о Йафете приводится биография «*Тюрка ибн Йафета, который был его наследником и старшим из его сыновей*» [Mirhond, 1959, s. 66], потом следует рассказ о Хазаре, Русе, Гузе, Саклабе, Камари, Чине и его сыне Мачине, а в конце — небольшое авторские послесловие. Таким образом, из всех сыновей Йафета ничего не сказано о Халлухе, Садсане, Барадже и Маншадже. Впрочем, в двух последних можно было бы заподозрить искаженные варианты написания Йаджудж и Маджудж (ياجوج و ماجوج), однако, согласно более ранним версиям нарратива о потомках Йафета, они были не его сыновьями, а внуками [Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 77].

Таким образом, структура раздела о Йафете и его потомках у Мйрх^анда: Йафет — Тюрк — Хазар — Рус — Гуз — Саклаб — Камари — Чин и Мачин — послесловие. В то же время в анонимном персидском сочинении 1126 г. структура такого же нарратива такова: Йафет — Чин и Мачин — Тюрк — Хазар — Рус — Гуз — Саклаб — Камари — рассказ о внешних особенностях потомков Йафета и о произошедших от них племенах [Cod. Heid. Orient., f. 49v-54r; Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 76–82]. Более ранний автор выдвигает на первое место среди потомков Йафета Чина, называя его также и первенцем [Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 76], а вот у Мйрх^анда таковым, очевидно, становится Тюрк — «*Аглан Йафета (يافت اغلان)*» [Mirhond, 1959, s. 66]. Такое первенство среди потомков Йафета в тексте «*Раузат ас-сафā*» можно объяснить желанием автора возвеличить именно тюрков, в связи с чем у Мйрх^анда отсутствует рассказ о причинах того, почему у последних злобный характер и мало волос на теле, который есть в самом конце соответствующего раздела «*Муджмал ат-таварих*» и присутствует у еще более раннего Гардйзи [Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas, 2000, s. 82; Cod. Heid. Orient., f. 53 v; Martinez, 1982, p. 118; Zayn al-Ahbar, 1984, s. 545–547; Бартольд, 1973, с. 42]. Надо отметить и тот факт, что и у еще более позднего историка, Абū-л-Гāзī, на первое место среди потомков Йафета ставится все тот же Тюрк, правда, в еще более ультимативной форме: «*У него (Йафета — Д.Т.) было восемь сыновей; потомство от них было весьма многочисленное. Имена его сыновей следующие: Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус, Минг, Чин, Кемери, Тарых. Яфес, умирая, посадил на свое место своего старшего сына Тюрка, а другим сыновьям своим сказал: «Тюрка считайте своим государем, из повиновения ему не выходите!»*» [Кононов, 1958, с. 39]. Таким образом, можно весьма осторожно предположить, что в поздних мусульманских сочинениях трансформируется не только последовательность сыновей Йафета, но и их качественные характеристики, что приводит к очевидному возвышению Тюрка среди других потомков указанного библейского и коранического персонажа.

В свою очередь Мйрх^анд, следуя той же логике изложения, что и более ранние авторы, тем не менее позволяет себе определенную трансформацию структуры самого нарратива, отсекая при этом то, что может ей противоречить. Подобные тенденции заметны в содержании смысловых подразделов главы «*Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли*» [Mirhond, 1959, s. 66–70]. В первом из них, как уже было

отмечено выше, речь пойдет о биографии самого Йафета после окончания Всемирного потопа: тут важным отличием следует признать указание автора «*Раузат ас-сафā*» на то, что Йафет «*стал предводителем жителей пустыни*» (صحرا نشينان), под которыми с нашей точки зрения следует понимать кочевников [Mirhond, 1959, s. 66]. Помимо этого Мйрх'анд, как и более ранние авторы, приводит здесь же указание на дарование Йафету «*камня дождя*», однако к его рассказу следует присмотреться повнимательнее. Так, анонимный автор «*Муджмал ат-таварих*» нигде не приводит название этого камня, хоть и уделяет ему, а также войне за него значительное внимание в своей главе о потомках Йафета [Cod. Heid. Orient., f. 49v-54 r; Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 76–82]. Мйрх'анд же, напротив, уточняет, что «*этот камень называют йада*» (يده) или «*камень дождя*» (حجر المطر)¹², а турки его называют *джада таш* (جده تاش)» [Mirhond, 1959, s. 66].

В своей классической работе А. Мольнар настаивает на том, что ранние мусульманские историки и географы чаще всего не использовали варианта «*йада*» (يده) или «*джада таш*» (جده تاش), а сам «*камень дождя*» чаще всего называли на арабский или персидский манер — «*хаджар ал-матар*» или «*санг-е бāрāн*» (سنگ باران) [Molnár, 1994, p. 18]. Как видно из труда Мйрх'анда, в более поздних мусульманских сочинениях ситуация несколько изменилась, и это при том, что у анонимного автора «*Муджмал ат-таварих*», с текстом которого историографически связан «*Раузат ас-сафā*», эти названия не встречаются [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. При этом любопытно отметить и тот факт, что более ранний памятник содержит в себе упоминание «*камня молнии*» (حجر الصواعق) в рассказе о Чине ибн Йафете, о котором, в свою очередь, ничего не сообщает Мйрх'анд [Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 81; Cod. Heid. Orient., f. 52v]. Таким образом, последний в этой части своего рассказа о Йафете и его потомках позволяет себе и дополнения к сведениям из более ранних текстов, но также и упускает отдельные сюжеты или понятия.

Два последующих подраздела из главы «*Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли*», которые посвящены Тюрку и Хазару, мало чем отличаются от соответствующих рассказов из состава «*Муджмал ат-таварих*»¹³. Единственным существенным отличием будет последняя фраза в отношении потомков Хазара, которую включает в свой текст Мйрх'анд: «*Передают, что его потомки подобно рюю пчел в горных пещерах добывают мед, из которого потом делают сладости*» [Mirhond, 1959, s. 67]. Анонимный автор «*Муджмал ат-таварих*» упоминает о том, что в месте расселения потомков Хазара много меда, из которого производят некие товары, однако указание на сбор меда именно в горных пещерах в его тексте отсутствует [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. Впрочем, подобных деталей о сборе меда во владениях хазар нет и у еще более раннего Гардйзй [Бартольд, 1973, с. 57] и Ибн Русте [Ибн Русте, 2006, с. 701]. Однако, поскольку сам по себе факт добычи меда во владениях хазар является общим местом у целого ряда мусульманских историков и географов домонгольской эпохи, указанный сюжет в равной степени мог быть авторским дополнением как самого Мйрх'анда, так и заимствован им из ранних текстов, лежащих в русле иной историографической традиции, нежели указанные нами выше памятники.

В отношении рассказа о Хазаре ибн Йафете у Мйрх'анда стоит отметить и указание на кремацию покойников, что само по себе в отношении хазар выглядит по меньшей мере любопытным. Однако эту проблему мы детально рассмотрели в отдельной статье [Тимохин, Тишин, 2026], а здесь лишь обозначим тот факт, что данный сюжет присутствует у анонимного автора «*Муджмал*

¹² Здесь автор вместо персидского варианта использует арабское название «*камня дождя*» — Д.Т.

¹³ Безусловно, более поздний автор позволяет себе несколько искаженную передачу топонимов и имен собственных в сравнении с «*Муджмал ат-таварих*», однако на это мы уже обращали внимание в более раннем исследовании [См.: Тимохин, 2026 (а)] — Д.Т.

ат-тав^арйх» и не является в связи с этим плодом творчества составителя «*Раузат ас-саф^а*» [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. Что же касается повествования о Русе ибн Йафета, Гузе ибн Йафете и их потомках у Мйрх^анда, то в отношении первого можно сказать, что рассказ о нем представляет собой сокращенный пересказ известного в более ранних мусульманских источниках сообщения об «острове русов» [Новосельцев, 2000, с. 296–307; Коновалова, 2001, с. 175–176]. С той лишь разницей, что в «*Раузат ас-саф^а*» говорится о плодородии и мягком климате «удела Руса», что не совпадает с данными целого ряда предшествующих мусульманских сочинений [См.: Новосельцев, 2000, с. 296–307; Коновалова, 2001, с. 175–176]. В свою очередь, рассказ о Гузе ибн Йафете в составе «*Раузат ас-саф^а*» почти полностью посвящен изложению хорошо известного в мусульманской историографии сюжета, который был зафиксирован уже у Гардйзи, о «войне за камень дождя» между потомками Йафета, Тюрком и Гузом; однако с учетом представленных в варианте Мйрх^анда деталей можно констатировать историографическую связь и в этом случае с анонимным «*Муджмал ат-тав^арйх*» [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)].

Рассказ о Саклабе ибн Йафете в «*Раузат ас-саф^а*» любопытен лишь своей последней фразой, где уточняется место проживания его потомков: таких сведений у упомянутого нами выше анонимного автора нет [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. Однако при этом отнесение места проживания саклабов к территориям за пределами «седьмого климата», равно как и строительство ими «подземных домов» по причине страшного холода, встречается у Гардизи в анонимном «*Худуд ал-‘ал^ам*» и у ал-Марвази [Новосельцев, 2000, с. 295–297]. В свою очередь автор «*Муджмал ат-тав^арйх*» упоминает лишь о строительстве указанных домов, а о месте жительства саклабов сообщает, что оно «и поныне известно, как земля Саклаба» [Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas, 2000, s. 81; Cod. Heid. Orient., f. 53r]. Что касается помещения земли саклабов за пределами «седьмого климата», то здесь Мйрх^анд мог ориентироваться как на приведенные нами выше источники, так и непосредственно обращаться к «*Кит^аб ал-а‘лак ал-нафиса*» («Книга драгоценных ожерелий») Ибн Русе, где также встречаются сведения такого же рода, или даже к не дошедшим до нас источникам, используемым последним [Ибн Русе, 2006, с. 699–700, 704].

Впрочем, рассказ о происхождении самого имени Саклаб как эпонима целого этноса и последующее повествование о Камари ибн Йафете Мйрх^андом почти полностью заимствованы из анонимного «*Муджмал ат-тав^арйх*» или у Гардйзи и даже в деталях мало чем отличаются от более ранних нарративов [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. В этом отношении гораздо более любопытен раздел о Чине ибн Йафете и его сыне Мачине, где некоторые важные отличия составитель «*Раузат ас-саф^а*» себе все-таки позволяет в сравнении с текстами своих предшественников. Если общая канва повествования о них у Мйрх^анда совпадает с более ранними авторами, то при рассказе о Мачине он указывает, что тот «поймал на охоте Ангу (عنقا), которая является самой прекрасной из птиц. Он выбрал ее перья для украшения в бою и повелел, чтобы во время сражений воины прикрепляли их на свои головы и турбаны» [Mirhond, 1959, s. 69]. Этот же сюжет в «*Муджмал ат-тав^арйх*» описан следующим образом: «Однажды на охоте, когда поймал дикого быка (яка, غشغاو — Д.Т.), то из него (его хвоста? — Д.Т.) сделал знамя (бунчук — Д.Т.), которое ему понравилось. Поднял его и сказал: «**Это будет украшением боя!**»» [Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas, 2000, s. 77; Cod. Heid. Orient., f. 51v]. Таким образом, по каким-то причинам Мйрх^анд изменил историю жизни легендарного Мачина, включив в рассказ о нем не менее легендарную птицу, которую он якобы поймал и чьими перьями приказал украшать головные уборы во время сражения. Примерно то же самое можно сказать и про рассказ об открытии Мачином мускуса, который в деталях отличается от такого же повествования в «*Муджмал ат-тав^арйх*»: более поздний автор приводит

и другие слова Мачина по поводу этого открытия и указывает на то, что он дважды пытался добыть мускус [Mirhond, 1959, s. 69].

Наконец, совершенно точно следует констатировать тот факт, что последний раздел интересующей нас главы из состава «*Раузат ас-сафā*» является абсолютно авторским нарративом, то есть не был заимствован Мйрх'андом у своих предшественников. Здесь стоит отметить и указание на тридцать шесть видов языков, которые сложились у потомков Йафета, и причисление к ним «*Тюрков (اتراك), и Монголов (مغول), и Татар (تاتار), и Кыпчаков (قپچاق)*» [Mirhond, 1959, s. 70], а также указание на то, что «*султаны и ханы Туркестана (ترکستان) и северных областей являются его потомками*» [Mirhond, 1959, s. 70]. Совершенно очевидно, что подобное обобщение, особенно в первом случае, мог позволить себе только автор монгольской эпохи, хотя упоминание в этом же ряду кыпчаков, с учетом времени написания «*Раузат ас-сафā*», выглядит скорее как анахронизм. Мйрх'анд в этом же разделе указывает на то, что его описание может противоречить тому, что сказано о потомках Йафета «*Зафар-наме*» (ظفر نامه), что следует считать, с нашей точки зрения, отсылкой к сочинению «*Зафар-наме*» («*Книга побед*») Шараф ад-Дина 'Али Йазди (окончено в 1424–1425). «*Сочинению предшествует огромное введение (Мукаддима), посвященное генеалогии тюркских ханов и Чингиз-хана. Текст содержит огромное количество стихотворений, которые, несомненно, являются личным творчеством Йазди*» [Йазди, 2008, с. 4]. Как видно из приведенного нами выше перевода, Мйрх'анд не собирался пересказывать эти сведения, которые, как он сам и отметил, противоречат в некоторых сюжетах тому, что написал он и что было им заимствовано из более ранних памятников мусульманской историографии.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть тот факт, что несмотря на общую компилятивность содержания главы «*Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли*» в составе «*Раузат ас-сафā*», в ней присутствуют отдельные значимые изменения в сравнении с описанием того же сюжета в более ранних мусульманских сочинениях. Мйрх'анд меняет, во-первых, структуру построения рассказа о Йафете и его потомках: в отличие от текста «*Муджмал ат-тавāрих*», где на первое место среди всех его сыновей выводится Чин, у более позднего историка таковым становится Тюрк, и повествование о нем идет сразу после краткой биографии самого Йафета. В отношении описания жизни последнего, помимо всего вышесказанного, остается неизменным факт того, что он утонул: однако Мйрх'анд пишет о том, что «*Йафет вместе со многими последователями утонул в море (دریا)*» [Mirhond, 1959, s. 66], в то время как анонимный автор «*Муджмал ат-тавāрих*» локализует смерть Йафета в водах реки Джейхун (Амударья), которая в его нарративе играет ключевую роль в жизни и смерти указанного коранического и библейского персонажа, равно как и его наследников [Тимохин, 2026 (а)].

Определенную ценность рассказу Мйрх'анда придают те детали, которые по ряду причин отсутствовали в домонгольской историографии: это и название «*камня дождя*», и нарочитое причисление монголов и татар к числу потомков Йафета, и многие другие. При этом Мйрх'анд в своем тексте при описании интересующего нас сюжета не столько меняет сложившуюся в мусульманской историографии традицию, сколько дополняет ее и те отличия, которые были нами выделены, за исключением, возможно, последовательности перечисления сыновей Йафета, отражает скорее «*дух времени*» и общую начитанность автора «*Раузат ас-сафā*». С нашей точки зрения, в данном случае ключевым источником нарратива Мйрх'анда был все тот же анонимный «*Муджмал*

ат-таварих», однако, как показало это исследование, невозможно исключить его знакомство и с иными ранними сочинениями, содержащими сведения о потомках Йафета. Все это делает главу «Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли» из состава «Раузат ас-сафā'» еще более интересной для исследователей, что мы и постарались продемонстрировать в этой статье.

Литература/References

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В.В. *Сочинения. Том I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 43–601 [Bartold V.V. *Turkestan in the era of the Mongol invasion*. Bartold V.V. *Essays. Volume I: Turkestan in the era of the Mongol invasion*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1963. Pp. 43–601 (in Russian)].

Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи "Зайн ал-ахбар". Приложение к "Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг." Бартольд В.В. *Сочинения. Том VIII. Работы по источниковедению*. М.: Наука, 1973. С. 23–62 [Bartold V.V. Extract from Gardizi's essay "Zain al-Akhbar". Appendix to the "Report on a trip to Central Asia for scientific purposes. 1893–1894". Bartold V.V. *Essays. Volume VIII. Works on source studies*. Moscow: Nauka Publ., 1973. Pp. 23–62 (in Russian)].

Ибн Русте. Китаб ал-а'лак ан-нафиса (Книга драгоценных ожерелий). *История татар. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь*. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 699–707 [Ibn Ruste. *Kitab al-a'laq an-nafisa* (The Book of Precious Necklaces). *The history of the Tatars. Volume II. Volga Bulgaria and the Great Steppe*. Kazan: RuhIL Publishing House, 2006. Pp. 699–707 (in Russian)].

Йазди Шараф ал-Адин Али. *Зафар-наме*. Перев. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: Издательство журнала «SAN'AT», 2008 [Yazdi Sharaf al-Adin Ali. *Zafar-name*. Trad. from the old dictionary, preface, comments, indexes and map by A. Akhmedov. Tashkent: SAN'AT magazine Publishing house, 2008 (in Russian)].

Коновалова И.Г. Состав рассказа об "Острове русов" в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. *Восточная и Северная Европа в средневековье*. Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. С. 169–189 [Konovalova I.G. The composition of the story about the "Island of Rus" in the writings of Arab-Persian authors of the X–XVI centuries. *Eastern and Northern Europe in the Middle Ages*. Edited by G.V. Glazyrin. Moscow: Oriental Literature, 2001. Pp. 169–189 (in Russian)].

Кононов А.Н. *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского*. Отв. ред. С.Е. Малов. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958 [Kononov A.N. *The Genealogy of the Turkmens by Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva*. Ed. by N. According to S.N.E. Malov. M., L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958 (in Russian)].

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. *Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева*. Отв. ред. тома Т.М. Калинина. М.: Восточная литература, 2000. С. 264–323 [Novoseltsev A.P. Oriental sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI–IX centuries. *The oldest states of Eastern Europe. 1998: In memory of the corresponding member. RAS of A.P. Novoseltsev*. Edited by T.M. Kalinin. Moscow: Oriental Literature, 2000. Pp. 264–323 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Предание о Йафете ибн Нухе в составе «Муджамал ат-таварих ва-л-кисас». *Islamology*. 2025. № 14(1). С. 72–82 [Timokhin D.M. The Legend of Japhet ibn Nuh as part of the Mujamal at-Tawarih wa-l-qisas. *Islamology*. 2025. No. 14(1). Pp. 72–82 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Глава «О тюрках» в составе Муджмаль ат-таварих ва-ль-кисас (перевод и комментарии). *Малоизвестные аспекты истории и культуры Ближнего и Среднего Востока в Средние века и Новое время*: колл. монография. Отв. ред. Д.Е. Мишин. М.: ИВ РАН, 2026 (a) (в печати) [Timokhin D.M. The chapter "On the Turks" in the composition of Mujmal at-tawarih wa-l-qisas (translation and commentary). *Little-known aspects of the history and culture of the Near and Middle East in the Middle Ages and Modern Times*: a colloquial monograph. Ed. by D.E. Mishin. Moscow: IV RAS, 2026 (a) (in print) (in Russian)].

Тимохин Д.М. История потомков Йафета ибн Нуха и прародина тюрков в памятниках мусульманской историографии. *Ориенталистика*. 2026 (b) (в печати) [Timokhin D.M. The history of the descendants of Japhet ibn Nuh and the ancestral homeland of the Turks in the monuments of Muslim historiography. *Orientalistica*. 2026 (b) (in print) (in Russian)].

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Практика кремации у кочевников степной Евразии и ее объяснительные модели: опыт текстологической реконструкции. *Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика*. 2026. № 4 (в печати) [Timokhin D.M., Tishin V.V. The practice of cremation among nomads of steppe Eurasia and its explanatory models: the experience of textual reconstruction. *Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental and African studies*. 2026. No. 4 (in print) (in Russian)].

Ansari A.M. Mīrkhwānd and Persian Historiography. *Journal of the Royal Asiatic Society*. THIRD SERIES. Vol. 26. No. 1/2. The Mongols and Post-Mongol Asia: Studies in Honour of David O. Morgan (JANUARY AND APRIL 2016). Pp. 249–259.

Bockholt Ph. Mīrkhvānd Muḥammad b. Khvāndshāh. *Encyclopaedia of Islam*, THREE. Leiden-Boston: Brill, 2017. Pp. 139–142.

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Band, d. II: Türkische Elemente im Neupersischen, alif bis ta. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965.

Ḥudūd al-Ālam: "The Regions of the World", A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed. / with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky; ed. by C. E. Bosworth. London: Luzac, 1970.

Martinez A.P. Gardizi's Two Chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. II. 1982. Pp. 109–217.

Mīrhond Muḥammad ibn Khwand-shah ibn Mahmud. Tarikh-Rawḥat aṣ-ṣafā' fīṣīrat al-anbiyā' w-al-mulūk w-al-khulafā': jild avval. Ed. by Abbas Parviz. Tehran: Markaz-i Khayyam Piruz, 1959.

Moğmal-ot-Tavāriḥ va'l-Qaṣaṣ. Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Heid. Orient. 118. 291 f. <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/codheidorient118>.

Molnár Á. Weather-magic in Inner Asia. Bloomington: Research Institute for Inner. Asian Studies, 1994.

Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert. Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000.

Pellat Ch. 'Ankā'. *Encyclopaedia of Islam. New Edition Online* (EI-2 English). (First published online: 2012): <https://referenceworks.brill.com/display/entries/EIEO/SIM-0672.xml>

The Rauzat-us-safa or Garden of Purity, containing the histories of prophets, kings, and khalifs...; transl. from the original Persian by E. Rehatsek, and called by him "Sacred and profane history according to the moslem belief" / by Muḥammad bin Khāvendishāh bin Mahmūd, commonly called Mīrkhond; transl. by E. Rehatsek; ed. by F. F. Arbuthnot. Part I. London: Royal Asiatic Society, 1891.

Zayn al-Ahbar yani Tarikh-i Gardizi. Ed. by Abdallah Habibi. Tehran: Chaphaneye Adamgan, 1984.

КУРТИЗАНКИ ЭПОХИ ТАН В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ: МЕЖДУ ЭСТЕТИКОЙ И МОРАЛЬЮ

© 2026

Д. Г. Зубко¹

Статья посвящена анализу социокультурного статуса куртизанок (歌妓; гэцзи) в китайском обществе эпохи Тан (VII–X вв.) и особенностей их репрезентации в контексте гендерных, моральных и эстетических норм традиционной культуры. Цель исследования заключается в выявлении механизмов формирования амбивалентного образа куртизанок как носителей художественной ценности и одновременно нормативной маргинальности. В работе используются историко-культурный, гендерный и сравнительно-социальный подходы. Куртизанки сопоставляются с другими категориями женщин – поэтессами, буддийскими и даосскими монахинями и аристократками – по параметрам социальной легитимации, типов публичности и степени нормативной регуляции. Показано, что куртизанки не принадлежали ни к одной институционально закреплённой модели женской идентичности, однако обладали высокой культурной видимостью и активно участвовали в формировании городской художественной среды. Делается вывод о том, что двойственная репрезентация куртизанок отражает напряжение между эстетическим признанием и моральными ограничениями и выступает важным механизмом осмысления гендерных границ в культуре эпохи Тан.

Ключевые слова: куртизанки, эпоха Тан, гендерные роли, социальная легитимация

Для цитирования: Зубко Д. Г. Куртизанки эпохи Тан в литературе и культуре: между эстетикой и моралью. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 22–31. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-022-031

COURTESANS OF THE TANG DYNASTY IN LITERATURE AND CULTURE: BETWEEN AESTHETICS AND MORALITY

Darya G. Zybko

This paper examines the sociocultural status of courtesans (歌妓; geji) in Tang dynasty China (seventh–tenth century) and their representation within gender, moral, and aesthetic frameworks of traditional culture. The study aims to identify the mechanisms that shaped the ambivalent image of courtesans as both artistic figures and normatively marginal subjects. Using historical-cultural, gender, and comparative social approaches, the article compares courtesans with poetesses, Buddhist nuns, and aristocratic women in terms of social legitimation, public visibility, and normative regulation. The analysis shows that courtesans did not belong to any institutionalized female role yet possessed high cultural visibility and played an active role in urban artistic life. The article concludes that the dual representation of courtesans reflects the tension between aesthetic recognition and moral constraint and serves as a key mechanism for interpreting gender boundaries in Tang dynasty culture.

¹ Зубко Дарья Геннадьевна, кандидат исторических наук, преподаватель Второго Пекинского института иностранных языков; dasha.zubko.2018@mail.ru

Darya G. Zybko, PhD (Hist.), Researcher, Beijing International Studies University; dasha.zubko.2018@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7928-6188

Keywords: courtesans; Tang dynasty; gender roles; social legitimation

For citation: Zubko D. G. Courtesans of the Tang Dynasty in Literature and Culture: Between Aesthetics and Morality. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 1. Pp. 22–31. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-022-031

Введение

Исследование образа куртизанок эпохи Тан (618–907) представляет собой значимую междисциплинарную проблему, находящуюся на пересечении гендерных исследований, истории культуры, литературоведения и социальной истории. Эпоха Тан, традиционно характеризующаяся как «золотой век» китайской цивилизации, отличалась высокой степенью культурного разнообразия и относительной открытостью публичного пространства для женского участия по сравнению с рядом других династических периодов. Женщины могли быть вовлечены в интеллектуальную, художественную и развлекательную деятельность, что создавало предпосылки для формирования сложных и неоднозначных женских социальных ролей [Wang Jiahui, 2025].

Особое место в культурной структуре танского общества занимала фигура куртизанки, обозначаемой термином *гэцзи* (歌妓). Куртизанки выступали профессиональными исполнительницами и посредниками между образованной элитой и городской средой. Их социальный статус находился вне нормативной конфуцианской модели женской добродетели, однако их художественная компетентность обеспечивала им заметное присутствие в культурной жизни эпохи. В литературе и искусстве Тан образ куртизанки формируется как амбивалентный: с одной стороны, он маркируется моральным порицанием, с другой — наделяется высокой эстетической ценностью. Данное противоречие между эстетикой и моралью составляет ключевую проблемную ось настоящего исследования.

Актуальность обращения к данной теме определяется несколькими обстоятельствами. В рамках гендерных исследований образ куртизанки позволяет анализировать способы конструирования женской субъектности в условиях патриархального социального порядка. С точки зрения истории культуры и социологии искусства куртизанки представляют собой пример носителей маргинального социального статуса, обладавших при этом значительным культурным капиталом и способных оказывать влияние на художественные практики и вкусы эпохи. Кроме того, двойственная репрезентация куртизанок в литературных текстах — как воплощения художественного совершенства и как символа моральной проблематичности — предоставляет продуктивный материал для анализа механизмов культурной символизации и нормативного дискурса. Поэтому целью настоящей статьи является многоаспектный анализ образа куртизанок эпохи Тан в литературе и культуре с акцентом на их социокультурную позицию и двойственную репрезентацию между эстетикой и моралью. Для достижения поставленной цели предполагается проведение анализа исторических и литературных источников, выявление особенностей социокультурного положения куртизанок в системе гендерных и моральных норм танского общества, сопоставление их статуса с другими категориями женщин — поэтессами, монахинями и аристократками, — а также определение механизмов репрезентации куртизанок как носителей двойственной символики искусства и порока. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении куртизанок эпохи Тан не только как маргинальной социальной группы, но и как активных участников культурной коммуникации, чья профессиональная деятельность и литературная репрезентация способствовали формированию значимого сегмента эстетического и символического пространства эпохи.

Историография проблемы достаточно обширна. В современной научной традиции подробно изучены правовые и социальные аспекты положения женщин в средневековом Китае. Существенный вклад в исследование правового статуса женщин внесла Ю. С. Мыльникова [Мыльникова, 2012], проанализировавшая эволюцию положения женщин в династиях Тан–Сун, включая категорию певичек (*цзи*) как особой социальной группы, находившейся вне традиционной семейно-брачной системы. Литературоведческий анализ эпохи Тан представлен в докторской диссертации А. Г. Сторожука [Сторожук, 2006], где рассматриваются художественные концепты и образная система танской словесности, в том числе женские образы, связанные с культурной средой куртизанок. В зарубежной науке внимание сосредоточено на социальной активности и статусе женщин танской эпохи [Wang Jiahui, 2025; Zhang Jingxinyi, 2024], а также на изучении женского поэтического творчества и авторской субъектности [Jia Jinhua, 2019]. Вместе с тем куртизанки преимущественно рассматриваются фрагментарно — либо как социальная категория, либо как литературный образ, что обуславливает необходимость комплексного анализа их репрезентации в системе культурных и моральных ценностей эпохи Тан.

Методологическую основу исследования составляют историко-гендерный анализ, направленный на реконструкцию женских социальных ролей; литературоведческий анализ художественных репрезентаций; а также компаративный метод, позволяющий сопоставить различные модели женской идентичности в танской культуре.

Исторические и литературные источники образа куртизанок эпохи Тан

Решение первой задачи исследования предполагает обращение к комплексу разнородных источников, включающих официальные исторические хроники, поэтические антологии, авторские литературные сборники, а также современные филологические и историко-культурные исследования. Использование данных материалов позволяет реконструировать как социальное положение певиц-артисток (*歌妓*; *гэцзи*), так и устойчивые способы их художественной репрезентации в культурном пространстве эпохи Тан [Мыльникова, 2016; Quan Tang Shi, 1960].

Ключевым литературным источником является антология «Полное собрание поэзии Тан» (*全唐詩*; *Цюань Тан ши*), представляющая собой наиболее репрезентативный корпус поэтических текстов эпохи. В поэзии Тан систематически фиксируются сцены музыкальных выступлений, пиршеств, частных встреч литераторов с профессиональными певицами и танцовщицами, а также мотивы расставания, воспоминания и эстетического созерцания. Эти тексты формируют устойчивый литературный образ куртизанки как посредника между образованной элитой и городской культурной средой, а также как носителя профессионального мастерства и художественного вкуса [Quan Tang Shi, 1960].

Особое место в формировании данного образа занимает творчество Бай Цзюйи (白居易, 772–846). В поэме «Песнь о пипе» (*琵琶行*; *Пипа син*) фигура исполнительницы приобретает многослойное значение: музыкальное мастерство героини становится способом повествования о ее жизненной судьбе, социальной незащищенности и зависимости от внешних обстоятельств [Bai Juyi, 1985]. Современные синологические исследования подчеркивают, что в поэзии Бай Цзюйи образ артистки функционирует как символическое соединение эстетического идеала и социального подчинения, характерного для иерархической структуры танского общества [Rouzer, 2001]. Как отмечает П. Роузер, музыкальная сцена в танской поэзии становится пространством эмоционального взаимодействия между маргинализированным субъектом и представителем образованной элиты,

что позволяет рассматривать куртизанку не только как объект эстетического восприятия, но и как носителя индивидуального опыта и культурной памяти [Ibid].

Важным источником для анализа являются поэтические тексты женщин, непосредственно связанных с профессиональной артистической средой. Творчество Юй Сюаньцзи (鱼玄机, IX в.) и Сюэ Тао (薛涛, VIII–IX вв.) демонстрирует формирование женской авторской субъектности в рамках преимущественно мужского литературного канона. Как показывает Цзя Цзиньхуа, поэтессы позднетанского периода вырабатывают собственные стратегии самовыражения, сочетая автобиографические мотивы, религиозную рефлексию и художественный эксперимент, что позволяет рассматривать их тексты как самостоятельный пласт танской словесности [Jia Jinhua, 2019].

Социально-правовой контекст функционирования певиц и куртизанок подробно рассматривается в диссертационном исследовании Ю. С. Мыльниковой. Автор указывает, что категория *цзи* находилась вне традиционной конфуцианской модели семейно-брачной регуляции, однако обладала определенной экономической автономией и профессиональной мобильностью, что отличало ее от большинства женских социальных ролей средневекового Китая [Мыльникова, 2012]. Данные характеристики обуславливали двойственное положение куртизанок: с одной стороны, их включенность в городскую культуру и художественную жизнь, с другой — постоянное давление нормативного морального контроля.

Литературоведческий анализ художественных концептов эпохи Тан, представленный в докторской диссертации А. Г. Сторожука, позволяет выявить устойчивые мотивы, связанные с репрезентацией женских образов: мимолетность красоты, телесно-духовная двойственность, символика утраты и эмоциональной памяти [Сторожук, 2006]. Указанные мотивы активно проецируются и на образ куртизанки, усиливая его амбивалентность между эстетической ценностью и социальной нестабильностью.

Таким образом, анализ исторических и литературных источников позволяет рассматривать куртизанок эпохи Тан как сложный культурный конструкт, формируемый на пересечении художественного воображения, социальной практики и морального дискурса. Источниковый материал свидетельствует о том, что куртизанка выступает не только объектом эстетического осмысления, но и активным участником литературно-музыкального пространства эпохи, что создает теоретическую основу для дальнейшего анализа ее социокультурной позиции и символической репрезентации.

Социокультурная позиция куртизанок в контексте гендерных и моральных норм танской эпохи

Социокультурная позиция куртизанок в эпоху Тан определялась противоречивым взаимодействием между нормативной конфуцианской моделью женского поведения и реальными социальными практиками городской культуры. Конфуцианская идеология традиционно закрепляла за женщинами семейно-домашнюю сферу, подчиненную принципам иерархии, целомудрия и патриархальной зависимости. Однако куртизанки изначально находились вне данной нормативной структуры, что обуславливало их особый, маргинальный статус в системе гендерных ролей [Wang Jiahui, 2025].

Исследователи отмечают, что в танский период социальная реальность демонстрировала значительно большую вариативность женских ролей по сравнению с нормативными установками классического конфуцианства. Женщины могли участвовать в экономической, культурной и публичной жизни, а городская среда создавала пространство для профессиональной специализации, в том числе в сфере искусства и развлечений [Wang Jiahui, 2025; Hinsch, 2019]. Именно в этом контексте

формировалась социокультурная ниша куртизанок как профессиональных артисток, чья деятельность была институционально допустима, но морально амбивалентна.

Куртизанки активно вовлекались в культурную коммуникацию эпохи: они обучались музыке, поэзии, танцу и каллиграфии, выступали на придворных и частных мероприятиях, а также поддерживали устойчивые связи с представителями образованной элиты. В ряде случаев куртизанки становились признанными поэтессами и интеллектуальными фигурами, что позволяло им выходить за рамки чисто развлекательной функции и участвовать в формировании литературного и эстетического дискурса эпохи [Hinsch, 2019]. Подобная культурная активность наделяла их значительным символическим капиталом, несмотря на их формально низкий социальный статус.

В то же время куртизанки оставались исключенными из конфуцианской модели «нормативной женственности», основанной на браке, материнстве и семейной добродетели. Куртизанство ассоциировалось с нарушением принципов женской скромности и сексуальной регуляции, что закрепляло за ними репутацию морально нестабильных фигур. В литературе и общественном сознании они одновременно воспринимались как источники эстетического наслаждения и как символы отклонения от социального идеала, что формировало устойчивую модель двойственного восприятия [Hinsch, 2019].

Академические исследования подчеркивают, что система женских социальных ролей эпохи Тан не была монолитной: наряду с аристократками, монахинями и поэтессами куртизанки представляли собой особую категорию профессиональных женщин, чья публичная активность противоречила нормативной морали, но была органично встроена в культурную практику времени [Hinsch, 2019]. Это противоречие не устранялось, а, напротив, становилось частью культурного механизма эпохи, позволяя сосуществовать моральному осуждению и эстетическому признанию.

Таким образом, социокультурная позиция куртизанок в эпоху Тан формируется на пересечении гендерных норм, профессиональной художественной деятельности и моральных ожиданий. Куртизанки выступают как маргинальная, но культурно значимая группа, чье существование выявляет внутренние противоречия танского общества между идеологической нормативностью и практической гибкостью социальных ролей.

Сопоставление куртизанок с другими категориями женщин в системе женских социальных ролей

Женские социальные роли в танском обществе формировались не как единая иерархия, а как совокупность различных моделей легитимации, каждая из которых определяла допустимые формы публичности, культурного участия и нормативного контроля. В этом контексте сопоставление куртизанок (歌妓; *гэцзи*) с поэтессами, религиозными женщинами и аристократками позволяет выявить принципиально разные способы включения женщин в социокультурное пространство эпохи Тан.

Поэтессы представляли собой категорию женщин, чья социальная значимость закреплялась прежде всего через письменный текст и участие в литературной коммуникации. Исследование А. Дашченко фиксирует более 120 женских имен в корпусе танской поэзии, что свидетельствует о расширении женского присутствия в сфере высокой культуры [Dashchenko, 2022]. Такие авторы, как Сюэ Тао, Юй Сюаньци, Ли Е и Лю Цайчунь, не только демонстрировали высокий уровень поэтического мастерства, но и были включены в мужские литературные салоны, что обеспечивало им относительную культурную легитимацию [Dashchenko, 2022]. В отличие от куртизанок, статус поэтесс основывался на тексте как устойчивом носителе культурного капитала, а не на перформативных и ситуационных формах признания.

При этом граница между поэтессами и куртизанками не всегда была жесткой. Цзя Цзинь-хуа отмечает, что часть позднетанских поэтесс была связана с артистической средой, однако именно письменная фиксация авторства позволяла им выходить за пределы развлекательной функции и формировать более устойчивую субъектную позицию [Jia Jinhua, 2019]. Таким образом, различие между поэтессами и куртизанками заключается не столько в художественной компетенции, сколько в способе ее социальной легитимации.

Буддийские и даосские монахини представляли иную модель женской социальной позиции, основанную на религиозной институциональности. Как показывает Б. Хинш, женские монастыри эпохи Тан функционировали как пространства образования, социальной защиты и культурного взаимодействия, включая контакты с аристократией и двором [Hinsch, 2019]. В отличие от куртизанок монахини обладали формально признанным статусом, регулируемым религиозными и государственными нормами, что обеспечивало им относительную социальную стабильность.

Сопоставление куртизанок и монахинь выявляет принципиальное различие между институциональной и неинституциональной формами женской автономии. Куртизанки достигали экономической и профессиональной самостоятельности за счет участия в рыночных и культурных практиках, тогда как монахини — через выход из семейно-брачной системы и включенность в религиозные структуры [Hinsch, 2019]. Обе модели выходили за рамки конфуцианской семейной нормы, но имели различную степень социальной защищенности и моральной легитимации.

Аристократки занимали наиболее нормативно признанную позицию в системе женских ролей. Их статус определялся родовой принадлежностью и включенностью в придворную иерархию, а культурная активность реализовывалась преимущественно в формах образования, покровительства и семейной репрезентации. По наблюдению Хинша, женщины аристократического происхождения могли владеть имуществом и оказывать влияние на брачные и политические стратегии рода, однако их публичная активность строго регулировалась ритуальными и моральными нормами [Hinsch, 2019].

На фоне аристократок куртизанки выглядят как фигуры, обладающие высоким культурным капиталом при отсутствии формальной социальной легитимации. Их взаимодействие с элитой происходило вне институциональных рамок — в пространстве пиршеств, литературных встреч и частных салонов, что делало их одновременно культурно востребованными и социально уязвимыми. Ю. С. Мыльникова подчеркивает, что правовой статус категории цзи находился вне конфуцианской семейной модели, что усиливало их маргинальность при сохранении определенной экономической автономии [Мыльникова, 2012].

Для наглядного сопоставления различных женских социальных ролей танской эпохи целесообразно систематизировать выявленные различия по ключевым параметрам социальной легитимации, формам публичного присутствия и степени нормативной регуляции (Таблица 1). Такой сравнительный подход позволяет избежать описательной фрагментарности и выявить структурные различия между основными категориями женщин, функционировавших в культурном пространстве эпохи Тан.

Таблица 1. Сравнительная таблица женских социальных ролей эпохи Тан

Категория женщин	Форма социальной легитимации	Тип публичности	Степень нормативности
Куртизанки (geji 歌妓)	Эстетический и коммуникативный капитал; профессиональное мастерство (музыка, поэзия, танец); признание со стороны элиты	Неинституциональная публичность: пиршества, частные салоны, литературные встречи, придворные и городские мероприятия	Низкая: вне конфуцианской семейной модели; морально амбивалентный статус

Категория женщин	Форма социальной легитимации	Тип публичности	Степень нормативности
Поэтессы	Письменное творчество; включенность в литературный канон; признание авторства	Текстуальная публичность: поэтические сборники, переписка, литературные круги	Средняя: частично нормативная, ограниченная мужским литературным канон
Буддийские и даосские монахини	Религиозная институциональность; монастырская организация; духовная легитимация	Институциональная публичность: монастыри, религиозные церемонии, образовательная деятельность	Средняя–высокая: признание вне семьи, но в рамках религиозных норм
Аристократки	Родовая принадлежность; придворный статус; ритуально-иерархическая легитимация	Регламентированная публичность: двор, семейные и придворные ритуалы, покровительство	Высокая: жесткое соответствие конфуцианским и ритуальным нормам

Представленная таблица демонстрирует, что различия между женскими социальными ролями в танском обществе определялись не уровнем культурной активности как таковой, а способом ее нормативного оформления и социальной легитимации. Куртизанки выделяются как единственная категория, чья публичность и культурная значимость основывались преимущественно на неинституциональных и эстетических механизмах признания, что обуславливало их особое положение между культурной востребованностью и нормативной маргинальностью. В этом смысле куртизанки занимают уникальную позицию в системе женских социальных ролей эпохи Тан, выступая индикатором гибкости и противоречивости гендерного порядка средневекового китайского общества.

Репрезентация куртизанок как носителей двойственной символики порока и искусства

Рассмотрение символической репрезентации куртизанок как носителей двойственной семантики искусства и порока опирается на структурное сопоставление женских социальных ролей танской эпохи, представленное в сравнительной таблице 1. Выделенные параметры — форма социальной легитимации, тип публичности и степень нормативной регуляции — позволяют интерпретировать амбивалентность образа куртизанки не как индивидуальную художественную метафору, а как следствие ее особого положения в системе социальных ролей. В отличие от аристократок и монахинь, чья культурная активность была институционально закреплена, и поэтесс, чья субъектность легитимировалась через письменный канон, куртизанки функционировали в пространстве неинституциональной публичности, что напрямую отражается в противоречивых художественных моделях их репрезентации.

В культурном дискурсе танской эпохи куртизанка репрезентируется как фигура, в которой сочетаются высокая художественная компетентность и нормативная маргинальность. Данная амбивалентность обусловлена структурным положением куртизанок в городской культуре: они выступали профессиональными носителями музыкальных, поэтических и перформативных практик, но при этом находились вне конфуцианской модели женской добродетели, основанной на семейной принадлежности и моральной регуляции. В результате их образ закрепляется в культуре как одновременно эстетически значимый и социально проблематичный.

Как показывает Пин Яо, взаимодействие между куртизанками и образованной элитой формировало особый тип культурного обмена, в рамках которого художественная деятельность

развивалась в пространстве, не совпадающем с официальными институтами литературы и образования [Ping Yao, 2002]. Куртизанки участвовали в поэтических диалогах, музыкальных импровизациях и совместных выступлениях с литераторами, что способствовало признанию их художественных способностей. Однако эта форма культурной включенности была неразрывно связана с пространством развлечения, что закрепляло за куртизанкой статус фигуры, ассоциируемой с удовольствиями и моральной неоднозначностью [Ibid].

Б. Хинш подчеркивает, что подобная двойственность имела институциональные основания. Куртизанки обладали относительной экономической самостоятельностью, профессиональной мобильностью и доступом к образованным кругам, но не имели устойчивого правового статуса и оставались уязвимыми в системе конфуцианской социальной иерархии [Hinsch, 2019]. Эта социальная нестабильность трансформируется в литературной репрезентации в образ женщины, сочетающей свободу художественного самовыражения и зависимость от внешнего покровительства, признание таланта и отсутствие нормативной легитимации.

В поэтической культуре танской эпохи куртизанка часто становится фигурой, через которую артикулируется напряжение между индивидуальной одаренностью и моральными ожиданиями. Исследования женского литературного письма показывают, что художественная активность женщин допускалась в культурное пространство при условии ее интерпретации в рамках мужского литературного канона, что ограничивало автономию женского авторства [Dashchenko, 2022]. В этом контексте куртизанка признается носителем искусства, но ее творческая субъектность остается частично нейтрализованной, что усиливает амбивалентность ее символического статуса.

Дополнительным измерением двойственной репрезентации является нарративная функция куртизанки в литературных текстах. Она нередко используется как медиатор эмоционального и экзистенциального опыта, воплощающий темы социальной нестабильности, утраты и хрупкости жизненного успеха. Через музыкальные и поэтические сцены с участием куртизанок формируется пространство эмоционального взаимодействия между представителями элиты и социально маргинализированным субъектом, что позволяет воспринимать куртизанку не только как объект эстетического созерцания, но и как носителя индивидуального опыта и культурной памяти [Hinsch, 2019; Ping Yao, 2002].

Таким образом, репрезентация куртизанок в культуре эпохи Тан строится на устойчивом пересечении художественной ценности и моральной проблематичности. Куртизанка выступает как профессиональный субъект искусства и одновременно как фигура, находящаяся вне нормативных социальных моделей, что формирует ее символический статус носителя двойственной семантики искусства и порока. Эта амбивалентность является ключевым механизмом осмысления женской субъектности в культурном пространстве танского Китая.

Заключение

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть образ куртизанок эпохи Тан как многомерный социокультурный феномен, сформированный на пересечении художественной практики, социальной маргинальности и нормативного морального дискурса. Анализ исторических источников и литературных текстов показал, что куртизанки (歌妓; *гэцзи*) занимали устойчивое, хотя и институционально не закрепленное место в культурном пространстве танского Китая. Их присутствие в поэтическом корпусе, прежде всего в текстах «Полного собрания поэзии Тан», а также в авторских произведениях таких поэтов, как Бай Цзюйи, свидетельствует о высокой степени культурной востребованности и символической значимости этой социальной группы.

Рассмотрение социокультурной позиции куртизанок в контексте гендерных и моральных норм танской эпохи позволило выявить противоречивый характер их статуса. С одной стороны, они обладали профессиональной автономией, экономической мобильностью и доступом к интеллектуальным кругам, что выводило их за рамки традиционной конфуцианской модели женской роли. С другой стороны, отсутствие институциональной легитимации и включенности в семейно-брачную систему обуславливало их маргинальность и моральную уязвимость. Таким образом, куртизанки представляли собой социальную категорию, одновременно включенную в культурную элиту и исключенную из нормативного социального порядка.

Сопоставление куртизанок с другими категориями женщин — поэтессами, монахинями и аристократками — позволило выявить различные механизмы социальной легитимации и формы женской публичности в эпоху Тан. Если аристократки реализовывали свою субъектность через родовую и ритуальную иерархию, монахини — через религиозную институционализацию, а поэтессы — через письменный канон, то куртизанки формировали свою социальную значимость преимущественно в пространстве эстетического и коммуникативного обмена. Данное сопоставление подтверждает, что женская социальная идентичность танского периода была вариативной и не сводилась к единой нормативной модели.

Анализ художественной репрезентации куртизанок показал, что в литературе и культуре эпохи Тан они последовательно конструируются как носители двойственной символики искусства и порока. Эта амбивалентность отражает структурное противоречие их социальной позиции: признание художественного таланта и культурного капитала сосуществует с моральным дистанцированием и отсутствием полной субъектной автономии. Куртизанка в танской литературе выступает не только объектом эстетического восприятия, но и медиатором эмоционального и культурного опыта, через которого артикулируются темы социальной нестабильности, утраты и иллюзорности успеха.

Таким образом, куртизанки эпохи Тан могут быть охарактеризованы как активные субъекты культурной коммуникации, чье значение выходит за рамки маргинальной социальной функции. Их образ представляет собой важный инструмент осмысления взаимодействия искусства, морали и социальной структуры в традиционном китайском обществе. Результаты исследования уточняют представления о женской субъектности в эпоху Тан и демонстрируют, что культурная значимость женщин могла формироваться вне институционально легитимированных социальных моделей, что существенно расширяет современные интерпретации гендерной истории Китая.

Литература / References

Мыльникова Ю. С. *Правовое положение женщин в истории средневекового Китая: династии Тан–Сун*. Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2012 [Mylnikova Yu. S. *Pravovoe polozhenie zhenshchin v istorii srednevekovogo Kitaya: dinastii Tan–Sun*. Diss. ... kand. hist. sciences. St. Petersburg: SPbGU Press, 2012 (in Russian)].

Сторожук А. Г. *Художественные концепты и проблемы творчества в литературе эпохи Тан*. Дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2006 [Storozhuk, A. G. *Khudozhestvennye kontsepty i problemy tvorchestva v literature epokhi Tan*. Dis. ... d-ra filol sciences. St. Petersburg: SPbGU Press, 2006 (in Russian)].

白居易. 琵琶行. 白居易全集. 北京:人民文学出版社. URL: <https://www.gushiwen.cn/shiwens/default.aspx?astr=白居易> [Bai Juyi. *Pipa Xing*. *Bai Juyi QuANJI*. Beijing: Renmin Wenxue Chubanshe. URL: <https://www.gushiwen.cn/shiwens/default.aspx?astr=白居易> (data obrascheniya: 20.01.2026) (in Chinese)].

Dashchenko H. *Legitimation process of female poetry during the Tang Dynasty (618–907)*. *Journal of Narrative and Language Studies*. 2022. Vol. 10. No. 19. P. 109–125 [Dashchenko H. *Legitimation process of female poetry during the Tang Dynasty (618–907)*. *Journal of Narrative and Language Studies*. 2022. Vol. 10. No. 19. Pp. 109–125 (in English)].

Hinsch, Bret. *Women in Tang China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2019 [Hinsch, Bret. *Women in Tang China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2019 (in English)].

Jia Jinhua. *New Poetry from the Turquoise Pond: Women Poets in Eighth and Ninth Century China*. *Tang Studies*. 2019. Vol. 37. No. 1. P. 59–80. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07375034.2019.1676285> (дата обращения: 20.01.2026) [Jia Jinhua. *New Poetry from the Turquoise Pond: Women Poets in Eighth and Ninth Century China*. *Tang Studies*. 2019. Vol. 37. No. 1. Pp. 59–80. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07375034.2019.1676285> (data obrascheniya: 20.01.2026) (in English)].

全唐詩. 北京:中华书局. URL: <https://ctext.org/quantangshi> (дата обращения: 20.01.2026) [Quan Tang Shi. Beijing: Zhonghua Shuju. <https://ctext.org/quantangshi> (data obrascheniya: 20.01.2026) (in Chinese)].

Rouzer P. *Articulated Ladies: Gender and the Male Community in Early Chinese Texts*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2001 [Rouzer Paul. *Articulated Ladies: Gender and the Male Community in Early Chinese Texts*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2001 (in English)].

Wang Jiahui. *The Research on the Power of Women in Tang Dynasty*. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2025. Vol. 176. No. 1. Pp. 85–89 (in English)].

Yao Ping. *The Status of Pleasure: Courtesan and Literati Connections in T'ang China (618–907)*. *Journal of Women's History*. 2002. Vol. 14. No. 2. Pp. 26–53 (in English)].

Zhang Jingxinyi. *Research on the Social and Economic Activities of Women in the Tang Dynasty*. *Journal of Social Science Research*. 2024. Vol. 84. No. 1. Pp. 111–116 (in English)].

ГИБЕЛЬ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА И ГЕНОЦИД ДЖУНГАРОВ В XVIII в. ЧАСТЬ I

© 2026

С. Л. Кузьмин¹

Обсуждаются материалы по ликвидации Джунгарского ханства, подавлению сопротивления и истреблению джунгаров войсками империи Цин в середине XVIII в. Следствием цинской агрессии против Джунгарии стала массовая гибель ее населения. Причиной этого были не только нападения цинских войск и казахов, но также голод и эпидемии. В результате погибло, по-видимому, от ½ до ⅔ населения. Из оставшихся значительная часть оказалась рассеяна по регионам вне своей родины. Проведен критический анализ данных об убыли джунгарского населения и их оценок разными авторами.

Ключевые слова: Монголия, империя Цин, Россия, Джунгарское ханство, геноцид

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Гибель Джунгарского ханства и геноцид джунгаров в XVIII в. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 32–53. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-032-053

COLLAPSE OF THE ZUNGAR KHANATE AND GENOCIDE OF THE ZUNGARS IN THE EIGHTEENTH CENTURY.

PART I

Sergius L. Kuzmin

Materials on the demise of the Zungar Khanate, suppression of resistance and extermination of Zungars by the troops of the Qing Empire in the middle of eighteenth century are discussed. The Qing aggression against Zungaria resulted in the mass death of its population. It was caused by not only attacks by Qing troops and Kazakhs, but also by famine and epidemic. As a result, apparently, from 1/2 to 2/3 of the population died. A significant part of the remaining people was dispersed by regions outside their homeland. Critical analysis of the data on decline of the Zungarian population and their assessment by different authors is provided.

Keywords: Mongolia, Qing Empire, Russia, Zungar Khanate, genocide

For citation: Kuzmin S. L. Collapse of the Zungar khanate and genocide of the Zungars in the eighteenth century. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 1. Pp. 32–53. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-032-053

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, DSc (Hist.), PhD (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

Введение

В XVII в. во Внутренней Азии развивалась великая держава — империя Цин. Ее основа была заложена объединением чжурчжэньских племен, давшим начало Маньчжурскому ханству. Важную роль в формировании империи Цин сыграли некоторые племена южных и восточных монголов. Они поднесли маньчжурскому хану Хунтайджи (Абахая) (1592–1643) титул Богдо-хана (великого или священного хана). Одним из факторов этого была этническая близость тунгусо-маньчжуров и монголов. Именно после этого Хунтайджи переименовал свое государство в Цин.

Некоторое время оно соседствовало с китайской империей Мин, которая затем была захвачена маньчжурами. Китай стал частью чужого государства — маньчжурской империи Цин. Монголы, которые внесли важный вклад в формирование империи Цин, из союзников превращались в вассалов маньчжурского императора. Считая воссоздание единого государства монголов главной опасностью, маньчжурские императоры использовали их междоусобицы, присоединяя по отдельности монгольские княжества и ханства.

Правда, сравнительно долгое время существовали независимые монгольские ханства и княжества в Халхе и Кукуноре. Но самым крупным стало Джунгарское ханство², основанное в 1635 г. западными монголами — ойратами и ставшее важной региональной державой. Это была последняя в истории кочевая империя. Общим в экспансии обеих империй было стремление включить в свой состав монголов — потомков жителей Великой Монгольской империи, распавшейся на ряд владений.

Экспансия обеих империй создавала основу для их столкновений. При этом людские, хозяйственные и военные ресурсы Цин были больше, чем таковые Джунгарии. Основу составляли захваченный маньчжурами Китай, а также Южная Монголия и Маньчжурия. Джунгария не могла стать гегемоном в силу ряда внешних и внутренних причин, из которых следует особо отметить джунгаро-цинские противоречия, которые вели к ограниченности доступа Джунгарии к крупнейшему рынку региона, что лишало ее выгодной экономической альтернативы для привлечения в свой состав других монгольских племен; имела место и нестабильность государства из-за отсутствия устоявшихся механизмов передачи власти и устойчивых политических иерархий [Кушхов, 2021, с. 1600–1601]. Одним из важнейших факторов были людские ресурсы. Численность учтенного населения империи Цин к 1743 г. достигла 143 млн человек и продолжала расти [Непомнин, 2005, с. 123], тогда как численность населения Джунгарского ханства ко времени его краха в 1756–1759 гг. составляла, по-видимому, от 600 тыс. до 1 млн человек.

Даже интегрировав в свой состав монголов Халхи и Кукунора до их поглощения империей Цин в XVII в., Джунгария вряд ли могла стать сильнее нее. Возможность создания доминирующего общемонгольского государства существовала при условии прекращения междоусобиц до создания империи Цин и захвата ею Китая. Этого не произошло. В результате Джунгарское ханство в 1688–1697 гг. проиграло войну с империей Цин за Халху, в 1715–1739 гг. — за Хами, Турфан и Кукунор, а также за влияние в Тибете, а в 1755–1759 гг. — уже за продолжение своего существования. Последняя из этих войн привела к полному разгрому Джунгарского ханства цинскими войсками и массовому истреблению джунгаров.

² В японском ойратоведении Джунгария XVII–XVIII вв. обозначается не как ханство, а как «хунтайджийство» (по титулу ряда его правителей — хунтайджи) [Кукеев, 2011, с. 9]. С таким обозначением нельзя согласиться (подробнее см.: [Очиров, 2016]).

В те времена не было понятия геноцида. В наше время есть разные мнения о том, была ли гибель джунгаров геноцидом и насколько в этом виноват правивший тогда империей Цин маньчжурский император Хунли (Цяньлун) (ср., например, [Pilkington, 2005; Бармин и др., 2016] и [Пастухов, 2009; Кузнецова, 2021]). Данный вопрос нуждается в прояснении. Кроме того, следует провести новый анализ роли в этом ойратского князя Амарсаны, поднявшего восстание против цинской власти, в ходе подавления которого эта гибель произошла.

Основные источники по данным вопросам — цинские и российские материалы XVIII — начала XIX вв. Главные из них введены в научный оборот и довольно широко обсуждаются в литературе. Это позволяет сделать некоторые выводы, как представляется, наиболее обоснованные историческими фактами, чему и посвящена настоящая статья из двух частей.

Коллапс Джунгарского ханства

В период правления джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна (1693?–1745) цинская политика в отношении Джунгарии состояла в признании этого государства (заключение договора с «варварским» государством джунгаров) и в торговых связях под видом дани, а также в стремлении устранить духовную связь джунгаров с Тибетом, поддерживать внутреннюю оппозицию и создать условия для включения Джунгарии в империю Цин [Пастухов, 2009, с. 20].

После смерти Галдан-Цэрэна в Джунгарии начались междоусобицы, весьма выгодные Цинской империи. Галдан-Цэрэн перед смертью завещал престол среднему из своих трех сыновей — Цэвэндоржу. В 1749 г. последний был свергнут и убит своим старшим братом Ламдоржем. Однако ойратская знать не желала быть под правлением его, как сына наложницы. Джунгарские нойоны Давачи и Амарсана решили свергнуть его и возвести на престол его младшего брата — Цэвэндаша. Заговор был раскрыт, Цэвэндаш арестован и убит, а оба нойона бежали к сопредельным казахам.

В 1752 г. Давачи и Амарсана вернулись, возобновили борьбу с Ламдоржем и в 1753 г. убили его. Правителем стал Давачи. Его поддерживал Амарсана, собиравшийся сам завладеть престолом. Но некоторые нойоны возвели на престол Нэмэх-Жаргала. Амарсана разбил войско этого соперника Давачи и убил его. Давачи стал единоличным правителем Джунгарии. Он удалил от себя Амарсану как опасного человека. Но тот обзавелся союзниками. Обе стороны разоряли подданных друг друга. Дружба Амарсаны с казахским Аблай-султаном привела к тому, что казахи в бассейнах рек Эмэл и Или нанесли мощные удары по джунгарам и угнали более 10 тыс. их семей. Получая помощь от казахского султана, Амарсана в виде платы за нее отдал Аблаю более 7 тыс. семей подданных Давачи. Последний вел себя аналогично. Кроме того, он трижды посылал войска против Амарсаны, но безуспешно. Тогда он сам выступил с 30 тыс. конницы. Амарсана уклонился от сражения. С 20 тыс. юрт он перекочевал в империю Цин и принял цинское подданство в 1754 г. 26 декабря 1754 г. цинский император Хунли (Цяньлун) дал ему титул цинь-вана — высший княжеский титул в империи. Получили титулы и другие джунгарские феодалы, явившиеся к Хунли. Амарсана стал просить у Хунли войска под предлогом прекращения смут в Илийском крае. Император понимал, что Амарсана хочет свергнуть Давачи, чтобы самому занять престол, но поддержал его, имея совсем другие планы. Состояли они в том, чтобы присоединить Джунгарию к империи Цин, разделив ее на четыре ханства: чоросов, хошут, дербетов и хойтов [Бичурин, 1829, с. 163; 1834, с. 105–111; Златкин, 1983, с. 282, 288–289; Китайские документы..., 1994, с. 76–77; Пастухов, 2009, с. 21; 2022б, с. 39].

Хунли писал в августе 1754 г.: «Амарсана — самый важный человек... Если он прибудет покориться, то в будущем году двинем войска (на Джунгарию)». А осенью Амарсана как раз прибыл

с соплеменниками в империю Цин [Кузнецов, 1970, с. 141]. «По всей вероятности, Амарсана рассматривал переход на цинскую сторону всего лишь как маневр в борьбе за власть. На самом деле он не хотел стать маньчжурским подданным, оказаться в полном подчинении от Цинов» [Чимитдоржиев, 2002, с. 107]. По-видимому, это так; но тем не менее он добровольно перешел в цинское подданство. Формально это означало полное подчинение.

На предложение монгольского сановника Танкалу утвердить Амарсану всеойратским ханом после свержения Давачи Хунли писал 27 февраля 1755 г., что те, кто думает о таком утверждении, не знают, что он собирается сделать порознь ханами четырех ойратских тайджи. «Отнюдь не пожелаем лишь одному человеку — Амурсане единовластное управление областью джунгар» [Кузнецов, 1970, с. 141]. В марте 1755 г. в своем указе Хунли повелел: «На этот раз отправлены войска специально для усмирения джунгаров. В будущем Амурсану и других четырех ойратов пожелаем в качестве четырех ханов» [Думан, 1966, с. 265]. Это была обычная цинская политика подчинения и разделения монголов.

В июне 1755 г. Хунли указывал, что вначале у него не было намерения посылать войска завоевывать Джунгарию, но в последние годы ойраты враждовали между собой, народ разочарован. Амарсана и еще двое князей просили принять их в подданство. Когда он принял их в Жэхэ в империи Цин, они согласились войти в состав авангарда его войск. «Такую возможность нельзя было упустить. В силу этого было запланировано отправить войска по двум дорогам, чтобы навсегда успокоить душу» [Международные отношения..., 1989, с. 76].

С 1750 г. ойраты стали тысячами перекочевывать со своей родины в империю Цин. Бежали и два внука Галдан-Цэрэна. Ойратские феодалы и простые люди находили теплый прием у маньчжурских властей. Одновременно Хунли проводил масштабные мероприятия по подготовке вторжения в Джунгарию, справедливо полагая, что это государство разрушается от междоусобиц, в то время как часть князей уже вошла в его подданство [Златкин, 1983, с. 283]. Амарсана «попросил императора помочь ему подчинить Джунгарию. Это обращение фактически развязывало руки Цинам» [Китинов, 2021, с. 376].

Попытки Давачи перейти в цинское подданство были безуспешны. Как отмечали очевидцы, Давачи обосновывал это желание тем, что Амарсана изменил ему и перешел на сторону Цин. Хунли отказался принять посольство Давачи на том основании, что тот обратился к императору как к равному — это было нарушением цинских представлений о том, что остальные правители могут обращаться к императору только как вассалы [Кузнецов, 1970, с. 142].

Весной 1755 г. цинская армия численностью 90–200 тыс. человек вступила в Джунгарию. Она включала маньчжуров, китайцев (ханьцев) и монголов [Златкин, 1983, с. 290]. Эта армия состояла из двух корпусов. Авангардом одного из них командовал Амарсана. Он был помощником монгола Баньди — командующего северным корпусом. Вторым командовали Юнчан и его помощник джунгарский нойон Салар. Амарсана и Салар командовали передовыми отрядами, состоявшими из их подданных. Кроме того, Хунли издал манифест к ойратам, где заявлял, что Галдан-Цэрэн был послушен Цин, принимал от них милости, а Давачи непочтителен к буддизму, осмелился убивать, погибли потомки Галдан-Цэрэна. Демонстрации благих намерений Хунли служили войска под командой Амарсаны и Салара. Так что многие джунгары присоединялись к цинской армии, а население в целом не сопротивлялось. Давачи, не принимая боя с войсками Амарсаны, бежал, затем путем обмана был схвачен мусульманским правителем Аксу — беком Шараф ад-Дином и выдан Амурсане, который доставил его маньчжурскому командующему, а тот отправил к императору [Бичурин, 1834, с. 111; Кузнецов, 1970, с. 142; Златкин, 1983, с. 290; Пастухов, 2009, с. 22; Китайские документы..., 1994, с. 79].

Мирно распространив свою власть на бывшее Джунгарское ханство, маньчжуры разделили его на четыре княжества, подчиненные Пекину. Цинские войска были вскоре отозваны. Остались лишь небольшие гарнизоны [Бичурин, 1834, с. 112; Кузнецов, 1970, с. 142; Златкин, 1983, с. 291–292; Ходжаев, 1991, с. 44–45].

Итак, до этих событий Джунгарское ханство оставалось независимым государством под правлением Давачи. Независимости оно лишилось в результате цинского вторжения, которое уже давно готовил Хунли и в котором важную роль сыграл Амарасана. «После поимки Давачи маньчжуры беспрепятственно оккупировали всю территорию Джунгарского ханства. Так было покорено единственное независимое монгольское государство, сохранявшее свою самостоятельность до середины XVIII в.» [Чимитдоржиев, 2002, с. 108–109]. Пленный Давачи был доставлен в Пекин и получил от Хунли титул цинь-вана [Китайские документы..., 1994, с. 82] — стал цинским подданным.

Победа империи Цин была обусловлена тем, что она смогла более эффективно мобилизовать хозяйственные и военные ресурсы. Многолетние междоусобицы ослабили Джунгарию [Millward, 2007, p. 95]. Кроме того, многие ойраты доверяли Амарсане и покорились цинскому войску потому, что он был одним из его командующих. Хунли достиг своей цели — ликвидации Джунгарского ханства и разделения его на вассальные уделы без возможности будущего объединения [Ходжаев, 2023, с. 142] — по тому же принципу, по которому маньчжуры сумели присоединить большую часть остальной Монголии к своему государству.

Восстание Амарсаны и истребление джунгаров

Амарсана, оказавший столь большую услугу маньчжурам в покорении Джунгарии, надеялся стать ее единственным ханом. Еще перед этим на получил «обнадеживание от китайского богдыхана... быть главным владельцем в Зенгории», за приведение Давачи и его людей в цинское подданство «будет пожалован ханом» [Моисеев, 1998, с. 150; Гуревич, 1983, с. 106]. Однако выяснилось, что Хунли присоединяет Джунгарию и делит ее на четыре ханства по этническому принципу, и Амарсана предполагается ханом одних хойтов [Millward, 2007, p. 95].

Баньди с отрядом остался в Или, чтобы с помощью Амарсаны и Салара установить предписанный императором порядок. Но Амарсана вместо печати войскового помощника, данной ему цинским двором, стал употреблять прежнюю ханскую печать, распоряжаться самовластно. В итоге получил предписание явиться к цинскому двору. Но ждал хорчинского князя Балжира (приставленного следить за ним), который взялся ходатайствовать перед цинским двором о признании его ханом всей Джунгарии. Однако известий от Балжира не было. Баньди сказал Амарсане об указе Цяньлуна о разделении Джунгарии на четыре ханства. 22 июля 1755 г. маньчжурский главнокомандующий в цинском правительстве направил тайное послание императору, что Амарсана не предан власти маньчжуров, имеет мечту стать единовластным хозяином джунгаров. Хунли ответил ему, что Амарсана должен срочно прибыть во дворец. Баньди получил приказ от Хунли схватить и наказать Амарсану, чтобы удержать ойратов от мятежа. Но Баньди не смог сделать это, так как войско уже было отпущено, его отряд состоял в основном из ойратов, а маньчжуров и китайцев в нем было всего 500. Амарсана же был вынужден отправиться в Китай в сопровождении князя монголов-халхасцев Ринчендоржа. Он чувствовал опасность. По дороге Амарсана отпросился у него, вручил ему печать войскового помощника и дал слово прибыть к нему через два дня. Однако сам бежал в Джунгарию и поднял восстание илийских ойратов. Отряд Баньди рассеялся, Баньди покончил с собой [Бичурин, 1834, с. 115–117, Ишжамц, 1962, с. 25–29; Гуревич, 1983, с. 108; Ходжаев, 1991, с. 47; Пастухов, 2009, с. 23].

Следует отметить, что даже если бы Амарсане был ниспослан указ Хунли о назначении его ханом всей Джунгарии, это было бы лишь подтверждением его вассалитета. Он, оставаясь цинским подданным, возглавил бы Джунгарию как цинскую вассальную территорию.

Ринчендорж был повешен в Пекине за то, что не доставил туда Амарсану. Хунли заставил его брата — главу буддийской церкви Монголии — Богдо-гэгэна II присутствовать на его казни. Узнав о казни, а также видя нарастающее недовольство монголов мобилизаций лошадей и припасов цинской армией для войны, князь хотогойтов³ Чингунжав, находившийся на цинской службе в Урянхае (Түве), вернулся в район оз. Хубсугул и попытался поднять восстание в Халхе в союзе с Амарсаной. Но не смог собрать достаточно войск, а Амарсана не смог объединиться с ним. Чингунжав, его жена и приближенные были схвачены и с особой жестокостью казнены в Пекине в 1756 г.

Хотя сторонники Амарсаны провозгласили его ханом, многие джунгарские феодалы не согласились с этим, многие становились на цинскую сторону. Происходили раздоры и столкновения. Более того: некоторые феодалы, выступившие против цинской власти, затем переходили обратно и участвовали в преследовании ее противников, а потом опять поднимали мятежи. Амарсана потерпел поражение и ушел на зимовку в долину р. Боротала. Здесь он объявил себя ханом Джунгарии 11 ноября 1755 г. Его войско возросло до 2 тыс. человек. 16 января 1756 г. состоялся бой отряда Амарсаны с маньчжурским отрядом во главе с Саларом и другими в 6 тыс. человек в долине р. Или. Амарсана победил. Есть сведения, что он лично не возглавлял, а инспирировал восстание, и после успеха вооруженного выступления возглавившие его лидеры решили вести самостоятельную политику в отношении Цин и не признали Амарсану правителем всей Джунгарии [Ишжамц, 1962, с. 35–36; Пастухов, 2022а, с. 170; 2022б, с. 52–58].

В марте 1756 г. в Джунгарию вошла новая цинская армия численностью несколько более 20 тыс. человек. [Пастухов, 2009, с. 23]. Вторжение обосновывалось необходимостью усмирения бунтовщиков: ведь Амарсана был цинским подданным. Он бежал к казахскому Аблай-султану, который пообещал поддержку. Используя ситуацию, казахские феодалы часто являлись в Джунгарию для захвата или покупки у враждовавших джунгарских феодалов имущества и пленников — их же соотечественников. Есть сведения, что к 1756 г. численность ойратов уменьшилась примерно на треть — в результате этого и откочевки за границу. «Дерзость кайсаков возросла еще более, когда беглый Амурсана начал становиться во главе их шаек и врываться в Джунгарию. В степи число пленных джунгаров умножалось со дня на день: и в Малой Орде получали их “за столь прибыльный промен или торг”, что Айчувак-султан, завлеченный примером и уверенный в успехе, собирался с своими подвластными выступить осенью 1756 г. в поход против ойратов» (Вельяминов-Зернов, 1853, с. 125).

В августе 1756 г. произошло сражение между цинскими и казахскими войсками, в которых находился Амарсана. Цинские войска одержали победу. В конце 1756 г. планировавшиеся Пекином ойратские ханы, узнав о восстании Чингунжава, подняли антицинское восстание и напали на цинские отряды. Узнав об этом, Амарсана прибыл в Джунгарию. Однако междоусобицы ойратов продолжались. Так, Галдандорж, которого Хунли собирался сделать ханом чоросов, стал готовиться к войне и с Цин, и со сторонниками Амарсаны. В мае 1757 г. он погиб в стычке с последними. В апреле 1757 г. в Джунгарию двинулось новое цинское войско под командой Тулунчу. Первой задачей была помощь окруженному джунгарами войску Чжаохуэя. Оба цинских отряда, объединившись, нанесли поражение джунгарам, которые понесли большие потери. Весной и летом 1757 г. ойратские отряды вели боевые действия в Джунгарии, хотя и уменьшились с 10 до 2,5 тыс. человек. Против Амарсаны теперь выступил и Аблай-султан, подчинившийся Цин и получивший приказ арестовать его. Некоторые ойратские правители, в основном хошуты, требовали от Амарсаны

³ В их этногенезе, вероятно, участвовали ойраты.

перехода под протекцию России. Амарсана направил посланца в Петербург. От имени Амарсаны он попросил разрешения уходящим из Джунгарии беженцам кочевать у Иртыша и Зайсана, просил содействия в том, чтобы ойраты на Или признали Амарсану ханом, для их защиты просил построить крепость. На этих условиях Амарсана соглашался быть в «вечном подданстве» России. Пока шли эти переговоры в Петербурге, Амарсана потерпел поражение. Он попросил убежище в России и бежал туда с 4 тыс. ойратов, значительную часть которых составляли женщины и дети. Здесь он вскоре умер от оспы. Поток ойратских беженцев в Россию не прекращался до 1758 г. [Бичурин, 1834, с. 121–123; Гуревич, 1983, с. 114; Златкин, 1983, с. 295, 302; Bergholz, 1993, p. 400; Пастухов, 2009, с. 24; 2022б, с. 67–68; Китинов, 2021, с. 378].

«Изначально Амурсана предал свой народ, вступив в союз со злейшим врагом, и дал повод Цинам вторгнуться на территорию Джунгарии. Однако вскоре он понял свою ошибку и стал лидером повстанческого антимаңчжурского движения» [Григорьева, 2020, с. 291]. Действительно, он понял свою ошибку: стать единоличным правителем Джунгарии по указу цинского императора ему не удалось. «Пользуясь междуцарствием, хитрый и властолюбивый Амурсана... замыслил захватить в свои руки престол и был причиной падения Джунгарии» [Валиханов, 1962, с. 144]. Точнее, «какую бы цель в конечном итоге ни преследовал Амарсана, действия его способствовали быстрой потере самостоятельности и превращению Джунгарии в зависимую от Цинов территорию» [Чимитдоржиев, 2002, с. 110].

На этот раз вторгшиеся в Джунгарию цинские войска подвергли ее разгрому, а джунгаров — истреблению. Это истребление продолжалось по крайней мере до 1760 г. — в течение нескольких лет после того, как сам Амарсана бежал в Россию. При этом истреблялись не только повстанцы, но и мирное население. «Цинские войска даже проникали в горные теснины, выискивая, хватая и убивая людей» [Очерки истории Китая..., 1959, с. 549]. Военное сопротивление ойратов было неэффективным: агрессоры превосходили их военной силой, а ойраты так и не смогли объединиться. Сопротивление оказывали разрозненные отряды в 1–2 тыс. человек, которые подстерегали цинские отряды и внезапно нападали на них.

«Неудачи повстанцев в летних сражениях 1757 г., уход Амарсаны из Джунгарии не могли не сказаться на дальнейшем ходе освободительного движения. По существу, перестали действовать крупные повстанческие отряды и объединенное командование. Отдельные отряды продолжали борьбу до тех пор, пока не были полностью разгромлены» [Чимитдоржиев, 2002, с. 132].

В опустошении Джунгарии приняли участие казахи. Они «выводили из ойратских кочевий порой по семь пленников на одного казахского воина... Естественно, что мужчин при этом старались убить... Способствовали этому и действия многих цинских военачальников — по свидетельству русских источников, при цинских отрядах часто находились казахские представители, принимавшие пленных ойратов и уводившие их в казахские кочевья <...> [Хунли — С.К.] в 1757–1758 годах стал рассматривать казахов как союзников в борьбе с повстанцами и в качестве приманки пообещал казахам разрешить им селиться на бывших джунгарских землях» [Пастухов, 2009, с. 25].

Многие джунгары бежали в Россию. «Большинство выбегавших были наги, босы и едва таскали ноги от голодного истощения... начиная с половины XVIII столетия, Джунгария сделалась главным источником, доставлявшим Сибири рабов. И сибиряки получали из этой страны невольников не только путем вышеописанных непосредственных сношений с джунгарами, но также и посредством киргизов [казахов — С.К.], которые вплоть до указа 1828 г. были самыми деятельными поставщиками невольников Сибири» [Шашков, 1898, с. 528].

Цинские войска делали вылазки и на земли казахов, а затем стали использовать их для преследования ойратских беженцев, уходивших в Россию [Гуревич, 1983, с. 134–135]. В поисках

беженцев (даже тех, кто уже принял российское подданство) цинские отряды проникали до линий российских крепостей. В частности, они проводили рейды в Горный Алтай, где грабили, убивали или захватывали алтайское население. Например, один цинский командир сообщал о таком рейде: «Только пять семей убежали в русские пределы. Остальные все истреблены. Женщины... розданы солдатам» [Гуревич, 1983, с. 125–126].

Другим следствием цинского вторжения стал голод, разразившийся в Джунгарии. Еще одним важным фактором была эпидемия оспы. Разные авторы оценивают потери от нее в 20–40% населения. В частности, произошла «сильнейшая эпидемия в улусах Шарас, Махус, Кереет и среди людей, отдавшихся под покровительство торгоутским нойонам [Акиму и Агадаку]. Потери от оспы были настолько велики, что от 30 тыс. кибиток, оказавшихся в распоряжении Акима и Агадака, к началу 1758 г. осталось только 7 тыс..., а от 15 тысяч кибиток улусов Шарас, Махус и Кереет — только 3 тыс.» [Пастухов, 2009, с. 25]. Это соответствует примерно 20%.

Вопрос об оспе «требует дальнейшего изучения, поскольку до сих пор не прояснена ситуация, связанная с тем, что оспа свирепствовала лишь среди ойратского населения, тогда как войска Цинской империи, имея тесный контакт с ойратскими оппонентами, не подверглись эпидемии» [Кукеев, 2011, с. 18]. Очаг данной эпидемии неизвестен. Но «монголы издавна знали, что оспа распространяется от оседлого населения Китая» [Sodnompilova, 2017, с. 146]. Кроме того, во Внутренней Азии было хорошо известно, что изоляция — надежный метод предотвращения заражения оспой. Так что при развитии эпидемии среди джунгаров цинские войска, по-видимому, старались не контактировать с большим населением — тем более что резню можно было не проводить там, где люди и так вымирали⁴.

Убыль населения в Джунгарии была связана и с массовым бегством джунгаров за пределы страны. Это началось в 1757 г. [Пастухов, 2009, с. 25]. Бежали джунгары на земли казахов, киргизов, в Россию, Восточный Туркестан, Среднюю Азию. Среди народов, исповадовавших ислам, они вынуждены были принимать эту религию, соглашаться на любые работы, постепенно ассимилировались. Некоторое количество джунгаров бежало во Внешнюю Монголию, некоторые были сосланы на рудники в Хэйлунцзян. Лишь немногие остались в Джунгарии [Crossley, 1999, p. 320].

Точные цифры убыли населения джунгаров неизвестны. Данные о масштабах потерь, приводимые разными исследователями, даны в таблице. Они приблизительны и опираются в основном на несколько первоисточников. Но их распространенность отражает спектр мнений по данному вопросу.

Наиболее распространен вывод, что при численности джунгаров в 600 тыс. человек или более несколько сот тысяч были истреблены цинскими войсками и умерли от оспы. Эти данные основаны на работе цинского историка Вэй Юаня (1794–1857) «Шэнъю цзи» («Записки о войнах священных мудрых [императоров]»). Он оценивал общую численность джунгарского населения в 200 тыс. семей, или 600 тыс. человек. По его оценке, 30% погибло в сражениях с цинской армией, 40% умерло от оспы, 20% откочевали в Россию и к казахам [Думан, 1936, с. 72–73; Кукеев, 2019, с. 340; и др.]. Дословно цитата переводится так: «Из нескольких сот тысяч кибиток сперва 4 из каждого десятка умерли от оспы, затем бежали в Россию и к казахам 2 из каждого десятка, убиты великим войском 3 из каждого десятка, за исключением женщин и детей, которые были розданы в награду» цинским воинам [Пастухов, 2022а, с. 163]. Пастухов (op. cit., с. 181–182) сомневается в достоверности этих величин, поскольку даже в двух важнейших цинских источниках по данной

⁴ А. М. Пастухов (2022а, с. 182–183) указывает, что от оспы страдали и цинские войска. Но единственным подтверждением приводит императорский указ 1759 г., что в столицу на пир должны прибыть командиры, уже переболевшие оспой. Однако такое условие было обычным для прибытия к цинским императорам, например, монгольских феодалов из разных регионов в разные годы. Так что здесь не имеются в виду заразившиеся оспой именно в Джунгарии.

теме — «Гаоцзун Чунь-хуанди шилу» и «Пиндин Чжунгар фанлюэ» такие проценты не содержатся, а источники книги Вэй Юаня трудно проверить. Следует отметить, что, учитывая жесткую практику цензуры в империи Цин, отсутствие этих данных в важнейших источниках не говорит об их недостоверности или достоверности.

Есть и другие данные. Они основаны на «Сиюй вэнь цзянь лу» («Записи о виденном и слышанном в Западных регионах»), написанных в 1777 г. Цишии — мелким цинским чиновником, в 1754 г. получившим степень цзиньши, а затем работавшим чиновником по зерну в Туркестане [Perdue, 2005, p. 484; Каримова, Тулибаев, 2022, с. 373–382]. «По преувеличенным данным китайского источника, в Джунгарии было уничтожено свыше миллиона человек. Надо сказать, что с легкой руки Иакинфа [Бичурина — С.К.], переведившего этот источник — Сиюй вэнь цзянь лу, эта цифра фигурирует почти у всех русских и у многих западноевропейских авторов. У китайского автора действительно сказано: “Казнили (убили) их (ойратов-джунгаров) мужчин, женщин и детей больше миллиона человек”... Мне кажется, что эта цифра взята китайским автором символически, в переносном смысле, обозначая множество, большое количество» [Думан, 1936, с. 72–73]. Есть и другая оценка: «По словам Цишии, джунгары продолжали сеять смуту и после смерти Амарсаны, что вызвало гнев цинского императора, который приказал устроить массовую резню мужчин, женщин и детей общим числом почти в 1 млн чел. Цинские войска безжалостно выслеживали всех беженцев в самых отдаленных горных долинах, чтобы обеспечить истребление всей расы джунгар (чжунлей). Указывая массовую резню джунгаров после поражения Амарсаны, в отличие от описаний в “Цин-шилу” и Вэй Юаня, и повысив число убитых до 1 млн от 600 тыс. у Вэй Юаня, Цишии дает нам наиболее сильную версию разгрома, вызванного цинским завоеванием» [Perdue, 2005, p. 484].

Не так давно Н. В. Кузнецова, солидаризовавшись с Л. И. Думаном, сделала попытку обосновать, что сведения о столь больших жертвах преувеличены и широко известны благодаря переводу И. Бичуриным текста «Сиюй вэнь цзянь лу». Этот перевод составил часть 2 его книги [Бичурин, 1829].

«Фраза, на которую ссылаются исследователи, следующая: 诛其男婦子女逾百万人 (西域闻见录, цит. по: [Думан 1936: 72]. О. Иакинф переводит это предложение так: «...истребляли до миллиона обоого пола людей, не разбирая возраста» [Иакинф 1829: 165 (2-я паг.)]. <...> В конце предложения есть два иероглифа — 百 (bai), который означает «сто», и 万 (wan), который означает «десять тысяч». Эти иероглифы, стоящие рядом, действительно, можно перевести как миллион. Однако стоит учитывать, что в китайских текстах понятие “десять тысяч” не всегда связано с сухими статистическими данными. Напротив, чаще оно выступает как образное философское понятие... Так, десять тысяч вещей — это тьма, множество вещей. <...> Иероглифы 百万 могут означать не только “миллион”, но и “очень много”. Также необходимо обратить внимание на первый иероглиф в цитированном выше предложении — 诛. Одно из его значений — это, действительно, “истреблять, уничтожать, губить”. Однако существуют другие значения: “карать, идти карательным походом, наказывать, взыскивать”. Соответственно, можно понять, что Цинская империя уничтожила ойратов или что Цинская империя покарала (наказала) ойратов. Уточнение по поводу того, кого уничтожали — 男婦子女, с одной стороны, можно перевести как “мужчин, женщин, сыновей, дочерей”. Однако 子女 означает не только сыновья и дочери, дети, но также — мужчины и женщины. С учетом распространения в китайском языке повторов, а также известного факта, что оставили в живых сына врага империи — Амурсаны... (соответственно, уничтожать детей рядовых бунтовщиков, скорее всего, не стали бы), можно предложить вариант перевода: “Уничтожили (наказали) мужчин и женщин...”. Таким образом, вместо предложенного о. Иакинфом перевода “...истребляли до миллиона обоого пола людей, не разбирая возраста” предлагаем вариант перевода: “Уничтожили (наказали)

очень-очень много мужчин и женщин”. Предложенный вариант требует уточнения у специалистов с профессиональным китайским языком» [Кузнецова, 2021, с. 31–33].

Такой специалист любезно предоставил мне требуемое уточнение: «Хотя и “сто”, и “десять тысяч” и правда могут означать в китайском “много, всё”, но вместе они обычно значат “миллион” (что, разумеется, тоже нельзя рассматривать как указание на точную цифру, таковых, думаю, у Цинов и не могло быть). Но в любом случае это не аргумент, в источнике значитсЯ-таки “миллион/миллионы”, без очевидного поэтического стиля. Про “мужчин и женщин, сыновей и дочерей”... — это никак нельзя свести к “мужчинам и женщинам”, просто дети упоминаются без всякого сомнения, и спорить тут с Иакинфом просто странно... Ну и про то, что вот там сказано “наказали” — без сомнения, только этот термин в большинстве случаев означает смертную казнь» (С. В. Дмитриев, в письме 29.07.2025).

В некоторых источниках сообщается о цели истребления всех джунгаров. Против этого приводятся следующие аргументы.

«Цяньлун не имел намерения полностью истребить ойратов — как только основные очаги восстания были подавлены, он тут же оговорил с цинь-ваном Дабачи принципы нового политического устройства Джунгарии... и запретил кочевание на землях ойратских кочевий казахам и киргизам, которых использовал в качестве вспомогательных войск в ходе подавления восстаний ойратов... Уже 10 июля 1760 г. Цяньлун приказывает военачальнику Агую прекратить преследование ойратских повстанцев и выслать отряд из 500 воинов для изгнания казахов с территории Джунгарии... Ойратам была объявлена амнистия... Эти меры, а также выступление цинских войск против казахов, захвативших ойратские кочевья, вызвали положительную реакцию со стороны беженцев — они начали возвращаться на свои земли и уже в январе 1765 г. приняли участие в операциях цинских войск против казахов, пытавшихся явочным порядком закрепить за собой земли ойратских кочевий...» «Многие джунгарские ойраты (преимущественно дербеты) были выселены в западную часть современной Халха Монголии, часть оказалась волею судеб в Пекине и Сучжоу, часть осталась у уйгуров, а угнанные в 1756–1757 годах в Монголию ойратские пленники (около 40 тыс. семей)... были расселены в кочевьях Тушэту-хана и Цэцэн-хана». В империи Цин ойраты не испытывали дискриминации. Хунли использовал ойратов для гарнизонной службы, для переговоров с тюрками, с 1762 г. предпринял кампанию по выкупу ойратов у уйгуров, требовал от казахов отпустить пленных ойратов [Пастухов, 2009, с. 25–27].

Поскольку численность и потери населения Джунгарии точно неизвестны, можно делать лишь приблизительные подсчеты. Детальное исследование на эту тему провел С. Г. Скобелев (2010, 2011). Численность населения Джунгарии до завоевания он оценивает примерно в 1 млн человек, а не 600 тыс., и считает потери от этой величины. Население Джунгарии уничтожали и угоняли в рабство в том числе казахи, но размеры этих потерь точно не устанавливаются. Однако, по мнению Грум-Гржимайло, с 1753 по первую половину 1756 г. казахи уменьшили население Джунгарии на 1/3, то есть более чем на 300 тыс. человек. Эта цифра маловероятна, речь должна идти о десятках тысяч человек + эпидемия. Судя по данным для Сибири, «а также учитывая реалии кочевого скотоводческого хозяйства, наличие у джунгар как буддистов врачей-лам, можно полагать, что от голода, истощения, оспы и иных болезней в Джунгарии могло погибнуть не 40, а не более 20% населения». К весне 1759 г. в российское подданство принято 7011 джунгаров. Гуревич считал, что в Россию ушло к концу 1750-х гг. около 15 тыс. семей. Многие остались на Алтае. Часть была отправлена на Волгу. Под защиту русских крепостей в Сибири ушло не более 20 тыс., и лишь вместе с хойтами, ушедшими к калмыкам, может быть 70–75 тыс. чел. Ойраты бежали также в Туркестан и Тибет. Кроме России, в соседних с Цин государствах могло оказаться 60–70 тыс. джунгаров.

Казахи и кыргызы нанесли джунгарам потери около 50 тыс. чел., внутриойратские усьобицы — несколько тысяч, в основном мужчин, голод и эпидемии — не более 200 тыс. Нет оснований говорить о поголовной гибели населения Джунгарии. Видимо, около 20% при междоусобицах перешли в Цин. Общее число бежавших и насильно уведённых в соседние страны — 130–145 тыс. Не менее 200 тыс. уцелело в самой Джунгарии и по соседству. В целом, можно полагать, уцелело около 30% населения Джунгарского ханства, соответственно, погибло до 670 тыс. человек, причем непосредственно убито цинскими войсками около 400 тыс. Сейчас потомков тех ойратов в Монголии свыше 230 тыс., в КНР — свыше 250 тыс. [Скобелев, 2010, с. 228–233].

А. М. Пастухов, основываясь на численности джунгаров (ойратов и алтайцев) на основании 200 тыс. кибиток (по «Гаоцзун Чунь-хуанди шилу») в 600 тыс. чел. (если считать по 3 чел. на кибитку) или в 800 тыс. (если по 4 чел.), пришел к следующим выводам. В Халху было угнано около 40 тыс. кибиток, сколько-то пленных роздано воинам, в Цин ушло 9800 кибиток алтайцев, около 10 тыс. — в Россию. В прежних кочевьях осталось около 15 тыс. кибиток. Следовательно, без учета бежавших в Восточный Туркестан, к казахам и бурутам уцелело около 75 тыс. кибиток, или около 300 тыс. чел. — от 37 до 50% населения Джунгарии [Пастухов, 2022а, с. 180–184].

Как видим, результаты этих двух исследователей близки: уцелело около 200–300 тыс. человек от общей численности населения примерно 600 тыс. — 1 млн человек. То есть погибло примерно от 1/2 до 2/3 населения. Кроме того, часть населения ушла в другие страны. В результате Джунгария почти обезлюдела — этот факт, в отличие от количественных данных, можно считать установленным. Он был следствием цинской агрессии.

Джунгария после создания Синьцзяна

Новый топоним «Синьцзян» впервые встречается в указе Хунли от 8 декабря 1759 г. [Ходжаев, 2023, с. 147]. Этим термином был обозначен край, включавший завоеванные цинскими войсками Джунгарию и Восточный Туркестан. Джунгария была разделена на округа Или, Тарбагатай, Урумчи, Баркуль, Каркараусу [Бармин и др., 2016, с. 220]. После войны земля ойратов стала именоваться Северным округом (Бэйлу) в составе Синьцзяна [Кузнецов, 1970, с. 45]. Возник вопрос, кто будет заселять эту почти обезлюдевшую землю — конечно, это должны быть цинские верноподданные.

«В период с 1760 (официальное объявление об окончании войны в Джунгарии и Восточном Туркестане) по 1771 годы ойратское население Джунгарии составляло всего около 60 с небольшим тысяч человек, а с учетом тех, кто был расселен в различных местах Монголии и не был причислен к аймакам халхаских феодалов, ойратов насчитывалось около 173 тыс. чел... Это составляло 28% от прежнего населения Джунгарии, насчитывавшего, по данным китайских источников, 600 тыс. чел.» «Большие людские потери, понесенные ойратами, восполнялись с трудом — по состоянию на 1761 г. в Кульдже проживало всего около 100 ойратов..., а к лету 1764 г. на прежних местах кочевки было собрано всего лишь около 15 тыс. семей...» С 1760 г. Хунли стал создавать условия для переселения ойратов в долину Или. «Переселяемые в долину Или ойраты по плану Цяньлуна должны были расселяться чересполосно, не создавая крупных компактно проживающих групп ойратского населения. Делалось это с целью исключить возможность повторного восстания ойратов» [Пастухов, 2009, с. 25–27].

Для содержания своих гарнизонов в обезлюдевшем регионе цинские власти насаждали там колонизацию и сельское хозяйство [Гуревич, 1983, с. 164]. Те ойраты, которые бежали во время гражданской войны в восточную Монголию, вернулись. В 1771 г. вернулась также большая группа

калмыков с Волги. Их поселили в долине Или. Немногочисленным ойратам были предоставлены пастбища в Тарбагатайской области. К концу XVIII в. население бывшей Джунгарии составляли остатки ойратов, а также китайцы, маньчжуры, чахары, солоны, дауры и сибо — этому населению Джунгарии положили начало цинские войска. Прибывали и гражданские поселенцы. Немалую часть маньчжуров и китайцев, которых цинские власти переселяли в Синьцзян, составляли ссыльные и каторжники. Наиболее поощрялось прибытие китайцев и мусульман. К концу XVIII в. их стало уже 50 тыс., далее численность продолжала расти. Именно в период Цин тюрко-исламская культура стала преобладать в Синьцзяне [Newby, 1996, pp. 71–72, 74; Ходжаев, 2023, с. 145].

Первоначально в Синьцзяне на постоянной основе было размещено около 40 тыс. цинских военнослужащих, а к середине XIX в. их число возросло примерно до 50 тыс. Эти силы были неравномерно распределены по Синьцзяну: в Джунгарии базировалось в четыре раза больше войск (в основном в девяти гарнизонах вдоль долины Или и в Урумчи), чем в южном Синьцзяне. Более того, войска на севере были размещены на постоянной основе, вместе с членами семей. Войска, дислоцированные в Кашгаре, Яркенде, Хотане и других южных городах, проходили ротацию после трехлетних сроков службы [Millward, 2007 p. 99].

В итоге этнический состав бывшей Джунгарии полностью изменился. Очевидно, это была одна из целей Хунли, который видел в коренном населении опасность маньчжурскому господству.

Не удовлетворившись изменением этнического состава населения, Хунли организовал уничтожение джунгарской культуры. Он конфисковал генеалогии джунгаров — они не сохранились. Он поручил китайским архивистам и историкам составить одностороннюю историю его действий. Большинство документов о джунгарах было сожжено во время войны. Цинские войска не только уничтожали имущество и стада джунгаров, но и стерли с лица земли их поселения [Pilkington, 2005, p. 1184]. Сам термин «джунгары» был выведен из употребления — взамен предписывалось использовать этноним «ойрат» [Crossley, 1999, p. 320]. Те, кто остался в живых, — это ойраты, но не джунгары [Millward, 2007, p. 95].

Однако джунгарское наследие не исчезло из сознания местных жителей, что я мог видеть во время экспедиций в Казахстан и Синьцзян в 1993–1998 гг. Например, в долине р. Или у Кербулака есть урочище Тамгалы-тас (Расписные камни). Там есть петроглифы разного времени, в том числе — буддийские изображения размером примерно от 1,5 до 2,5 м. Это, в частности, изображения Тары, Будды Вайрочаны, Будды Акшобхьи и др. Рядом с изображениями — высеченные буддийские надписи на тибетском и старомонгольском языках (подробнее о них см.: [Позднеев, 1899]). Некоторые местные жители знают, что эти надписи и изображения относятся к Джунгарскому ханству (некоторые считают, что так обозначалась граница ханства), другие считают их петроглифами, третьи — отчасти произведениями природы.

В топонимике юга Казахстана сохранился ряд монгольских (джунгарских) названий, например, Джунгарский Алатау, Тарбагатай, Борохудзир, Алтын-Эмель и др. Есть аналогичные топонимы и в Синьцзяне (Боротала, Борохоро, Богдо и др.). Перевод этих топонимов местные жители знают в тех случаях, когда монгольские слова совпадают с тюркскими (например, алтын/алтан — золото или золотой).

В Джаркентском районе Казахстана на хребте Джунгарский Алатау от высоты 1700 м над уровнем моря находятся тропа Кошема и одноименный перевал. Это название в переводе с казахского означает «вырубленная, выдолбленная». Иногда ее называют Калмыцкая тропа. Она действительно вырублена в скалах и ведет на перевал (высота 2755 м). Тропа эта длиной около 15 км идет очень круто, местами почти вертикально в виде ступеней. Чтобы попасть на нее, надо по мосту перейти р. Большой Усек и идти по склону вдоль реки вниз, затем вверх. Мне рассказывали, что

здесь в XVI в. китайцы окружили 200 тыс. калмыков (джунгаров), которые, чтобы спастись, за одну ночь прорубили в камне тропу через перевал, ушли в горы, а затем к Прикаспию, став предками современных калмыков.

Другой вариант легенды гласит, что это казахские войска загнали джунгаров в долину Усека и намеревались разгромить на следующий день. Но джунгарский полководец приказал прорубить в скалах тропу, и за ночь работа была сделана (<https://adrenalinicsilence.kz/nashi-poxody/usekskij-ledovyj-uzel/> (дата обращения: 04.12.2025)).

Оба варианта легенды не представляются исторически точными, но, очевидно, отражают события XVIII в., когда джунгары спасались от цинских войск и(или) союзных им казахов.

* * *

Я благодарю С. В. Дмитриева (Институт востоковедения РАН) за консультацию по китайским терминам и Б. Тизмаера (Laurenti Verlag, Германия) за фотографии Тамгалы-Тас.

* * *

Масштабы потерь джунгарского населения в период подавления восстания Амарсаны и некоторое время после его бегства в Россию, принимаемые разными авторами.

Ссылки на источники см. в цитируемых работах.

Масштабы потерь	Авторы
«Раздраженный Государь послал в Или три корпуса войска, которые, вступив в Олотские земли, истребили до миллиона обоего пола людей, не разбирая возраста».	Бичурин, 1829, с. 165.
Цинские полководцы Чжао Хуэй и Фу Дэ с начала 1758 г. «...сошлись в Или. Они обыскали все места, куда только беззащитные старики, женщины и дети могли укрыться в сию несчастную для них годину, и до единого человека предали острию меча».	Бичурин, 1834, с. 124–125.
«Около миллиона человек: мужчин, женщин и детей погибло в этом общем погроме нации».	Костенко, 1887, с. 92.
«Монголо-китайцы истребляли все, что им ни встречалось живого, убивали мужчин, насиловали и замучивали женщин, а детям разбивали головы о камень или стену, сожигали жилища, резали скот; они перебили до 1,000,000 калмыков. К этой резне присоединились еще внутренние междоусобицы Джунгарии. Амурсана, часто разбиваемый и преследуемый китайцами, рыскал по стране с шайкой своих приверженцев, нападал на улусы, уводил на войну из них все мужское население, а оставшиеся дома женщины и дети или умирали с голоду, или погибали от неприятельского меча, или уводились в неволю. Многочисленные толпы разоренных и голодных калмыков, составляя разбойничьи банды, причиняли опустошения не меньше китайцев. Киргизы на своих быстрых лошадях... носились над этим необозримым побоищем и уводили в неволю целые тысячи беззащитных джунгаров. Вскоре в стране воцарился голод, одни начали умирать голодною смертью, а другие резали людей и питались человеческим мясом. За голодом шла оспа. Джунгария была буквально усеяна трупами, ее воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дыма от горевших улусов, лесов и трав».	Шашков, 1898, с. 526.
«...в 1758 г. Учинили полнейший разгром Джунгарии (ойратских кочевий), вырезав значительную часть населения».	Великая..., 1931, с. 28.

Масштабы потерь	Авторы
«По преувеличенным данным китайского источника, в Джунгарии было уничтожено свыше миллиона человек.»	Думан, 1936, с. 72–73.
«В 22-й год Цяньлун (1757) цинские войска под командованием генерала Чжао Хуэя заняли Или. Эта победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгара. В период расцвета в Джунгаре жило более 200 тыс. семейств, или свыше 600 тыс. чел.; после военного разгрома 3/10 населения было истреблено цинскими войсками, 4/10 вымерли от оспы, а вырвавшиеся из лап смерти джунгары были вынуждены бежать к казахам в пределы России».	Очерки по истории Китая..., 1959, с. 549.
«По данным, возможно, несколько преувеличенным, было истреблено свыше 1 млн чел. Согласно другому китайскому источнику, все население Джунгарии составляло 200 тыс. семейств, или 600 тыс. душ, из которых в живых осталось несколько десятков тыс. чел., в большинстве бежавших в Россию».	Думан, 1966, с. 268.
«Говорят, половина населения была убита, 20% умерли от болезней, 20% бежали в степи Южной Сибири и лишь 10% выжили, рассеянные по земле. Эти цифры, выводимые из XVIII в., не представляют статистической точности, но с большой точностью отражают масштаб опустошения».	Fan Wen-la, 1948 — цит. по: Lattimore, 1975, р. 195.
В Джунгарии цинские войска приступили «к поголовному истреблению местного населения. Ойратов беспощадно вырезали, невзирая на пол и возраст, что вызвало паническое бегство людей на север, в пределы России. “Ныне ведаете, — писал командующий Колывано-Кузнецкой укрепленной линией на Алтае Ф. И. Дегаррига, обращаясь к алтайскому зайсану Демчею Анжике в первых числах января 1757 г., — что оное владение... в конец разорено, а оставших и в камнях рыющих всех изыскивают, дабы ни одного жива не оставить”».	Гуревич, Моисеев, 1979, с. 43–55.
Полковник Ф. И. Дегаррига писал в январе 1757 г., что Джунгарское ханство, «... в конец разорено, а оставшихся и в камнях рыющих всех изыскивая искореняют, дабы не одноо жива не оставить»... Алтайский зайсан Бок сообщал, что цинские войска “... без остатку искореняли ойратов”, а также население Горного Алтая... Бежавшие в Сибирь ойраты говорили, что цинские войска, “кто бы им из зенгорцев в руки не попал, то уже как мужеск, женск, больших и малых, ни единого не упущая, наголову побивают”... Один из цинских командиров сообщал, что в начале 1758 г. в подвластных алтайскому зайсану Омбе улусах “Только пять семей убежали в русские пределы. Остальные все истреблены. Женщины... розданы солдатам”»...	Скобелев, 2011, с. 54–60.
«Ойраты поголовно вырезались, несмотря на пол и возраст». «...население Джунгарии было почти полностью истреблено. Здесь, как доносили в Санкт-Петербург сибирские власти, осталось тысяч до трех кибиток».	Гуревич, 1983, с. 110, 114.
Все попавшие в плен ойраты уничтожались. Лама Дэлэг-гелун, пришедший в Россию из района р. Или, в письме от 17 июля 1757 г. сообщал, что цинские войска всех, «кто б им из зенгорцев в руки не попал, то уже как мужеск, женск, больших и малых, ни единого не упущая, наголову побивают».	Златкин, 1983, с. 301.
«Черепановская летопись утверждает, что “в Джунгарии люди и скот весь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали, только те спасались, которые могли убежать в Российские границы”... От народа, численность которого в описываемое время составляла не менее 600 тыс., осталось в живых 30–40 тыс. чел., спасшихся бегством в Россию».	Златкин, 1983, с. 303.

Масштабы потерь	Авторы
«Преобладающая часть ойратского населения Джунгарии была истреблена маньчжурскими карателями. Раздавая позорные вознаграждения наиболее рьяным участникам подавления восстания в размере 20–50 лан серебра, истребив более половины ойратского населения, Цины жестоко подавили восстание».	История МНР, 1983, с. 216–217.
Цинские войска в 1758 г. уничтожили практически все население Джунгарского ханства.	Чернышев, 1990, с. 53.
«За два года, до 1759, армии Цяньлуна проводили убийство каждого ойрата, какого могли найти. Историки оценивают, что 200 тыс. семей (от 500 до 600 тыс. чел.) погибли в Джунгарии в результате этого решения. Китайские и маньчжурские солдаты истребляли всех джунгаров-монголов, каких могли поймать, будь то старики, женщины или дети. Не делалось различий для них в этой кампании по истреблению. Они уничтожали стада животных и имущество, которые были нужны кочевникам как средства к существованию, искореняя скот, баранов и лошадей, а также сжигая юрты».	Bergholz, 1993, p. 402.
Величины цинской резни «спорны, но составляют, по крайней мере, сотни тысяч человек».	Newby, 1996, pp. 71–72.
«Сотни тысяч людей погибли тогда в Джунгарии, в результате чего Западная Монголия превратилась в мертвую зону».	Чимитдоржиев, 2002, с. 133.
«...все джунгарское население было истреблено <...> погибло свыше миллиона человек, ойраты как этнос перестали существовать, сошли с арены мировой истории».	Петров, 2003, с. 79.
«По оценкам историков» общие потери — 1 млн чел.	Tyler, 2003, p. 55.
Действуя по повелению императора, китайская армия истребила по крайней мере 180 тыс. чел., или около 30% численности джунгаров. Гибель джунгаров от эпидемии оспы составила от 20 до 40% их начальной численности.	Pilkington, 2005, pp. 1182–1184.
По русским данным, в Джунгарии осталось до 3 тыс. кибиток к концу 1757 г. — т. е. ок. 15 тыс. чел. В. Васильев писал, что в 1756 г. китайские войска вырезали больше 300 тыс. джунгаров, «ни старые, ни малые, ни мужчины, ни женщины никто не был пощажен; само название Цзюнггарии должно было с того времени исчезнуть из географической номенклатуры» (Васильев. Воспоминание об И. И. Захарове. Восточная литература. Документы. Китай. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1820-1840/Zacharov/text.htm). По контексту, он имел в виду общие потери джунгаров.	Скобелев, 2010, с. 223–224.
Основные потери население Джунгарии (включая теленгитов, кыргызов и мингатов) понесло весной и летом 1756, весной, летом и осенью 1757 г. и затем весной и летом 1758 г. При этом наибольшие потери пришлось на 1756 и 1757 гг. В дальнейшем, в 1758 и 1759–1760 гг., борьба могла вестись уже лишь против весьма малочисленных групп джунгар (не более 15 тыс. чел.), и поэтому размер их потерь тогда был уже незначительным. Общий урон, нанесенный казаками и тянь-шаньскими киргизами, может определяться в размере ок. 50 тыс. чел. Кроме того, потери от внутри-ойратских усобиц — несколько тыс. чел., преимущественно мужчин. Смертность от голода и эпидемий за весь период завоевания могла составить не более 200 тыс. чел., поскольку до 40% она редко доходила даже у народов севера Сибири с их белково-липидным характером питания и полным отсутствием врачей — у джунгаров же врачи в виде эмчи-лам имелись. Общее количество этих беженцев и насильно уведенных может быть определено суммой до 130–145 тыс. чел. В целом можно полагать, что от смерти уцелело около трети всего населения ханства, соответственно, погибло до 670 тыс. чел., из них непосредственно от действий цинских войск — около 400 тыс. чел. В результате завоевания и последующих действий цинских властей джунгарский этнос свое существование на коренных землях практически прекратил.	Скобелев, 2011, с. 54–60.

Масштабы потерь	Авторы
«...цинские власти фактически осуществили геноцид ойратов. Таким образом, к 1759 г. Цины не только ликвидировали Джунгарское ханство как государство, но и практически полностью истребили ойратский этнос».	Ануфриев, 2013, с. 154.
«...погибло 500 тыс. джунгар (почти весь народ)».	Шоссанд, 2016, с. 65–66.
«Две трети населения погибли в междоусобицах, от эпидемий, в войнах с Цинской империей и стычках с Казахским ханством».	Хафизова, 2019, с. 87.
Без учета бежавших в Восточный Туркестан, к казахам и бурутам уцелело ок. 75 тыс. кибиток, или ок. 300 тыс. чел. — от 37 до 50% населения.	Пастухов, 2022а, с. 180–184.
«Ойраты были поголовно истреблены, включая женщин и детей».	Ходжаев, 2023, с. 144.

Здесь и далее: Буддийские изображения в Тамгалы-тас в долине р. Или, Казахстан (1993 г., фото: Б. Тизмаер)

Тропа Кошема, Джунгарский Алатау, Казахстан (1996 г., фото: С. Л. Кузьмин)

Кварц, которым в значительной мере сложена тропа Кошема, Джунгарский Алатау, Казахстан (1996 г., фото: С. Л. Кузьмин)

Литература / Reference

- Ануфриев К. С. Эволюция политики цинского Китая в Центральной Азии. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 1 (21). С. 153–157 [Anufriev K. S. Evolyutsiya politiki tsinskogo Kitaya v Tsentralnoi Azii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2013. No. 1 (21). Pp. 153–157 (in Russian)].
- Бармин В. А., Дмитриев С. В., Шматов В. Г. Синьцзян: очерк истории региона. *Общество и государство в Китае*. 2016. Т. 46, ч. 2. С. 209–244 [Barmin V. A., Dmitriev S. V., Shmatov V. G. Xinjiang: overview of history of the region. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2016. T. 46, pt. 2. Pp. 209–244 (in Russian)].
- [Бичурин Н. Я.] Иакинф. *Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии*. Ч. 2. С.-Петербург, 1829 [(Bichurin N. Ya.) Iakinf. *Description of Zungaria and Eastern Turkestan in Ancient and Recent Conditions*. Pt. 2. St.-Peterburg, 1829 (in Russian)].
- [Бичурин Н. Я.] Иакинф. *Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени*. С.-Петербург, 1834 [(Bichurin N. Ya.) Iakinf. *Historical Overview of Oirats or Kalmuks from the 15th Century to Present*. St.-Petersburg, 1834 (in Russian)].
- Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние на революцию МНР. *Современная Монголия*. 1931. № 5 (36). С. 3–66 [Great October Socialist Revolution and its influence on the revolution in MPR. *Sovremennaya Mongoliya*. 1931. No. 5 (36). Pp. 3–66 (in Russian)].
- Вельяминов-Зернов В. В. *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр хана (1748–1765 г.)*. Уфа 1853. Т. 1 [Velyaminov-Zernov V. V. *Historical Data of Kazakhs and Relations between Russia and Middle Asia Since the Deat of Abul Khair Khan (1748–1765 g.)*. Ufa. 1853. Vol. 1 (in Russian)].
- Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.* М., 1983 [Gurevich B. P. *International Relations in Central Asia in 17th — First Half of 19th Centuries*. Moscow, 1983 (in Russian)].
- Гуревич Б. П., Моисеев В. А. Взаимоотношения цинского Китая и России с джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография. *История СССР*. 1979. № 3. С. 43–55 [Gurevich B. P., Moiseev V. A. 1979. Relations of the Qing China and Russia with Zungar Khanate in the 17th — 18th centuries and Chinese historiography. *Istoriya SSSR*. 1979. No. 3. Pp. 43–55 (in Russian)].
- Думан Л. И. *Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века*. Москва–Ленинград, 1936 [Duman L. I. *Agricultural Policy of the Qing (Manchu) Government in Xinjiang in the End of the 18th Century*. Moscow–Leningrad, 1936 (in Russian)].
- Думан Л. И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. *Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 264–289. [Duman L. I. Capture of Zungaria and East Turkestan buy the Qing Empire. *Manchzhurskoe Vladychestvo v Kitae*. Moskow, 1966. Pp. 264–289 (in Russian)].
- Златкин И. Я. 1983. *История Джунгарского ханства 1635–1758*. М., 1983 [Zlatkin I. Ya. *History of the Zungar Khanate 1635–1758*. Moscow, 1983 (in Russian)].
- История и развитие Синьцзяна (Белая книга)* [History and Development of Xinjiang (White Book). https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/200305/t20030531_878963.html (дата обращения: 21.07.2025) (in Russian)].
- История МНР*. М., 1983 [History of the MPR. Moscow, 1983 (in Russian)].
- Ишжамц Н. Монголын ард түмний 1755–1758 оны тусгаар тогтнолын зэвсэг тэмцэл (Амарсанаа, Чигунжав нарын бослого). *Studia Historica Instituti Historiae Academiae Scientarum Reipublica Populi Mongoli* [sic]. 1962. Т. 3. Fasc. 3. С. 3–129 [Ishjamts N. Armed fight for independence of Mongolian people in 1755–1758 (rebellion of Amarsana and Chingunjav). *Studia Historica Instituti Historiae Academiae Scientarum Reipublica Populi Mongoli* [sic]. 1962. T. 3. Fasc. 3. С. 3–129 (in Mongolian)].
- Каримова Н. Э., Тулибаев Т. Е. Сочинение Цишии «Сиюй вэньцзяньлу»: сведения по истории народов Центральной Азии второй половины XVIII в. *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 373–382 [Karimova N. E., Tulibaev T. E. Xiyu wenjian lu by Qishi: materials on the history of Central Asian peoples in mid-to-late 18th Century revisited. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 373–382 (in Russian)].

Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX веков. Алматы, 1994 [*Chinese Documents and Materials on the History of East Turkestan, Middle Asia and Kazakhstan of the 14th — 19th Centuries.* Almaty, 1994 (in Russian)].

Китинов Б. У. *Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов.* М., 2021. Т. 2 [Kitinov B. U. *Buddhism and Religious Leaders of Tibet in the History of the Four Oirats.* Moscow, 2021. Vol. 2 (in Russian)].

Костенко Л. Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии.* С.-Петербург, 1887. Вып. 28 [Kostenko L. F. Zungaria. Military and Statistical Account. St. Petersburg, 1887 (in Russian)].

Кузнецов В. С. Из истории завоевания Джунгарии цинским Китаем. *Народы Азии и Африки.* 1970. № 3. С. 140–145 [Kuznetsov V. S. From the history of conquest of Zungaria by the Qing China. *Narody Azii i Afriki.* 1970. No. 3. Pp. 140–145 (in Russian)].

Кузнецова Н. В. Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому государству и казахам. *Монголоведение.* 2021. Т. 13. № 1. С. 22–40 [Kuznetsova N. V. 2021. Sacral character of power in the Qing Empire and its appearance in the external policy towards the Zungar State. *Mongolovedenie.* Vol. 13. No. 1. Pp. 22–40 (in Russian)].

Кукеев Д. Г. К вопросу о новых тенденциях в современной китайской историографии по Джунгарскому ханству. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2011. № 2. С. 7–11 [Kukeev D. G. On new tendencies in modern Chinese historiography on the Zungar Khanate. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovaniy RAN.* 2011. No. 2. Pp. 7–11 (in Russian)].

Кукеев Д. Г. «Махачин» и культура насилия на цинском пограничье в Джунгарии. *Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве.* Элиста, 2019. С. 338–342 [Kukeev D. G. “Makhachin” and the culture of violence at the Qing borderland of Zungaria. *Setevoe Vostokovedenie: Vzaimodeistvie Mongolskikh i Tyurkskikh Etnosov vo Vremeni i v Prostranstve.* Elista, 2019. Pp. 338–342 (in Russian)].

Кушхов Б. Х. Джунгарское ханство как потенциальный гегемон в монгольском мире: причины неудачи. *Манускрипт.* 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 1596–1602 [Kushkhov B. Kh. Zungar Khanate as potential hegemon in Mongolian world: causes of unsuccess. *Manuskript.* 2021. Vol. 14. No. 8. Pp. 1596–1602 (in Russian)].

Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Кн. 2 [*International Relations in Central Asia. 17th — Middle of 18th Centuries. Documents and Materials.* Moscow, 1989. Pt. 2 (in Russian)].

Моисеев В. А. *Россия и Джунгарское ханство в XVIII в.* Барнаул, 1998 [Moiseev V. A. *Russia and Zungar Khanate in the 18th Century.* Barnaul, 1998 (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая. Эпоха Цин XVII — начало XX века.* М., 2005 [Nepomnin O. E. *History of China. The Epoch of Qing 17th — Beginning of the 20th Century.* Moscow, 2005 (in Russian)].

Очилов У. Б. Джунгарское Ханство, которое было ханством. *Бюллетень Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2016. Т. 28. № 6. С. 135–145 [Ochirov U. B. ‘Did a Dzungar Khanate really exist? Criticism of the article by Junko Miyawaki. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences.* 2016. Vol. 28. Is. 6. Pp. 135–145 (in Russian)].

Пастухов А. М. Ойратская политика Цяньлуна. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2009. № 2. С. 19–29 [Pastukhov A. M. The Qianlong Oirat policy. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovaniy RAN.* 2009. № 2. Pp. 19–29 (in Russian)].

Пастухов А. М. Оценка событий 1755–1760 гг. в Джунгарии и Восточном Туркестане. *Parabellum novum.* 2022a. № 17 (50). С. 161–185 [Pastukhov A. M. Estimation of events in 1755–1760 in Zingaria and East Turkestan. *Parabellum novum.* 2022a. No. 17 (50). Pp. 161–185 (in Russian)].

Пастухов А. М. Цинское завоевание Джунгарии в 1755–1758 гг. *Parabellum novum.* 2022b. № 17 (50). С. 34–78 [Pastukhov A. M. Tsinskoe zavoevanie Dzhungarii v 1755–1758 gg. *Parabellum novum.* 2022b. No. 17 (50). Pp. 34–78 (in Russian)].

Петров В. И. *Мятежное «сердце Азии».* Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003 [Petrov V. I. *Rebellious Heart of Asia.* Moscow, 2003 (in Russian)].

Позднеев А. Объяснения надписей и изображений Тамгалы-Таса. *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. 1899. Т. 11. С. 276–282 [Pozdneev A. Explanations of the inscriptions and images of Tamgaly-Tas. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshestva*. 1899. Vol. 11. Pp. 276–282 (in Russian)].

Скобелев С. Г. Демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин. *Вестник НГУ, серия История, филология*. 2010. Т. 9. Вып. 5: *Археология и этнография*. С. 219–235 [Skobelev S. G. Demographic consequences of the conquest of Zungaria by the Qing Empire troops. *Vestnik NGU, seriya Istoriya, Filologiya*. 2010. T. 9. Pt. 5: *Arkheologiya i Etnografiya*. Pp. 219–235 (in Russian)].

Скобелев С. Г. Гибель джунгарского этноса в 1755–1760 годах: численность населения и размеры потерь. *Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках*. Новосибирск, 2011. С. 54–60 [Skobelev S. G. The destruction of Zungar ethnos in 1755–1760: population size and size of losses. *Sotsialno-Ekonomicheskie i Etnokulturnye Protssessy v Verkhnem Priirtyshye v XVII–XX Vekakh*. Novosibirsk, 2011. Pp. 54–60 (in Russian)].

Хафизова К. Ш. *Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках*. Нур-Султан, 2019 [Khafizova K. Sh. *Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th – 19th Centuries*. Nur-Sultan, 2019 (in Russian)].

Ходжаев А. *Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в.* Ташкент, 1991 [Khojaev A. *Qing Empire and East Turkestan in 18th Century*. Tashkent, 1991 (in Russian)].

Ходжаев А. *История формирования западных границ Китая (история и современность)*. Ташкент, 2023 [Khojaev A. *History of the formation of western borders of China (History and Modernity)*. Tashkent, 2023 (in Russian)].

Чернышев А. И. *Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в.* М., 1990 [Chernyshev A. I. *Social and State Development of Oirats in 18th Century*. Moscow, 1990 (in Russian)].

Чимитдоржиев Ш. Б. *Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв.* Улан-Удэ, 2002 [Chimitdorjiev Sh. B. *National Liberation Movement of the Mongolian People in the 17th–18th Centuries*. Ulan-Ude, 2002 (in Russian)].

Шашков С. С. *Собрание сочинений. Т. 2. Исторические очерки. Исторические этюды*. С.-Петербург, 1898 [Shashkov S. S. *Collection of Works. Vol. 2. St. Petersburg*, 1898 (in Russian)].

Шоссанд Д. *Кумай в XVIII веке. Расцвет империи Цин*. М., 2016 [Chaussende D. *La Chine au XVIIIe Siecle*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Bergholz F. W. *The Partition of the Steppe. The Struggle of the Russians, Manchus, and the Zungbar Mongols for Empire in Central Asia, 1619–1758. A Study in Power Politics*. New York etc., 1993.

Crossley P. *A Translucent Mirror. History and Identity in Qing Imperial Ideology*. Berkeley — Los Angeles — London, 1999.

Lattimore O. *Pivot of Asia*. New York, 1975.

Millward J. A. *Eurasian Crossroads. A History of Xinjiang*. New York, 2007.

Newby L. *Xinjiang: in search of an identity. Unity and Diversity: Local Cultures and Identities in China*. Hong Kong, 1996. Pp. 67–81.

Newby L. *The Empire and the Khanate: a Political History of Qing Relations with Khoqand, c. 1760–1860*. Leiden — Boston, 2005.

Perdue P. C. *China Marches West. The Qing Conquest of Central Asia*. Cambridge — London, 2005.

Pilkington R. *Zungars. Encyclopedia of Genocide and Crimes Against Humanity*. Detroit etc., 2005. Pp. 1182–1185.

Sodnompilova M. M. Infectious diseases in the life of Mongolian peoples: beliefs and healing practices. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 33. No. 5. Pp. 141–154.

Tyler Ch. *Wild West China. The Taming of Xinjiang*. New Brunswick, New Jersey, 2003.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

© 2026

Н. И. Матвеева¹

В Северной Корее, как и в других странах социалистического лагеря, в годы холодной войны сфере народного здравоохранения уделялось особое внимание. Однако это было не только вопросом социальной политики. На сфере здравоохранения отражались изменения в политической, экономической, идеологической ситуации как внутри страны, так и в социалистическом лагере в целом и в мире. На основании архивных материалов и северокорейских публикаций в данной статье прослеживается формирование и развитие системы народного здравоохранения в Северной Корее с 1945 г. до конца 1960-х гг. Также демонстрируется взаимосвязь между политикой в сфере здравоохранения и изменениями в международной обстановке и в идеологической позиции северокорейского руководства в этот период. Основы системы здравоохранения были заложены при Советской гражданской администрации и следовали советской модели. По мере изменений в северокорейско-советских и северокорейско-китайских отношениях к ней добавлялись переосмысленные элементы традиционных практик. К концу 1960-х гг. это привело к созданию «чуждейской медицины», которая использовалась как часть культурной дипломатии и во многом сохранилась и продолжает функционировать и по сей день.

Ключевые слова: Северная Корея, КНДР, холодная война, народное здравоохранение, СССР, советско-северокорейские отношения

Для цитирования: Матвеева Н. И. Формирование и развитие системы народного здравоохранения в Северной Корее в первые десятилетия холодной войны. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 54–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-054-065

FORMATION AND DEVELOPMENT OF HEALTHCARE SYSTEM IN NORTH KOREA DURING THE FIRST COLD WAR DECADES

Natalia I. Matveeva

North Korea viewed the sphere of social security and welfare as an important aspect of domestic policy. However, in the Cold War setting it was not exempt from being influenced by international and intra-bloc politics. This article brings to scholarly attention documents from the archives of the Soviet army and the Ministry of Foreign Affairs to explore the formation and development of the North Korean healthcare system in the first Cold War decades. It traces the way changes in intra-bloc balance of power, international situation, and domestic policies were

¹ Матвеева Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; natalia.matveyeva@yandex.ru

Natalia I. Matveeva, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; natalia.matveyeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5116-7498

reflected on it, arguing that in the Cold War the public healthcare sphere was one of the important ‘mirrors’ of the changes in domestic politics and the leadership’s international stance. This article contributes to better understanding of North Korea’s social sphere, its origins and links to the Soviet Union and ‘fraternal countries’, adding a new dimension to the explorations on the North Korean-Soviet relations in the 1940s–1960s.

Keywords: North Korea, Cold War, healthcare system, medical practices, North Korean-Soviet relations, Cold War politics

For citation: Matveeva N. I. Formation and Development of Healthcare System in North Korea During the First Cold War Decades. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 54–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-054-065

Введение

В странах социалистического лагеря особое внимание уделялось социальной сфере, в частности вопросам здравоохранения. Противопоставляя социалистическую систему здравоохранения, где основополагающими принципами считались бесплатность, общедоступность медицинской помощи, единство науки и практики [Затравкин, Вишленкова, 2020, с. 491], коммерциализированной капиталистической, подчеркивалось превосходство социалистического пути развития [Ратманов, 2021].

При этом в годы холодной войны народное здравоохранение в странах социалистического лагеря было не только вопросом социальной политики. На нем отражались изменения в политической, экономической, идеологической ситуации как в этих странах, так и во всем социалистическом лагере и в мире². Как будет показано в статье, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР, Северная Корея), «витрина социализма на Дальнем Востоке», не была исключением.

Раскрытие архивов Советского Союза и соцстран Восточной Европы после окончания холодной войны дало исследователям доступ к документам не только о политико-экономическом, но и о социальном развитии Северной Кореи — к примеру, о советской и интернациональной медицинской помощи Северной Корее после 1945 г. и в годы Корейской войны, и их роли в создании системы народного здравоохранения [Ульянова, 2023; Kim, 2024; Szalontai, 2009; Baev, 2020; Vargha, 2020]. Однако фокус имеющихся исследований, как правило, ограничен 1940-ми — первой половиной 1950-х гг.

Данная статья на основе архивных документов и публикаций в северокорейской прессе расширяет временные рамки исследований, прослеживая становление и развитие системы народного здравоохранения в Северной Корее с освобождения в 1945 г. и до конца 1960-х гг., времени, когда сложилась модель, продержавшаяся до конца холодной войны, элементы которой сохраняются и по сей день. Помимо этого, в данной статье наглядно показывается, как изменения в международной ситуации, в расстановке сил внутри восточного блока и во внутренней политике Северной Кореи отражались на сфере народного здравоохранения в годы холодной войны.

1940-е гг.: формирование основ системы здравоохранения

«Народное здравоохранение — дело очень важное. Его улучшение приведет к предотвращению инфекционных и других заболеваний, к охране и укреплению здоровья населения» [Ким, 1980, с. 280].

² За более подробным освещением данного вопроса применительно к странам Восточной Европы можно обратиться, к примеру, к [Inglot, 2008].

Такими словами начал свою речь на заседании Народного комитета Северной Кореи в мае 1947 г. председатель комитета Ким Ир Сен, будущий первый глава КНДР. К сожалению, продолжал он, на тот момент система здравоохранения была еще в неудовлетворительном состоянии и требовала большого внимания, инвестиций, а также четкой стратегии развития, которой в 1947 г., по словам Ким Ир Сена, все еще не было [Там же].

История Северной Кореи началась в августе 1945 г., когда Корейский полуостров, бывшая колония Японской империи, был освобожден от колониального правления, а затем разделен на две зоны оккупации: американскую на юге и советскую в северной части. Распад Японской империи привел к краху устоявшегося порядка и инфраструктуры на бывших японских территориях, включая Корею. Поэтому первоочередной задачей для оккупационных властей стало восстановление порядка.

Вопреки распространенному (в особенности на Западе) мнению, руководство Советского Союза не планировало превращать Северную Корею в «мини-копию СССР» и насильно строить там социализм. Напротив, в директиве Сталина Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А. М. Василевскому от 20 сентября 1945 г. указывалось, что на территории Северной Кореи не следует создавать «советов и других органов советской власти» и вводить «советские порядки»³.

Тем не менее были сферы, требовавшие немедленного вмешательства оккупационной администрации. Советское командование в условиях крайней срочности вынуждено было следовать наиболее понятным ему путем и использовать собственный опыт и знания — а они, по сути, сводились к социально-экономической и политической модели Советского Союза⁴.

Одной из таких сфер было здравоохранение. Осенью 1945 г. командование 25-й армии, контролировавшей север Корейского полуострова, докладывало, что эпидемиологическая ситуация там была критической и еще больше осложнялась из-за притока беженцев из Маньчжурии. Не хватало медикаментов и медицинского персонала⁵. Повсеместны были вспышки холеры и других инфекционных заболеваний, с которыми оставшаяся от японцев система здравоохранения, серьезно пострадавшая от войны, просто не могла справиться. Впрочем, и до войны она не была особенно эффективна. Попытки колониальных властей создать на полуострове систему здравоохранения по японскому образцу и внедрить современные медицинские практики и стандарты гигиены сталкивались с активным противодействием самих корейцев, видевших в этом элемент «колониальной эксплуатации», и потому были крайне неэффективными⁶.

Кроме того, при японцах система здравоохранения была сегрегированной. Современная медицина западного образца была доступна преимущественно японским экспатам и привилегированным и зажиточным корейцам. Большинство же населения пользовалось только традиционными, народными методами лечения и обращалось к знахарям из-за крайне высокой стоимости лечения в японских клиниках. В сочетании с плохими санитарными условиями в городах, включая столицу, Сеул, и в сельской местности это приводило к частым эпидемиям. По сообщениям советских источников, в колониальный период вспышки холеры, к примеру, случались в среднем каждые два года, унося тысячи жизней⁷.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), ф. 148, оп. 3463, д. 111, л. 92–93. См. также [Ванин, 2016].

⁴ А. Н. Ланков выдвинул эту идею применительно к формированию государственности на севере Кореи до провозглашения КНДР [Lankov, 1998, p. 99].

⁵ ЦАМО, оп. 480с, д. 38, л. 47.

⁶ Подробнее см. [Ненгу, 2014, pp. 130–167].

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), ф. 0480, оп. 4, п. 14, д. 46, л. 280.

Всего на полуострове даже к концу колониального периода было только 250 больниц, которые в сумме могли принять менее 3000 пациентов. Кроме того, одна шестая часть из этих больниц обслуживала только японцев⁸. Вместо госпитализации заболевших корейцев японские власти устанавливали карантин в пострадавшей местности и выжидали, когда вспышка сойдет на нет⁹. Корейцы же, боясь японской «медицины», скрывали случаи заболеваний. Поэтому, когда в 1946 г. в северных провинциях вспыхнула эпидемия холеры, советскому командованию было «чрезвычайно трудно» убедить население не скрывать заболевших и не препятствовать их госпитализации. Отношение корейцев начало меняться, только когда они убедились, что советские врачи действительно ведут лечение, а не просто изолируют заболевших¹⁰.

Советской администрации совместно с формирующимися местными северокаорейскими властями нужно было не только предоставить краткосрочную помощь, но и реформировать систему здравоохранения в целом для долгосрочного решения проблемы. Тут можно отметить, что американские власти на юге Кореи в те же годы сталкивались с аналогичными трудностями и проблемами. Однако они предпочли пойти «половинчатым» путем, предоставляя текущую помощь для решения особо острых проблем; полноценная же система здравоохранения, как отмечают исследователи, создавалась уже после образования Республики Корея, в годы Корейской войны (1950–1953) и в послевоенный период¹¹.

Советская администрация на севере для решения наиболее неотложных вопросов сосредоточила внимание на поставках лекарств и медикаментов, а также профилактике инфекционных заболеваний. Во всех провинциях в городах были организованы прививочные кампании против тифа, оспы (которые наряду с холерой были наиболее распространены в северной Корее), менингита и других заболеваний. Кроме того, советская администрация отменила плату за медицинские услуги для инфекционных больных¹².

Вновь созданные местные органы власти — народные комитеты — также были привлечены к улучшению санитарной ситуации. Они организовывали специальные мероприятия и лекции, разъясняя населению важность гигиены и профилактики заболеваний. Как объяснял Ким Ир Сен,

«Наряду с усилением контроля надо улучшить и работу по санитарному просвещению. Только благодаря этому можно расширить знания трудящихся в области санитарии и гигиены и добиться их сознательного участия в санитарно-гигиенической работе. [...] Работники здравоохранения должны [...] доходчиво разъяснять людям проблемы, связанные с санитарией и гигиеной. [...] нужно добиться, чтобы весь народ сознательно соблюдал правила гигиены и активно участвовал в санитарно-гигиенической работе» [Ким, 1980, с. 282–283].

Подобная пропаганда, исходившая от самих корейцев, а не извне, воспринималась населением гораздо охотнее, чем аналогичная по содержанию японская в колониальный период. Однако советские наблюдатели отмечали, что этих мер было недостаточно¹³ и для улучшения ситуации в здравоохранении требовались более масштабные и глубокие изменения.

⁸ Там же, л. 281.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 281–282.

¹¹ См. [Jeong, 2023]. Однако поскольку вопрос развития здравоохранения на юге Кореи не является предметом данного исследования, он не будет здесь подробно рассмотрен.

¹² При японцах госпитализация была платной — «тяжело больные» платили 5 иен в сутки, пациенты средней тяжести — 3 иены, а «выздоровливающие» — 2 иены (до 1947 г. валютой Северной Кореи была корейская иена; в 1947 г. она была заменена на вону). ЦАМО, ф. 172, оп. 479с, д. 3, л. 14.

¹³ ЦАМО, ф. 379, оп. 24099, д. 2, л. 191.

Как уже упоминалось, образцом для создания северокорейской системы здравоохранения стала советская модель. Советское здравоохранение было всеобщим и бесплатным, но при этом, как и большинство сфер экономической и социальной жизни, централизованным, плановым, и имело четкую иерархическую структуру. Все эти черты унаследовала и северокорейская система.

Ким Ир Сен в уже упоминавшейся речи перед Народным комитетом Северной Кореи в 1947 г. выделил основные направления, по которым шло реформирование системы народного здравоохранения. Во-первых, медицинские услуги должны были быть доступны всему населению, а не только жителям крупных городов или богатым. Только формировавшиеся на тот момент северокорейские власти еще не имели возможности сделать медицину полностью бесплатной, но стоимость услуг государственных больниц должна была быть сильно ниже, чем в частных клиниках, поскольку «народные больницы предназначены не для получения прибыли, а для охраны жизни людей» [Ким, 1980, с. 283–284]. Также требовалось расширить охват государственного здравоохранения, сделав его доступным сельским жителям всех регионов. Ким Ир Сен признавал, что на тот момент невозможно было построить больницы в деревнях, поэтому врачи волостных больниц должны были объезжать деревни и проводить лечение больных на местах [Там же].

Другим важным элементом развития системы здравоохранения было решение кадровых вопросов. Требовалось значительно увеличить количество медицинского персонала по сравнению с колониальным периодом. С одной стороны, нужны были молодые специалисты, в том числе узкой специализации — кардиологи, неврологи, физиотерапевты; однако обучение студентов-медиков занимало не один год. В краткосрочном же периоде нехватка врачей в государственном здравоохранении решалась привлечением туда специалистов из частных клиник, что также способствовало централизации системы здравоохранения и постановке ее под государственный контроль. Зарплаты врачей в государственном секторе были приравнены к промышленным специалистам, «элите» северокорейского пролетариата, им предоставлялись квартиры. Кроме того, врачи должны были проникнуться «высоким патриотическим духом»: «плановмерно и содержательно осуществляя политическое просвещение врачей», следовало «решительно покончить с их порочной идеологией и добиться, чтобы они стали прогрессивными медработниками, беззаветно служащими государству и трудовому народу» [Там же, с. 287].

И третьим ключевым направлением реформирования системы здравоохранения была реорганизация системы управления. На тот момент различные категории больниц находились в подчинении разных организаций. К примеру, больницы социального страхования находились в подчинении Департамента труда, а не созданного в 1946 г. Департамента здравоохранения [Там же, с. 284]. Для облегчения управления и контроля за сферой здравоохранения (по советскому образцу) она была переведена под контроль единой организации — Департамента здравоохранения, ставшего после образования КНДР Министерством здравоохранения.

На момент освобождения Кореи в 1945 г. в северной части полуострова функционировало всего 19 больниц общей вместимостью менее 700 коек. К концу 1948 г. количество больниц выросло более чем в 10 раз — до 200 больниц на 4150 коек. При содействии Советского Союза были открыты и специализированные клиники, прежде отсутствовавшие в Северной Корее: 10 инфекционных больниц, один родильный дом, четыре туберкулезных клиники. При этом количество частных клиник значительно сократилось: со 185 в 1944 г. до всего 5 к концу 1948 г. Им на смену пришли государственные больницы в подчинении уже упоминавшегося Министерства здравоохранения. В результате, согласно советским источникам, количество пациентов, обращавшихся

за медицинской помощью к государству, за три года увеличилось больше чем в семь раз — с 10 000 человек в 1945 г. до более чем 70 000 в 1948 г.¹⁴

Вскоре после освобождения возобновили работу три основанных еще при японцах медицинских университета. Кроме того, при поддержке Советской армии и Красного Креста были организованы краткосрочные курсы и стажировки для северокорейского медицинского персонала¹⁵.

В целом во второй половине 1940-х гг. развитие системы здравоохранения в Северной Корее шло по пути, заданному Советской гражданской администрацией и поддержанному местными корейскими властями, и следовало основным принципам советской модели. Однако начало Корейской войны в июне 1950 г. внесло коррективы в этот процесс.

1950-е гг.: Корейская война и первые шаги к «национализации» модели

С началом войны и бомбардировок территории Северной Кореи войсками ООН вернулись вспышки инфекционных заболеваний, почти прекратившиеся к концу 1940-х гг. Главной проблемой стал туберкулез. По сообщениям северокорейских врачей, после войны, в конце 1953 г., им болела почти четверть миллиона демобилизованных солдат, не говоря уже о гражданских [Szalontai, 2009, p. 20]. Система здравоохранения, чье развитие оказалось прервано войной, не могла справиться с таким количеством больных. Среди военных врачей к 1953 г. только пятеро специализировались на туберкулезе. Поскольку в военное время лучшие специалисты, как правило, мобилизуются на нужды армии, можно представить, что ситуация в гражданской медицине была еще хуже.

Советский Союз и братские страны — Болгария, Чехословакия, Венгрия и другие — предоставляли как прямую финансовую помощь, так и медикаменты, оборудование, а также направляли специалистов на помощь КНДР. Врачи из стран соцлагеря работали как в военных, так и в гражданских госпиталях. Однако, к примеру, среди госпиталей, открытых братскими странами, только венгерский был оснащен для лечения туберкулеза [Ibid.].

Помощь соцстран не могла полностью компенсировать нехватку квалифицированного медицинского персонала. К 1953 г. количество врачей в Северной Корее сократилось на 60%. Из 80 выпускников, окончивших медицинские вузы в годы войны, 50 были сразу же направлены на фронт [Ibid.]. Соответственно, в гражданском здравоохранении дефицит кадров был еще более острым: на одного врача приходилось до 200 пациентов [Ibid.].

Во многих отношениях Корейская война отбросила систему здравоохранения КНДР в 1940-е гг. Проблемы, вставшие перед северокорейским руководством, были во многом теми же, что и у Советской администрации после распада японской колониальной империи: нехватка медикаментов, оборудования, квалифицированного персонала, антисанитария, инфекционные заболевания, вызванные голодом и разрушениями.

Однако основы системы здравоохранения, заложенные в 1940-х гг., устояли и значительно способствовали послевоенному восстановлению. Прежний опыт санитарного просвещения населения обеспечил успех массовых кампаний по санитарной обработке жилищ, защите водных ресурсов и уничтожению грызунов и насекомых. По свидетельствам восточноевропейских дипломатов, эти меры эффективно предотвращали распространение многих инфекционных заболеваний [Ibid.]. Была сохранена и система медицинского образования. Гражданские госпитали по возможности были эвакуированы и продолжали работать, так же как и система управления здравоохранением.

¹⁴ АВПРФ, ф. 0480, оп. 4, п. 14, д. 46, л. 285.

¹⁵ Там же, л. 291.

После подписания перемирия 27 июля 1953 г. настало время восстанавливать разрушенную войной страну. Общественная сфера требовала внимания ничуть не меньше, чем все остальные, если не больше. Однако Ким Ир Сен, ставший к тому времени фактически единоличным руководителем Северной Кореи, опасаясь новой войны и стремясь к экономической независимости, отдавал приоритет восстановлению и развитию промышленности и в особенности тяжелой промышленности, а не повышению уровня жизни населения [Ibid., p. 23]. Здравоохранение оказалось отодвинуто на второй план.

Тем не менее трехлетний план восстановления и развития национальной экономики КНДР (1954–1956) включал восстановление разрушенных войной больниц, а также строительство новых больниц в Пхеньяне, в провинциальных и уездных центрах и при промышленных предприятиях, тем самым делая медицину более доступной для населения. Для пропаганды физического здоровья план предполагал строительство стадионов и бассейнов в городах и при заводах и школах. В план также было включено строительство фармацевтической фабрики, чтобы снизить зависимость от импорта лекарств из братских стран [Ким, 1981, с. 39–40].

В годы трехлетнего плана Советский Союз и братские страны продолжали оказывать КНДР помощь в сфере здравоохранения. Так, болгарский медицинский корпус оставался в стране до 1957 г., в том числе помогая готовить врачей для строившихся северокорейских больниц [Баев, 2020].

Однако с середины 1950-х гг. обстановка в социалистическом лагере начала меняться. После смерти Сталина многие из социалистических стран стали искать собственные пути построения социализма, не продиктованные Москвой. Северная Корея тоже стремилась к большей независимости. В речи 1955 г. Ким Ир Сен критиковал практику бездумного копирования и «подражания только форме» при изучении опыта Советского Союза [Ким, 1982, с. 460]¹⁶, говоря о собственной глубокой истории и культуре Кореи и призывая ценить их.

В первую очередь эти идеологические изменения отражались на политической и экономической сфере. Однако и область народного здравоохранения не осталась в стороне, отражая стремление к созданию национальной (а не привнесенной извне) модели во всех сферах общественно-политической жизни.

Охлаждение отношений КНДР с Советским Союзом стало одним из факторов постепенного сокращения помощи от братских стран во второй половине 1950-х гг. Чтобы это компенсировать, Ким Ир Сен в 1957 г. объявил о запуске движения Чхоллима — массовой мобилизационной кампании по образцу стахановского движения в СССР, призывавшей к ускоренному развитию, досрочному выполнению и перевыполнению планов за счет внутренних ресурсов и сил и энтузиазма самих рабочих. Движение Чхоллима распространилось на все сферы экономической и общественно-политической жизни КНДР, от тяжелой промышленности до здравоохранения. Однако если в промышленности эти идеи работали достаточно успешно [Kim, 2018], то в здравоохранении картина оказалась иной. «Социалистическое соревнование» и гонка за количественным перевыполнением планов в ущерб качеству предсказуемо привели к серьезному падению качества медицинских услуг.

Советский Союз пытался отговорить северокорейское руководство от применения к социальной сфере тех же стандартов, что и к тяжелой промышленности, приводя в пример неудачный опыт СССР в организации социалистического соревнования среди медицинских работников. Советские дипломаты предостерегали, что искусственная конкуренция и гонка за перевыполнением планов любой ценой были особенно контрпродуктивны и даже опасны в социальной сфере,

¹⁶ Эта речь стала одним из первых случаев употребления термина чучхе в том значении, в котором он впоследствии станет широко известен: самостоятельность, независимость от внешнего (в тот момент советского) контроля. Однако в широкое употребление он вошел несколько позже. См. [Myers, 2006].

поскольку отвлекали врачей от их непосредственных обязанностей и неизбежно приводили к снижению качества здравоохранения. По этой причине в самом Советском Союзе здравоохранение было едва ли не единственной областью, исключенной из социалистического соревнования¹⁷.

Однако Ким Ир Сен, стремясь найти путь развития, не навязанный Советским Союзом, не желал прислушиваться к советам СССР. «До настоящего времени, — говорил он, — среди работников здравоохранения имели место пережитки буржуазной идеологии, которые были подвергнуты критике на состоявшемся в прошлом [1960] году совещании медицинских работников. Прежний министр здравоохранения не боролся с этими пережитками и выступал против движения Чхоллима, утверждая, что оно вредно влияет на здоровье людей»¹⁸. Поэтому в 1961 г. Ли Бён Нама, бывшего министром здравоохранения с 1948 г. и также возглавлявшего северокорейский Красный Крест [Kang, 2002], сменил на этом посту Чхве Чхан Сок, очевидно, лучше идеологически подкованный и одобрявший идеи руководства.

Система здравоохранения осталась частью движения Чхоллима. Врачи, как и промышленные рабочие, должны были выступать с предложениями оптимизации медицинских служб, экономии ресурсов и развивать медицинскую науку в соответствии с линией партии. Особенно ярко это проявилось в 1960-х гг., что будет рассмотрено далее.

1960-е гг.: складывание системы «чучхейской медицины»

В 1960 г. противоречия, копившиеся в социалистическом лагере со второй половины 1950-х гг., перешли в публичную плоскость, когда на совещании коммунистических и рабочих партий в Москве Коммунистическая партия Китая открыто выступила против КПСС¹⁹. В советско-китайском расколе КНДР держалась ближе к китайским позициям, стремясь использовать ситуацию, чтобы выйти из-под контроля Москвы, проводить собственную политику и следовать собственному пути развития.

Это дистанцирование от Советского Союза и его принципов и практик отразилось и на сфере медицины. Вместо западных медицинских практик, перенятых у Советского Союза и Восточной Европы, стало активно пропагандироваться возвращение к традициям, к традиционной восточной медицине, иглоукалыванию — всему тому, что в 1940-х гг. Ким Ир Сен клеймил как «отсталые» методы лечения, призывая покончить с ними [Ким, 1980, с. 285]. В 1960-х же они стали преподноситься как истинно национальные, не навязанные извне и потому превосходящие западную медицину. Государство активно поощряло научные исследования в этой области в рамках идеологии чучхе — самостоятельности и самодостаточности.

Одним из характерных проявлений этой тенденции стало открытие в 1961 г. профессором Пхеньянского медицинского университета Ким Бон Ханом так называемой примоваскулярной системы. Акупунктура строится на представлении о том, что в человеческом организме жизненная энергия движется по системе каналов — меридианов — и повлиять на нее можно стимуляцией специальных акупунктурных точек. Медицинская наука не признавала (и по-прежнему не признает) существования меридианной системы, говоря об отсутствии научных доказательств [Stefanov, 2013]. Открытая же Ким Бон Ханом примоваскулярная система как раз и должна была предоставить эти доказательства и объяснить эффективность акупунктуры: она преподносилась

¹⁷ АВПРФ, ф. 0102, оп. 17, п. 89, д. 5, л. 23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Об итогах совещания коммунистических и рабочих партий. (Проект доклада М. А. Суслова на Пленуме ЦК КПСС). Орывки из документа. *Российское китаеведение*. 2023. № 3 (4). С. 181–211.

как третья (наряду с кровеносной и лимфатической) васкулярная система в организме человека, как раз-таки соотносимая с меридианной.

С 1961 по 1965 г. Ким Бон Хан опубликовал целый ряд работ, посвященных своему открытию. Они были очень высоко оценены в Северной Корее, и самого Кима хотели даже выдвинуть на Нобелевскую премию в области медицины [Hwang, 2006]. Его теория быстро набрала огромную популярность в КНДР, ее называли революционным достижением в биологии, сравнимым с эволюционной теорией Дарвина или с исследованиями рефлексов Павлова. В Центральном статистическом ежегоднике КНДР за 1964 г. открытие примоваскулярной системы было объявлено «революционным событием, открывшим новый этап в развитии современной биологии и медицины, вехой в истории мировой науки». «Как можно не радоваться и не быть тронутыми тем фактом, что отныне люди во всем мире, обсуждая современную биологию и медицину, не смогут не вспомнить о нашей стране!» — говорилось там²⁰. Однако тот факт, что на примоваскулярную теорию в первую очередь обратили внимание партийные функционеры и медицинские чиновники [Choe, 2004], явно указывал, что политические и идеологические аспекты в вопросе ее популяризации имели приоритет перед чисто научной составляющей. И сам Ким Бон Хан получил в колониальный период современное по тем временам западное медицинское образование в Императорском университете Кэйдзё и до середины 1950-х гг. практиковал именно западную медицину, а к восточной обратился, как отмечается, вслед за изменениями во внутривластной конъюнктуре по этому вопросу [Hwang, 2006].

Однако вслед за стремительным взлетом падение примоваскулярной теории было столь же быстрым. Упоминания о ней исчезли из северокорейских государственных публикаций и научных журналов к концу 1960-х гг., поддерживавшие ее чиновники стали жертвами политических чисток, а сам Ким Бон Хан перестал публиковать исследования и исчез с научной арены [Choe, 2004; Hwang, 2006]. Официальные причины не были озвучены. Однако если посмотреть внимательнее на ситуацию в мире и в социалистическом лагере в середине-конце 1960-х гг. и на изменения в позиции северокорейского руководства по политическим и идеологическим вопросам, можно сделать предположение относительно причин опалы примоваскулярной теории и снижения популярности традиционной медицины в целом.

Объективно традиционные практики были менее эффективны, чем западная/советская медицина, в особенности против инфекционных заболеваний. Кроме того, в политическом плане после отстранения от власти в СССР Хрущева (которого Ким Ир Сен обвинял в «великодержавном шовинизме») и начала культурной революции в КНР Северная Корея отошла от китайской линии и снова сблизилась с Советским Союзом. Восточная медицина традиционно и в мире, и в самой Северной Корее ассоциировалась именно с Китаем. Поэтому за охлаждением отношений с Китаем последовал и отход от «китайской медицины». Впрочем, это не означало полного отказа от традиционной медицины — а, скорее, отказ от признания ее «китайской» и переосмысление восточной медицины как исконно (северо-)корейской²¹. В этом качестве она стала элементом северокорейской культурной дипломатии в 1970-х — 1980-х гг.

В самой КНДР практики традиционной медицины были включены в систему здравоохранения наравне с превентивной западной медициной. Сын и наследник Ким Ир Сена Ким Чен Ир в 1970-х гг. объявил «верное сочетание корейской медицины с новой [западной] медициной»

²⁰ 조선중앙년감 [Центральный статистический ежегодник КНДР]. Пхеньян, 1964.

²¹ Тут можно отметить, что использование термина «восточная медицина» для традиционной медицины до сих пор вызывает целый ряд противоречий. Не только Северная, но и Южная Корея настаивают на использовании вместо него термина «корейская медицина». См. [Lee, 2022].

важным элементом политики Трудовой партии Кореи по обеспечению здоровья населения [Kim, 2010, p. 155]. В основе системы, названной «чучхейской медициной», по-прежнему лежали принципы и структура советской модели здравоохранения, заложенные в 1940-х гг. Однако руководство КНДР говорило, что она воплощает собой особую «идеологию здравоохранения», созданную Ким Ир Сеном, и представляло ее внешнему миру, в особенности странам третьего мира, как истинно «социалистическую» [Ibid., pp. 152–153]. Во второй половине 1960-х гг. система здравоохранения была еще больше централизована, и можно говорить об окончательном складывании к 1970-м гг. той модели, которая продержалась до конца холодной войны и элементы которой сохраняются вплоть до настоящего времени.

Заключение

Пример КНДР показывает, что в социалистических странах Азии, как и в Восточной Европе, на сфере народного здравоохранения явно отражались изменения в международной ситуации и во внешней и внутренней политике руководства.

Основы системы народного здравоохранения были заложены при Советской гражданской администрации и при ее участии в 1940-х гг. Эта система брала за образец советскую модель: жестко иерархичную, всеобщую и бесплатную. Инициативы советского командования в сфере здравоохранения охотно принимались корейским населением, в особенности на контрасте с насильственными практиками колониального периода.

Окончание Корейской войны совпало с началом разлада в социалистическом лагере после смерти Сталина. Со второй половины 1950-х гг. Северная Корея стремилась выйти из-под советского влияния во всех сферах не только политической и экономической, но и общественной жизни. Запущенное для консолидации внутренних ресурсов движение Чхоллима также распространялось и на сферу здравоохранения, несмотря на ущерб качеству.

Охлаждение отношений с СССР с конца 1950-х гг. ознаменовало поворот к традиционным восточным практикам и методам лечения взамен «навязанных» советских. Одним из примеров этого стало открытие примоваскулярной системы и пропаганда этой теории.

Однако во второй половине 1960-х гг. международная ситуация вновь изменилась. После начала культурной революции в КНР Северная Корея отошла от прокитайских позиций, и восточная медицина, ассоциировавшаяся с Китаем, стала активно переосмысливаться как исконная корейская и в таком качестве продвигаться на международной арене.

К 1970-м гг. формирование системы народного здравоохранения было фактически завершено. При этом на протяжении всего времени и после, в 1970-х — 1980-х гг., заложенные Советской администрацией структура и принципы — общедоступность, бесплатность, превентивная направленность, жесткая иерархичность — оставались практически неизменными. Менялось только «наполнение». Такая гибридная северокорейско-советская система, названная «чучхейской медициной», не только устоялась в КНДР, но и использовалась как инструмент «культурной дипломатии», направленной на расширение влияния Северной Кореи в третьем мире²². Несмотря на то, что финансирование системы здравоохранения серьезно пострадало от разрыва связей с Советским Союзом после распада соцлагеря и от последовавших за этим экономических трудностей, сама ее

²² Адресатами такой пропаганды были в основном страны Африки, которым КНДР предлагала разностороннюю, в том числе и медицинскую помощь — в сочетании западных и традиционных восточных практик. См. к примеру [Iacob, Vasile, 2019, p. 153]. Медицинское сотрудничество КНДР с Африкой не прекратилось и после распада соцлагеря. К примеру, в 2009 г. она направила врачей в Эфиопию. См. [Tesfaye, 2009].

структура во многом сохранилась и продолжает функционировать и развиваться и сейчас, несмотря на все сложности и проблемы²³.

Литература / References

Ванин Ю.В. *Советский Союз и Северная Корея, 1945–1948*. М.: ИВ РАН, 2016 [Vanin Yu.V. *The Soviet Union and North Korea, 1945–1948*. Moscow: IV RAN, 2016 (in Russian)].

Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А. Принципы советской медицины: история создания. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2020. №28 (3). С. 491–498 [Zatravkin S.N., Vishlenkova E.A. Principles of Soviet medicine: history of establishment. *Problemy sotsial'noj gigiyeny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny*. 2020. №28 (3). Pp. 491–498 (in Russian)].

Ким Ир Сен. *Сочинения, Т.3: Январь-декабрь 1947*. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1980 [Kim Ir Sen. *Works, Vol. 3: Jan.–Dec. 1947*. Pyongyang: Foreign Languages Publishing house, 1980 (in Russian)].

Ким Ир Сен. *Сочинения, Т.8: Август 1953–июнь 1954*. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1981 [Kim Ir Sen. *Works, Vol. 8: August 1953–Dec. 1954*. Pyongyang: Foreign Languages Publishing house, 1981 (in Russian)].

Ким Ир Сен. *Сочинения, Т. 9: Июль 1954–декабрь 1955*. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1982 [Kim Ir Sen. *Works, Vol. 9: July 1954–Dec. 1955*. Pyongyang: Foreign Languages Publishing house, 1982 (in Russian)].

Ратманов П.Э. Советское здравоохранение на международной арене в 1920-х – 1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США). Хабаровск: Изд-во ДВГМУ, 2021 [Ratmanov P.A. *Soviet Public Health in the International Arena in the 1920s and 1940s: Between "Soft Power" and Propaganda (Western Europe and the USA)*. Khabarovsk: Far Eastern State Medical University, 2021 (in Russian)].

Ульянова М.В. Советская медицина в Северной Корее во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. *Власть*. 2023. № 6. С. 282–287 [Ulianova M. Soviet medicine in North Korea in the second half of the 1940s-early 1950s. *Vlast'*. 2023. No. 6. Pp. 282–287 (in Russian)].

Baev J. Bulgarian Medical Units in North Korea, 1952–1957. *The Wilson Center History and Public Policy Program blog*. 12.06.2020. <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/bulgarian-medical-units-north-korea-1952-1957> (accessed: 12.12.2025).

Henry T. *Assimilating Seoul: Japanese Rule and the Politics of Public Space in Colonial Korea, 1910–1945*. Berkeley: Univ. of California Press, 2014.

Iacob B., Vasile I. Agents of Decolonization? Romanian Activities in Mozambique's Oil and Health Sectors (1976–1984). Calori A. *Spaces of Interaction between the Socialist Camp and the Global South*. Berlin: De Gruyter, 2019.

Inglot T. *Welfare states in East Central Europe, 1919–2004*. Cambridge, 2008.

Jeong S. et. al. Medical Support Provided by the UN's Scandinavian Allies during the Korean War. *Korean Journal of Medical History* 2023. No. 32(3). Pp. 829–864.

Kim C. *Heroes and Toilers: Work as life in postwar North Korea, 1953–1961*. New York: Columbia University Press, 2018.

Kim Jong-il. *Works, Vol. 6 (1974.1–1974.9)*. Pyongyang: Foreign Languages Publishing House, 2010.

Kim N. The Fight against Epidemics in North Korea and the Role of the Soviet Union (1945–1948): Based on the Komendaturas Reports of North Pyongan Province. *Materials of the 1st Moscow International Russia-Korea Conference*. 2024. Pp. 28–47.

²³ Анализ ситуации: Здравоохранение в КНДР или заметные успехи в не самых простых условиях. Asia Risk Research Center, 29.12.2024. <https://asiarisk.org/novosti/492-analiz-situatsii-zdravookhranenie-v-kndr-ili-zametnye-uspekhi-v-nesamykh-prostykh-usloviyakh?ysclid=ml6xc4u6ry121161500> (дата обращения: 09.02.2026).

Lankov A. Soviet Influence on the North Korean Education System and Educational Practice. *SNU Journal of Education Research*. 1998. Vol. 8. Pp. 97–118.

Lee H. Western, traditional Korean medicine doctors clash over terminology. *The Korea Times*. 16.08.2022. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/08/119_334460.html (accessed: 25.12.2025).

Myers B. The Watershed that Wasn't: Re-Evaluating Kim Il-sung's «Juche Speech» of 1955. *Acta Koreana*. 2006. No. 9.1. Pp. 89–115.

Stefanov M. et. al. The Primo Vascular System as a New Anatomical System. *Journal of acupuncture and meridian studies*. 2013. No. 6. Pp. 331–338.

Szalontai B. The Four Horsemen of the Apocalypse: the Forgotten Side of a Not-so-forgotten War. Springer C. *North Korea, caught in time: Images of War and Reconstruction*. Reading: Garnet, 2009. Pp. ix–xxviii.

Tesfaye M. North Korea medical team arrives in Ethiopia. *North Korean Economy Watch*. 23.07.2009. <https://www.nkeconwatch.com/2009/07/23/north-korea-medical-team-arrives-in-ethiopia/> (accessed: 10.02.2026).

Vargha D. Technical Assistance and Socialist International Health: Hungary, the WHO and the Korean War. *History and Technology*. 2020. No. 36(3/4). Pp. 400–417.

황일도. '북한판 황우석' 김봉한 의 영광과 몰락. *신동아*. 03.02.2006. <https://shindonga.donga.com/3/all/13/105183/1> (accessed: 10.02.2026) [Hwang Il-do. The glory and downfall of «North Korean Hwang Woo-seok» Kim Bong-han. *Sindonga*. 03.02.2006. <https://shindonga.donga.com/3/all/13/105183/1> (in Korean)].

최성우. 김봉한과 리승기- 1960년대 북한의 과학기술. *The Science Times*. 03.09.2004. <https://www.sciencetimes.co.kr/nscvrg/view/menu/263?searchCategory=232&nscvrgSn=10381> (accessed: 10.02.2026) [Choe Seong-u. Kim Bong-han and Ri Seung-gi - Science and Technology in North Korea in the 1960s. *The Science Times*. 03.09.2004. <https://www.sciencetimes.co.kr/nscvrg/view/menu/263?searchCategory=232&nscvrgSn=10381> (in Korean)].

강진욱. 리병남씨가 북한 초대 보건장 된 사연. *통일뉴스*. 09.08.2002. <http://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=21457> (accessed: 01.02.2026) [Kang Jin-wook. The story of how Ri Byŏng-nam became North Korea's first Health minister. *T'ongil News*. 09.08.2002. <http://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=21457> (in Korean)].

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЗАКЛИНАТЕЛИ ЗМЕЙ: КРИЗИС ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НАРОДА БЕДЕ (БАНГЛАДЕШ)

© 2026

О. Н. Меренкова¹

Беде, или водные цыгане, представляют собой сообщество кочевников на индийском субконтиненте, которые мало заботятся о постоянном поселении и переезжают с одного места на другое. Беде (*Bede / Bede people*) — это кочевой народ, который традиционно жил, перемещаясь на крытых лодках по речным системам Бенгалии. В настоящее время их община сталкивается с серьезными вызовами, угрожающими ее традиционной культуре и образу жизни. У беде имеется свой уникальный и самобытный язык — тхар (тар), который до сих пор малоизучен, не имеет письменности и используется только в общении между представителями самой общины². Традиционно беде выступали перед публикой как заклинатели змей. Эта деятельность не только обеспечивала их пропитание, но и формировала их культурную идентичность. Представители общины выполняли социальную функцию целителей, применяя для лечения больных, пострадавших от укусов змей, травяные сборы и особые ритуалы, знания о которых передавались ими из поколения в поколение на протяжении столетий. Однако сегодня в общине наблюдается упадок традиционных навыков. С вынужденным переходом к оседлому образу жизни и изменением источников дохода молодое поколение теряет интерес к традиционным ремеслам и навыкам, что может привести к скорой утрате уникальных культурных практик и знаний. Данное исследование, основанное на бенгальских и иностранных источниках, посвящено рассмотрению традиций и социокультурных особенностей общины беде, в том числе — практики заклинаний змей как маркера идентичности беде. Эта тема представляется особенно актуальной в связи с тем, что в отечественной научной литературе мало данных относительно этнокультурных особенностей этой общины, в то время как исследователи в Бангладеш, Индии и в западных странах в последнее десятилетие активно собирают информацию и проявляют интерес к изучению традиций и повседневной жизни этого сообщества, которое много веков не теряло своей самобытности, пока не столкнулось с вызовами современности в сочетании с социальными, экономическими и экологическими факторами. Несмотря на это, беде не являются официально признанным меньшинством в Бангладеш, правительство страны принимает различные меры для повышения качества жизни представителей этой общины, открывая доступ для них к государственным услугам и способствуя их интеграции в жизнь остального общества³.

¹ Меренкова Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург; onyx@kunstkamera.ru
Olga N. Merenkova, PhD (Hist.), Junior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg; onyx@kunstkamera.ru
ORCID: 0000-0002-2771-9862

² В 2022 г. была издана книга бенгальского автора Хабибура Рахмана «*Thar: Bede Jonogoshthhir Bhasha*» / «Тхар»: изучение языка общины Беде», в которой исследователь впервые описал грамматику и особенности уникального языка тхар, основываясь на многолетнем опыте работы с представителями общины беде.

³ Подробно см.: Национальный доклад, представленный в соответствии с резолюциями 5/1 и 16/21 Совета по правам человека Бангладеш. 6–17 ноября 2023 г. URL: <https://philpapers.org/rec/RAHTBC> (дата обращения: 15.12.2025).

Ключевые слова: : Беде, водные цыгане, община Бангладеш, заклинатели змей, язык тхар (тар), Хабибур Рахман

Для цитирования: Меренкова О. Н. Исчезающие заклинатели змей: кризис традиционного образа жизни народа беде (Бангладеш). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 66–75. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-066-075

THE VANISHING SNAKE CHARMERS: THE CRISIS OF BEDE'S TRADITIONAL LIFESTYLE (BANGLADESH)

Olga N. Merenkova

The Bede, or Water Gypsies, are a community of nomads in the Indian subcontinent who care little about permanent settlement and move from one place to another. The Bede (Bede people) are a nomadic people who traditionally lived by moving on covered boats along the river systems of Bengal. Their community is currently facing serious challenges that threaten its traditional culture and way of life. Bede has its own unique and distinctive language, Thar, which is insufficiently explored, has no written language and is used only in communication between representatives within the community. Traditionally, Bede performed in front of the public as snake charmers. This activity not only provided them with food, but also shaped their cultural identity. Representatives of the community performed the social function of healers, using herbal preparations and special rituals for the treatment of patients affected by snake bites, knowledge of which was passed down from generation to generation over the centuries. However, there is a decline of traditional skills in the community today. With the forced transition to a sedentary lifestyle and changing sources of income, the younger generation is losing interest in traditional crafts and skills, which can lead to an early loss of unique cultural practices and knowledge. This study, based on Bengali and foreign sources, examines the traditions and socio-cultural characteristics of the Bede community, including the practice of snake incantations as a marker of Bede identity. This topic is particularly important due to the fact that in Russian academic literature concerning the ethnocultural characteristics of this community there is only fragmentary data, while researchers in Bangladesh, India and Western countries have been actively collecting materials over the past decade and are interested in studying the traditions and daily life of this community, which has not lost its value for many centuries, until Bede have faced the challenges of modernity combined with social, economic and environmental factors. Despite the fact that the Bede are not officially recognized as minority in Bangladesh, the Government of the country is taking various measures to improve the quality of life of representatives of this community, opening up access to public services for them and facilitating their integration into the rest of society.

Keywords: Bede, Water Gypsies, Bangladesh community, snake charmers, thar language, Habibur Rahman

For citation: Merenkova O. N. The Vanishing Snake Charmers: Crisis of Bede's Traditional Lifestyle (Bangladesh). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 66–75. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-066-075

Община беде: к вопросу терминологии в работах исследователей

Бангладеш — одна из самых густонаселенных стран мира; по всей ее территории проживают различные этнические общины. Бангладеш иногда называют «страной рек», поскольку в ней протекает более 700 рек и притоков. Реки страны обширны; исторически они служили центрами человеческой деятельности, определяя повседневную жизнь людей.

Благодаря обилию рек кочевой народ беде⁴ традиционно жил, зарабатывал себе на жизнь и перемещался по речным системам Бенгалии. Община беде имеет отличную от других этнических групп Бангладеш культуру⁵. Точное число ее представителей неизвестно в связи с трудностью фиксации мобильных групп. В работах исследователей численность представителей беде, проживающих разрозненно в различных округах Бангладеш, варьируется от 500 000 до 1 500 000 человек⁶.

Исторические и литературные источники предоставляют разнообразные теории относительно происхождения общины беде. Как пишет Ранджана Бишвас⁷, исследующая культуру и обычаи общины беде, многие авторы, анализируя антропологическую идентичность беде, опирались на колониальные источники, что могло исказить реальную картину. В ранних религиозных и литературных текстах, в частности «Брихад Дхарма Пуране» (Brihad Dharma Purana) дается более глубокое понимание их истории и идентичности. В этом источнике беде описываются как заклинатели змей, что подчеркивает их связь с природой и традиционными практиками. Это свидетельствует о том, что беде являются коренным народом Бенгалии, чьи традиции имеют долгую историю, возможно, насчитывающую не одно столетие.

Немецкая исследовательница Кармен Брандт в статье «*Between Freedom and Poverty: The 'River Gypsies' of Bengal*» — «Между свободой и нищетой: «Речные цыгане» Бенгалии» дает развернутое обоснованное раскрытие бенгальского термина «беде».

Она пишет, что «бенгальский термин “bede” (и его различные варианты — *bāḍiḍā*, *bediḍā* и *bāiḍyā*) является стержнем представления и категоризации кочевых групп в Бенгалии и сопоставим с проблемным термином «цыган»: оба термина относятся к различным группам, которые часто воспринимаются посторонними как единое сообщество, хотя эти группы отвергают связи друг с другом. Даже с помощью этимологического анализа невозможно точно определить, для кого впервые был использован термин “bede” и что он изначально означал. Однако бенгальские источники указывают, что древнейший вариант этого термина — “*bāḍiḍā*” использовался для обозначения ловцов и заклинателей змей» [Brandt, 2024, p. 36]. Это значение во многом совпадает и с его общепринятым использованием в Западной Бенгалии, но оно контрастирует с преобладающим использованием в современном Бангладеш, где термин *bede* часто приравнивают к «речным цыганам».

Согласно английскому термину «*river gypsies*», так называемые «речные цыгане» Бангладеш живут группами и передвигаются на лодках. Они зарабатывают на жизнь самыми разными видами деятельности: ловлей или заклинанием змей, выступлениями с животными или акробатическими номерами, продажей лекарств, домашней утвари, косметики и украшений, а также лечением ревматизма и зубной боли.

⁴ Исследователи определяют беде как «кочевую общину, которая известна в Бангладеш также как «водные цыгане» или «речные цыгане». Подробно см.: Brandt C. Between Freedom and Poverty: The 'River Gypsies' of Bengal. The Newsletter of International Institute of Asian Studies. The Newsletter 98. Summer 2024. Pp. 36–37. URL: https://www.iias.asia/sites/iias/files/nwl_article/2024-06/IIAS_NL98_3637.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

⁵ Maksud A. K., Rasul I. The Nomadic Bede community and their mobile school program. International conference on what works for the poorest: Knowledge, policies and practices. BRAC Gazipur, Centre for Development Management, Bangladesh, 2006. 15 November 2022. URL: <https://grambanglabd.org/wp-content/uploads/2022/03/Final-Paper-on-Mobile-School-Program-for-BRAC.pdf> (дата обращения: 02.10.2025).

⁶ Подробно см.: Lifestyle of the Nomadic River Gypsies and their Treat Narrative: A Tale of Two Villages in Bangladesh. International Journal of Environmental Sciences and Natural Resources. Juniper Publishers. March 14, 2019. URL: <https://juniperpublishers.com/ijesnr/IJESNR.MS.ID.555973.php> (дата обращения: 03.12.2025).

⁷ Ранджана Бишвас (Ranjana Biswas) — исследовательница, занимающаяся изучением культуры и традиций общины беде. В 2022 г. она была удостоена престижной литературной премии «Ananya Sahitya Puraskar», учрежденной бангладешским феминистским журналом «Ananya» в 1993 г. в знак признания значительного вклада женщин в литературу Бангладеш.

Однако эти группы имеют собственные названия, часто соответствующие их занятиям (например — *лауда*, *мал*, *сандэр*, *санурэ*). Они сами категорически отвергают свою принадлежность к беде и, как правило, не поддерживают родственных отношений с другими группами беде. Скорее всего, это разные эндогамные группы, которые воспринимаются остальным населением как одно сообщество только из-за их общей черты — передвижения на лодках.

Идея о том, что различные профессиональные группы якобы образуют сообщество «беде», отмечалась в публикациях британских колониальных чиновников. Под влиянием идеи о том, что европейские «цыгане» происходят из Индии, колониальные чиновники часто проводили сравнения с местным населением, занимавшим схожие социально-экономические роли, объединяли их под одним термином и конструировали как единое сообщество.

В литературных и научных произведениях бенгальских авторов в отношении этого сообщества можно найти сведения, формирующие негативные стереотипы и образы. В частности, один из бенгальских ученых, Раджендралал Митра (1822–1891), в статье «О цыганах Бенгалии» писал: *«Во лжи, воровстве и мошенничестве они ничуть не уступают своему европейскому брату и делают всё, что позволяет ему вести лёгкую, праздную жизнь, не подчиняясь никаким законам цивилизованного правительства и удобствам общественной жизни»* [Brandt, 2024, p. 36]. В настоящее время иностранные и бенгальские ученые избегают в своих работах оценочных суждений относительно культурных особенностей и образа жизни представителей беде.

До сих пор бенгальские и зарубежные ученые не могут прийти к единому мнению о том, как правильно охарактеризовать беде, откуда возникает такое количество разнообразных противоречивых терминов, используемых для их классификации в различных работах: «община», «сообщество», «каста», «класс», «этническая группа», «раса» и «племя»⁸. В Западной Бенгалии беде официально числятся в списке зарегистрированных племен, а в Бангладеш они до сих пор официально не классифицированы. Несмотря на то, что многие исследователи из Бангладеш, Индии и западных стран пытались вникнуть и изучить культуру и обычаи данной общины, однако вплоть до 1999 г. не появлялось работ, посвященных кризису традиционного образа жизни беде. Сегодня исследователи из Бангладеш и других стран ведут активные наблюдения за повседневным бытом представителей общины, проводят опросы на тему сохранения традиционного уклада среди молодого поколения, а также ищут пути для решения проблем со здравоохранением и образованием.

Закливание змей и традиционное целительство

Беде традиционно занимались бизнесом, связанным со змеями. Они обладают способностью дрессировать змей, обучая их выглядеть загипнотизированными во время игры на инструменте, называемом *пунги*. Подобные шоу включают в себя выполнение различных рискованных действий с участием ядовитых змей [Shawon, 2022, p. 11]. Эти занятия, как и кочевой образ жизни, являются социокультурным маркером этого этнического меньшинства, хотя оно и не признано официальными документами Бангладеш. Лодки всегда были их домом и пристанищем, а закливание змей и лечение пострадавших от укусов — основными способами их заработка. Такой образ жизни и род занятий беде давно глубоко укоренились в бенгальской культуре.

Многие годы заклинатели змей выступали с обученными змеями, играя на флейтах, и продавали традиционные лекарства в сельской местности на рынках. Представители общины из поколения в поколение передавали детям знания о том, как ловить змей, содержать их, дрессировать для

⁸ В данном исследовании употребляются принятые, не вызывающие дискуссии термины в отношении *беде* — «сообщество» и «община».

выступлений перед публикой, а также исцелять людей от змеиных укусов. Известно, что в Индии и Бангладеш змей великое множество. Согласно медицинским источникам, именно в Бангладеш фиксируется самое большое количество пострадавших от укусов ядовитых змей⁹. В сельской местности, особенно удаленной от городов, лишенной современных медицинских центров, жители традиционно обращались за помощью к беде, они были особенно востребованы. Люди верили, что беде действительно обладали способностью исцелять укушенных змеями, поскольку они лучше многих изучили местную флору и фауну и могли приготовить лекарства из растительных средств для лечения различных заболеваний [Shawon, 2022, p. 17]. Но сегодня накопленные веками этно-медицинские знания народных целителей далеко не всегда признаются официальной медициной¹⁰.

Для беде наступают времена, когда их традиционные занятия, медицинские знания и практики и накопленный опыт постепенно, но неумолимо уходят в прошлое. Людей больше не интересуют ни их выступления, ни лечение. За последние несколько десятилетий в Бангладеш наблюдается значительный технологический прогресс и интенсивное развитие инфраструктуры. Почти у всех под рукой имеются смартфоны и свободный доступ в интернет. Дистанция между сельской и городской жизнью значительно сократилась. Благодаря развитию доступной официальной медицины люди намного реже обращаются к беде за традиционными методами лечения.

Сообщество беде является носителем уникальной культуры, которая сейчас находится под угрозой¹¹. Постепенно беде вынуждены менять традиционный образ жизни, переселяясь с лодок на сушу, где они некоторое время живут в небольших импровизированных жилищах. Мало кто из них продолжает традицию выступлений на публике с заклинанием змей. Важно отметить, что молодое поколение не интересуется кочевым образом жизни беде, и лишь немногие из них зарабатывают на жизнь заклинанием змей и другими традиционными развлечениями. Общество не принимает их радушно из-за культурных, ритуальных и профессиональных различий.

Не считая попрошайничества недостойной работой, женщины беде часто используют змей, спрятанных в маленьких коробках, чтобы напугать на улице прохожих и вынудить их отдать им деньги. Согласно наблюдениям, проведенным в 2022 г. группой исследователей-социологов, небольшая часть беде еще практикует выступления со змеями, но их число заметно сокращается [Shawon, 2022, p. 18]. Некоторые беде продают народные лекарственные средства и занимаются лечением с помощью «шинги»¹². *Они предлагают также деревенским жителям браслеты и другие украшения. Некоторые беде занимаются продажей чая и кондитерских изделий, а также ловлей рыбы в местных реках или на рисовых полях со стоячей водой. Очевидно, что традиционная профессия заклинания змей беде неуклонно приходит в упадок. Их кочевой образ жизни изменяется в связи с текущими социально-экономическими условиями.*

Беде по-прежнему живут за чертой бедности, что делает их крайне уязвимыми в обществе. Они нуждаются в помощи правительства и правозащитных организаций, чтобы обеспечить себе жилье, найти работу, а также получить медицинскую помощь и образование. Это необходимо для их интеграции и взаимодействия с остальными членами общества Бангладеш.

⁹ Подробно см.: Yoshimura K., Hossain M., Tojo B., Tieu P., Trinh N. N., Huy N. T., Sato M., Moji K. Barriers to the hospital treatment among Beder snake charmers in Bangladesh with special reference to venomous snakebite. National Library of Medicine. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37782628> (дата обращения: 02.10.2025).

¹⁰ Barman N. K. Habibur Rahman's drive to preserve 'Thar' language. 22 February 2022. The Asian Age. URL: <https://dailiasianage.com/news/282274/habibur-rahmans-drive-to-preserve-thar-language> (дата обращения: 03.12.2025).

¹¹ Arif A. S.M.R. 'Beder' community and their professional transformation. Daily Observer. 19 November, 2017. URL: <https://www.observerbd.com/news/106654> (дата обращения: 03.12.2025).

¹² «Шинга» — особый вид лечебного воздействия, при котором используется конический, воронкообразный предмет, изготовленный из рога коровы или козла.

В настоящее время традиционный кочевой образ жизни сделал общину беде практически оторванной от основной части общества Бангладеш; они часто подвергаются нарушениям прав человека и дискриминации. Беде традиционно живут на реках или вблизи них, но у общины нет никакого контроля над землей — ни права собственности, ни сертификатов об уплате земельного налога. Отсутствие официального признания на государственном уровне не позволяет им заявить о своих особых потребностях в образовании и здравоохранении и лишает их возможности реализовать свои гражданские права. Представители беде не включены в списки избирателей Бангладеш; лишены возможности поднимать вопросы на местном или национальном уровне для защиты своих интересов. Беде не учитываются как этническая группа в переписи населения Бюро статистики Бангладеш (BBS), поэтому они лишены возможности пользоваться программами поддержки, реализуемыми для этнических меньшинств или маргинализированных групп. В Бангладеш представителей общины беде можно найти в следующих районах: Саваре в Дакке, Калигандже в Дженайде, Муншигандже, Сунамгандже, Джойдевпуре в Газипуре¹³. Согласно опросу, проведенному Департаментом социального обеспечения, 99 процентов беде являются мусульманами и такой же процент из них неграмотны¹⁴.

С точки зрения религиозной идентичности беде, несмотря на влияние ислама, сохраняют синкретические элементы своей веры, поклоняясь традиционным божествам. Праздник Курбан-байрам имеет для них особое значение, подтверждая их самоидентификацию как мусульман, хотя их обрядовые практики остаются многослойными и не всегда соответствуют традиционным исламским нормам¹⁵.

Беде живут группами, каждую из которых возглавляет глава, называемый «беде-сардар». Сардар принимает решения и направляет все население, находящееся под его руководством, определяя маршрут торговли для каждой группы. Люди, находящиеся под его руководством, обязаны подчиняться его решениям; в противном случае они наказываются за нарушение правил. Все представители общины беде тесно связаны друг с другом и взаимодействуют с главой группы для улучшения торговли или поиска места жительства [Shawon, 2022, p. 13].

Беде проживают семьями на длинных деревянных лодках, имеющих крышу, укрывающую их от жары и дождей. На лодках проходит большая часть их жизни [Nomadic Tribe Life, 2025]. Речная вода предоставляет все возможности для повседневных дел — это и питье, и приготовление пищи, и омовение, и бытовые нужды. Одновременно в эту же речную проточную воду они скидывают пищевые отходы и прочий мусор. Около 98% представителей общины, как уже было сказано, живут за чертой бедности. Более 90% населения общины беде очень мобильны. Они кочуют небольшими группами и никогда не остаются на одном месте более нескольких месяцев подряд.

За последние пятнадцать лет традиционный образ жизни народа беде довольно сильно трансформировался: они вынуждены переходить от кочевого лодочного к наземному обитанию. Если раньше они никогда не жили на одном месте более двух-трех месяцев, то сейчас им приходится оставаться в определенной местности по экономическим причинам. Важно отметить, что беде традиционно не имели постоянного или арендованного жилья на суше, все их жилища и укрытия на суше имеют временный характер и легко могут быть демонтированы [Shawon, 2022, p. 13].

¹³ Quadir S. I. Habibur Rahman's 'Thar': Unpacking the language of the Bede community. URL: <https://www.banginews.com/web-news?id=10e8c35638caa09a8b6aace3c19064916975f732> (дата обращения: 03.12.2025).

¹⁴ Подробно см.: Maksud A. K., Rasul I. The Nomadic Bede community and their mobile school program. International conference on what works for the poorest: Knowledge, policies and practices. BRAC Gazipur, Centre for Development Management, Bangladesh, 2006. 15 November 2022. URL: <https://grambanglabd.org/wp-content/uploads/2022/03/Final-Paper-on-Mobile-School-Program-for-BRAC.pdf> (дата обращения: 02.10.2025).

¹⁵ Priyam P. Beyond the snake charms: the changing lives of the Bedes. The Daily Star. 16 August 2025. URL: <https://www.thedailystar.net/slow-reads/unheard-voices/news/beyond-the-snake-charms-the-changing-lives-the-bedes-3963636> (дата обращения: 03.12.2025).

Община беде остро нуждается в поддержке на уровне государства всех основных жизненных потребностей: еда, жилье, образование, медицинская помощь и т. д. [Nomadic Tribe Life, 2025].

Хабибур Рахман и его книга о языке *тхар* (*тар*)

Всеобщая декларация прав человека, Конституция Бангладеш и Закон об обязательном начальном образовании — все эти документы поддерживают образование каждого ребенка в Бангладеш, но большинство детей беде по-прежнему лишены возможности ходить в школы. Учителя государственных начальных школ не хотят принимать детей из этой общины и предоставлять им учебники и книги, поскольку знают, что они с семьей через пару месяцев вновь отправятся в долгое странствие по рекам. Таким образом, детям из семей беде, постоянно перемещающимся в течение года с одного места на другое, трудно получить даже начальное образование в государственных школах [Nomadic Tribe Life, 2025].

У беде имеется собственный самобытный язык — *тхар* (*тар*), который до сих пор мало известен, не имеет алфавита и письменности и используется только в общении между представителями общины. Этот язык не рассматривался ранее в лингвистических работах, его изучению не было уделено достаточно внимания в научной среде¹⁶. В целом на бенгальском языке существует относительно немного работ, посвященных языкам малых этнических групп¹⁷.

В 2022 г. Хабибур Рахман, долгие годы работавший в полиции Бангладеш¹⁸, непосредственно с представителями общины беде, написал книгу «*Thar: Bede Jonogoshthhir Bhasha*» («*Тхар — язык народа Беде*»)¹⁹. Эта работа стала своего рода открытием в научной литературе, поскольку автор дал будущим поколениям ученых идеи и пути для дальнейших исследований, связанных с языком *тхар*. Книга получила национальное и международное признание, включая Международную премию родного языка 2023 г., которая была вручена автору премьер-министром Шейх Хасиной.

Хабибур Рахман родился в 1967 г. в округе Гопалгандж, в Восточном Пакистане²⁰. Он получил степень магистра в Институте образования и исследований Университета Дакки. Затем он сдал экзамен на гражданскую службу Бангладеш (BCS) и в 1998 г. поступил на службу в полицию Бангладеш в качестве помощника суперинтенданта. Хабибур Рахман стал известен, будучи окружным суперинтендантом полиции Дакки. Его карьера и известность стремительно росли. Хабибур Рахман был трижды награжден медалью полиции Бангладеш (ВРМ) и дважды — медалью президента полиции. В 2022 г. он был повышен до должности заместителя генерального инспектора и начальника туристической полиции Бангладеш.

При упоминании термина «полиция» в сознании возникает типичный образ жестких и суровых людей, обусловленный спецификой их работы — борьбы с преступниками и поддержания правопорядка в обществе. Бангладешский полицейский-филантроп разрушил распространенный универсальный стереотип о полиции, вступив в борьбу за интеграцию маргинализированных сообществ своей страны в общество. Хабибур Рахман выбрал благотворительность главным

¹⁶ Язык «Thar» отсутствует в «Ethnologue» — научной лингвистической базе данных <https://www.ethnologue.com>.

¹⁷ Подробно см.: Barman N. K. Habibur Rahman's drive to preserve 'Thar' language. 22 February 2022. The Asian Age. URL: <https://dailyasianage.com/news/282274/habibur-rahmans-drive-to-preserve-thar-language> (дата обращения: 03.12.2025).

¹⁸ Хабибур Рахман (бенгальский — হাবিবুর রহমান; родился 1 января 1967 г.) — бывший сотрудник полиции Бангладеш. Помимо своих обязанностей в полиции Хабибур Рахман известен работой на благо обездоленных людей страны, особенно представителей общины беде.

¹⁹ Rahman H. Thar: Bede Jonogoshthhir Bhasha. Panjeri Publications Limited, Dhaka, Bangladesh, 2022.

²⁰ В 1971 г. Восточный Пакистан после войны за независимость официально признан государством Бангладеш.

делом своей жизни. Его деятельность была направлена на благо самых нуждающихся представителей из общины беде²¹.

Хабибур Рахман разносторонне изучил жизнь представителей беде и написал, основываясь на своем опыте, тщательно проработанную книгу *«Тхар — язык народа Беде»*. В ней он описывает язык тхар, его особенности, происхождение и вариативность. Эта книга — живое повествование, отчасти автобиография, так как в ней Хабибур Рахман рассказывает о том, как связал свою жизнь с народом беде, вырвав его из тисков наркоторговли. Посвятив себя интеграции представителей беде в жизнь остального общества Бангладеш, автор использовал все возможное, пытаясь изменить их образ жизни и спасти их особенный язык *тхар*, на котором они еще говорят, от неминуемого исчезновения. Для понимания важности данного исследования, получившего признание профессионалов-лингвистов, приведем кратко предысторию этого издания.

Хабибур Рахман пишет, что *«в 2014 г. в Текнафе, пограничном районе Кокс-Базар, прибрежном районе Бангладеш, заметно увеличилось число заклинателей змей. Каждый из них нес несколько корзин с различными видами змей, чтобы устроить там традиционные представления. Возник вопрос: почему они так часто проделывали весь этот путь именно до Текнафа ради своих представлений? Полиция выяснила, что внутри корзин под ядовитыми змеями, свернувшимися кольцами, лежали тысячи таблеток яба, разновидности наркотического вещества, вызывающего привыкание»*²².

Выяснилось, что эти заклинатели змей — представители общины беде, но они не торгуют яба, а лишь выполняют функции курьеров за мизерную плату. Хабибур Рахман, занимавший в то время пост суперинтенданта полиции округа Дакка, организовал переговоры с семнадцатью «главами племен». Все они подтвердили, что тяжелые времена и нужда вынудили их заниматься перевозкой запрещенных веществ.

Хабибур Рахман знал, что традиционно жизнь беде сосредоточена на их лодках. За последние несколько десятилетий их образ жизни изменился, поскольку судоходность рек снизилась. В прошлом они зарабатывали себе на жизнь выступлениями со змеями и лечением пациентов от укусов ядовитых змей, особенно в сельской местности. Сейчас люди в крупных городах стали образованнее и больше доверяют современной медицине. Беде трудно так быстро адаптироваться к новым социально-экономическим изменениям. Им сложно получить государственное образование и устроиться на официальную или высокооплачиваемую работу. Потеряв унаследованные традиционные профессии, связанные с содержанием и заклинанием змей, а также постепенно отказываясь от практики применения своих этномедицинских знаний, беде стали еще беднее. Пользуясь их бедственным положением, криминальные структуры вовлекли их в противозаконную деятельность.

Хабибур Рахман предложил главам племен альтернативную работу, и те дали свое согласие. В 2017 г. был официально основан «Фонд Уттаран / Uttaran Foundation»²³; при этой организации открылись магазин «Мода Уттаран» и швейная фабрика, где были трудоустроены женщины беде. Детей из общины там же обучали шитью. *«Хабибур помог многим цыганкам (беде — прим. О.М.) держать в руках иголки и нитки — символы благополучия, независимости и достоинства — вместо змей, рогов, плетёных корзин со змеями или мешочков с травяными лекарствами»*²⁴.

²¹ Hassan Md. E. Bangladeshi police officer of deep humanity. China Daily. 22 October 2019. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201910/22/WS5dae6f31a310cf3e35571dfd.html> (дата обращения: 03.12.2025).

²² Подробно см.: Ahmed S. Reviving a language, rescuing a community, and an extraordinary Habibur Rahman. Prothom Alo (English). 30 October 2022. URL: <https://en.prothomalo.com/opinion/prygz8ek42> (дата обращения: 09.10.2025).

²³ «Уттаран» — в переводе с бенгальского языка означает «переход». Фонд оправдывает свое название, реализуя множество инициатив в области развития для защиты прав маргинализированных и обездоленных слоев населения.

²⁴ Hassan Md. E. Bangladeshi police officer of deep humanity. China Daily. 22 October 2019. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201910/22/WS5dae6f31a310cf3e35571dfd.html> (дата обращения: 03.12.2025).

В рамках альтернативного обучения мужчинам беде предложили курсы вождения. Хабибур Рахман также привлек беде к работам по поддержанию общественного порядка и организовал программы обучения работе на компьютере. Большинство прошедших обучение смогли найти альтернативную работу. В рамках интеграции общины в общество Бангладеш Хабибур Рахман начал строить дороги, мечети, молитвенные площадки и школы для беде в разных районах Дакки. Полицейский постепенно расширял сферу своей благотворительной деятельности. В 2023 г. Хабибур Рахман получил Международную премию «Родной язык» за выдающуюся роль в сотрудничестве в области исследований языка и за его неоценимый вклад в изучение языка *тхар*, почти исчезнувшего родного языка народа беде.

Заключение

В статье рассмотрены социокультурные особенности общины беде, структура которой весьма разнообразна. Официальная перепись ее населения никогда не проводилась. Беде — носители уникального языка *тхар*, который до сих пор малоизучен и представляет неисчерпаемое поле для исследователей-лингвистов. В настоящее время традиционный уклад их жизни претерпевает значительные изменения. Представители этой общины традиционно вели кочевой образ жизни, путешествуя вместе с семьями в лодках-домах по речным системам Бенгалии. Заклинание змей, народные знания в области лечения различных заболеваний, особенно от змеиных укусов были не только способом их заработка, но и социокультурным маркером. Именно к ним обращались за помощью жители сельской местности, далекой от городской медицины.

В Бангладеш в наши дни все меньше людей интересуются представлениями с заклинателями змей или полагаются на народную медицину. Как следствие, многие беде вынуждены адаптироваться к современным условиям, оставляя в прошлом традиционные занятия. Социологические опросы, проведенные среди представителей беде, показывают, что большинство хотят изменить свою уникальную культуру и способ существования и лишь немногие не заинтересованы в радикальной смене образа жизни [Shawon, 2022, p. 18]. Эти тенденции в общине беде приводят к смене профессии, которая была наследственной, и постепенному отказу от традиционного кочевничества, вынуждая беде становиться постоянными поселенцами. С обретенной стабильностью они меняют и свою социальную структуру — теперь у них появляется территория для проживания и частная собственность.

Несомненно, изучение общины беде требует более комплексного подхода, учитывающего как их исторические корни, так и современные реалии, что позволяет более глубоко понять их идентичность и место в обществе Бангладеш.

Литература / References

Brandt C. *The 'Bedes' of Bengal. Establishing an Ethnic Group through Portrayals*. Zürich: Transdisziplinäre Südasiestudien, 2018.

Rahman H. *Thar: Bede Jonogoshthbir Bhasha*. Dhaka: Panjeri Publications Limited, 2022.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Национальный доклад, представленный в соответствии с резолюциями 5/1 и 16/21 Совета по правам человека Бангладеш. 6–17 ноября 2023 г. [National report submitted in accordance with resolutions 5/1 and 16/21 of the Bangladesh Human Rights Council. November 6–17, 2023]. URL: <https://philpapers.org/rec/РАНТBC/> (дата обращения: 09.10.2025).

Ahmed S. Reviving a language, rescuing a community, and an extraordinary Habibur Rahman. Prothom Alo (English). 30 October 2022. URL: <https://en.prothomalo.com/opinion/prygz8ek42> (дата обращения: 09.10.2025).

Arif A. S. M. R. 'Bede' community and their professional transformation. Daily Observer. 19 November, 2017. URL: <https://www.observerbd.com/news/106654> (дата обращения: 02.10.2025).

Barman N. K. Habibur Rahman's drive to preserve 'Thar' language. 22 February 2022. The Asian Age. URL: <https://dailyasianage.com/news/282274/habibur-rahmans-drive-to-preserve-thar-language> (дата обращения: 23.10.2025).

Brandt C. Between Freedom and Poverty: The 'River Gypsies' of Bengal. The Newsletter of International Institute of Asian Studies. The Newsletter 98. Summer 2024. Pp. 36–37. URL: https://www.iias.asia/sites/iias/files/nwl_article/2024-06/IIAS_NL98_3637.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

Brihad Dharma Purana. Annotated by S. N. Khandelaval. Choukhamba Sanskrit Series. Varanasi. URL: https://archive.org/details/oQUe_brihad-dharma-puran-of-krishna-dvaipayan-annotated-by-s-n-khandelaval-choukhamba (дата обращения: 05.11.2025).

Daize A. S., Lima M.L. Traditional profession and livelihood strategies of Bede community in Bangladesh: A sociological study. Social Science Review. Vol. 38(1), June 2021. Pp. 109–132. URL: https://www.researchgate.net/publication/358194317_Traditional_Profession_and_Livelihood_Strategies_Of_Bede_Community_in_Bangladesh_A_Sociological_Study (дата обращения: 02.10.2025).

Habibur Rahman's 'Thar': Unpacking the language of the Bede community. Bangi News. URL: <https://www.banginews.com/web-news?id=10e8c35638caa09a8b6aace3c19064916975f732> (дата обращения: 02.10.2025).

Hassan Md. E. Bangladeshi police officer of deep humanity. China Daily. 22 October 2019. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201910/22/WS5dae6f31a310cf3e35571dfd.html> (дата обращения: 09.10.2025).

Maksud A. K., Rasul I. The Nomadic Bede community and their mobile school program. International conference on what works for the poorest: Knowledge, policies and practices. BRAC Gazipur, Centre for Development Management, Bangladesh, 2006. 15 November 2022. URL: <https://grambanglabd.org/wp-content/uploads/2022/03/Final-Paper-on-Mobile-School-Program-for-BRAC.pdf> (дата обращения: 02.10.2025).

Mohammad S. L., Liza M. D, Mohammad H. C., Hossain Md. S., Islam Md. N, Chowdhury Md. J. Lifestyle of the Nomadic River Gypsies and their Treat Narrative: A Tale of Two Villages in Bangladesh. International Journal of Environmental Sciences and Natural Resources. Juniper Publishers. March 14, 2019. URL: <https://juniperpublishers.com/ijesnr/IJESNR.MS.ID.555973.php> (дата обращения: 03.12.2025).

Nomadic Tribe Life On The Boat. Bede Community Of Bangladesh. Human Documentary. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3H6fX_b85wE (дата обращения: 05.11.2025).

Priyam P. Beyond the snake charms: the changing lives of the Bedes. The Daily Star. 16 August 2025. URL: <https://www.thedailystar.net/slow-reads/unheard-voices/news/beyond-the-snake-charms-the-changing-lives-the-bedes-3963636> (дата обращения: 02.10.2025).

Quadir S. I. Habibur Rahman's 'Thar': Unpacking the language of the Bede community. The Daily Star. 18 August 2022. URL: [https://www.thedailystar.net/daily-star-books/news/unpacking-the-language-the-bede-community-3097661#:~:text=Habibur%20Rahman%27s%20%27Thar%27:%20Unpacking%20the%20language%20of%20the%20Bede&text=book%20titled%20Thar:%20Bede%20Jonogoshthhir%20Bhasha%20\(Panjeri%20Publications%2C%202022\)](https://www.thedailystar.net/daily-star-books/news/unpacking-the-language-the-bede-community-3097661#:~:text=Habibur%20Rahman%27s%20%27Thar%27:%20Unpacking%20the%20language%20of%20the%20Bede&text=book%20titled%20Thar:%20Bede%20Jonogoshthhir%20Bhasha%20(Panjeri%20Publications%2C%202022)) (дата обращения: 09.10.2025).

Shawon R. A. R., Shyama I. J., Hossain Md. J., Rabbi Md. Sh. M. M. E., Rahman Md. M.: Nomadic Bedes are Experiencing Identity Crisis and Shifting of their Traditional Habitats in Bangladesh. Asian Journal of Education and Social Studies. November 2022. Vol. 36. No. 1. Pp. 10–20. URL: https://www.researchgate.net/publication/365768728_Nomadic_Bedes_are_Experiencing_Identity_Crisis_and_Shifting_of_their_Traditional_Habitats_in_Bangladesh (дата обращения: 02.10.2025).

Yoshimura K., Hossain M., Tojo B., Tieu P., Trinh N. N., Huy N. T., Sato M., Moji K. Barriers to the hospital treatment among Bede snake charmers in Bangladesh with special reference to venomous snakebite. National Library of Medicine. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37782628> (дата обращения: 02.10.2025).

ОДИН И ОДУН

© 2026

Л. В. Федорова¹

В статье исследуются сравнительным методом аналогии между верховными божествами, которыми выступают в германо-скандинавской мифологии *Один* и якутской мифологии — *Одун*. Германо-скандинавские эпосы нельзя отнести к произведениям исконно народного творчества. Безусловно, сам эпос имеет истинно народные корни: он родился из легенд и преданий, которые не одно столетие передавались от поколения к поколению, но вместе с тем эти героические поэмы не являются плодом коллективного творчества, а написаны индивидуальными авторами, имена которых неизвестны. А якутский героический эпос олонхо переходит изустно из поколения в поколение. Олонхо передает древнейшую историю народа саха. Как в германо-скандинавской мифологии постепенно появляется главный, верховный бог *Один*, так и в якутском олонхо постепенно появляется главный *айы* — создатель Вселенной *Айы Танара*. В скандинавской мифологии главный среди богов — *Один*. Он является предводителем всех богов и может, как и якутский *Айы Танара*, свободно путешествовать по всем девяти мирам. В якутском олонхо на восьмом ярусе небес проживает одна из ипостасей *Айы Танара* — бог рока с трехсоставным именем *Дьылҕа тойон* — *Чынгыс хан* — *Одун бис*. Здесь имя *Один* скандинавского бога и одно из имен якутского бога рока *Одун* созвучны. Целью работы является сравнительный анализ функций германо-скандинавского бога *Одина* и якутского *Одуна*, в целом эпических сюжетов, богов, персонажей и объяснение причин сходжений.

Ключевые слова: Один, Одун, Тенгри, Айыы, Танара, Асгард, Иггдрассиль, асы

Для цитирования: Федорова Л. В. Один и Одун. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026.

№ 1. С. 76–84. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-076-084

ODIN AND ODUN

Lena V. Fedorova

This study employs a comparative method to examine convergences between the supreme deities of Germanic-Norse mythology (*Odin*) and Yakut mythology (*Odun*). Germanic-Norse epics cannot be classified as purely folk creations. While they undoubtedly have genuine folk roots — emerging from legends and tales transmitted across centuries — these heroic poems are not products of collective creativity. Instead, they were composed by individual authors whose names remain unknown. In contrast, the Yakut heroic epic *olonkho* was transmitted orally from generation to generation, preserving the ancient oral history of the Sakha people.

¹ Федорова Лена Валерьевна, кандидат политических наук, Международный Фонд Исследования Тенгри, директор, Якутск; tengrikonferens@mail.ru,
Lena V. Fedorova, PhD (Political Sciences), International Fund of Tengri Research, Director, Yakutsk; tengrikonferens@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2787-1669

Just as the supreme god *Odin* gradually emerges in Germanic-Norse mythology, the chief *aiy* (creator of the Universe), *Aiy Tangara*, similarly emerges in the Yakut *olonkho*. In Norse mythology, *Odin* is the leader of all gods and, like the Yakut *Aiy Tangara*, can freely travel across all nine worlds.

In the Yakut *olonkho*, one of the manifestations of *Aiy Tangara* resides on the eighth level of the heavens: the god of fate with the three-part name *Dylga Toyon — Chyngys Khan — Odun Bis*. Notably, the name of the Norse god *Odin* and one of the names of the Yakut god of fate, *Odun*, are phonetically similar.

The aim of this work is to conduct a comparative analysis of:

- the functions of the Germanic-Norse god *Odin* and the Yakut *Odun*;
- epic plots;
- deities and characters.

Additionally, the study seeks to explain the reasons for these convergences.

Keywords: Odin, Odun, Tengri, Aiy, Tangara, Asgard, Yggdrasil, Aces

For citation: Fedorova L. V. Odin and Odun. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 76–84.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-076-084

Введение

Героический эпос — важнейшая часть культурного наследия многих народов. Он отражает мировоззрение, исторические представления, нравственные идеалы и художественные устремления этноса. Среди таких эпических традиций особое место занимает якутское олонхо — древнейшее эпическое искусство народа саха.

В изучение якутского олонхо внесли вклад Е. М. Мелетинский, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, П. А. Ойунский, Г. У. Эргис, Н. А. Алексеев, А. И. Гоголев, К. Г. Оросин, Э. К. Пекарский, Е. С. Сидоров, Н. В. Емельянова, В. В. Илларионов, В. М. Никифоров, С. Д. Мухоплева, Л. А. Афанасьев-Тэрис и др.

Автор статьи в период 2000–2003 гг. организовала и провела 5 научных междисциплинарных полевых экспедиций в Индию, Тибет, Непал, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, в т. ч. международную в 2001 г. с участием фольклористов, историков, социологов, этнографов, деятелей культуры из Якутии, Калмыкии, Башкирии, Тывы, Москвы, Киргизии. Также в 2018 г. была организована экспедиция в Пакистан. Целью экспедиций был сбор материалов, поиск мест, которые описывает олонхо и другие эпосы тюркских и монгольских народов. Кроме того, с 2007 по 2025 г. организованы и проведены 10 международных научно-практических конференций «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность» в Якутии, Тыве, Хакасии, Горном Алтае, Монголии, Болгарии, Казахстане, Кыргызстане. Материалы конференций издаются и размещаются на сайтах Международного Фонда Исследования Тенгри (МФИТ) tengrifund.ru и eLibrary.ru. Автором собран материал, который используется в проводимых ею исследованиях, в т. ч. и в настоящей работе.

Материалы и методы

В данной работе используется метод сравнительно-сопоставительного анализа якутских олонхо и древнегерманских (германо-скандинавских) эпосов. Впервые рассматриваются схожести образов богов Одун якутской мифологии и верховного бога Один германо-скандинавской мифологии.

В III–IV вв. на Среднюю Лену прибыли хуннские роды [История Якутии, 2020, с. 132]. Прибыли они с Минусинской котловины через Байкал. Современный якутский исследователь

А. И. Гоголев, уделяя внимание изучению космогонических и связанных с ними мифов якутов, поискам к ним параллелей, преимущественно из мифологии древних индоевропейцев, мотивирует эти параллели «древними индоиранскими этногенетическими связями» [Гоголев, 2002, с. 44]. Генетики также подтверждают наличие индоиранских связей в родословной саха (якутов). Как полагает В. В. Фелелова, «возможности сложной, уникальной системы генетических маркеров HLA позволяют утверждать, что среди индоевропейских племен Центральной Азии были индоевропейские арийские племена и что они приняли участие в этногенезе якутов» [Фелелова, 2014, с. 24]. С. А. Федорова, подтверждая правоту В. В. Фелеловой, пишет: «Происхождение древних западно-евразийских линий в генофонде якутского этноса, по-видимому, связано с доэтническим этапом формирования якутов как отдельного народа — скифо-сибирским, последующим гунно-сарматским и древнетюркским временем. Таким образом, данные генетической археологии подтверждают присутствие древнего европеоидного компонента в генофонде якутов, выдвинутой профессором В. В. Фелеловой на основании результатов исследований системы HLA» [Федорова, 2017, с. 63–64].

Мифология якутского героического эпоса олонхо зародилась в конце эпохи матриархата, в начале патриархата на южной родине родоначальников уранхай саха. Олонхо является устной историей народа саха, переданной поколениями многих сказителей. Оно описывает изначальную родину родоначальников саха как зеленую долину со множеством водоемов, горных рек, ручьев и окруженную вечными ледниками. В олонхо говорится о долине *Кыладыкы*, где зимуют стерхи и куда по велению верхнего бога спускают на жительство будущего родоначальника уранхай саха Нюргуна:

«Необозрим кругозор,
Неизмерим простор
Великой долины той —
Широкой равнины той;
Прославленное имя её —
Праматерь *Кыладыкы*...
Здесь птицы-стерхи поют,
У которых граненый клюв,
Красная кайма на глазах...»
[Ойунский, 1975, с. 46–47].

Сибирские стерхи Обской популяции зимовали на севере Индии, Пакистана и Афганистана. Это положение указывает изначальной родиной уранхай саха район стыка величайших гор Азии — Карокорума, Гиндукуша и Западных Гималаев. Название долины *Кыладыкы* в олонхо идентично названию национального парка *Кеоладео* на северо-западе Индии, в округе Бхаратпур, учрежденного Индирой Ганди в 1981 г. [Федорова, 2023, с. 193].

Ландшафт эпической страны олонхо описывается как высокогорные долины, где верхняя воспевается как верхний мир, средняя как средний мир и нижняя — как нижний мир. Обитатели этих долин вступали в различные контакты — военные, культурные, родственные и другие. *Уранхай саха* считают себя потомками верхнего небесного бога *Айыы Танара*, полное имя которого *Үрүҥ Аар Айыы Тойон Танара* (Тенгри), и называют себя *айыы аймаҕа* — потомки Творца Тенгри. Таким образом, биологический факт зимования сибирских стерхов также подтверждает, что изначальной родиной родоначальников *уранхай саха* был арийский район северного Пакистана, Северо-Западной Индии — *Арьяна Вазджа*.

Архаичный якутский теоним *Ар Айыы* (Благородный Творец) не только созвучен этнониму индоиранцев *арии* / *арийайи*, но и совпадает с ним по значению. Слова на фарси пишутся справа налево *ا ر ي ا ي* [арийайи]: *ا* [и] *ر* [й] *ا* [а] *ي* [й] *ا* [а] — *арийский*; *ариец*; *арийка* [Рубинчик, 1983, с. 66]. На санскрите *аруа* — 1) благородный, достойный, досточтимый 2) *арий* 3) господин [Кочергина, 1978, с. 99].

В словаре якутского языка 1959 г. о вере Тенгри написано: «*Биһиги былыргыларбыт бастын* — *таптаан да туран дьарыктанар дьарыктара баара* — *Айыы Таһара үөрэҕэ* (Главным и любимым занятием-развлечением наших древних (людей) было Божье назидание (в вере)) [Пекарский, 1959, с. 796]. Термин «тенгризм» ввел французский историк, религиовед Ж.-П. Ру в 1956 г. Он предложил дать живой и организованной религии алтайских народов, вращающейся вокруг Тенгри, обобщающий термин «тенгризм» [Roux, 1956, pp. 49–82].

Якутский Творец Тенгри — *Айыы Таһара*, восседает на девятом ярусе неба, ниже восседают его разнофункциональные ипостаси верхние *айыы*. Так, на восьмом ярусе обитает *айыы* — божество судьбы и рока с трехсоставным именем *Джылга* — *Чынгыс* — *Одун*. В олонхо богатырь айыы Ньургун Боотур освобождает сестру от богатыря *абасы* с такими словами:

«Я тоже человек, созданный
по повелению *Одун бис*,
по указу *Чынгыс неба*,
я тот, кого называют
избранным богатырем
среднего мира!» [Оросин, 1947, с. 129].

В олонхо Д. М. Говорова «Непобедимый Мюльджю Бёгё» есть некоторые выражения об *Одуне*:

«...*Одун Ханом* направлен
На Срединную землю... (76);
...Велением от *Одуна*
Поставленные... (100);
...Под небом великим
На земле благословенной
...По назначению *Одуна*... (112);
...Занесенный в иных архивах
Записанный в указе
Одун Хана... (181);
...Был записан в указе
Одун-бога великого... (223);
...Не слышавший об *айыы* святых,
Не знавший о великом *Одун-боге*... (246);
...Высокий указ *бог Одун*,
Создал вас на счастье... (263);
...С назначением от *Одуна*,
Служащую опорой
Восходящего солнца! ... (318);
...По определению *Одун Хана*

Благословением
 В горне, горящем был закалён,
 В море огня был крещён,
 Стать крепким щитом,
 Верной защитой Срединной земли
 Был назначен богами! ... (334);
 ...Ставленнику *Одун Хана*,
 Поддержавшему семью
 Высшими божествами *айыы*... (494);
 ...Записанный в указе *Одун айыы*,
 Высочайших *айыы* ... (512)» [Говоров, 2010, с. 76–512].

Значения слова *Одун*: «*Одун бис* — вышнее племя; *Одун или Одун-хаан* — вышний властитель рока, высокое место, откуда идут рок, судьба; *Одун халырык, холорук* — сильный, жестокий сильный вихрь; *Одун халлан* — вышнее небо; *Одун бис уса* — род верхних злых духов; *Одун Бэргэн* — имя эпического богатыря» [Пекарский, 1959, с. 1793].

Все эти имена, названия приближают к якутскому *Одуну* скандинавского *Одина*. Они оба боги, связанные с вышним миром, грозные, но справедливые властители рока.

Как пишет Е. М. Мелетинский, в скандинавской мифологии, когда речь идет о коллективных действиях *асов* (верхних богов), то выступают либо тройца: «сыны Бора» — *Один, Вили и Ве*, либо «*три аса*»: *Один, Локи (Лодур), Хёнир*, либо *Тор* [Мелетинский, 1975, с. 48].

Якутский *Одун* тоже входит в состав триединого бога рока и судьбы *Одун, Чынгыс, Джылга*. Этот триединый бог является также ипостасью *Үрүн Айыы Тойон Тангара* и занимает восьмой ярус неба.

На месте одного из глаз скандинавского *Одина* либо зияет пустота, либо находится повязка — это связано с легендой о том, как *Один* потерял свой глаз в обмен на знания. В мировой мифологии одноглазыми бывают божества-кузнецы [Федорова, 2023, с. 522]. В якутской мифологии к ним можно отнести главу божеств племени верхних злых племен *одун бис* — *Улу Суорун Тойона*. Он проживает на западной стороне неба. Слово *Суор* с якутского языка — ворон, *суорун* — упорный, непреклонный. Т.е. *Улу Суорун Тойон* переводится как «Великий Ворон Господин». В целом он кузнечный бог, отец *Кудай Бахсы*, также ставшего покровителем кузнечных родов.

В честь него в осеннее равноденствие устраивается кузнечный обрядовый *ысыах Тэйилгэ*. Слово *тэйилгэ* происходит от *тэй* — отдались, отодвинься. Этот *ысыах* проводился для отдаления, умаления, усыпления злых духов на зиму. После осеннего *ысыаха Тэйилгэ*, как правило, падает первый снег, который покрывает «уснувших» после обряда злых духов, и они зимой не беспокоят людей.

А. Фролов пишет: «Черты, характерные для богов-кузнецов других мифологий — например, хромота имеется у *Велунда*» [Фролов]. Т.е. скандинавский Велунд и якутский Кудай Бахсы — аналогичные боги-покровители кузнеческих родов.

Улу Суорун Тойон является отцом бога войны *Илбис Хаана* и дедом духов войны и брани воронов *Илбис Кыһа* и *Овол Уола*. Герой олонхо Ньургун Ботур после победы над врагом, подняв на острие копья сердце, печень и легкие врага, зовет *Илбис Кыһа* и *Илбис Уола* на пир.

Один — бог войны и победы, покровитель военной аристократии, отец и предводитель *асов* [Федорова, 2023, с. 522–523]. Он, как и якутский глава племени *Одун биис*, имеет помощников-символов — воронов *Хугин* (мысль) и *Мунин* (память). Они облетают весь мир и, возвращаясь к *Одину*, садятся на его плечи и докладывают, что им довелось увидеть [Федорова, 2023, с. 523].

Для удобства сравнения основные концепты германо-скандинавской и саха (якутской) эпических мифологий сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Основные концепты германо-скандинавской и саха (якутской) эпических мифологий

Концепты германо-скандинавской мифологии. Источники: Старшая Эдда и Младшая Эдда	Концепты саха (якутской) мифологии. Источники: якутские героические эпосы
<i>Водан / Один</i> (верховный бог)	<i>Одун</i> — один из богов-ипостасей верховного бога <i>Үрүн Айыы</i> .
<i>Донар / Тор</i> (бог-громовержец)	<i>Сүрдэх Сүгэ тойон</i> — Топор-господин, бог-громовержец [Пекарский, 1959, стлб. 2410]
Помощники и символы <i>Одина</i> — вороны <i>Хугин</i> и <i>Мунин</i> .	Духи войны — вороны <i>Илбис кыыһа</i> и <i>Охол уола</i> .
<i>Мидгард</i> — мир, населенный людьми.	Средний мир — человеческий земной, материальный мир.
<i>Асгард</i> — небесный город, обитель богов-асов. В <i>Асгарде</i> жили могущественные северные боги. Расположен на самой вершине <i>Мирового Древа</i> (ясеня <i>Иггдрасиль</i>). Но в большинстве мифов город находится в одной плоскости с <i>Мидгардом</i> . <i>Асгард</i> соединен с <i>Мидгардом</i> мостом, образованным радугой.	Средний мир, огражденная белыми хребтами долина — обитель племени <i>айыы</i> . Верхний (небесный) мир состоит из девяти ярусов, и там живут добрые боги-ипостаси <i>Юрюнг Айы Тойон Танара</i> , обитающего на девятом вышнем ярусе; на восьмом — триединый бог-айыы <i>Одун биис</i> — <i>Чынгыс хаан</i> — <i>Джылга тойон</i> .
Основу «вертикальной» космической модели составляет мировое древо — ясень <i>Иггдрасиль</i> , соединяющий небо и землю, землю и подземный мир и дающий таким образом трихотомическое вертикальное деление Вселенной путем двукратного противопоставления <i>верха</i> и <i>низа</i> [Мелетинский, 1975, с. 41].	Все три мира Вселенной связаны друг с другом мировым деревом <i>Аал Луук мас</i> , растущим в центре Вселенной. В ней живет богиня земли <i>Аан Алахчын хотун</i> . Песнь <i>Аал Луук мас</i> : «Повисну пышной кроной Над восьминальным, Восьмипредельным, Вечно цветущим миром зеленым И для рода двуногих Стану древом-матерью, Обителью <i>Иэйиэхсит-богинь</i> . Стану священным деревом — <i>луук</i> Во славу богини <i>Айысыт</i> » [Ойунский, 1975, с. 108–109].
Е. М. Мелетинский: «На верхушке древа находится и верхнее царство мертвых <i>Вальхалла</i> , куда попадают воины, павшие в бою. Оценкой подвига воина занимается <i>Один</i> , помогают ему <i>валькирии</i> — в буквальном переводе «выбирающие мертвых». Эти девы подхватывают павших в бою храбрых воинов, уносят их в <i>Вальхаллу</i> и там прислуживают им» [Мелетинский, 1968, с. 60].	В олонхо мировое дерево расположено так же, как ясень <i>Иггдрасиль</i> , — корни опускаются вплоть до преисподней, а вершина достигает неба, так что он становится коновязью <i>Юрюнг Айыы Тойона</i> » [Мелетинский, 1968, с. 217]. Коновязь <i>Юрюнг Айыы Тойон Танара</i> называется <i>Алтан сэргэ</i> (золотая коновязь), она проходит через все миры и упирается в Полярную звезду, вокруг которой крутит верхом мироздание.

Таблица 1. Продолжение

Концепты германо-скандинавской мифологии. Источники: Старшая Эдда и Младшая Эдда	Концепты саха (якутской) мифологии. Источники: якутские героические эпосы
<i>Вальхалла</i> или <i>Валгалла</i> , находящаяся в <i>Асгарде</i> , по сути зал славы. Туда поднимают валькирии павших на поле брани героев. Ведает <i>Вальхаллой Один</i> .	Хотя слово <i>Вальхалла</i> или <i>Валгалла</i> и переводится как «чертог убитых» или «дворец убитых», на якутском по смыслу подходит слову <i>Айхалла</i> — «слава», «воспевай» честь павших воинов и героев.

Е. М. Мелетинский писал: «Само название мирового ясеня *Yggdrasill* = «КОНЬ Игга» указывает на то, что по нему совершает шаманские странствия *Один* (Ygg, т. е. — «ужасный» — одно из его прозвищ)» [Мелетинский, 1975, с. 41].

В якутском тенгризме мировое древо как мировой столп называется *Алтан Сэргэ*, т. е. «Золотая коновязь». Это ось мироздания, которая проходит через Полярную звезду все три мира. К ней привязано ездовое животное *Айыы* Тангара (Тенгри) — небесный конь-дракон. Сидя верхом на привязанном коне, Бог-Творец *Айыы Тангара* (Тенгри) вращает Вселенную вокруг Полярной звезды. Здесь положения о Мировом ясене и Золотой коновязи совпадают концептуально: ими владеют главные боги-творцы мироздания *Один* и *Айыы Тангара* (Тенгри). Они путешествуют по всем мирам, связаны с конями и севером, Полярной звездой. В якутской мифологии по мировой оси *Алтан Сэргэ* как поднимаются души умерших, так и спускаются новые чистые души людей.

В 1764 году в Лунде вышла в свет брошюра под названием «Письмо канцлеру и рыцарю, господину Йо Ире, о сходстве шведского и тюркского языков». Это была небольшая книжка, напечатанная у Карла Густава Берлинга. Ее автором был профессор из Лунда Свен Лагербринг, который в старинных исландских сагах, главным образом в саге о *Херваре*, нашел доказательства того, что *Один* происходил из страны тюрок, или, говоря словами самого Лагербринга: «Один был предводителем большого народа, состоящего из тюрок и азиатов. Наши предки были тюрками, которые были товарищами бога *Одина*. У нас достаточно доказательств на этот счет. Есть люди, которые хотят обмануть вас, заставив думать, что они *готы*. Меня не волнует, дискредитирует это меня или нет. *Один* и его товарищи были тюрками» [Lagerbring, 1764, pp. 17–18].

Л. С. Клейн пишет: «Бернгард Салин в 1903 г. разработал уже существовавшую ранее гипотезу, что культ *Одина* прибыл в Скандинавию в конце римского времени и в период Великого переселения, а звериный стиль прибыл из Причерноморья. Что соперничество военных богов *асов* с богами плодородия *ванами* отражает реальное наложение богов пришлого из Причерноморья народа на богов местного германского населения. Позже Ж. Дюмезиль и другие исследователи свели дело в духе структурализма к функциональному разделению между богами. Теперь Л. Хедеагер полагает, что Салин был прав, только пришельцы были не сарматами или кем-то вроде них, а *гуннами*. Она пришла к выводу, что, производя свои династии от *Одина*, многие германские племена помещают его на севере, в Скандинавии, куда он прибыл, по мифологии, из Азии» [Клейн, 2011, с. 585].

То есть якутское древнее божество *Одун* и верховный бог в германо-скандинавской мифологии *Один* (*Воден*) являются если не одним и тем же богом, то по крайней мере родственными богами.

Выводы

1. Поскольку мифология якутского олонхо архаичнее германо-скандинавских эпосов, да и современные места их нахождения слишком далеки друг от друга географически, они почти

что несопоставимы. Тем не менее их сближает ряд положений. Это то, что не только имена их основных богов созвучны — *Один*, *Воден* и *Одун*, но и их общие характеристики совпадают: все грозные, свирепые, воинственные, однако благородные боги, защитники, имеют своих воинов, богатырей, они творцы, созидатели;

3. Схожее у них и место обитания — верхний мир; помощники у них — вороны. Сходны также представления о мировом древе и связанные с этим положения;

4. Выше отмечено, что место происхождения ядра мифологии якутского олонхо, соответственно и тенгризма с *Айыы Танара* (Тенгри) — район Арьяна Ваеджа, значит, туда можно отнести и место происхождения германо-скандинавской мифологии. Ведь если якутский *Одун* есть одна из ипостасей *Айыы Танара* (Тенгри), то и *Один* (*Воден*), возможно, является таковым и появился впервые там же.

5. Рассмотренные положения сравнения материалов мифологий, выводы генетиков В. В. Фёфеловой, С. А. Федоровой и др., фольклористов, историков, филологов, в т. ч. Лунда Свена Лагербринга (1764), Бернгарда Салина (1903), Лотте Хедеагер (2007), выводят не только на древнейшие культурные контакты между предками саха (якутов) и германо-скандинавских народов, но и на возможные этногенетические контакты;

Рекомендация: учитывая появление древнего ядра якутского олонхо в северных районах Индии, Пакистана, Афганистана, в районе *Арьяна Ваджа*, на что указывают генетические данные саха (якутов) и материалы олонхо, надо исследовать в этом плане и появление ядра германо-скандинавской мифологии.

Литература / References

Говоров Д. М. *Непобедимый Мюльджю Бёгё*. Кн. 2. Якутск: Бичик, 2010 [Govorov D. M. *The Invincible Mulju Bege*. Book 2. Yakutsk: Bichik, 2010. 320 p. (in Russian)].

Гоголев А. И. *Истоки мифологии и традиционный календарь якутов*. Научно-популярное издание. Якутск: изд-во Якутского университета, 2002 [Gogolev A. I. *The origins of mythology and the traditional calendar of the Yakuts*. Popular science publication. Yakutsk: Publishing house of the Yakut University, 2002. 104 p. (in Russian)].

История Якутии: в 3 томах / Отв. ред. А. Н. Алексеев. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2020 [The History of Yakutia: in 3 volumes. Ed. by A. N. Alekseev. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka Publ., 2020 (in Russian)].

Кочергина В. А. *Санскритско-русский словарь: Около 28000 слов*. М.: Русский язык, 1978 [Kochergina V. A. *Sanskrit-Russian Dictionary: About 28,000 words*. Moscow: Russkiy yazyk, 1978].

Клейн Л. С. Археологическая песнь о Нибелунгах. Рецензия на книгу Лотты Хедеагер (Hedeager L. Iron Age, myth and materiality. London and New York, 2013). *Российский Археологический Ежегодник*. 2014. № 4. С. 582–588 [Klein L. S. The Archaeological Song of the Nibelungs. Review of the book by Lotte Hedeager: Iron Age, myth and materiality. London and New York, 2013. *Russian Archaeological Yearbook*. 2014. No. 4. Pp. 582–588. (in Russian)].

Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система. Труды по знаковым системам, VII. Памяти П. Г. Богатырева. *Учёные записки Тартуского гос. ун-та*. Вып. 365. Тарту, 1975. С. 38–51 [Meletinsky E. M. Scandinavian mythology as a system. In: Works on sign systems, VII. In memory of Peter Bogatyrev. *Scientific notes of the Tartu State University*. Issue 365. Tartu, 1975. Pp. 38–51. (in Russian)].

Мелетинский Е. М. *«Эдда» и ранние формы эпоса*. М.: Наука, 1968. 364 с. [Meletinsky E. M. *"Edda" and the early forms of the epic*. Moscow: Nauka, 1968. 364 p. (in Russian)].

Ойунский П. А. *Нюргун Боотур Стремительный: якутский героический эпос олонхо*. Пер. на рус. яз. В. Державин. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1975. 429 с. [Oyunskey P. A. *Nyurgun Bootur the Swift: the Yakut heroic epic of Olonkho*. Translated into Russian by V. Derzhavin. Yakutsk: Yakut Publishing House, 1975. 429 p. (in Russian)].

Оросин К. Г. *Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»*. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. 410 с. [Orosin K. G. *Olonkho "Nyurgun Bootur the Swift"*. Yakutsk: Gosizdat YaASSR, 1947. 410 p. (in Russian)].

Пекарский Э. К. *Словарь якутского языка*. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1959. 1–1280 стлб. [Pekarsky E. K. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. I. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 1–1280 stlb.].

Пекарский Э. К. *Словарь якутского языка*. Т. II. М.: Изд. АН СССР, 1959. 1281–2508 стлб. [Pekarsky E. K. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. II. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 1281–2508 stlb.].

Рубинчик Ю. А. *Персидско-русский словарь: в 2-х томах. Свыше 60 000 слов*. Т. 1. М.: Русский язык, 1983. 800 с. [Rubinchik Yu. A. *Persian-Russian dictionary: In 2 volumes. Over 60,000 words*. Vol. 1. Moscow: Russian Language, 1983. 800 p.].

Федорова Л. В. *Тенгризм*. Якутск: Изд-во СВФУ, 2023. 596 с. [Fedorova L. V. *Tengrizm*. Yakutsk: Publishing House of NEFU, 2023, 596 p. (in Russian)].

Федорова С. А. Происхождение якутов: молекулярно-генетические реконструкции в сравнении с гипотезами историков. *Якутский медицинский журнал*. 2017. № 3(59). С. 60–64 [Fedorova S. A. The origin of the Yakuts: molecular and genetic reconstructions in comparison with the hypotheses of historians. *Yakut Medical Journal*. 2017. No. 3(59). Pp. 60–64 (in Russian)].

Фефелова В. В. *Предками якутов были арийцы*. Красноярск: Офсет, 2014. 224 p. (in Russian) [Fefelova V. V. *The ancestors of the Yakuts were Aryans*. Krasnoyarsk: Offset, 2014. 224 p. (in Russian)].

Roux Jean-Paul. Tängri. Essai sur le Ciel-Dieu des peuples altaïques: IV. — Tängri, le grand dieu céleste Tengri. *History of Religions*. Vol. 149, No. 2. Paris: ed. University, France, 1956. Pp. 173–212 (in France).

Электронные ресурсы / Online resources

Фролов А. Велунд — бог-кузнец. *Энциклопедия древнескандинавской мифологии и культуры*. Издание 1. 2022. URL: <https://books.yandex.ru/books/g4ru4Tlq/read-online?ysclid=mjwhlz8gst79581286> (дата обращения: 23.11.2025).

Sven Lagerbring. Bref till Cancellie Rådet och Riddaren, Herr Joh. Ihre om Svenska och Turkiska Språkens likhet. Berling, 1764. 58 p. URL: <https://books.google.am/books?id=mdZWAAAaAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 02.12.2025) (на старошведском).

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЭРИТРЕЕ

© 2026

А. А. Блинов¹

В настоящей работе рассматривается современная языковая ситуация в Эритрее, где доминируют девять автохтонных языков: тигринья, тигре, афар, сахо, беджа, билин, кунама, нара, рашайда. Сложившееся положение усложняется тем, что вышеперечисленные языки основываются на трех различных системах письма: геэз, латинице и арабице. В статье также проанализировано историческое развитие на протяжении веков других языков страны, включая арабский, итальянский, английский и амхарский, которые не являются родными для большинства населения, но оказывают влияние на текущую этнолингвистическую ситуацию. По результатам исследования сделан вывод о том, что, несмотря на равенство языков, заявленное в конституции Эритреи 1997 г., только тигринья и в меньшей степени арабский стали языками общенационального общения и рабочими языками местного правительства после получения независимости, а английский сохранил устойчивые позиции благодаря своей исторической роли в местной языковой политике. В статье обстоятельно описан каждый из этих языков с учетом сферы их употребления и особенностей применения. Кроме того, отдельное внимание уделено другим языкам Эритреи, которые имеют незначительное хождение в публичном пространстве и используются главным образом на начальной ступени образования, в теле- и радиопередачах, некоторых фильмах и видеороликах, а также во время религиозных богослужений (кунама и билин).

Ключевые слова: Эритрея, тигринья, тигре, арабский, амхарский, афар, сахо, беджа, билин, кунама, нара, рашайда

Для цитирования: Блинов А. А. Современная языковая ситуация в Эритрее. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 85–91. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-085-091

THE CURRENT LINGUISTIC SITUATION IN ERITREA

Andrey A. Blinov

This paper examines the current linguistic situation in Eritrea with nine dominant indigenous languages: Tigrinya, Tigre, Afar, Saho, Beja, Bilin, Kunama, Nara and Rashaida. The situation is aggravated by the fact that the above languages are based on three different writing systems: Geez, Latin and Arabic. The article also analyzes the historical development of other languages in the country over the centuries, which are not native to most of the population but have an impact on the current ethnolinguistic situation, including Arabic, Italian, English and Amharic. The study concludes that, despite the equality of languages declared in the Eritrean Constitution of 1997, only Tigrinya and, to a lesser extent, Arabic became the lingua francas and working languages of the local

¹ Блинов Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; progrock1@yandex.ru

Andrey A. Blinov, Ph. D. (Philology), Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; progrock1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9694-8706

government after independence, while English retained stable positions due to its historical role in the local language policy. The paper gives a detailed description of each of these languages, taking into account the scope of their use and the specifics of their application. In addition, special attention is paid to other Eritrean languages, which have little circulation in public space and are mainly used in primary education, television and radio broadcasts, some films and videos, as well as religious services (Kunama and Bilen).

Keywords: Eritrea, Tigrinya, Tigre, Arabic, Amharic, Afar, Saho, Beja, Bilen, Kunama, Nara, Rashaida

For citation: Blinov A. A. The Current Linguistic Situation in Eritrea. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 76–84. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-076-084

Эритрея — это многонациональная страна с населением почти 4 млн человек², основу которого составляют девять этнолингвистических групп, говорящих на девяти автохтонных языках. Эти языки относятся к трем четко разграничивающимся языковым семьям (нило-сахарской, кушитской и семитской) и в демографическом плане распределены следующим образом (в порядке убывания): *тигринья*³ (50%), *тигре*⁴ (31,4%), *афар*⁵ (5%), *сахо*⁶ (5%), *беджа*⁷ (2,5%), *билин*⁸ (2%), *кунама*⁹ (2%), *нара*¹⁰ (1,5%), *рашайда*¹¹ (0,5%) [Negash, 1999, p. 49]. Отдельного внимания заслуживает семитский язык *дахалик* (0,1%), находящийся под угрозой исчезновения. Ранее он считался одним из диалектов *тигре*, но в 1997 г. был выделен французским лингвистом Мари-Клод Симеон-Сенель в самостоятельный язык [Simeone-Senelle, 2010, p. 127]. На нем говорят жители архипелага Дахлак у побережья Массавы (примерно 2500 носителей).

Более того, сложившееся положение усложняется еще и тем, что вышеперечисленные языки базируются на трех различных системах письма: алфавит *гезз* используется для *тигринья* и *тигре*, латиница — для языков *афар*, *сахо*, *беджа*, *билин*, *кунама* и *нара*, арабица — для *рашайда*.

Также в процессе исторического развития на территории Эритреи имели хождение другие языки, не являвшиеся родными для большинства населения, но оказывавшие влияние на местную языковую ситуацию. Некоторые из них практически не оставили следов на современной лингвистической карте страны, другие, напротив, стремительно распространились и заняли доминирующие позиции в регионе.

Арабский впервые появился здесь вместе с исламом в 615 г. и, начиная с этого времени, неуклонно упрочивал свое положение в Эритрее в качестве языка мусульманского сообщества, численность которого непрерывно росла. Дополнительными факторами, способствовавшими дальнейшему становлению арабского языка в стране, явились укрепление торговых связей с близлежащими арабскими государствами, такими как Судан и Египет, ускорение темпов миграции, ежегодное

² Точная численность населения — 3 749 000 человек по данным сайта Ethnologue за 2025 г., хотя в ряде источников приводятся более высокие показатели из-за отсутствия официальной переписи в стране.

³ Семитский язык северной подгруппы эфиосемитских языков. Количество носителей в Эритрее — приблизительно 2,5 млн человек.

⁴ Язык, относящийся к сахарской семье нило-сахарской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 1,05 млн человек.

⁵ Язык, относящийся к кушитской семье афразийской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 235 000 человек.

⁶ Язык, относящийся к кушитской семье афразийской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 191 000 человек.

⁷ Язык, относящийся к кушитской семье афразийской макросемьи, на котором говорит одноименный народ, проживающий на побережье Красного моря. Количество носителей в Эритрее — 121 000 человек.

⁸ Язык, относящийся к кушитской семье афразийской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 120 000 человек.

⁹ Язык, относящийся к нило-сахарской макросемье. Количество носителей в Эритрее — 110 000 человек.

¹⁰ Язык, относящийся к восточносуданской надсемье нило-сахарской макросемьи. Количество носителей в Эритрее — 73 000 человек.

¹¹ Хиджазский диалект арабского языка. Количество носителей в Эритрее — 24 000 человек.

паломничество в Мекку и усовершенствование системы образования. Тем не менее, невзирая на это, арабский долгое время оставался языком аристократии. Только в начале XX в. у обычных студентов появилась возможность выезжать на учебу на Ближний Восток, что также, судя по всему, стимулировало рост пользователей арабского языка в Эритрее. Ко второй половине XX в. местная интеллигенция уже знала арабский практически на уровне родного языка.

Когда Эритрея была провозглашена колонией Италии в 1890 г., в местный речевой обиход вошел еще один язык — итальянский. Он стал официальным языком администрации и единственным языком обучения в школе. Население страны могло посещать только первые четыре класса начальной школы, в которой учебная программа была всецело посвящена изучению итальянского языка, культуры, истории и географии. Были открыты две газеты, выходившие на итальянском языке, — *L'Eritreo* («Эритреец») и *Corriere Eritreo* («Эритрейский вестник»).

Таким образом, в этот период итальянский начал играть доминирующую роль в Эритрее наряду с двумя другими основными языками — *тигринья* и арабским. Итальянский использовался при формальном общении в таких областях, как здравоохранение, товарооборот, транспорт, производство и т. д. *Тигринья* обслуживал сферу неформального общения, в том числе при заключении повседневных коммерческих сделок. Арабский стал языком городской и розничной торговли вследствие увеличения количества арабских переселенцев в течение колониального периода [Asfaha, 2024, p. 469]. После перехода Эритреи под контроль британской военной администрации в 1941 г. итальянский язык был заменен английским в качестве официального языка и постепенно вышел из употребления, а последняя итальянская школа была закрыта в 2020 г. В настоящее время следы итальянского языка можно обнаружить только на старинных колониальных вывесках, сохранившихся на некоторых улицах Асмэры.

Английский язык был введен в средней школе Эритреи во время недолгого британского периода в ее истории (1941–1952). Англичане также сделали *тигринья* и арабский основными языками начальной школы, поскольку наличие письменности позволяло эффективно использовать их в образовательной системе. Кроме того, некоторые периодические издания выходили сразу на трех языках: английском, *тигринья* и арабском (например, газета *Eritrean Weekly News*).

Хотя Эритрея не являлась колонией Великобритании, английский язык быстро приобрел авторитет среди местных жителей и не вышел из оборота даже после насильственного присоединения страны к Эфиопии в 1952 г., оставаясь неотъемлемой частью языковой среды Асмэры вплоть до настоящего времени. В отличие от английского, *тигринья* и арабского, господствовавших в системе образования и СМИ, другие языки Эритреи оказались на периферии общественной жизни в указанный период. Исключение составляло лишь использование национальных языков в религиозных целях: миссионеры, особенно протестантские, проводили богослужения и читали библейские тексты на языках *тигре*, *кунама* и *билин*. В остальных случаях их употребление ограничивалось устным общением в сельской местности практически без какого-либо официального применения на письме.

Распространение *амхарского языка* в Эритрее началось во время существования Федерации Эфиопии и Эритреи (1952–1962). В 1955 г. он был объявлен единственным официальным языком Эфиопской империи, в связи с чем началось его активное насаждение в Эритрее, в том числе в системе образования, где *амхарский* заменил *тигринья* и арабский в качестве языка обучения.

После упразднения Федерации Эфиопии и Эритреи языки Эритреи были выведены эфиопскими властями из официального обращения и оказались в неопределенном положении и статусе. Они были вытеснены *амхарским* из общественного пользования, а их употребление сводилось к бытовому общению. Более того, в 1960-х годах на улицах эритрейских городов начали появляться

надписи на *амхарском*, чаще всего сопровождаемые переводом на английский, как в случае дошедшей до наших дней плакетки, посвященной визиту королевы Елизаветы II в Асмэру 6 февраля 1965 г. [Kroon, 2021, p. 284].

В 1975 г. император Эфиопии Хайле Селассие был свергнут Временным военно-административным советом, также известным как Дерг, который в своей революционной программе утвердил право на самоопределение и равенство всех наций в Эфиопии с признанием их истории, культуры, языка и религии. Результатом такой программы стала организация занятий по обучению основам грамотности в Эритрее сразу на десяти языках, включая *амхарский*, *тигринья* и *тигре*. Однако это продлилось недолго, и вскоре Дерг фактически продолжил прежнюю политику *амхаризации*, предусматривающую повсеместное распространение *амхарского языка* на всех уровнях [Bender, 1985, p. 277]. В то же время английский оставался языком обучения в старших классах и рабочим языком коммерческих и государственных учреждений. После окончания Войны за независимость Эритреи (1961–1991) значение *амхарского языка* снизилось из-за негативного отношения к нему местных жителей, поэтому в настоящее время на нем говорят преимущественно представители старшего поколения или выходцы из Эфиопии.

Если говорить о современной истории Эритреи, то она отсчитывается с 1991 г., когда страна наконец обрела долгожданную независимость после трех десятилетий вооруженной борьбы. Одним из важнейших вопросов, стоявших на повестке дня нового правительства, оказался выбор государственного языка. Тем не менее он так и не был решен, а в конституции 1997 г. было официально провозглашено равенство языков, что в корне отличалось от языковой политики большинства африканских государств.

Несмотря на равенство языков, законодательно закрепленное в Эритрее, только *тигринья* и в меньшей степени арабский стали языками общенационального общения и рабочими языками местного правительства после получения независимости. Все взаимодействие с населением, равно как и внутренняя коммуникация между правительственными учреждениями, осуществлялись госслужащими на языке *тигринья*; указы, предписания и другие официальные документы, как правило, публиковались на трех языках — *тигринья*, арабском и английском [Kroon, 2018, p. 59]. Газеты, учрежденные Временным правительством Эритреи в 1992 г., выходили только на двух языках — *тигринья* и арабском (*Hadas Eritrea* и *Eritrea al-Hadisa* («Новая Эритрея») соответственно). В дополнение к этому министерство информации издавало еженедельную газету *Eritrea Profile* на английском языке. В 2001 г. многие газеты на *тигринья* и арабском, созданные после 1996 г., были закрыты государством на фоне политических потрясений, захлестнувших страну по окончании войны 1998–2000 гг. с Эфиопией.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что равенство языков, заявленное в конституции, не отражало фактическую реализацию данного положения на практике и использование таких языков в обществе. *Тигринья* занял главенствующее положение практически во всех социальных областях вместе с арабским. Английский сохранил устойчивые позиции благодаря своей исторической роли в местной языковой политике. Это четко прослеживается в оформлении вывесок на городских улицах, содержащих надписи на трех языках, а также в росте популярности английского в связи с развитием Интернета. Другие языки Эритреи имеют незначительное хождение в публичном пространстве и редко употребляются на письме.

В большинстве многоязычных городов и сельскохозяйственных центров страны эритрейцы способны легко переключаться между двумя, тремя или более национальными языками, распространенными в регионе, при ведении торговли или в других ситуациях общения. Такие языки в основном используются в живой речи, а их применение обычно ограничивается заключением коммерческих сделок. Более формальная коммуникация или письменное взаимодействие осуществляются

на доминирующих языках *тигринья* и *тигре*. Разнообразие языков и письменностей в Эритрее наглядно проявляется на улицах таких городов, как Асмэра и Массава, где размещаются печатные указатели, вывески с названиями предприятий и государственных учреждений, рукописные таблички, объявления и граффити на досках и стенах — все они, за редким исключением, составлены на *тигринья*, арабском и английском.

Общение в начальной школе происходит на языке обучения или различных языках, однако, когда возникает необходимость отправить отчет или письмо в субрегиональное или региональное управление образования, директор либо другой административный персонал практически всегда прибегает к *тигринья* (реже к *тигре*) [Asfaha, 2024, p. 478]. Английский, как правило, остается языком официальной коммуникации в средней школе, технических училищах и вузах.

Еще одной сферой применения сразу нескольких языков являются религиозные учреждения. В католических и протестантских церквях Эритреи во время богослужений используются такие языки, как *тигринья*, *тигре*, *кунама* и *билин*, на которые переведена Библия. В случае языка *кунама* письменность функционирует на латинской графической основе, в случае языка *билин* существуют две системы письма: алфавит *гезз* восходит к традициям Коптской православной церкви и Католической церкви, латиница ассоциируется с современной образовательной системой. Последняя, в частности, используется в настоящее время в школах, где изучается этот язык.

СМИ могут служить редким примером употребления всех языков Эритреи на постоянной основе. Радиопередачи транслируются на девяти национальных языках, кроме того, четыре основных языка (*тигринья*, *тигре*, арабский и английский) используются на государственном телевидении и в печатных изданиях (газетах, журналах и т. д.) [Asfaha, 2009, p. 13]. Иногда в одной теле- или радиопрограмме могут быть задействованы сразу несколько языков. При этом дикторы часто переключаются с одного языка на другой либо в программе участвуют носители разных языков, поочередно рассказывая о каком-то событии на родном языке. В подобных ситуациях создается впечатление, что СМИ намеренно проводят политику многоязычия, иногда рискуя лишиться внимания аудитории, поскольку слушатели или зрители конкретной программы вряд ли владеют всеми из представленных языков. Также для их носителей такие передачи могут рассматриваться как возможность заявить о себе или подчеркнуть свою идентичность в центральных СМИ [Asfaha, 2024, p. 479].

В области права в Эритрее применяется многоязычный свод юридических текстов. Все правовые уведомления, нормативные акты и законы публикуются на трех основных языках официальной коммуникации: *тигринья*, арабском и английском. Как правило, такие юридические документы составляются в двуязычном или трехязычном формате: на *тигринья* и английском, *тигринья* и арабском, *тигринья*, арабском и английском. В то же время здесь сохранились исторически значимые тексты, которые относятся к эпохе итальянского и эфиопского правления и продолжают действовать в стране. Примером этого могут служить торговые кодексы переходного периода, оформленные на английском и *амхарском* языках, которые по-прежнему остаются в силе с внесением некоторых изменений и дополнений на языке *тигринья*. Также не утратили своей значимости отдельные городские постановления, принятые итальянской колониальной администрацией и введенные на итальянском языке.

Судьи, участвующие в рассмотрении дел в эритрейских судах по всей стране, при принятии решений ссылаются на вышеперечисленные законы, представленные в различных языковых редакциях. Поскольку ни один из этих языков так и не получил статус официального в местной языковой политике и не был объявлен государственным, нередко наблюдаются различия в толковании одного и того же закона, составленного на разных языках. Одной из главных аномалий является редкое использование арабоязычных версий законов в судах, что, вероятно, объясняется низким уровнем владения арабским литературным языком среди специалистов. Однако это не касается дел,

находящихся в компетенции *шариатских* судов, которые всегда выносят свои решения на арабском языке. В ходе устных судебных прений с привлечением сторон обычно употребляются различные языки, в том числе отсутствующие в юридических текстах [Antonios, 2022, p. 4080].

На современном этапе в Эритрее открываются новые возможности для использования языка и письменности посредством социальных сетей. Доступ в Интернет главным образом осуществляется с помощью языка глобального общения — английского, поэтому люди, знающие его недостаточно хорошо, сталкиваются с трудностями в процессе коммуникации. В случае некоторых эритрейских языков разработаны специальные шрифты для мобильных телефонов, которые можно загрузить из Интернета, но многие пользователи обычно обмениваются сообщениями или общаются в социальных сетях при помощи латиницы, зачастую без стандартизированной орфографии или с созданием собственных вариантов букв. Это до определенной степени напоминает ситуацию, сложившуюся в арабском мире, где широкое распространение получила система транслитерации арабских текстов *арабизи*, которая применяется при общении в Интернете или отправке СМС с устройств, не поддерживающих арабский алфавит [Блинов, 2013, с. 169].

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что за практически три десятилетия, прошедших с момента принятия конституции 1997 г., ни один из аргументов или доводов сторонников введения официального языка не воплотился в жизнь: правительство не предпринимает никаких видимых усилий по регулированию этнолингвистической ситуации (в частности, в отношении *тигринья*), отсутствует специальная языковая академия и, самое главное, не утвержден государственный язык. С другой стороны, не оправдались многие прогнозы, предрекавшие раскол страны в отсутствие единого языка в Эритрее.

Тигринья (носители которого составляют около 50% населения) и *тигре* (примерно 30%) преобладают в большинстве социальных отношений ввиду наличия значительного количества говорящих на этих языках. *Тигринья* остается языком общения различных национальных групп в сельских и городских центрах, расположенных в горных районах, *тигре* доминирует в низменностях на западе и востоке Эритреи (*тигринья* все чаще перехватывает пальму первенства у *тигре* в местных городских центрах). *Тигринья* также имеет широкое хождение в образовательных и государственных учреждениях во многих частях страны. Кроме того, он стремительно проникает в речевой обиход учащихся средних и старших классов, что негативно сказывается на официальном языке обучения — английском, а также до некоторой степени на менее распространенных языках малых народностей.

Арабский язык, являющийся родным для менее чем 1% населения и вторым языком для большинства жителей, имеет огромное религиозное, социальное и историческое значение в Эритрее. Он пользуется непререкаемой популярностью среди мусульман и широкой публики ввиду своего всеобъемлющего регионального и глобального статуса, опирающегося на богатое многовековое наследие. Страну связывают давние культурные отношения с арабским миром. Не секрет, что первыми миссионерами, которые привнесли христианство на данную территорию задолго до прибытия сюда европейцев, были священники, говорившие по-арабски и выполнившие перевод Библии с греческого на арабский до ее перевода на язык *гезз*. Некоторые ученые также полагают, что арабский язык массово употреблялся здесь в качестве *лингва франка* задолго до того, как *тигринья* и *тигре* вышли на первый план в данном регионе. Культурно-историческая роль арабского языка в Эритрее дополняется его высоким общественным признанием, даже несмотря на то, что он редко фигурирует в публичном поле, а достаточный уровень владения арабским языком демонстрируют только представители политической, деловой и интеллектуальной элиты страны.

Английский является языком обучения, начиная со средней школы и заканчивая высшими учебными заведениями. Он служит средством официальной коммуникации при ведении

международной торговли, применяется банками, крупными корпорациями, официальными ведомствами, государственными и частными предприятиями в таких областях, как электроэнергетика, транспорт, финансы и т. д. Кроме того, результаты научных исследований публикуются преимущественно на английском языке. Помимо официального употребления, английский язык используется в СМИ, кинотеатрах, на спутниковом телевидении, в Интернете и других электронных каналах связи. Важность английского языка в языковой политике страны подкрепляется сложившимся представлением о том, что его успешное изучение способствует продвижению по карьерной лестнице. Тем не менее уровень владения английским языком здесь остается невысоким, а его распространение проходит неравномерно. Немногие семьи могут позволить себе нанять частных репетиторов для обучения своих детей английскому на дому или располагают качественными электронными устройствами, на которых возможен просмотр англоязычных медиапродуктов.

Все девять автохтонных языков Эритреи в настоящее время используются на начальной ступени образования, употребляются в теле- и радиопередачах, появляются в некоторых фильмах и видеороликах. Время от времени предпринимаются попытки издать книги и дополнительные школьные пособия на некоторых языках, для которых отсутствуют другие печатные издания помимо учебников. Подобная деятельность содействует популяризации национальных языков и привлечению к ним внимания, особенно со стороны их носителей, благодаря стараниям которых существенно возросла сфера применения таких языков в письменной и печатной форме (как минимум в учебниках). Хотя задача дальнейшего расширения лексикона и согласования различных систем письма на этих языках во многом остается нерешенной (например, для языка *билин* имеются две письменности: алфавит *гезз* используется в церковных документах, латиница — в системе образования), приложенные усилия позволили некоторым из них сохранить свою жизнеспособность, а их носителям — сформировать отчетливую социокультурную идентичность.

Литература / References

- Блинов А. А. Арабский язык общения в Интернете. *Россия и мусульманский мир*. 2013. № 10 (256). С. 168–184 [Blinov A. A. Arabic Language of Online Communication. *Russia and the Muslim World*. 2013. No. 10 (256). Pp. 168–184 (in Russian)].
- Antonios B., Andemariam S., Asfaha Y. Pluralistic Language Policy and Multilingual Legal Texts in Eritrea. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 45. No. 10. Abingdon: Routledge, 2022. Pp. 4072–4085.
- Asfaha Y. *Literacy Acquisition in Multilingual Eritrea*. Amsterdam: Aksant Academic Publishers, 2009.
- Asfaha Y., Kroon S. Language Policies and Practices in Eritrea. *The Palgrave Handbook of Language Policies in Africa*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. Pp. 465–488.
- Bender L. Ethiopian Language Policy 1974–1981. *Anthropological Linguistics*. Vol. 27, No. 3. Bloomington: The Trustees of Indiana University, 1985. Pp. 273–279.
- Kroon S., Van der Aa J.-L., Asfaha Y. English in Asmara as a Changing Reflection of Online Globalization. *Language and Culture on the Margins: Global/Local Interactions*. Abingdon: Routledge, 2018. Pp. 53–68.
- Kroon S. Language Policy in Public Space: A Historical Perspective on Asmara's Linguistic Landscape. *Journal of Eastern African Studies*. Abingdon: Routledge, 2021. Pp. 274–296.
- Negash G. *A History of Tigrinya Literature in Eritrea: The Oral and the Written, 1890–1991*. Leiden: Research School of Asian, African, and Amerindian Studies (CNWS), 1999.
- Simeone-Senelle, M.-C. The Specificity of the Dahalik Language within the Afro-Semitic Languages. *History and Language of the Tigre-Speaking Peoples. Studi Africanistici. Serie Etiopica* 8. Napoli: Università di Napoli "L'Orientale", 2010. Pp. 127–145.

ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЫ АХМЕТА УМИТА

© 2026

М. М. Репенкова¹

В статье рассматривается поэтика детективной прозы известного современного турецкого писателя Ахмета Умита, который создал жанр интеллектуального детектива. Его герой-сыщик хорошо разбирается как в перипетиях истории своей страны, так и в реалиях ее нынешней социально-политической жизни. Поэтологические особенности творчества писателя исследуются на основе анализа художественной структуры одного из его последних романов «Время хищных птиц» (2024). Доказывается, что данный роман написан на стыке массовой литературы (формулы и клише) и беллетристики (проблематика и психологизм), и это определяет его особое место в романной парадигме автора. Детективная интрига завязана на актуальной для современной Турции проблематике – специальной военной операции, которую проводят турецкие вооруженные силы в юго-восточных районах страны, и нелегальной торговле нефтью бандитскими формированиями ИГИЛ на севере Сирии. Кроме того, детективная линия сочетается в романе с душевной драмой сыщика, потерявшего в одночасье жену и дочь. Психологическое наполнение его образа происходит и за счет новой любви, которая одухотворяет сосуществование героя стремлением начать жизнь заново. Цель исследования — обосновать, что данный роман с точки зрения особенностей его архитектоники несет в себе основные признаки детективной поэтики писателя. В статье анализируются сюжетно-композиционные особенности романа с акцентом на сюжетные коллизии и образную систему. Научная новизна исследования заключается в том, что рассматриваемый роман А. Умита впервые становится объектом аналитического изучения в отечественном туркологическом литературоведении.

Ключевые слова: массовая литература, беллетристика, детективный роман, романная архитекtonика, Ахмет Умит, роман «Время хищных птиц»

Для цитирования: Репенкова М. М. Поэтологические особенности детективной прозы Ахмета Умита. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 1. С. 92–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-092-099

POETOLOGICAL FEATURES OF AHMET UMIT'S DETECTIVE FICTION

Maria M. Repenkova

The article examines the poetics of detective prose by famous contemporary Turkish writer Ahmet Umit, who created the genre of intellectual detective fiction. His detective hero is well versed in both the twists and turns of his country's history and the realities of its current socio-political life. The poetological features of the writer's work are examined based on the artistic structure of one of his last novels 'The Time of Birds of Prey' (2024). The

¹ Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mmrepenkova@rambler.ru

Maria M. Repenkova, DSc (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies RAS; mmrepenkova@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-7551-3869

study argues that this novel is written at the intersection of popular literature (formulas and clichés) and fiction (problematics and psychology), which determines its unique place within the author's novelistic paradigm. The detective intrigue revolves around issues relevant to modern Turkey: the special military operation conducted by the Turkish Armed Forces in the south-eastern regions of the country, and the illegal oil trade by ISIS bandit groups in northern Syria. Furthermore, the detective plot is combined in the novel with the emotional drama of a detective who suddenly lost his wife and daughter. The psychological depth of his character is also enhanced by a new love, which inspires the hero's coexistence with a desire to start a new life. The purpose of the study is to substantiate that this novel, from the point of view of the peculiarities of its architecture, bears the main characteristics of the writer's detective poetics. The article analyzes the plot and compositional features of the novel, focusing on plot collisions and the system of imagery. The scientific originality of the research lies in the fact that A. Umit's novel under consideration is becoming an object of analytical study in Russian Turkic literary criticism for the first time.

Keywords: popular literature, fiction, detective novel, novelistic architecture, Ahmet Umit, novel "The Time of Birds of Prey"

For citation: Repenkova M. M. Poetological features of Ahmet Umit's detective fiction. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 92–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-092-099

Турецкая критика единодушна в оценках детективного творчества А. Умита (род. в 1960 г.)², называя его «самым популярным автором национального детектива» [Yalçın-Çelik, 2010, s. 6], «отцом психологического турецкого детектива» [Ünlü, 2012, интернет-ссылка], «новатором в области детективного повествования» [Gezer, 2006, s. 19], «продолжателем традиций классического западного детектива» [Üyepazarcı, 2008, s. 5], «создателем нового стиля в турецком детективе» [Çelik, 2010, s. 20], «первооткрывателем нового типа героя-сыщика» [Bayram, 2004, s. 14], «человеком, глубоко переживающим социально-политические проблемы Турции» [Esen, 2006, s. 7]. Справедливость оценок критиков подтверждается хорошей продаваемостью книг А. Умита, за многими из которых закрепляется определение «бестселлер»³.

Детективы А. Умита относятся к «высоким» образцам массовой литературы, находящимся на стыке с беллетристикой. Он насыщает повествование серьезными социально-политическими и нравственными проблемами, которые сочетаются с увлекательной детективной интригой, развивающейся непредсказуемым образом. При этом писатель широко использует детективные формулы и клише, в которых данный жанр массовой литературы находит свое воплощение. Формульность не вредит произведениям писателя, поскольку он с пиететом относится к литературной языковой традиции и уделяет большое внимание стилю. Это позволяет ему использовать клишированный набор тропов оригинально и ярко.

К поэтологическим особенностям детективной прозы А. Умита можно отнести то, что он создает образ «своего писателя, сочиняющего для своих». С одной стороны, А. Умит творит в рамках реалистической традиции, которая понятна массовому читателю. А с другой стороны, стремится в своих текстах к некоторой элитарности и интеллектуализму, что проявляется в сыщике-интеллектуале. Как правило, он образован, имеет творческую профессию (историк, писатель, адвокат, архитектор и т. п.), прекрасно разбирается в истории страны («Рhapsодия Бейоглу» (Beyoğlu Rapsodisi, 2003), «Воспоминания о Стамбуле» (Istanbul Hatırası, 2010), «Убить султана» (Sultanı

² Подробная биография писателя приводится в работах М. Репенковой и Ю. Азаровой [Репенкова, 2016, с. 161–164; 2024, с. 2440–2441; Азарова, 2012, с. 20–26].

³ Например, роман «Рhapsодия Бейоглу» с 2003 по 2013 г. только в издательстве «Эверест» выдержал 46 изданий, каждое из которых имело тираж не менее 25 000 экземпляров.

Öldürmek, 2012), «Врата тайн» (Bab-ı Esrar, 2008)) и в ее современных политических перипетиях («Туман и ночь» (Sis Ve Gece, 1996), «Кукла» (Kukla, 2002)).

Образ «своего писателя» реализуется и в форме повествования от первого лица. Рассказчик чаще всего выступает одновременно в качестве сыщика, преступника и жертвы — «Туман и ночь», «Рапсодия Бейоглу», «Убить султана», «Время хищных птиц» (Yırtıcı Kuşlar Zamanı, 2024), реже сыщика и жертвы — «Врата тайн». Сыщик в романах А. Умита, за исключением серии романов о главном комиссаре Невзате («Народ» (Kavim, 2006), «Самый лучший брат Бейоглу» (BeYOğ-lu'nun En Güzel Abisi, 2013), «Время хищных птиц» и др.), не является профессионалом, он берется за расследование в силу сложившихся обстоятельств.

Детективная линия, как правило, сопрягается с любовной линией, что придает речи рассказчика большую искренность и доверительность. Он обращается к читателю (советуется, беседует, спрашивает). И это также является своеобразной игрой. Так рассказывающий подчеркивает свою близость к читателю, в котором он признает близкого себе человека, способного понять идеи его повествования.

Повествование рассказчика о своей повседневной жизни задает читателю привычную систему координат (дом / семья, работа / сослуживцы, любовь / дружба / ненависть и т. п.). Часто его речь облекается в вербальные стереотипы, что содействует принятию такого повествования массовой публикой, поскольку именно в стереотипных формулах реализуются присущие людям устойчивые, базовые модели сознания, упрощающие жизнь, делающие ее однозначно понятной (добро обязательно побеждает зло). Введение в повествование «быта жизни» через привычные лингвокультурологические формулы составляет еще одно правило игры А. Умита в «своего писателя».

Универсальные поэтологические особенности, присущие детективным романам А. Умита, обнаруживаются с особой полнотой в романе «Время хищных птиц». Подход к исследованию поэтики данного романа будет определять российская методология изучения массовой литературы, ее формул и клише [Купина, Литовская, Николина, 2010; Черняк, 2009]. Турецкие специалисты таковой пока не выработали. Поэтому в работах турецкой критики дело не идет дальше пересказа сюжета романа.

Вкратце сюжет романа «Время хищных птиц» сводится к следующему. Команда главного полицейского комиссара Невзата расследует преступление, связанное с обнаружением в стамбульском пригороде Агва скелета закопанного в землю человека с пулей в черепе. По номеру протеза на ноге скелета полицейские определили личность убитого. Им оказался бывший помощник комиссара полиции Тургай Наджар, который семь лет назад участвовал в специальной военной операции против курдских сепаратистов на юго-востоке страны. Баллистическая экспертиза показала, что пуля в голове убитого выпущена из номерного пистолета главного комиссара Невзата, что указывало на его причастность к преступлению.

Команда главного комиссара Невзата, состоящая из его помощника комиссара Али и криминалиста Зейнеп, в результате проведенного расследования получила следующие сведения. Тургай Наджар вместе со своими друзьями из стамбульской полиции — Халитом Апаком и Оркуном Йолджу во время участия в специальной операции под руководством начальника Ильхами (Амира-аби) завладели пятью миллионами долларов, захваченными ими у ИГИЛ, занимавшейся незаконной торговлей нефтью в этом районе. Деньги государству полицейские не сдали, а присвоили себе. В строгой конспирации (у каждого участника операции была кличка хищной птицы, отсюда и название романа) они хранили деньги, пока не вернулись в Стамбул и Оркун Йолджу не начал их тратить на любовницу Джейлин Сунар. Подельники не задумываясь убили Оркуна, замаскировав убийство под самоубийство. Тогда, семь лет назад главный комиссар Невзат расследовал это дело

и подошел близко к его разгадке. Испугавшиеся разоблачения подельники (Тургай и Халит) подложили бомбу под машину Невзата, на которой подорвались его жена Гюзиде и дочь Айсун. Смерть близких людей надолго подкосила комиссара. Он лежал в психиатрической клинике, потом был период реабилитации дома. В это время Халит проник в дом Невзата и украл его табельное оружие, из которого он же убил Тургая, не желавшего больше участвовать в незаконных делах и грозящегося во всем признаться полиции. Начальник Ильхами к этому времени уже ушел на пенсию, но у него остались обширные связи в полицейских верхах. Это была его идея с табельным оружием Невзата, чтобы нейтрализовать последнего, вызвав на него подозрения в убийстве.

Главный комиссар Невзат, пока не выяснилась правда с его пистолетом, мучился сомнениями, как он мог убить человека тогда, семь лет назад, когда он сам находился в практически бессознательном состоянии после гибели жены и дочери. Здесь А. Умит продолжает разрабатывать формулу, использованную им и в других романах: герой одновременно выступает сыщиком, преступником и жертвой. Через семь лет дело Тургая Наджара снова попадает в руки главного комиссара Невзата. Он опять близок к раскрытию, и здесь выясняется, что убитый был застрелен из его табельного оружия. Начальник Невзата Сабри отстраняет его от работы. Дело осложняется и тем, что преступники похищают из дома возлюбленную Невзата Евгению и ее приемную дочь Азез. Женщину и маленькую девочку Ильхами прячет в надежном месте, в доме наркоторговца Дарко Самартича. Но Невзат успевает передать координаты дома своим помощникам, и полиция освобождает заложников, а Ильхами арестовывает.

Как и в других романах А. Умита, и в этом романе практически каждая глава начинается с описания Стамбула. Древний город под пером мастера превращается из топоса художественного повествования в одного из центральных героев, с которым связана детективная интрига. Он имеет человеческие лицо и душу. Часто пейзажи города коррелируют с душевными состояниями действующих лиц. Например, печальная картина города под дождем подчеркивает тоску главного комиссара Невзата по прошлому величию этого мегаполиса: «Шел дождь; Его потоки не становились более редкими и медленными, без перерыва из темно-серого неба словно бесконечная река лился на Стамбул дождь. Несмотря на то, что столько вылилось воды на дворцы, которые потеряли свое величие, на храмы, которые утратили свое значение, на парки, которых с каждым днем становилось все меньше и меньше, на деревья, количество которых тоже с каждым днем уменьшалось, на море, которое загрязнялось день ото дня, на бесформенные здания, число которых, наоборот, каждый день становилось все больше и больше, на людей, которые каждый день и каждую ночь битком набивались в эти здания и находили в них приют, на столько измен и столько низости, все равно дождь лил и лил на этот древний город, который все еще сохранял свою красоту» [Ümit, 2024, s. 91]. А. Умиту удастся очень точно показать изменение социокультурного облика города, особенно его центрального района Бейоглу — превращение культурного центра мегаполиса в пристанище воров, убийц, проституток, гомосексуалистов, наркоманов, мигрантов из бедных восточных районов страны, которые каждый день совершают преступления.

Основной конфликт романа прорисовывается постепенно. Он связан с тем, что в современном турецком обществе происходит глубинная смена нравственных приоритетов. На первый план выдвигаются новые ценности — предельный индивидуализм и эгоцентризм, которые вступают в противоречие с правовой структурой государства. В романе это выражается в том, что в прошлом честные полицейские Тургай Наджар, Халит Апак и Оркун Йолджу под руководством своего начальника Ильхами идут на должностное преступление — не отдают конфискованные у ИГИЛ деньги государству. Однако любой отказ от норм нравственности влечет за собой все новые и новые преступления, которые чреваты наказанием: оступившись, человек незаметно для

самого себя открывает дорогу трагическим событиям (убивают друг друга Тургай и Оркун, оказываются за решеткой Ильхами и Халит). На примере четырех друзей, бывших полицейских, раскрывается крайняя степень разобщенности, зависти и ненависти друг к другу. Ради денег они готовы на все — взорвать машину главного комиссара полиции и даже убить друга.

В неприглядном свете изображены и другие представители «дельцов теневого мира» из района Бейоглу — наркобарон серб Дарко Самартич, его помощники-бандиты братья Файгар, адвокат Шадан Харманджи, работающий на наркомафию, и др. Открытой социальной критики А. Умит не допускает, но нравы тех, кто оказываются у руля наркобизнеса города, он изображает без прикрас. Со многими из них связан бывший полицейский чин Ильхами, обеспечивая им крышу в органах правопорядка.

В романе «Время хищных птиц» А. Умит подходит к изображению своих героев с предельным психологизмом, что в целом не свойственно современной турецкой детективной прозе. Главный комиссар полиции Невзат показан в душевных переживаниях из-за гибели жены и дочери, которая произошла семь лет тому назад. Он страдает, что не смог защитить самых близких ему людей. И, несмотря на прошедшие годы, боль от потери не становится меньше: «Легко сказать забыть, но как я могу их забыть, если каждый вечер, когда я ложусь в постель, и каждое утро, когда я открываю глаза, они смотрят на меня, улыбаясь, из рамки фотографии на стене? Но если ты не убережешь источник депрессии, то не будет даже временного спасения. А это возможно было бы сделать? Гюзиде и Айсун вернулись бы назад? Или же все то, что я с ними пережил, я бы посчитал ничем. Мог бы я стереть из своего мозга и выбросить их голоса, их улыбки, их слезы, прикосновения, их запахи, пережитые плохие и хорошие дни, все воспоминания? Нет, спасения от депрессии нет, есть только жизнь вместе с ними, каждый момент, каждую минуту, каждый час, есть борьба с этим. Хорошо, а что же тогда могло бы вылечить? Конечно, попытка забыть все. Не пренебрегай тем, что твой мозг поддается сладкому туману. Истина изнуряет человека. Со мной произошло то же, та белесая темнота, захватившая мой ум, послужила делу, не полностью, правда. Если бы я нашел убийц моей жены и дочери, если бы я их передал в руки закона, я бы, видимо, чувствовал себя намного лучше. Да не видимо, а точно. Конечно, тот тяжелый траур, та горькая боль и постоянное горе меня бы не оставили, но наказание преступников-убийц придало бы мне больше спокойствия» [Ümit, 2024, s. 54–55].

В душевных переживаниях главного комиссара полиции Невзата отчетливо проступает его конфликт с преступным миром города. Писатель стремится к неперемennomu разрешению этого конфликта и восстановлению справедливости. Иначе произойдет утрата контакта с читателем. Поэтому Невзат успешно разгадывает многие загадки и ловит преступников. Зло оказывается наказанным, пусть этим злом и является друг главного комиссара — бывший начальник полиции Ильхами.

Одновременно с пафосом восстановления справедливости для поэтики детективной прозы А. Умита вообще и его романа «Время хищных птиц» в частности характерны и морализаторские интонации. Они призывают смириться с естественным ходом вещей и не бояться смерти. Возникает пафос смирения перед универсальными законами бытия. Это достигается за счет того, что в повествование вплетаются любовная история главного комиссара Невзата и хозяйки ресторана в старинном стамбульском районе Татавля, гречанки Евгении. В молодости Невзат помог Евгении избавиться от нежелательного жениха и вернуться с востока страны, куда она поехала за женихом, в Стамбул к отцу. Так началась дружба Невзата и Евгении, которая после смерти его родных переросла в любовь. Теперь уже Евгения оказывала помощь Невзату в возвращении к нормальной жизни и работе, постоянно твердя, что жизнь продолжается и нужно учиться жить заново.

Темпоральная организация романа основана на переключке прошлого и настоящего, что соответствует законам детективного жанра и вписывается в поэтику прозы А. Умита. Это

способствует восприятию описываемых событий как достоверных и актуализирует связь двух времен с целью раскрытия преступления. Роман «Время хищных птиц» написан в 2024 году. Текст содержит узнаваемые сигналы текущего времени. Главными лексическими указателями времени становятся слова «специальная операция на юго-востоке страны», «ИГИЛ», «незаконная торговля нефтью», появившиеся в вербальном обиходе турок в это время. В романе действуют персонажи, которые причисляются автором к игиловцам. Например, молодой араб, которого во время специальной операции полицейские поймали на границе с Сирией и который показал им склад, где была спрятана многомиллионная касса денег боевиков.

Как и в других романах из цикла о главном комиссаре полиции Невзате, во «Времени хищных птиц» рассказчиком выступает сам главный герой. Он повествует о том, что для него уже является прошлым, и он знает, чем закончится дело. Поэтому вполне логичными выглядят его реплики: «если бы тогда я мог предположить, к чему это приведёт», «если бы я мог только представить последствия этой катастрофы» и т. п., которые сочетаются с доверительно-личными интонациями в высказываниях типа: «если вы меня спросите, то...», «но постойте, до того, как коснуться того события, я расскажу о прокуроре Айтен Ханым», «ладно, мы опять отошли от темы», «ну, да ладно, давайте вернемся к нашей истории», «как вы тоже смогли бы предположить», «поверьте мне», «но если мы попытаемся посмотреть на это дело с другой стороны», «клянусь» и т. п.

В тексте регулярно встречаются слова с темой темпоральности (сегодня, сейчас, только что, и в эту минуту, и в этот момент, нынешний, теперешний и т. п.), выполняющие две функции. Во-первых, они указывают на событийное настоящее, без которого не может существовать детективный сюжет, и актуализируют его. Обычно подобные указатели располагаются в начале фразы: «Сегодня (здесь и далее курсив мой — М.Р.) мой оптимизм опять исчез» [Ümit, 2024, s. 60], «Между тем *сейчас* человечество вернулось в период варварства, когда самым ценным становится сила» [Ümit, 2024, s. 186]. Во-вторых, эти слова в сочетании с датами и лексемами, уточняющими прошлое, драматизируют настоящее, констатируют, что в прошлом все было лучше, а настоящее не сулит героям ничего, кроме трагедии. Особенно это бросается в глаза в описании улиц, домов и исторических памятников Бейоглу, постепенно теряющих свой прежний облик. «Я направил свою пенсионерку-машину в центр города, где дома теперь стали такими же грустными, как этот зимний дождь, и потеряли свою индивидуальность по сравнению с тем, какими они были полвека тому назад» [Ümit, 2024, s. 155].

В романе «Время хищных птиц» настоящее и прошлое находятся в причинно-следственных отношениях, составляющих детективный сюжет. Линии прошлого и настоящего переплетаются, актуализируя преступления в прошлом и преступления в настоящем. Актуально-событийным оказывается прошлое четырех полицейских, участников специальной операции на юго-востоке страны, которое мотивирует их преступления в настоящем. Расследователи: главный комиссар Невзат, его помощники комиссар Али и криминалист Зейнеп — стремятся восстановить это прошлое (события семилетней давности) в деталях. Их догадки относительно насильственных смертей полицейских Тургая Наджара, Оркуна Йолджу, а также любовницы последнего Джейлин Сунар компрометируют бывшего начальника полиции, друга Невзата Ильхами. Кроме того, они бросают тень и на самого Невзата, из табельного пистолета которого был убит Тургай Наджар. Темпоральный анализ преступлений начинается командой Невзата уже с самого начала романа. В аналитической цепочке есть место раздумью, сопоставлению фактов, моменту озарения (на его базе происходит восстановление логики темпоральной последовательности событий). Результатом является разгадка тайны и, наконец, спасение от смерти самого расследователя — главного комиссара Невзата, который, так же как его возлюбленная Евгения и ее приемная дочь, попадает в заложники к бандитам.

Как уже отмечалось, формульность маркирует «Время хищных птиц» как произведение массовой литературы. Она проявляется не только на проблемно-тематическом, темпоральном, но и на образно-персонажном уровнях. В тексте выделяются разного рода стереотипные формулы, определяющие образно-персонажную структуру текста и поддающиеся классификации. Так, в речи рассказчика и в диалогической речи других действующих лиц употребляются формулы, наделенные функцией типового сопроводителя образа персонажа. Например, говоря о своем помощнике Али, Невзат постоянно использует формулу «серьезный, благоразумный, способный предвидеть опасность». О Зейнеп главный комиссар упоминает как об «очень умной красавице». В зоне внутренней речи Невзата его возлюбленная Евгения выступает «уравновешенной и доброй», «всегда готовой прийти на помощь ближнему». При упоминании образа Евгении часто повторяется, что у нее были зеленые глаза. Иногда к определению «зеленые» добавляются эпитеты: «красивые зеленые», «зеленые, затуманенные вином», «зеленые с синеватым оттенком», «зеленые слегка раскопые». А иногда используется клишированное метафорическое сравнение — «глаза цвета морской зелени». О начальнике Невзата Сабри постоянно говорится как об «однокласснике по лицу, не способном на подлость» и т. п. Такого типа формулы стандартизируют образ персонажа, делают его одновременно и узнаваемым, и одноплановым.

Формульность проявляется и в однотипности внешних характеристик персонажей. В атрибутивных конструкциях при описании персонажей наблюдается тенденция к стереотипности отбора прилагательных. Доминируют прилагательные, обозначающие цвет, а также прилагательное «красивый», что свидетельствует об ограниченности материала выразительных средств автора. «Евгения, чьи *светло-каштановые* волосы спадали на *красивые* голые плечи, скользила, словно лебедь, в зеркале спальни с кроткой улыбкой на губах. На ее тонкой *белой* шее *красиво* смотрелось доставшееся от бабушки Эвадоксии жемчужное ожерелье, а *светло-зеленое* платье еще больше подчеркивало цвет ее глаз. Ее туфли, как и жемчуг на шее, были *белого* цвета, возможно, более блестящие и более *отдающие в серебро*. Я же, нарядившись в *голубую* рубашку и *светло-синий* костюм, с восхищением наблюдал за ней, словно забыв все то, что произошло за прошедшие два дня. Она была *красивой*» [Ümit, 2024, s. 163]. «Дарко Самартич сидел за *белым* столом, краска на котором облупилась и облезла. Роста он был немаленького, поэтому не знал, куда деть свои длинные ноги из-за того, что табуретка под ним была короткой. Его *светло-каштановые* волосы, собранные сзади в хвост, делали голову еще более огромной. В его *зеленых* глазах, которые затемняли густые *черные* брови, выглядевшие как два полумесяца под узким лбом, проглядывало невероятное спокойствие. Ни о каком расстройстве даже и речи ни шло, даже незначительной рассеянности не ощущалось, возможно, он был немного смущен» [Ümit, 2024, s. 200].

В романе А. Умита с образно-персонажными стереотипами оказываются тесно связанными социально-групповые стереотипы, стереотипы воспитания и супружеской жизни, а также новые стереотипы, которые привносит в существование турок современная действительность. Автор задействовал такой социально-групповой стереотип, как продажность органов правопорядка, в частности полиции. Недаром друзья-полицейские нисколько не сомневаются в том, что аферу с миллионами долларов на юго-востоке страны никто не раскроет. Их начальник, полицейский чин Ильхами всячески отводит от них подозрения, ставя под удар других товарищей по службе, например, главного комиссара Невзата. Стереотипы нового времени ориентированы на массового читателя, который пытается приспособиться к быстро меняющейся современной жизни, освоить ее новые правила, стандарты и реалии.

В заключение можно сказать, что сюжетно-композиционные особенности романа «Время хищных птиц» полностью вписываются в поэтику детективной прозы А. Умита. Стандартность

образного мышления присутствует в текстах всех его детективных романов, позволяя причислять их больше к парадигме массовой литературы, чем к беллетристике. Однако это не уменьшает популярности его сочинений. Наоборот, именно благодаря стереотипам и клише эти произведения понятны и интересны массовому читателю, который ничего другого от данного автора и не ждет. В то же время стереотипность и клишированность повествования не вытесняют из романов А. Умита (в том числе и из «Времени хищных птиц») эстетической функции. Серьезные проблемы социально-политического и нравственно-психологического характера, поднимаемые автором, вкупе с психологически мотивированными образами, показанными в развитии, позволяют ему сохранять достаточно высокую художественную планку жанра, усиливают эстетическую значимость произведений, несущих в себе свойства и беллетристики.

Литература / References

Азарова Ю. *Средства художественной выразительности в детективной прозе Ахмета Умита*. М.: ИСАА МГУ, 2012 [Azarova Yu. *Means of artistic expression in the detective prose of Ahmet Umit*. Moscow: IAAS MSU, 2012 (in Russian)].

Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. *Массовая литература сегодня. Учебное пособие*. М.: Флинта-Наука, 2010 [Kupina N.A., Litovskaya M.A., Nikolina N.A. *Mass Literature Today. Textbook*. Moscow: Flinta-Nauka Publ., 2010 (in Russian)].

Репенкова М.М. *Турецкая литература на рубеже XX–XXI веков (основные парадигмы)*. М.: Наука – Вост. лит., 2016 [Repenkova M.M. *Turkish Literature at the Turn of the Twentieth and Twenty-first Centuries (Main Paradigms)*. Moscow: Nauka-Vostochnaya literature Publ., 2016 (in Russian)].

Репенкова М.М. Сюжетные коллизии детективного романа Ахмета Умита «Народ» (2006). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Том 17. Выпуск 7. С. 2439–2444 [Repenkova M.M. Plot conflicts in Ahmet Umit's detective novel "The People" (2006). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. Volume 17. Issue 7. Pp. 2439–2444 (in Russian)].

Черняк М.А. *Массовая литература XX века. Учебное пособие*. М.: Флинта – Наука, 2009 [Chernyak M.A. *Mass Literature of the Twentieth Century. Textbook*. Moscow: Flinta – Nauka, 2009 (in Russian)].

Bayram E.G. *Türkiye’de Polisiye Roman: Osman Aysu Romanları. Yüksek Lisans Tezi*. Ankara, 2004 [Bayram E.G. *Detective Fiction in Turkey: the novels of Osman Aysu. Master's Thesis*. Ankara, 2004 (in Turkish)].

Çelik D.Y. *1980 Sonrası Türk Edebiyatı’n da Polisiye Roman*. Ankara: Dünya Kitapları, 2010 [Chelik D.Y. *Detective Novel in Turkish Literature after 1980*. Ankara: Dunya Kitapları Publ., 2010 (in Turkish)].

Esen N. *Modern Türk Edebiyatı üzerine okumalar*. İstanbul: İletişim, 2006 [Esen N. *Reading Modern Turkish Literature*. İstanbul: İletişim, 2006 (in Turkish)].

Gezer H. *Türk Edebiyatında Polisiye Roman Ve Ahmet Ümit’in Polisiye Roman Kurguları. Yüksek Lisans Tezi*. İsparta: Süleyman Demirel Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yayınlanmış, 2006 [Gezer H. *The Detective Novel in Turkish Literature and the Images of Ahmet Umit's Detectives. Master's Thesis*. İsparta: Institute of Social Sciences Suleyman Demirel University, 2006 (in Turkish)].

Ümit A. *Yırtıcı Kuşlar Zamanı*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2024 [Umit A. *The Time of Birds of Prey*. İstanbul: Yapi Kredi Yayinlari Publ., 2024 (in Turkish)].

Ünlü F. *Polisiye Edebiyatın Babası*. 03.06.2012. <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/pazar/ferhat-unlu/2012/06/03/polisiye-edebiyatin-babasi> [Unlu F. *Father of Detective Fiction*. 03.06.2012. <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/pazar/ferhat-unlu/2012/06/03/polisiye-edebiyatin-babasi> (in Turkish)] (дата обращения: 15.11.2025).

Yalçın-Çelik S. Dilek. *1980 Sonrası Türk Edebiyatı’n da Polisiye Roman*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2010 [Yalchin-Chelik S. Dilek. *Detective Novel in Turkish Literature after 1980*. Ankara: Ministry of Culture and Tourism Publ., 2010 (in Turkish)].

«АВСТРОНЕЗИЙСКИЙ» ТЕКСТ С КЮСЮ И ЕГО ПЕРЕВОД Ю.Х. СИРКА: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ*

© 2026

И. В. Саркисов¹

Статья представляет собой попытку объяснить с точки зрения данных современной праавстронезийской реконструкции выполненный Ю. Х. Сирком перевод непонятного текста XI в. с Кюсю, предположительно созданный на вымершем австронезийском языке. Данный текст, приводящийся в антологии песен «Сётоку коёсю», представляется бессмысленным с точки зрения японского языка. Поэтому Л.М. Ермакова выдвинула гипотезу о его австронезийской принадлежности. Гипотеза была поддержана Ю. Х. Сирком, предложившим два варианта перевода текста, которые были опубликованы Ермаковой в монографии «Речи богов и песни людей». Однако Сирк не оставил никакой информации о ходе своих рассуждений, и потому после его смерти восстановить их не представляется возможным. Таким образом, весьма любопытная гипотеза фактически представляется бездоказательной. В ходе нашего исследования мы постарались восстановить логику Сирка, опираясь на реконструкцию Р.Э. Бласта. Нам удалось установить соответствия между словами текста и переводом Сирка, на основе чего мы предлагаем свою, несколько скорректированную гипотезу перевода, одновременно приходя к выводу о том, что австронезийская принадлежность текста маловероятна.

Ключевые слова: австронезийские языки, праавстронезийский язык, японский язык, языки Японии, доисторическая Япония

Для цитирования: Саркисов И. В. Австронезийский текст с Кюсю и его перевод Ю. Х. Сирка: попытка реконструкции. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 100–109. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-100-109

“AUSTRONESIAN” TEXT FROM THE ISLAND OF KYUSHU AND ITS TRANSLATION BY SIRK: AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION

Ivan V. Sarkisov

Summary. In this article I am trying to reconstruct the logic and arguments, on which the translation of a hypothetically Austronesian text made by Ü. Sirk is based. The text was found in an anthology of old Japanese songs written in XI century. From the viewpoint of Japanese language, this text seems an absolutely incomprehensible amount of sounds. It comes from the island of Kyushu, where some parts of prehistoric population (Hayato

* Автор выражает благодарность и признательность за помощь в подготовке статьи д.ф.н. Л.М. Ермаковой, А.С. Звереву и Е.В. Коровиной.

¹ Саркисов Иван Владимирович, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков Института Востоковедения РАН, Москва; vanya.sarkisov@gmail.com
Ivan V. Sarkisov, PhD (Philology), The institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Studies, researcher, Moscow; vanya.sarkisov@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6824-7729

and Kumaso tribes) probably were Austronesian. According to this, Russian Japanologist L.M. Yermakova provided a hypothesis that the text was written in one of such extinct Austronesian languages of Kyushu. A famous Russian specialist in Austronesian languages Ū. Sirk supported this hypothesis and made two variants of translation of this text into Russian. Unfortunately, he did not provide any argumentation and any information about the logic of his translation. As a result, after his death the translation seems to be just an unproven hypothesis and without knowing Sirk's arguments it cannot be even discussed scientifically. In my research I tried to restore the logic of Sirk's translation and to explain it from the viewpoint of proto-Austronesian reconstruction by R.A. Blust.

Keywords: Austronesian languages, languages of Japan, prehistoric Japan, proto-Austronesian language

For citation: Sarkisov I. V. "Austronesian" text from the island of Kyushu and its translation by Sirk: an attempt of reconstruction. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 1. Pp. 100–109. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-100-109

Введение

Настоящая статья призвана осветить первую часть исследования, посвященного языковой принадлежности и интерпретации текста песни, который приводится в японской антологии XI века «Сётоку коёсю», на первый взгляд кажется бессмысленным с точки зрения японского языка и рассматривался Л. М. Ермаковой и Ю. Х. Сирком как австронезийский. Если подобная гипотеза является верной, то данный текст представляет собой уникальнейший образец одного из исчезнувших примерно к IX веку предположительно австронезийских языков острова Кюсю (возможно — хаято или кумасо) и потому имеет огромную ценность для науки.

Ю. Х. Сирк предложил варианты перевода этого текста, исходя из его австронезийской принадлежности и собственных изысканий в области праавстронезийской реконструкции. Однако, к большому сожалению, никаких данных о логике его рассуждений и доказательств правильности его интерпретаций не сохранилось, и мы имеем дело лишь с конечным результатом работы. По этой причине судить о правильности выводов признанного специалиста не представляется возможным. К тому же за время, прошедшее с момента его изысканий (с 1995 года), было накоплено много новых знаний о праавстронезийской реконструкции.

В этих условиях первой задачей на пути дальнейшего изучения упомянутого текста (а изучение его представляет огромную важность вследствие описанной выше его уникальности) является попытка восстановить логику Ю. Х. Сирка и найти соответствие между предложенным им переводом и праавстронезийской реконструкцией. Выполнение этого своеобразного мета-исследования даст возможность предметно обсудить правильность перевода Сирка, что вкупе с новым японоведческим анализом текста в итоге должно окончательно подтвердить или опровергнуть его австронезийскую принадлежность.

В рамках настоящей статьи мы предложим гипотетический вариант соответствия перевода Сирка с современной праавстронезийской реконструкцией, а японоведческая часть исследования будет изложена в последующих работах.

Австронезийские языки на Японских островах

В науке достаточно широко распространено мнение, что до формирования японского этноса на Японских островах (по крайней мере, на Кюсю) в числе представителей различных языковых семей присутствовали и австронезийцы [Vovin, 2021], оставившие определенный след в японском

языке [Там же]. Наличие данного австронезийского субстрата даже побуждало некоторых ученых выдвигать гипотезы (впрочем, не получившие серьезной поддержки) об австронезийской, а не алтайской принадлежности японского языка [Hudson, 1999, pp. 82–83, Vovin, 1994, p. 369] или же о его генетической связи с австронезийской семьей на более глубоком уровне [Blust, 2013, pp. 711–712], а также о его смешанном алтайско-австронезийском происхождении [Vovin, 1994, p. 369]. Обычно в качестве австронезийских народов рассматриваются обитавшие на Кюсю примерно до IX века и частично истребленные, частично ассимилированные японцами хаято и кумасо. Высказывалась гипотеза о том, что окончания соответственно *-то* и *-со* в этих этнонимах могут восходить к праавстронезийскому **Sau* — ‘человек’² [Vovin, 2021, p. 294].

Все сведения об австронезийском «наследии» в Японии (как лингвистическом, так и историческом) крайне скудны и не позволяют создать сколь-либо целостную картину. Практически все данные по этому вопросу сводятся к гипотезам и предположениям, основанным на очень ограниченном наборе фактов, которые можно лишь интерпретировать с той или иной степенью достоверности, но не рассматривать в качестве не подлежащих сомнению (например, сторонник японо-австронезийского родства П. К. Бенедикт выявил несколько сотен японо-австронезийских лексических параллелей [Benedict, 1990], однако Р. Бласт [Blust, 2013, p. 714] и А. В. Вовин [Vovin, 1994] признают большую их часть ошибочными).

Таким образом, при изучении «белых пятен» в области этимологии японского языка и древнеяпонской истории мы, с одной стороны, имеем основания выдвигать различные «австронезийские гипотезы», а с другой — всегда должны относиться к ним с немалой долей осторожности. В этих условиях любые новые данные, представляющиеся надежным свидетельством подобного «австронезийского наследия», имеют огромную ценность и потенциально могли бы изменить нынешнюю ситуацию фактологического вакуума.

Текст песни из собрания «Сётоку коёсю»

В японской антологии песен «Сётоку коёсю» («Собрание старых песен из книги годов Сётоку»³), созданной в конце XI в., содержится текст народной песни из провинции Хиго на Кюсю. В доступных нам источниках текст записан хираганой с вкраплением одного иероглифа и разделен запятыми. Согласно японисту Л. М. Ермаковой, которая приводит этот текст в кириллической транскрипции в своей монографии «Речи богов и песни людей», «для любого, знающего японский язык, эта песня представляет собой набор бессмысленных звуко сочетаний» [Ермакова, 1999, с. 148]. Также она сообщает, что, по мнению комментатора текста, он был непонятен уже для исполнителей времен периода Хэйан (794–1185 годы) [Там же].

Л. М. Ермакова предположила, что песня могла быть написана на каком-либо из исчезнувших австронезийских языков Кюсю. Она показала текст Ю. Х. Сирку — одному из крупнейших на тот момент отечественных специалистов в области австронезийского языкознания, занимавшему преимущественно языками Индонезии (особенно бугийским), а также праавстронезийской

² Веским контраргументом против этой гипотезы является то обстоятельство, что названия хаято и кумасо фонетически членятся на японские корневые морфемы, иероглифами со значением каковых они и записываются: хаято (японское 隼人) состоит из 隼 — *haya* ‘сокол’ и 人 — в древнеяпонском *payapito* (*payabito*), современное *hito* (в составных словах иногда может сокращаться в *-to*) ‘человек’, а кумасо (японское 熊襲) — из 熊 — *kuma* ‘медведь’ и 襲 — в древнеяпонском *osori*-, современное *oso*- ‘нападать’. Однако, с другой стороны, подобный факт не является неоспоримым доказательством японского происхождения данных этнонимов, поскольку, во-первых, сочетание корневых морфем 熊 и 襲 весьма непросто интерпретировать с точки зрения грамматики (сочетание, 隼 и 人 вполне грамматично и может быть переведено как «человек-сокол»), а во-вторых, нельзя исключать, что таким способом японцы затранскрибировали заимствованные названия, переосмыслив их.

³ Сётоку или Дзётоку — девиз правления императора Хорикавы в 1097–1099 годах.

реконструкцией. Сирк на основе собственных изысканий, исходя из австронезийской принадлежности текста, предложил два варианта его перевода, которые и были опубликованы Л. М. Ермаковой (разумеется, с указанием авторства Сирка) в упомянутой монографии. Однако, к огромному сожалению, никаких данных о ходе рассуждений ученого, приведших его к конечному результату, в монографии не приводится. Л. М. Ермакова сообщила нам, что Сирк их не оставил, предложив после длительной упорной работы лишь готовый перевод. Следовательно, после его смерти в точности установить, что именно он имел в виду, не представляется возможным. Таким образом, достоверность этих переводов, как и самой гипотезы об австронезийской принадлежности языка текста, по сути, держится лишь на авторитете (безусловно, абсолютно заслуженном) Ю. Х. Сирка. Между тем нельзя не учитывать, что, во-первых, выдающийся ученый не мог быть застрахован от ошибок и заблуждений, а во-вторых, за прошедшие с момента его изысканий 30 лет было накоплено немало новых данных в области праавстронезийской реконструкции, что дает основания для перепроверки его работы.

В этих условиях представляется очевидным, что текст, который (в случае подтверждения австронезийской гипотезы) вполне может иметь огромное значение в исследованиях древней Японии (так как в этом случае он станет первым надежным доказательством присутствия на Кюсю австронезийцев), нуждается в тщательном повторном изучении. Исследование это потребует несколько этапов. С одной стороны, надо все-таки попытаться понять текст, исходя из японского языка, а с другой — попробовать надежно доказать его австронезийскую принадлежность. При этом начинать работу над второй задачей разумнее всего с того, чтобы попытаться реконструировать логику рассуждений Ю. Х. Сирка и объяснить его переводы данными по праавстронезийской реконструкции. После этого можно будет обсуждать обоснованность и достоверность его выводов и, возможно, предложить иные, более надежные варианты. Эти результаты, в свою очередь, необходимо будет сопоставить с результатами попыток объяснить значение текста из данных только японского языка, чтобы в итоге отдать предпочтение наиболее убедительной версии.

В рамках данной статьи мы постараемся выполнить первую часть работы «в австронезийском направлении», то есть попробуем выявить соответствия между переводами Ю. Х. Сирка и современной праавстронезийской реконструкцией, оставив все остальное на долю будущих исследований.

Текст и его перевод

Текст в доступной в интернете версии специально посвященной ему брошюры 1930 года из Национальной парламентской библиотеки записан хираганой с использованием 1 иероглифа и разбит запятыми. В брошюре он приводится дважды (Рисунки 1 и 2). Иероглифом 𠬞 (*utsu* — ‘бить, ударять, заколачивать, атаковать, стрелять, хлопать в ладоши, ковать’) обозначен третий слог текста.

Точная кириллическая транскрипция текста с учетом запятых выглядит следующим образом:

Сидоутана, таритана, сидоутирара, сидоутира, таритана, сидоутирара, тоуари, таритана, натоуторара.

Л. М. Ермакова приводит текст без запятых, но с разбиением на слова, отсутствующие в доступном нам японском варианте [Ермакова, 1999, с. 148]:

Сидо утана таритана сидо утирара сидо утира таритана сидо утирара тоу ари таританана тоу тарара.

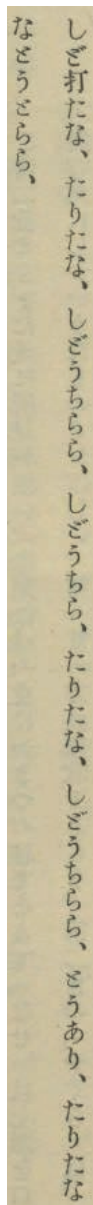

Рис. 1

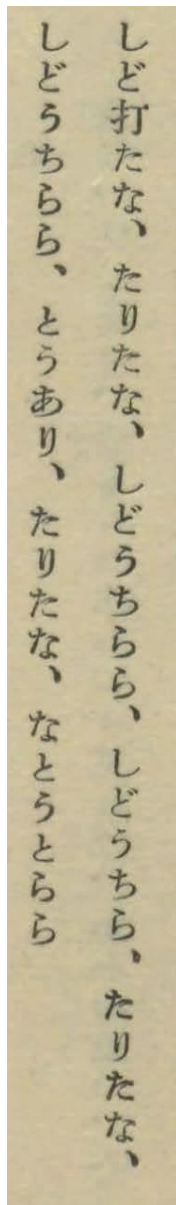

Рис. 2

Ю. Х. Сирком (который, очевидно, пользовался транскрипцией Л. М. Ермаковой) были предложены следующие два варианта перевода текста [Ермакова, 1999, с. 148]:

1) «Хочешь (хочу) похоронить, не удастся похоронить; хочешь (хочу) проглотить, не удастся похоронить, людям этого похоронить не дано, проглотить не дано».

2) «Хочешь (хочу) удержать, не держится (не дается в руки), хочешь (хочу) отдать — не держится (оно), хочешь (хочу) отдать людям, не удерживают (его) наши предки».

Сопоставление данных вариантов перевода с праавстронезийской лексикой проводилось нами на материале ее онлайн-словаря, базирующегося на реконструкции Р. Э. Блуста: https://www.trussel2.com/ACD/acd-pl_pan.htm, более подробные сведения о которой можно найти в его работах, например, в [Greenhill, Blust, Gray, 2008] и в [Blust, 2013]. Разумеется, гораздо логичнее было бы опираться в этом деле на представления о праавстронезийском языке самого Ю. Х. Сирка, однако сколь-либо полноценного списка лексем в его работах не содержится, а его фундаментальный труд по австронезийской компаративистике «Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение» посвящен в основном реконструкции в области фонетики и грамматики, а не лексики. Одновременно с этим в данной монографии Сирк многократно упоминает работы Блуста и в целом выражает согласие с его выводами, лишь иногда дополняя их «некоторым анализом» [Сирк, 2008, с. 138]. Поэтому опираться на реконструкцию Блуста — наиболее авторитетную и с которой Сирк явно был знаком, представляется нам самым логичным и правильным решением.

Прежде чем пытаться восстановить логику данных вариантов перевода и увязать их с праавстронезийской реконструкцией, следует отметить, что соответствие русских текстов оригинальному, а также особенностям грамматики австронезийских языков вызывает некоторые вопросы. Мы видим, что в оригинале слово *сидо* повторяется четыре раза, а *таритана*, *утирара* и *тоу* — по два, причем дважды слова *сидо* и *утирара* стоят друг за другом. Однако ни в одном из вариантов перевода мы не встречаем аналогичной частоты употребления слов и их последовательности.

В первом варианте слово «похоронить» повторяется четыре раза, зато сразу четыре, а не три слова («хочу/хочешь», «проглотить», «не удастся» и «не дано») — по два; при этом никакие два слова

не следуют друг за другом дважды. Во втором варианте слова «хочу/хочешь» и «отдать» дважды следуют друг за другом, ни одно слово не повторяется четырежды, но слово «хочу/хочешь» повторено трижды. На основе этого можно предположить, что данные варианты перевода не совсем точны и Сирк постарался придать им более логичный и удобопонятный вид, чем тот, который был бы у пословного перевода. Это вполне согласуется и с употреблением им весьма специфичного оборота «не дано», которому можно найти параллели в других языках лишь при хорошем их знании и понимании контекста, что, разумеется, невозможно в случае с языком совершенно неизвестным.

Помимо этого, несколько странным выглядит то обстоятельство, что Сирк допускает для какого-то из слов значение глагола «хотеть» в единственном числе либо первого, либо второго лица. В австронезийских языках глаголы по лицам не спрягаются. Лица выражаются личными местоимениями, мало различающимися в большинстве языков семьи, при этом слов, похожих на данные местоимения, в тексте не прослеживается («я» на праавстронезийском восстанавливается как *aku, «ты» — как *kaSu). Употребление глагола без подлежащего может означать любое лицо и число, однако чаще всего в языках мира в подобных случаях подразумевается единственное или множественное число третьего лица. Поэтому предлагаемые Сирком варианты «хочешь» и «хочу» представляются не самыми логичными.

Лексем со значением «хотеть» в словаре праавстронезийской лексики, основанном на реконструкции Бланта, содержится несколько. Однако единственным вариантом, фонетически похожим на какое-либо из слов исследуемого текста, является восстанавливаемое на празападно-малайско-полинезийском уровне *sadat, более точное значение которого на английском дается как 'in need, in want'. Можно предположить, что именно с данным корнем или каким-то его подобием Ю. Сирк увязал *sido*.

Для семемы «похоронить» в словаре содержится прамалайско-полинезийский корень *tanem (восходит в праавстронезийскому *CaNem — 'могила, хоронить'), имеющий значения 'могила, хоронить', а также 'сеять'. Он вполне сопоставим со словом *утана*, особенно если учесть, что в австронезийских языках достаточно широко распространена префиксация, особенно глагольная.

Что касается префикса *тари-*, присоединенного к этому корню в слове *таритана*, и (исходя из перевода Сирка), очевидно, несущего значение отрицания, то первый его слог по сути идентичен прамалайско-полинезийскому показателю отрицания *taq3, который в малайском и индонезийском трансформировался в *tak* [taʔ], а в ряде языков (например, капампанганском на Филиппинах и сангирском на острове Сангир к северу от Сулавеси) непосредственно в *ta*. Появление в показателе отрицания второго слога — *-ри* теоретически можно было бы объяснить случайными явлениями. Однако, во-первых, по свидетельству К. А. Аделаара, отрицательные формы *tər-/tra* существуют также в шриланкийском, молуккском и так называемом базарном диалектах малайского [Adelaar, 1991, p. 26]. Во-вторых, в малайском и индонезийском используется еще и составной показатель отрицания *tidak* [tidaʔ], представляющий собой объединение собственно отрицания *tak* и бытийного глагола *ada*. Также в малагасийском помимо исходного отрицательного показателя *tsy* (этимологически также восходящего к *taq3) существует составная форма *tsiary*, аналогичным образом (возможно, под влиянием малайского) объединяющая *tsy* + *ary*. Переходы *d в r довольно широко распространены в различных языках мира и среди австронезийских имели место, например, в том же малагасийском и ряде филиппинских [Сирк, 2008, с. 203]. Поэтому гипотеза о том, что в языке исследуемого текста (если он действительно являлся австронезийским) показатель отрицания этимологически состоял из собственно отрицания, восходящего к *taq3, и бытийного глагола, который в прамалайско-полинезийском имел форму *wada, а *d перешло в r, выглядит

достаточно правдоподобной. Это вполне объясняет существование отрицательного показателя *тари* (ср. малагасийское *tsiary*).

Среди остальных слов текста австронезийское значение легко устанавливается для *тоу*, почти идентичного прамалайско-полинезийскому **tau*₁ (восходит к праавстронезийскому **Cau*) со значением «человек» (тот самый корень, к которому возводят *-то* в этнониме «хаято» и *-со* в «кумасо»). Также можно сопоставить *ари* с указательным местоимением «тот» или «этот», имевшим в прамалайско-полинезийском вид **a-di*, после чего в ряде языков **d* перешло в *r* (малагасийское *ary* — ‘там’, в языке самихим на Калимантане *ari* — ‘тот’, в бауро на острове Макира в архипелаге Соломоновых островов *i-ari* — ‘этот’).

Гораздо сложнее обстоит дело с идентификацией слов *утира*, *утирара* и *тарара*. Прежде всего возникает вопрос, являются ли они формами одной лексемы или же нет. Нам представляется более логичным, что *утира* и *утирара* являются таковыми. Во-первых, они отличаются лишь тем, что слово *утирара* содержит дополнительный четвертый слог. Во-вторых, в тексте также имеется слово *таританана*, отличающееся от *таритана* (как мы предположили ранее — сочетания глагола *тана* «хоронить» или «сеять» с отрицанием) точно таким же образом, как и *утирара* от *утира* — удвоением последнего слога. На основе сопоставления этих двух пар слов можно предположить, что подобная редупликация является каким-либо грамматическим маркером, что нередко встречается в австронезийских языках⁴. Менее правдоподобным объяснением представляется предположение, что удвоение последнего слога лишено семантики и обусловлено мелодией песни. Что касается *тарара*, то оно довольно заметно отличается от *утира* (которое мы решили рассматривать как исходную форму для *утирара*), и потому более вероятно, что оно является отдельным словом.

При сопоставлении слов из обоих вариантов перевода Сирка с аналогичными или сходными по значению праавстронезийскими лексемами мы видим следующее.

Для слова «предки» мы находим такие лексемы: празападно-малайско-полинезийское **qiaŋ*, праокеанийское **tibu*₂, прафилиппинское **maŋa-ari* и **ari* *ari*, прамалайско-полинезийское **anduŋ*. Как видим, ни для одного из этих слов в тексте не находится ничего схожего. Поэтому мы вынуждены считать, что данный ход рассуждений Сирка был ошибочным.

Похожую ситуацию мы наблюдаем и со словом «удержать». Для ‘to keep’ имеются праавстронезийская лексема **demdem*₁ (с очень большой натяжкой она может быть соотнесена со словом *тара*, поскольку, как уже упоминалось, переход **d* в *r* широко распространен в австронезийских языках, однако данная гипотеза представляется слишком сомнительной) и празападно-малайско-полинезийская **aŋkat-aŋkat*, а для ‘to hold’ и смежных значений — несколько десятков различных корней, ни один из которых не может быть соотнесен с каким-либо словом из текста.

Немного лучше обстоит дело со значением «не дано». Среди праформ можно найти прафилиппинское **tudul* — ‘давать’, от которого происходят ями *toro* — ‘платить, давать’, итбятенское *torox* — ‘давание’ и иватанское *toroh* — ‘давать’.

⁴ Редупликация распространена в австронезийских языках весьма широко. Ей могут подвергаться как корень в целом (например, таким способом образуется множественное число существительных в малайском и индонезийском), так и отдельные слоги. Чаще это касается начала слова (на Тайване в сайсиат: *hiyop* — ‘дуть’ > *ha-hiyop* — ‘духовая трубка’, в пуюма *drua* — ‘два’ > *dru-drua-a* — ‘два’ применительно к безличным объектам). Однако встречаются редупликации слогов в середине слова (в булун на Тайване: *kilim* — ‘искать’ > *ki-li-lim-un* — ‘часто искомый’) [Zeitoun, Chen-huei Wu, p. 2006]. В мадурском распространена редупликация последнего слога, выносящегося в начало слова: *oreng* — ‘человек’ > *reng-oreng* — ‘люди’, *reyok* — ‘вода’ > *yak-reyok* — ‘большое количество воды’ [Maryani, 2022]. Свидетельств об использовании в каком-либо австронезийском языке редупликации последнего слога без его вынесения в начало нам обнаружить не удалось. Однако столь широкое распространение в языках семьи различных иных типов редупликации дает основание предполагать, что и подобный тип вполне мог существовать в одном из них.

Также существует празападно-малайско-полинезийское *tuRut — ‘to follow instructions or an example, carry along, give in, allow something to happen’, давшее в различных языках очень разные значения: балийское *tuhu* — ‘следовать, подчиняться’, букидское (на Минданао) *tugut* — ‘разрешать что-либо сделать’, каро-батакское *turut* — ‘go along with; give in to one’s passions or desires’, хилигайнонское (Филиппины) *túgut* — ‘разрешать, соглашаться’. Слово *тара* может быть соотнесено с одним из этих двух корней, и в таком случае его значение может выглядеть примерно как «разрешать, позволять случиться, давать». Это довольно близко к значению «дано», что вполне может объяснять использование Сирком такого, как уже отмечалось, весьма специфического для русского языка оборота.

Следует отметить, что известна также и праокеанийская форма *taRamwi (по некоторым версиям *tara) со значением ‘разрешать, позволять, соглашаться’. Однако отнесение австронезийских языков Японии к океанийской ветви представляется крайне маловероятным по географическим соображениям.

Последнее оставшееся слово текста — *утира* можно соотнести с прамалайско-полинезийским *tilen — ‘глотать’ (малайское *telan*, фиджийское *tilo* с аналогичным значением).

Таким образом, согласно изложенному, слова текста соотносятся с пралексемами следующим образом:

сидо *sadat нужно/хочется	у-тана, um?-*tanem ?-похоронить/посеять	тари-тана, *taq ³ +*wada-*tanem NEG-похоронить/посеять	
сидо *sadat нужно/хочется	у-тира-ра, um?-*tilen-? ?-глотать-?	сидо *sadat нужно/хочется	у-тира, um?-*tilen ?-глотать
тари-тана, *taq ³ +*wada-*tanem NEG-похоронить/посеять	сидо *sadat нужно/хочется	у-тира-ра, um?-*tilen-? ?-глотать-?	тоу *tau ¹ человек
ари, *a-di это/то	тари-тана *taq ³ +*wada-*tanem NEG-похоронить/посеять	[-?] на ? ? ?	тоу *tau ¹ человек
тара-ра/тора-ра *tudul/*tuRut дать/позволить-?			

На основе приведенного выше сопоставления слов текста с пралексикой мы можем предложить свой «перевод», несколько отличающийся от перевода Сирка. Если исходить из того, что запятые в записи хираганой расставлены исходя из смысла, то наиболее логичным нам представляется такой вариант перевода:

Нужно/хочется похоронить/посеять, не [получается?] похоронить/посеять, нужно/хочется проглотить, нужно/хочется проглотить, не [получается?] похоронить/посеять, нужно/хочется проглотить, этот человек, не [получается?] похоронить/посеять, людям дозволено.

Подобный текст выглядит малоосмысленным. Более связным перевод становится в случае, если допустить, что запятые в хирагане расставлены без связи со смыслом (это вполне могло произойти вследствие того, что писавший не понимал ни слова, а ориентировался лишь на мелодию). Тогда можно предложить следующий вариант:

Нужно/хочется похоронить/посеять, не [получается?] похоронить/посеять, нужно/хочется проглотить, нужно/хочется проглотить, не [получается?] похоронить/посеять, нужно/хочется, чтобы люди это проглотили,
положено, чтобы люди это не похоронили/посеяли [=людям не дано похоронить/посеять].

Общий смысл текста на первый взгляд представляется малопонятным, что может рассматриваться как аргумент против правильности перевода. Однако следует учесть, что заклинательные тексты весьма часто являются малопонятными и малоосмысленными. К тому же, по замечанию Л. М. Ермаковой, мотив «хочет — не получается» часто встречается в австронезийском фольклоре [Ермакова, 1995, с. 148]. К этому можно добавить, что похоронные обряды, связанные с погребением и последующим почитанием останков, занимают очень важное, едва ли не центральное место в жизни многих австронезийских народов (ср., например, многолетнее хранение мумий в доме, дорогостоящие похоронные жертвоприношения и последующие эксгумации *манене* у тораджей, эксгумацию *фамадихана* у малагасийцев, чрезвычайно пышные балийские кремации). Подобная важность погребальной тематики могла бы сделать более понятным значение песни при условии, что корень *тана* означает «хоронить». В этом случае можно было бы предположить, что корень *тира* со значением глотания в данном контексте относится к земле (земля не проглатывает, не принимает). Последнее уместно и в случае, если исходить из того, что *тана* означает «сеять». Разумеется, все эти соображения носят исключительно гипотетический характер и призваны лишь показать, что в действительности текст может быть вовсе не столь бессмысленным, как представляется при беглом взгляде.

Заключение

В ходе нашей работы мы постарались восстановить логику рассуждений Ю. Х. Сирка путем соотнесения предложенного им перевода, изучаемого текста и праавстронезийской лексики.

На наш взгляд, получившийся в результате вариант пословного перевода достаточно хорошо (хотя и не полностью) соотносится со смысловым переводом Сирка. Полное соответствие второго с первым представляется нам невозможным, поскольку, как уже отмечалось, количество повторений слов в оригинале и у Сирка разнится, что, вероятно, явилось следствием стремления ученого более точно передать общий смысл, нежели значение каждого слова.

Получившаяся реконструкция, разумеется, носит сугубо гипотетический характер. Нам она представляется достаточно убедительной с точки зрения лексики, поскольку все слова текста удалось соотнести с праавстронезийскими корнями. Общий смысл текста, как уже отмечалось, весьма туманен, однако мы можем предложить объясняющие его в какой-то мере гипотезы.

Большие сомнения, однако, вызывает синтаксис, поскольку, во-первых, слова довольно плохо складываются в осмысленные предложения, а во-вторых, в тексте, по сути, отсутствуют какие-либо служебные слова, что выглядит несколько странным, особенно для австронезийских языков, отличающихся достаточно высокой степенью аналитизма.

Также большие сомнения в австронезийской принадлежности текста порождает культурно-исторический контекст: включение японцами в собственную ритуальную практику песни покоренного народа представляется очень маловероятным. Во-первых, иных подобных примеров не зафиксировано. Во-вторых, известно, что японцы всегда относились к субстратному населению архипелага с большим пренебрежением, и подтвержденные случаи заимствования ими у последних каких-либо элементов культуры или мифологии если и имелись (например, встречаются сведения о танце *хая-томай*, возможно, восходящем к хаято [Hincks, 1910]), то чрезвычайно редки.

С учетом этих обстоятельств мы даже после наших, как хотелось бы верить, не самых безуспешных изысканий, призванных обосновать выводы Ю. Х. Сирка, все равно вынуждены признать, что гипотеза об австронезийском происхождении данного текста, несмотря на свою привлекательность, представляется весьма сомнительной.

На наш взгляд, необходимо провести гораздо более тщательные исследования с целью все-таки объяснить текст с точки зрения японского языка. Даже если он выглядит совершенно бессмысленным для среднестатистического носителя, ключом к его пониманию может оказаться привлечение данных о диалектной и устаревшей лексике или об ономастопеях. И только в случае, если все попытки изысканий в этом направлении потерпят крах и «неяпонскость» текста будет доказана максимально убедительно, австронезийская гипотеза должна будет рассматриваться как основная и разрабатываться далее.

Литература / References

Ермакова Л.М. *Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской эстетики*. М.: Восточная литература, 1995 [Yermakova L.M. *Words of the gods and songs of the humans. Ritual and mythological sources of Japanese esthetics*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995 (in Russian)].

Сирк Ю.Х. *Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение*. М.: Восточная литература, 2008 [Sirk J.H. *Austronesian language: introduction into comparative studies*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008 (in Russian)].

Adelaar K. A. *Some notes on the origin of Sri Lankan Malay*. Canberra: The Australian National University, 1991. Pp. 23–37.

Hincks M.A. *The Japanese dance*. 1910.

Hudson M.J. *Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands*. University of Hawai'i press, 1999.

Benedict P.K. *Japanese/Austro-Tai*. Ann Arbor, Michigan: Karoma Publishers, 1990.

Blust R. *The Austronesian languages. Revised edition*. Canberra, 2013.

Maryani. A Comparative Study Between Javanese and Madurese Reduplication. *Linguistics and English Language Teaching Journal*. Vol. 10. No. 2 (Dec. 2022).

Greenhill S.J., Blust R., Gray R.D. The Austronesian Basic Vocabulary Database: From Bioinformatics to Lexomics. *Evolutionary Bioinformatics*. 2008. No. 4. Pp. 271–283.

Vovin A. Is Japanese related to Austronesian? *Oceanic Linguistics*. Vol. 33. No. 2 (Dec. 1994). Pp. 369–390.

Vovin A. Austronesians in the Northern Waters? *International journal of Eurasian linguistics*. 2021. No. 3. Pp. 272–300.

Zeitoun E., Chen-huei Wu. An overview of reduplication of in Formosan languages. *Streams converging into an ocean*. 2006. Pp. 97–142.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-110-115

ИНФОРМАЦИОННЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЯПОНСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ СТАНЦИЙ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI вв.)

© 2026

И. Ю. Авдаков¹

Предшественницами японских железнодорожных станций являлись почтовые станции, осуществлявшие важные информационные, социальные и хозяйственные функции в феодальном обществе VII — первой половины XIX вв. Революция Мэйдзи, открывшая путь первой промышленной революции, привела к необходимости преобразования почтовых станций и городов, перевода их на капиталистические рельсы. Железнодорожные станции, как и весь железнодорожный транспорт, стали символом модернизации и вестернизации, преодоления самоизоляции Японии от внешнего мира и становления капитализма во второй половине XIX века. Основные станции и вокзалы одним своим современным внешним видом несли важную информационную нагрузку, показывая преимущества вестернизации. Товарные и сортировочные станции играли важную роль в обеспечении бесперебойности грузооборота, в том числе в условиях милитаризации экономики (1930-е — первая половины 1940-х годов). Японское правительство давало приоритет строительству товарных станций для обеспечения перемещения стратегических грузов. В 1960-е — 1970-е годы с подъемом экономики строились новые товарные и сортировочные станции. В 1970-е — 1980-е годы начался их частичный демонтаж из-за потери железными дорогами бывшего значения для экономики страны. Пассажирские станции не только сохранялись, но и постоянно модернизировались. Четвертая промышленная (информационная) революция привела к появлению кибержелезнодорожных станций. Искусственный интеллект значительно расширил информационное пространство для пассажиров.

Ключевые слова: Япония, железнодорожные станции, революция Мэйдзи, пассажирские станции, сортировочные станции, искусственный интеллект, промышленные революции, кибержелезнодорожные станции

Для цитирования: Авдаков И.Ю. Информационные, социальные и экономические функции японских железнодорожных станций (последняя четверть XIX — первая четверть XXI вв.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 110–115. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-110-115

¹ Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru

Igor Yu. AVDAKOV, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3403-3479

INFORMATIONAL, SOCIAL AND ECONOMIC FUNCTIONS OF JAPANESE RAILWAY STATIONS (LAST QUARTER OF THE NINETEENTH — FIRST QUARTER OF THE TWENTY-FIRST CENTURY)

Igor Yu. Avdakov

The predecessors of Japanese railway stations were postal stations, which performed important informational, social and economic functions in the feudal society of the seventh-the first half of the nineteenth centuries. The Meiji Revolution, which opened the way for the first industrial revolution, led to the need to transform postal stations and cities, putting them on capitalist rails. Railway stations, like the entire railway transport, have become a symbol of modernization and westernization, overcoming Japan's self-isolation from the outside world and the rise of capitalism in the second half of the nineteenth century. The main stations and train stations, by their very modern appearance, carried an important information load, showing the advantages of Westernization. Freight and marshalling yards played an important role in ensuring uninterrupted cargo turnover, including in the context of the militarization of the economy (1930s — the first half of the 1940s). The Japanese government gave priority to the construction of freight stations to ensure the movement of strategic goods. In the 1960s and 1970s, with the rise of the economy, new freight and marshalling yards were built. In the 1970s and 1980s, their partial dismantling began due to the loss of the former importance of the railways for the country's economy. Passenger stations were not only preserved, but also constantly upgraded. The fourth industrial (information) revolution led to the emergence of cyber railway stations. Artificial intelligence has significantly expanded the information space for passengers.

Keywords: Japan, railway stations, Meiji Revolution, passenger stations, marshalling yards, artificial intelligence, industrial revolution, cyber railway stations

For citation: Avdakov I. Yu. Informational, Social and Economic Functions of the Japanese Railway Stations (Last Quarter of the Nineteenth XIX — First Quarter of the Twenty-First Century). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 110–115. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-110-115

Железнодорожные станции вошли в жизнь японцев вслед за почтовыми станциями. Осуществляя важные информационные и хозяйственные функции, почтовые станции занимали большое место в феодальном обществе Японии VII — первой половины XIX века [Мещеряков, 1999, с. 89–110]. В период Токугава (1603–1867) они играли важную роль в функционировании позднефеодальной системы «санкин котай»² [Лещенко, 1999, с. 147–148].

Революция Мэйдзи, открывшая путь первой промышленной революции, привела к необходимости преобразования почтовых станций и городов, перевода их на капиталистические рельсы. В период Мэйдзи (1868–1912) особое значение стал приобретать железнодорожный транспорт. Железнодорожное строительство привело к краху одних почтовых станций и преобразованию других. Ярким примером исчезновения почтовых станций является историческая судьба, постигшая некоторые почтовые станции и города в результате строительства железной дороги Токайдо. Оно велось главным образом вдоль древней дороги Токайдо. Однако были и отклонения от маршрута, вызванные в основном труднопроходимыми для железнодорожного строительства горными породами. Целый ряд почтовых станций по дороге Токайдо от Кувана до Исибе оказались вдали от железной дороги, и расположенные вокруг них торговые, жилищные и увеселительные заведения стали терпеть большие убытки. Вскоре, однако, в эти места были проведены частные железные

² Система заложничества, нацеленная на преодоление сепаратистских стремлений крупных феодалов (даймё). В соответствии с ней часть членов семей даймё была обязана проживать в столице сёгуната — Эдо (с началом Реставрации Мэйдзи переименована в Токио).

дороги, оживившие предпринимательство. Но почтовые города и станции перестали существовать, они превратились в промышленные центры [Eiichi Aoki, 2000, p. 21].

Построенные в ходе революции вокзалы и станции несли важную информационную нагрузку, показывая необходимость вестернизации. Открытая в 1872 г. конечная станция Симбаси (в г. Токио) первой японской железной дороги Токио — Иокогама была построена по проекту американского архитектора Р. П. Бридженса. Первоначально вокзал состоял из двух павильонов в стиле неоренессанса, соединенных аркадой. Построенный в европейской архитектурной манере, он тем не менее не имел часовой башни. Во всем остальном он был типично европейским. С этих времен вокзалы и станции, которых становилось все больше и больше с развитием сети национальных железных дорог, строились в основном по технологии и в архитектурном стиле Европы XIX в.

В целях модернизации экономики страны правительство Мэйдзи должно было прежде всего обеспечить высокие темпы строительства железных дорог и, соответственно, станций и вокзалов. При этом железнодорожные здания должны были одним своим видом демонстрировать преимущества модернизации и вестернизации. Однако из-за нехватки финансовых средств и быстрого строительства не вся основная атрибутика архитектуры западноевропейских вокзалов и станций сохранялась. Первые японские вокзалы строили из дерева. Но позже основные вокзалы и станции в крупных городах возводились из кирпича, и на зданиях обязательно имелись часы. Такими были главные вокзалы в Осаке (1874) и Киото (1877) [Japan, 1993, p. 1244].

После Японо-китайской войны (1894–1895) резкое увеличение перевозок пассажиров привело к необходимости перестроить вокзалы и станции больших городов. Если раньше здания проектировались иностранными архитекторами, то теперь строительство даже центральных вокзалов стало прерогативой японцев. Уже первый выпуск Национального инженерного колледжа (Кобу Дайгакко) 1879 г. состоял из японских архитекторов, прекрасно освоивших западную технику архитектуры. Среди них были такие прославившиеся впоследствии архитекторы, как Тацуно Кинго (1854–1919), Катаяма Такума (1854–1917) и Ёкагава Тамисуке (1864–1945). По проекту Тацуно Кинго была введена в строй в 1914 г. (строительство было начато еще в период Мэйдзи) главная железнодорожная станция Японии — Токио. Основное здание Токийского вокзала, сохранившееся до наших дней, построено в стиле неоренессанса из армированного красного кирпича, облицованного белым камнем. Это крыло здания стоит лицом к императорскому дворцу, а в довоенный период его центральный вход использовался для обслуживания только императорской семьи [Japan, 1993, p. 1599].

В 1898 г. руководством государственных железных дорог была принята классификационная система, состоящая из пяти категорий для некрупных станций и устанавливающая стандарты дизайна для каждой категории. Она была опубликована в справочнике проектов дизайна железнодорожных станций «Тэцудо Кодзи Сан ко Дзюмен — Тэйсядзё но дзю». Проекты станций всех категорий предусматривали элементы дизайна станций западных стран. Категория давалась станции в соответствии со средним количеством пассажиров, проходящих через нее [Eiichi Aoki., 2000, p. 9].

Основными железнодорожными станциями, построенными в конце 1890-х — начале 1900-х годов, были: Бакан (через год переименована в Симоносеки), построенная в 1901 г. частной железнодорожной компанией «Санъё Тэцудо»; Фукусима (вторая станция), построенная в 1903 г. частной компанией «Ниппон Тэцудо»; Нагасаки (вторая станция), построенная в 1905 г. частной компанией «Кюсю Тэцудо»; Осака (вторая станция), построенная в 1899 г. государственными железными дорогами, и Нидзё (вторая станция), построенная в 1904 г. частной компанией «Кёто Тэцудо». Станция Нидзё была построена в традиционном японском храмовом стиле. Причиной такой несвойственной для японских железных дорог архитектуры являлось, видимо, желание и возможности местного общества сохранить традиционный стиль Киото — города, известного своими историческими

и архитектурными памятниками. Архитектура станции Нидзё — исключение из правила. Правило же было установлено императором Мэйдзи, который на запрос руководства железных дорог, желавшего строить здания вокзалов в стиле дворца Момояма, ответил, что «станции должны строиться в западном стиле» [Kuniaki Ito., 2001, p. 7]. При этом он использовал английское слово “station”, говоря на родном языке. Сами вокзалы становились символами модернизации и рупором политики правительства Мэйдзи, так как в условиях отсутствия радио и газет государственные станционные объявления становились источником информации для миллионов японцев [Kuniaki Ito., 2001, p. 8].

В начале XX века в ходе второй промышленной революции началась электрификация железных дорог и на основных железнодорожных станциях появилось электрическое освещение. Национализация железных дорог 1906–1907 гг., а также строгие ограничения, установленные государством на деятельность частных железнодорожных компаний, привели к тому, что только четыре частных компании имели протяженность дорог свыше 50 км. Согласно Закону о национализации железных дорог от марта 1906 г. частные железнодорожные компании могли развивать инфраструктуру только в городах и пригородах. Чтобы выжить, они диверсифицировали свою деятельность [Eiichi Aoki., 2000, p. 45].

Около конечных станций частные железнодорожные компании стали строить жилые кварталы. Перенаселенность городов и ухудшение экологии усиливали потребность в основном средних городских слоев Токио и Осака в переселении в озелененные жилые комплексы за чертой города. Определенный демонстрационный эффект на японцев имел и опыт Англии по созданию городов-садов как альтернативы крупным промышленным центрам, где жить становилось невозможно из-за ухудшающейся экологии. Японское правительство опубликовало в 1907 г. исследование о перспективах создания в стране городов-садов (дэн ‘эн тоси).

Частные железнодорожные компании, учтя возможные выгоды от увеличения потока пассажиров, направляющихся на работу в город и обратно в дэн ‘эн тоси, построили жилые комплексы около некоторых станций. Так, вдоль линии Осака — Кобэ около станций крупная компания «Хансин Дэнтэцу» стала сдавать внаем построенные на ее землях жилые дома, строить универсальные магазины на конечных станциях, игровые площадки для детей и спортивные сооружения для взрослых, аттракционы. Приступая к экономическому и социально-культурному освоению близлежащих территорий, компания «Хансин Дэнтэцу» предусмотрела повышение комфортабельности поездок и электрификацию дорог. В 1907 г. она открыла для отдыхающих парк Коро-эн неподалеку от железнодорожной станции. В парке были построены оздоровительные комплексы. Вскоре он стал популярным среди японцев, и ежедневно железнодорожная станция принимала много посетителей [Isao Ogawa, 1998, p. 28].

В конкурентной борьбе с «Хансин Дэнтэцу» другая, не менее крупная компания «Мино Арима Дэнсэ», впоследствии объединившаяся с рядом более мелких компаний и переименованная в 1918 г. в «Хансин Кюко Дэнтэцу», а в 1949 г. — в известную «Ханкю», диверсифицировала свою деятельность. Проведя электрифицированную железную дорогу между Осака и Такарадзука в 1910 г., она начала экономически развивать прилегающие к железнодорожным станциям территории, создавая хорошие условия для проживания людей, и широко рекламировать населению преимущества этого района, выпуская рекламные журналы «Когай сэйкацу» («Пригородная жизнь») и «Санъё суитай» («Природная красота»), буклеты и проспекты, распространяемые на станциях [Kuniaki Ito., 2001, p. 10].

Информационная функция железнодорожных станций способствовала формированию у японцев положительного отношения к идее технического прогресса, модернизации и вестернизации. Чуждое отношение ко всему иностранному, характерное для традиционного менталитета жителей страны, постепенно менялось на принятие идей западного пути развития и некоторых ценностей западного мира. Но этим, конечно, не исчерпывалось воздействие железнодорожных станций на жизнь японского общества.

Важнейшей экономической функцией железнодорожных станций явилась отправка и приём пассажиров, а также грузов. С 1872 по 1945 г. число железнодорожных станций возросло с 2 до 8020, при этом в государственной собственности находилось 4272 станции, а в частной — 3748 станций [Domestic..., 2011, pp. 126–127]. В Справочнике по транспорту нет данных о числе пассажирских и товарных станций, но, учитывая усиление милитаризации экономики, можно предположить более быстрое строительство товарных станций.

Национализация железнодорожного транспорта 1906–1907 гг. привела к резкой нехватке товарных, и особенно сортировочных станций. В первую очередь необходимо было решить вопрос о создании самостоятельной сортировочной станции в Токио [Eiichi Aoki..., 2000, p. 71].

Токио — крупнейший перевалочный пункт, и огромный объем грузов переправлялся именно через него в различные регионы страны. Первая сортировочная станция была построена для обслуживания линии Токайдо на станции Симбаси. Но в 1910 г. было принято решение построить отдельную сортировочную станцию около станции Синагава. Строительство было завершено в 1921 г. — так появился грузовой терминал Сиодоме. Пассажирский терминал линии Токайдо был перенесен на новое место — Токийский вокзал, строительство которого завершилось в 1914 г. [Eiichi Aoki..., 2000, p. 72].

На севере Токио грузы прибывали на грузовой терминал Сумидагава, а затем вагоны переправлялись на сортировочную станцию Табата. Она была введена в строй в 1945 г., став первой отдельной сортировочной станцией в Японии. Впоследствии правительство приняло решение построить более крупные сортировочные станции на окраинах быстро растущего Токио. В 1928 году была построена такая сортировочная станция — Цуруми, к которой вела специальная четырехколейная дорога от Синагава. В северном пригороде Токио в 1927 г. была открыта сортировочная станция в Омия, а в 1930 г. пущена в строй четырехколейная железная дорога между сортировочными станциями Табата и Омия. Строительство сортировочных станций велось в Осака и Нагоя. В 1930 г. завершилось строительство крупной сортировочной станции Умеда (Осака), а в 1937 г. — станции Сасадзима (Нагоя).

Рост числа сортировочных станций сопровождался бумом в строительстве товарных станций, предназначенных для обработки, погрузки и выгрузки грузов. Особенно он ускорился в связи с милитаризацией экономики [Eiichi Aoki..., 2000, p. 72].

В 1945 г. в результате бомбежек американскими войсками транспортной инфраструктуры Японии были серьезно повреждены 465 железнодорожных станций, но уже к 1950 г. большинство их было восстановлено. В 1950-е годы начался неуклонный рост строительства станций, продолжившейся до 1980 г. Если в 1950 г. в стране функционировали 4272 станции, то в 1980-м — 5296. Объем погруженных и выгруженных на товарных станциях грузов также вырос: с 238,2 млн т в 1960 г. до 255,8 млн т в 1970 г. Железнодорожные станции внесли важный вклад в увеличение грузооборота [Domestic..., 2011, p. 12].

Но уже с конца 1970 г. начался «закат» грузового железнодорожного транспорта и, соответственно, демонтаж товарных станций на отдельных направлениях. Основной причиной явилась успешная конкуренция со стороны автомобильного транспорта. В результате доля железнодорожных составов в перевозках грузов и грузовых станций в погрузочно-разгрузочных работах сократилась с почти 30% объема всех перевозимых в стране грузов до менее 1%. Экономическая функция железнодорожных товарных станций стала малозначимой [Domestic..., 2011, p. 14].

Социальная роль пассажирских станций росла. Учитывая быстрое и неуклонное старение населения, растущий уровень инвалидизации, на вокзалах вводились новые меры помощи престарелым и инвалидам. В рамках Закона о безбарьерном транспорте от 2000 г. (Barrier-free Transportation Law) на вокзалах и станциях была создана безбарьерная среда. На многих станциях появились яркие объявления и указательные полосы для слабовидящих; специальные комнаты для инвалидов

и детей; комнаты отдыха и прочие нововведения. Учитывая, что к 2030 г. прогнозируется, что около 30% населения будет старше 65 лет, на железнодорожных станциях предусматривается строительство и модернизация существующих лифтов и эскалаторов [Kazuo Kimura, 2006, p. 6].

Особенно социально-экономическая роль железнодорожных станций стала возрастать в XXI веке в ходе четвертой промышленной (информационной) революции с появлением кибер-железнодорожных станций. Они оснащены мощными компьютерными системами, имеющими огромную базу данных. Искусственный интеллект анализирует транспортную ситуацию и не только предлагает каждому пассажиру возможные варианты пересадок, в том числе с учетом загруженности отдельных линий в часы пик или массовых мероприятий, но и бронирует места, если это необходимо, по всему маршруту. Он рекомендует оптимальные варианты пересадок на альтернативные виды транспорта, будь то автобусы, метро или такси, с целью оптимизации времени нахождения в пути и обеспечения максимального комфорта пассажирам. На основе изучения персональных данных пассажиров ИИ предлагает посещение магазинов, ресторанов, увеселительных заведений, комнат отдыха на самих станциях, чтобы снять излишнюю нагрузку от утомительных переездов. При этом не следует упускать из виду, что частные (с 1905 г.), а впоследствии и приватизированные (с 1987 г.) железнодорожные компании диверсифицировали свою деятельность: их филиалы или дочерние компании владеют большей частью автобусных компаний, такси, а также отелями, универсальными магазинами, учреждениями культурного назначения около своих терминалов. Кибер-железнодорожные станции все шире внедряются в практику [Japanese., 2020, p. 209].

В заключение следует отметить следующее. В ходе промышленных революций не только (и не столько) менялся архитектурный облик железнодорожных станций, но и, главное, происходило изменение их технологической основы. Широкое применение искусственного интеллекта улучшило качество обслуживания пассажиров. Форма передачи информации тоже изменилась — от письменной до цифровой. Но как бы ни менялась форма передачи информации, основные функции железнодорожных станций сохранялись при всех промышленных революциях.

Литература / References

- Лещенко Н.Ф. *Япония в эпоху Токугава*. М., 1999 [Leshenko N.F. *Japan in the Torugawa era*. Moscow, 1999 (in Russian)].
- Мещеряков А.Н. Объем письменной информации в Японии VIII–X вв. *Социально-естественная история*. Выпуск XIII. М., 1999 [Mesheryakov A.N. The volume of written information in Japan VIII–X c. *Socio-Natural History*. Collection Issue XIII, Moscow, 1999 (in Russian)].
- Domestic Transportation Statistics Handook. Tokyo, 2011.
- Eiichi Aoki, Mitsuhide Imashiro, Shinichi Kato, Yasuo Wakuda. *A History of Japanese Railways 1872–1999*. Tokyo, 2000.
- Eiichi Aoki, Expansion of Railway Network. *Japan Railway and Transport Review*. Number 2. Tokyo, 1992.
- Japanese Railway Technology Today*. Tokyo, 2020.
- Japan. An Illustrated Encyclopedia*. Tokyo, 1993.
- Kazyo Kimura. Railway Universal Designs and Architectural Features. *Japan Railway and Transport Review*. Number 45. Tokyo, 2006.
- Kuniaki Ito and Masatsugu Chiba. Railway Stations and Local Communities. *Japan Railway and Transport Review*. Number 28. Tokyo, 2001.
- Isao Ogawa. History of Amusement Park Construction by Private Railway Companies in Japan. *Japan Railway Companies in Japan*. Number 15. Tokyo, 1998.

КИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ, КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПУТИ

© 2026

Лю Ин¹

Экологическая безопасность Китая является ключевой составляющей всеобъемлющей концепции национальной безопасности и одновременно фундаментальной гарантией гармоничного сосуществования человека и природы в процессе китайской модернизации, затрагивая вопросы долгосрочного развития китайской нации. Китайская концепция экологической безопасности, опираясь на марксистскую экологическую теорию и лучшие традиции китайской культуры, аккумулирует опыт многолетних теоретических поисков и практики новой эпохи. В ее основе лежат четыре взаимосвязанных измерения: народоцентричный подход, правовой подход, подход «красных линий» (предельных ограничений) и целостный системный подход. Посредством координированного управления и интеграции «умного» целостного управления, кодификации экологического законодательства, цифрово-интеллектуального технологического обеспечения, дифференцированных региональных практик и глобального сотрудничества в сфере экологической безопасности экологические ограничения трансформируются в факторы развития, формируя прочный барьер экологической безопасности. Систематизация теоретических оснований, ключевых положений и практических путей данной концепции не только обеспечивает теоретическую поддержку всестороннему строительству «Прекрасного Китая», но и вносит китайскую интеллектуальную и практическую парадигму в глобальное управление экологическими рисками и международное сотрудничество.

Ключевые слова: всеобъемлющая концепция национальной безопасности, экологическая безопасность, экологическая цивилизация, потенциал государственного управления, координированное управление, правовые гарантии, цифрово-интеллектуальное обеспечение

Для цитирования: Лю Ин. Китайская концепция экологической безопасности: теоретические основания, ключевые положения и практические пути *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 116–123. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-116-123

CHINA'S CONCEPT OF ECOLOGICAL SECURITY: THEORETICAL FOUNDATIONS, CORE TENETS, AND PRACTICAL PATHWAYS

Lyi In

Ecological security in China constitutes a key component of the holistic concept of national security and, at the same time, a fundamental guarantee for the harmonious coexistence between humanity and nature

¹ Лю Ин, аспирантка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва; ly6086805@163.com

Lyi In, PhD student, Patrice Lumumba People's Friendship University, Moscow; ly6086805@163.com
ORCID: 0009-0009-1529-4770

in the process of Chinese modernization, bearing directly on the long-term development of the Chinese nation. Grounded in Marxist ecological theory and the finest traditions of Chinese culture, China's concept of ecological security integrates the accumulated experience of sustained theoretical exploration and practical innovation in the new era. It is structured around four interrelated dimensions: a people-centered approach, a rule-of-law approach, a "red-line" (threshold and boundary) approach, and a holistic, systems-based approach. Through coordinated governance and the integration of intelligent holistic governance, the codification of environmental legislation, digital and intelligent technological empowerment, differentiated regional practices, and global cooperation in the field of ecological security, ecological constraints are transformed into drivers of development, thereby constructing a robust ecological security barrier. The systematic articulation of the theoretical foundations, core tenets, and practical pathways of this concept not only provides theoretical support for the comprehensive building of a "Beautiful China," but also contributes a distinctly Chinese intellectual framework and practical paradigm to global ecological risk governance and international cooperation.

Keywords: holistic concept of national security, ecological security, ecological civilization, state governance capacity, coordinated governance, legal safeguards, digital and intelligent empowerment

For citation: Lui In. China's Concept of Ecological Security: Theoretical Foundations, Core Tenets, and Practical Pathways *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 1. Pp. 116–123. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-116-123

В условиях экономического роста Китай столкнулся с двойным ограничением в виде деградации окружающей среды и дефицита ресурсов. Усиление общественного экологического сознания и давление со стороны международного сообщества побудили Китай активно продвигать стратегический переход к экологической цивилизации [Воронский, 2022, с. 219]. В этом контексте экологическая безопасность из сугубо природоохранной проблемы трансформировалась в ключевой элемент системы национальной безопасности, напрямую связанный с долгосрочной стабильностью государства и устойчивым развитием нации. Как активный участник, вкладчик и один из лидеров глобального строительства экологической цивилизации, Китай в ходе длительной практики сформировал самобытную концепцию экологической безопасности.

Настоящая статья, опираясь на эволюцию данной концепции, системно анализирует ее теоретические основания и ключевые положения, а также углубленно рассматривает практические пути ее реализации, стремясь выстроить логически целостную и содержательно завершенную теоретическую рамку, способную служить практическим ориентиром для управления экологической безопасностью Китая и одновременно внести вклад в глобальное экологическое управление.

Экологическая безопасность является важной составной частью всеобъемлющей концепции национальной безопасности Китая. От выдвижения самой идеи до формирования системной теории и практики китайская экологическая безопасность прошла путь от углубления осмысления к институциональному оформлению. В 2000 г. Государственный совет КНР опубликовал «Основные положения национальной программы охраны экологической среды», впервые закрепив на государственном уровне задачу «поддержания национальной экологической безопасности и обеспечения устойчивого социально-экономического развития». В 2006 г. Китай выступил с инициативой создания международного механизма сотрудничества в сфере экологической безопасности для совместного противодействия изменению климата. В 2014 г. на первом заседании Центральной комиссии по национальной безопасности была предложена концепция комплексной системы национальной безопасности, включающей наряду с политической, территориальной, военной, экономической, культурной, социальной, научно-технической и информационной безопасностью также

экологическую, ресурсную и ядерную безопасность, что означало ее официальную институционализацию. В 2015 г. Пятый пленум ЦК КПК 18-го созыва подчеркнул необходимость содействия гармоничному сосуществованию человека и природы и формирования научно обоснованной структуры экологической безопасности. На XX съезде КПК (2022 г.) экологическая безопасность была окончательно закреплена как структурообразующий элемент системы национальной безопасности, что ознаменовало переход от технократического природоохранного подхода к институционализированному управлению экологическими рисками как факторами устойчивости развития, общественного здоровья и управленческого потенциала государства. [Лю, 2025, с. 1]

Теоретические основания

Китайская концепция экологической безопасности укоренена в марксистской экологической теории и интеллектуальном наследии традиционной китайской культуры, постоянно обогащаясь в практике строительства экологической цивилизации новой эпохи. Она образует целостную систему, сочетающую теоретическую глубину и практическую направленность.

Марксистская экологическая теория служит ее научной основой. В классических трудах марксизма подчеркивается диалектическое единство человека и природы и необходимость рационального регулирования обмена веществ между ними. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что на определенной стадии общественного развития человечество будет «разумно регулировать обмен веществ с природой», тем самым раскрывая закономерности гармоничного сосуществования и предупреждая о катастрофических последствиях деятельности, идущей вразрез с природными законами [Марх, 2003, р. 928].

Лучшие традиции китайской культуры придают данной концепции глубокие культурные корни. Идея «единства Неба и человека» (天人合一) утверждает органическое единство человека и природы, а даосский принцип «следования естественности» (道法自然) подчеркивает необходимость уважения природных закономерностей и недопустимость чрезмерного вмешательства ради сиюминутной выгоды. Эти представления, формировавшиеся на протяжении тысячелетий, обеспечивают культурную идентичность и историческую преемственность китайской концепции экологической безопасности. [Лю, 2025, с. 22].

Последовательные поиски Коммунистической партии Китая в области охраны окружающей среды накопили значительный практический опыт — от акцента на озеленение и водохозяйственное строительство в период Мао Цзэдуна через сочетание модернизации и экологической защиты в эпоху реформ Дэн Сяопина к стратегии устойчивого развития Цзян Цзэминя и научной концепции развития Ху Цзиньтао. С вступлением в новую эпоху Генеральный секретарь Си Цзиньпин, наследуя идеи руководителей прошлых поколений по обеспечению экологической безопасности и опираясь на практические потребности строительства экологической цивилизации в современный период, обеспечил дальнейшее обогащение и развитие концепции экологической безопасности. Генеральный секретарь Си Цзиньпин неизменно отводит экологической безопасности приоритетную роль, выдвинув стратегическую установку «Прозрачные воды и зеленые горы — это бесценное сокровище», что способствовало достижению исторических успехов в деле обеспечения экологической безопасности². Практические исследования, охватывающие различные исторические этапы, последовательно способствовали решению экологических и природоохранных проблем

² 人民网. 中国共产党新闻网: 追光的你 梁家河亮起了陕北高原上第一盏沼气灯 [Народный суд онлайн. «Вы, кто гонится за светом, Лянцзяхэ зажигает первую биогазовую лампу на Лессовом плато в северной Шэньси» [Электронный ресурс]. 2024. 30 апр. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2024/0430/c16411340227089.html> (дата обращения: 10.12.2025) (in Chinese)].

китайского общества в разные периоды, эффективно обеспечили экологическую безопасность Китая и заложили прочную основу для формирования китайской концепции экологической безопасности, обеспечив сохранение ее самобытного практического характера и высокой жизнеспособности.

Ключевые положения

Экологическая концепция безопасности в рамках идей Си Цзиньпина об экологической цивилизации является важным вкладом в его теоретическое наследие в этой области и неотъемлемой составляющей Общей концепции национальной безопасности. Основные положения экологической концепции безопасности Си Цзиньпина включают в себя народоцентричную перспективу экологической безопасности; правовую перспективу экологической безопасности; перспективу экологической безопасности, основанную на принципе предельных ограничений; целостную перспективу экологической безопасности.

Народоцентричный подход к экологической безопасности. В центре внимания находится человек, а фундаментальной целью выступает защита экологических прав и интересов населения. По мере повышения уровня жизни спрос населения на благоприятную окружающую среду неуклонно возрастает. Формирование экологической безопасности требует постоянного улучшения качества окружающей среды и развития «зеленых» отраслей экономики, что одновременно обеспечивает защиту здоровья населения и создает рабочие места и источники дохода. Наряду с этим совершенствуются механизмы общественного участия, включая создание платформ для экологических общественных исков, горячих линий общественного надзора и групп экологического управления на уровне местных сообществ, что позволяет мобилизовать широкое участие населения в охране окружающей среды и сформировать модель управления по принципу «все участвуют — все получают выгоды» [Си, 2020, с. 67].

Правовой подход к экологической безопасности. Опираясь на жесткие правовые институты, данная перспектива направлена на защиту экологического равновесия с использованием правовых механизмов. Начиная с XVIII съезда Коммунистической партии Китая (2012 г.), концепция экологической цивилизации была закреплена в Конституции КНР, а также последовательно принят ряд нормативно-правовых актов, включая «Мнения об ускорении строительства экологической цивилизации», «Национальный план охраны окружающей среды на период XIII пятилетки», «Мнения о всестороннем внедрении системы руководителей рек», «Руководящие указания по формированию современной системы экологического управления», «Закон о защите реки Янцзы», «Закон о защите водно-болотных угодий» и «Закон о защите черноземов», что позволило сформировать относительно целостную и системную правовую базу. Одновременно были усовершенствованы механизмы экологической компенсации и возмещения ущерба, четко определены субъекты ответственности и нормы поведения, повышены меры наказания за правонарушения, а также усилены контроль и правоприменение. Создание механизмов раннего предупреждения экологических рисков и реагирования на чрезвычайные ситуации обеспечило институционализацию предотвращения и снижения рисков на основе верховенства права и повысило уровень модернизации системы экологической безопасности.

Подход «красной черты» / Принцип нижнего предела. Данный подход направлен на четкое определение пространственных границ экологической безопасности. В XIV пятилетнем плане социально-экономического развития КНР (2021–2025) подчеркивается необходимость формирования новой модели пространственного развития и охраны территорий, в рамках которой постепенно складываются три ключевые пространственные зоны: урбанизированные территории,

основные зоны производства сельскохозяйственной продукции и экологически функциональные зоны. Строгое соблюдение «красной линии» экологической защиты, усиление контроля с применением цифровых технологий, а также соблюдение «красной линии» охраны пахотных земель и предельных показателей качества окружающей среды и использования ресурсов позволяют укрепить основы экологической безопасности. Реализация таких ключевых проектов, как создание национальных парков и системы защитных лесополос, формирует прочный барьер экологической безопасности и закладывает основу для предотвращения экологических рисков и снижения уязвимости экосистем [Тан, 2021, с. 89].

Целостный подход. Исходя из системного мышления, экосистема рассматривается как «сообщество жизни гор, рек, лесов, полей, озер, лугов и пустынь», что подчеркивает необходимость продвижения экологической охраны и управления с целостной позиции. В пространственном измерении акцент делается на целостность освоения и защиты территорий посредством оптимизации пространственной структуры урбанизированных зон, основных сельскохозяйственных производственных районов и экологически функциональных зон, обеспечивая целостность и связность экосистем. В региональном аспекте усиливается межрегиональное и межбассейновое сотрудничество в сфере управления окружающей средой; в частности, развитие Экономического пояса реки Янцзы реализуется на основе приоритета экологии и «зеленого» развития и предполагает координацию действий между несколькими провинциями и городами для совместной защиты экосистемы бассейна Янцзы. Во временном измерении подчеркивается преемственность между историческим опытом и будущим развитием: обобщаются уроки экологического ущерба прошлого и осуществляется долгосрочное планирование природоохранной деятельности с целью предотвращения необратимых последствий для экосистем, вызванных краткосрочными управленческими решениями [Zhou, 2024, p. 217].

Практические пути

Практические пути реализации китайской концепции экологической безопасности носят многовекторный и координированный характер. Посредством институциональных инноваций, технологического обеспечения, культурного формирования и международного сотрудничества создается всесторонняя система гарантий, в рамках которой экологические ограничения трансформируются в движущую силу развития.

Правовое строительство. Продвижение кодификации экологического законодательства является ключевым проектом правового обеспечения экологической безопасности. Экологическая безопасность закрепляется как базовая и приоритетная ценность: через цели законодательства определяется ее центральное положение, посредством правовых принципов очерчиваются границы применения, через систему прав и обязанностей нормируется поведение субъектов, а с помощью юридической ответственности усиливается обязательная сила норм. 29 апреля 2025 года проект Кодекса Китайской Народной Республики об экологической среде был впервые рассмотрен на 15-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва, после чего 30 апреля он был опубликован для общественного обсуждения. Проект кодекса дополнительно совершенствует судебные гарантии в сфере охраны окружающей среды, уточняя профессиональную специализацию судов в экологических делах и надзорные функции прокуратуры, укрепляя систему компенсации экологического ущерба и механизмов общественных исков, а также детализируя специальные положения по межрегиональному перемещению твердых отходов и предотвращению радиоактивного загрязнения. Совместное действие «законодательства + правосудия» формирует прочный правовой барьер экологической безопасности [Чжан, 2025, с. 151].

Технологическое обеспечение. На основе больших данных, искусственного интеллекта и Интернета вещей формируется интегрированная система мониторинга «небо — земля — море», объединяющая спутниковое дистанционное зондирование, наземные станции мониторинга и мобильные измерительные устройства. Это позволяет осуществлять круглосуточный и всепокрывающий контроль состояния атмосферы, водных ресурсов, почв и морской среды. Создание моделей раннего предупреждения экологических рисков обеспечивает точную идентификацию и динамическое отслеживание источников угроз — загрязнения окружающей среды, биологических инвазий и природных катастроф, а также заблаговременное прогнозирование тенденций их развития и формирование сигналов предупреждения. Использование технологий цифровых двойников для построения виртуальных моделей экосистем предоставляет научную основу для разработки программ экологической реабилитации и оценки эффективности управления, значительно повышая уровень ситуационной осведомленности и оперативности принятия решений и способствуя переходу от пассивного реагирования к активной профилактике [Ван, 2025, с. 006].

Региональная практика. С учетом различий в природных условиях и потребностях развития различных регионов формируются дифференцированные модели управления. В ключевых районах экологической охраны, таких как город Дунсин, создается пространственная структура лесного города по схеме «одно ядро — два экрана, два коридора — четыре пояса, четыре зоны — множество точек», при этом оптимизация территориального планирования осуществляется с ориентацией на структуру экологической безопасности, обеспечивая органическое единство охраны экологии и городского развития. В регионах институциональных инноваций экологического управления, например в Чунцине, сформирована система экологического и ресурсного правосудия «1+1+6+N», которая посредством специализированного судебного разбирательства усиливает судебные гарантии экологической безопасности и решает проблемы урегулирования межрегиональных экологических споров [Чжан, 2024, с. 24]. Кроме того, в сельских районах акцент делается на контроль диффузного сельскохозяйственного загрязнения и улучшение среды обитания, формируя такие характерные меры управления, как институт экологических лесных инспекторов и система раздельного сбора отходов. В зонах реализации проектов защитных лесных систем в Северо-Западном, Северном и Северо-Восточном Китае применяется система целевой ответственности, а экологическое восстановление проводится по принципу «лес — там, где уместен лес; трава — там, где уместна трава», что создает практические образцы обеспечения безопасности в экологически уязвимых регионах.

«Зеленое» развитие представляет собой экономическую опору экологической безопасности, ключевое звено в достижении высококачественного развития и фундаментальную стратегию решения ресурсных, экологических и природоохранных проблем. Ориентируясь на цели достижения пика выбросов углерода и углеродной нейтральности, Китай согласованно продвигает сокращение выбросов углерода, снижение загрязнения, расширение «зеленых» пространств и экономический рост, стремясь сформировать целостную систему «зеленой», низкоуглеродной и циркулярной экономики. В сфере промышленной трансформации Китай осуществляет «зеленую» и низкоуглеродную модернизацию традиционных энергоемких отраслей, таких как черная и цветная металлургия, нефтехимическая промышленность и производство строительных материалов. В рамках оптимизации энергетической структуры Китай нацелен на ускорение «зеленого» энергетического перехода, укрепление чистого и эффективного использования ископаемых источников энергии при строгом и рациональном контроле роста потребления угля. При этом ускоряется формирование баз чистой энергетики. Одновременно с учетом различий в экологическом потенциале и уровнях социально-экономического развития регионов Китай совершенствует дифференцированную отраслевую структуру, развивает специализированные направления, включая

экологическое сельское хозяйство и экотуризм, и последовательно преобразует экологические преимущества в экономические.

Глобальное сотрудничество: практическое воплощение сообщества единой судьбы человечества. Глобальный характер экологической безопасности предопределяет необходимость трансграничных усилий и совместного строительства сообщества единой судьбы человечества. Китай, руководствуясь концепцией «сообщества жизни человека и природы», активно содействует формированию международного консенсуса о «безграничности экологической безопасности», придерживаясь принципа общей, но дифференцированной ответственности и внося вклад в глобальное экологическое управление. В рамках международных платформ сотрудничества через «Пояс и путь» в области зеленого развития и механизмы сотрудничества Юг–Юг Китай активно делится технологиями и опытом охраны окружающей среды. [Романова, 2021, с. 103]. В таких сферах, как борьба с опустыниванием, охрана лесов и восстановление водно-болотных угодий, развернуты международные обмены, а развивающимся странам предоставляется поддержка в области чистой энергетики и подготовки кадров по экологическому управлению.

Заклучение

Гармоничное сосуществование человека и природы, выступающее ключевым элементом экологической стратегии в процессе модернизации Китая, отражает глубокое понимание страной природных закономерностей и ее твердую приверженность принципам устойчивого развития в условиях нарастающих глобальных экологических вызовов. Китайская концепция экологической безопасности, сформировавшаяся в ходе многолетней практики, обладает отчетливыми характеристиками. Интегрируя марксистскую экологическую теорию с богатым наследием традиционной китайской культуры и опираясь на четыре ключевых механизма — ориентацию на базовые показатели (принцип «красных линий»), координацию, верховенство права и технологическое обеспечение, Китай сформировал целостную и системно выстроенную концептуальную базу.

В условиях поиска баланса между развитием и безопасностью Китай посредством институциональных инноваций, технологического прогресса, региональной координации, промышленной трансформации и глобального взаимодействия преобразовал экологические ограничения в элементы управленческого порядка и условия для долгосрочного развития. Это обеспечило устойчивую экологическую основу для модернизации по китайской модели. В то же время следует признать, что система экологического управления в КНР по-прежнему сталкивается с рядом вызовов, включая региональные диспропорции, воздействие экстремальных погодных явлений и давление, обусловленное необходимостью промышленной трансформации. Факты локального ухудшения экологической обстановки в период пандемии указывают на необходимость повышения устойчивости и адаптивности национальной системы экологической безопасности.

В перспективе Китаю целесообразно продолжать углубление теоретических и практических исследований в данной области, сосредоточив внимание на таких ключевых аспектах, как обеспечение безопасности данных и управление этическими рисками при использовании цифровых технологий, достижение регионального баланса в механизмах экологической компенсации, а также повышение эффективности правоприменения. Одновременно необходимо способствовать реформированию глобальной системы экологического управления, укреплять международное сотрудничество и трансфер технологий, внося вклад в формирование справедливой, рациональной и инклюзивной мировой экологической повестки.

Литература / References

Вороновский И. Б., Ашмарина Т. И., Цзян Ч., Сяо Я. Вектор развития экологической цивилизации в КНР. *Право и управление. XXI век*. 2022. № 10. С. 219–225.

Романова Е. А. XIX съезд КПК: построение «прекрасного Китая». *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2021. № 3. С. 99–104.

Zhou, J. The Ecological Concept of “Unity of Heaven and Man, Coexistence of All Things”: Its Rich Connotations, Contemporary Value, and Practical Pathways. *Studies in Social Science Research*. 2024. Vol. 5. No. 4. P. 217 (in English).

Маркс, Энгельс. Марксистско-ленинская философия: 46-й том [М]. Пекин: Народное издательство, 2003. С. 928 [Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 46. М.: Народное издательство, 2003. С. 928] [[Marx K., Engels F. Composition: in 50 volumes. T. 46. M.: Narodnoe izdatelstvo, 2003. P. 928 (in Chinese)].

习近平. 习近平谈治国理政: 第3卷 [М]. Пекин: 外文出版社, 2020 [Си Цзиньпин. Си Цзиньпин: Управление Китаем. Т. 3. Пекин: Издательство «Иностранные языки», 2020] [[Xi Jinping. Xi Jinping: Rule China. T. 3. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2020 (in Chinese)]].

汪安楠, 李洁. 生态安全视域下跨区域环境协同智慧治理研究 [J]. 中阿科技论坛, 2025 (9): 006–011. [Ван Анань, Ли Цзе. Межрегиональное экологическое сотрудничество в рамках интеллектуального управления: подход с позиции экологической безопасности // Китайско-арабский форум науки и техники. 2025. № 9. С. 006–011] [Wang Anan, Li Jie. Interregional ecological cooperation within the framework of intellectual management: an approach from the position of ecological security // China-Arab Science and Technology Forum. 2025. No. 9. Pp. 006–011 (in Chinese)].

刘海霞, 白双帆. 习近平生态文明思想生态安全观的生成机理、核心要义与践行路径 [J]. 社科纵横, 2025, 40(04): 22–30 [Лю Хайся, Бай Шуанфань. Генезис, основное содержание и пути реализации концепции экологической безопасности в рамках мысли Си Цзиньпина об экологической цивилизации // Шэке цзунхэн (Общественные науки: широта и глубина). 2025. Т. 40. № 4. С. 22–30] [[Liu Haixia, Bai Shuangfan. The genesis, main content and way of realizing the concept of ecological security within the framework of Xi Jinping's thought on ecological civilization // Sheke zongheng (Social sciences: breadth and depth). 2025. T. 40. No. 4. Pp. 22–30 (in Chinese)].

刘超.《生态环境法典》维护国家生态安全的法律逻辑与规范构造 [J]. 中国人口. 资源与环境, 2025, 35(07): 1–12 [Лю Чао. Правовая логика и нормативная структура «Экологического кодекса» в защите национальной экологической безопасности // Чжунго жэнькоу-цзыюань юй хуаньцзин (Китай: население, ресурсы и окружающая среда). 2025. Т. 35. № 7. С. 1–12] [[Liu Chao. Legal logic and normative structure of the "Ecological Code" in the protection of national ecological security // Zhongguo zhenkou-jiyuan yu huanjing (China: population, resources and environment). 2025. T. 35. No. 7. Pp. 1–12] (in Chinese)].

谭莹, 杨美勤. 论习近平生态安全观的深刻内涵 [J]. 社会主义研究, 2021 (5): 89–95 [Тан Ин, Ян Мэйцин. Глубинный смысл концепции экологической безопасности Си Цзиньпина // Социалистические исследования. 2021. № 5. С. 89–95] [Tan Ying, Yang Meiqin. The deep meaning of Xi Jinping's ecological security concept // Socialist studies. 2021. No. 5. Pp. 89–95 (in Chinese)].

张思茵. 论生态环境法典中的生态安全价值及其表达 [J]. 环境污染与防治, 2025, 47 (7): 151–158 [Чжан Сиинь. Ценность экологической безопасности и ее отражение в кодексе экологической среды // Загрязнение окружающей среды и предотвращение его распространения. 2025. Т. 47. № 7. С. 151–158] [Zhang Xin. The value of ecological safety and its reflection in the code of ecological environment // Pollution of the environment and prevention of its spread. 2025. T. 47. No. 7. Pp. 151–158 (in Chinese)].

张士横. 司法守护生态安全 [N]. 人民法院报, 2024–08–09 (23–24) [Чжан Шихэн. Судебная защита экологической безопасности // Народный суд. 2024. 9 авг. С. 23–24] [Zhang Shihen. Judicial protection of ecological safety // People's court. 2024. August 9. Pp. 23–24 (in Chinese)].

ВЕДУЩИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЦЕНТРЫ МАЛАЙЗИИ: ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

© 2026

Е. М. Астафьева¹

Университеты и научно-исследовательские центры играют ключевую роль в формировании и развитии научно-технологической инфраструктуры Малайзии, выступая не только «кузницей кадров», но и катализатором инноваций, научных исследований и разработок передовых технологических решений. Их деятельность формирует фундаментальную базу для устойчивого экономического роста и повышения международной конкурентоспособности страны. В данной статье проводится детальный анализ ключевых малайзийских университетов и научно-исследовательских центров, функционирующих на их базе, с целью оценки их вклада в инновационное развитие государства. Особое внимание уделяется анализу институциональной структуры, научно-исследовательской активности и взаимодействию с промышленностью, что позволяет выявить основные тенденции и перспективы развития научно-технологического потенциала Малайзии.

Ключевые слова: Малайзия, университет, научно-исследовательский центр, научно-технологическая сфера, инновации, научные исследования

Для цитирования: Астафьева Е. М. Ведущие университеты и научно-исследовательские центры Малайзии: вклад в развитие инновационной экономики страны. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 124–135. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-124-135

LEADING UNIVERSITIES AND RESEARCH CENTERS IN MALAYSIA: CONTRIBUTING TO THE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY'S INNOVATION ECONOMY

Ekaterina M. Astafieva

Universities and research centers play a key role in the formation and development of Malaysia's scientific and technological infrastructure, serving not only as talent pools but also as catalysts for innovation, scientific research, and the development of advanced technological solutions. Their activities form the fundamental basis for sustainable economic growth and enhanced international competitiveness. The article provides a detailed analysis of key Malaysian universities and the research centers based within them, assessing their contribution to the country's innovative development. Particular attention is paid to the analysis of the institutional structure,

¹ Астафьева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; e.astafeva@ivran.ru

Ekaterina M. Astafieva, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; e.astafeva@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-8091-407X

research activity, and interactions with industry, allowing us to identify key trends and prospects for the development of Malaysia's scientific and technological potential.

Keywords: Malaysia, university, research centers, technological infrastructure, innovations, scientific research

For citation: Astafieva E. M. Leading Universities and Research Centers in Malaysia: Contributing to the Development of the Country's Innovation Economy. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 124–135. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-124-135

В систему высшего образования Малайзии, по данным министерства высшего образования, включены 20 государственных университетов (*IPTA*)², 36 политехнических институтов / университетов (*Politeknik*)³, 106 колледжей⁴, 374 негосударственных учебных заведения высшего образования, среди них 68 частных университетов (*PTS*)⁵.

Согласно *QS World University Rankings: Asia 2025*, 65% университетов Малайзии улучшили свои позиции в рейтинге, что превышает показатели любой другой страны или региона Азии: 40 малайзийских университетов вошли в топ-26, 11 заняли места в нижней части списка, а два остались на прежнем уровне. Всего 21 учебное заведение Малайзии попало в топ-200 азиатских университетов, включая 11 государственных и 10 частных вузов⁶.

Самым рейтинговым малайзийским университетом остался Университет Малайи (*UM*), хотя и опустился с 11-го на 12-е место. Университет Малайи также лидировал в стране по трем показателям, заняв 16-е место по академической репутации, 9-е место по репутации работодателя и 4-е место по показателю международной исследовательской сети. Кроме того, впервые в топ-20 вошел Университет Путра Малайзия (*UPM*), поднявшись на пять позиций — с 25-го на 20-е место. Первое место среди частных малайзийских учебных заведений занял Университет Тейлора (*Taylor's University*), поднявшись с 41-го на 36-е место. Наибольшее улучшение показателей среди университетов Малайзии продемонстрировал Международный университет INTI (*Universiti Antarabangsa INTI*), поднявшись на 52 позиции — с 222-го на 170-е место и заняв третье место по улучшению показателей в Азии в целом. Впервые попал в рейтинг Политехнический институт Нилаи (*Politeknik Nilai*), заняв место в диапазоне 851–900⁷.

Согласно данным исследования, Малайзия преуспела в научных исследованиях: 84% университетов добились успеха в этой области. Однако лишь один из них попал в топ-100 по таким показателям, как «Количество статей на одного преподавателя» и «Количество цитирований на статью»: Технологический университет Петронас (*Universiti Teknologi Petronas*) занял 38-е место по числу статей на преподавателя, а Университет Тейлора — 40-е по количеству цитирований на статью⁸.

² Ministry of Higher Education (MOHE). Universiti Awam. Last updated on 23 January 2024. <https://www.mohe.gov.my/en?view=article&id=350:universiti-awam&catid=52> (дата обращения: 01.10.2025).

³ MOHE. Politeknik. Last updated on 18 July 2022. <https://www.mohe.gov.my/en?view=article&id=351:politeknik&catid=52> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ MOHE. Community College. Last updated on 30 September 2025. <https://www.mohe.gov.my/en?view=article&id=352:community-college&catid=52> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ Top Private Universities in Malaysia. 2025 Malaysian Private University Ranking. <https://www.unirank.org/my/private/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁶ Malaysia leads Asia in university ranking climbs, with 65pc rising in QS list. 06 Nov. 2024. <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2024/11/05/malaysia-leads-asia-in-university-ranking-climbs-with-65pc-rising-in-qs-list/155919> (дата обращения: 5 мая 2025).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

Университеты Малайзии привлекают иностранных студентов — пять из них вошли в десятку лучших в Азии по этому показателю, среди них: Международный университет Аль-Мадина (*Al-Madinah International University*) — 2-е место, Университет Сеги (*Segi University*) — 5-е место, Азиатско-Тихоокеанский университет технологий и инноваций (*Asia Pacific University of Technology and Innovation*) — 6-е место, Университет креативных технологий Лимкоквинг (*Universiti Teknologi Kreatif Limkokwing*) — 8-е место и Малайзийский университет науки и технологий (*Universiti Sains dan Teknologi Malaysia*) — 9-е место. Университет Аль-Мадина занял второе место как по числу иностранных студентов, так и по количеству иностранных преподавателей. В отчете также подчеркивается эффективность программ студенческого обмена в Малайзии. Четыре университета вошли в топ-10 азиатских университетов по количеству студентов, приезжающих по обмену: Международный университет INTI занял 2-е место, Азиатско-Тихоокеанский университет технологий и инноваций — 4-е место, Университет UCSI — 5-е место и Линкольн-колледж — 6-е место. В рейтинге университетов по количеству студентов, обучающихся за рубежом, три университета вошли в топ-10 региона: Университет UCSI — 5-е место, Университет Путра Малайзии (*UPM*) — 6-е место и Университет менеджмента и науки (*MSU*) — 7-е место⁹.

Отдельного упоминания заслуживает Университет Кибержая (*Universiti Cyberjaya*), расположенный в первом «умном» городе Малайзии, предлагающий инновационный образовательный опыт в современном экологичном кампусе. Университет входит в 1% лучших университетов Юго-Восточной Азии по версии *QS University Rankings* и в топ-601+ рейтинга *Times Higher Education Impact Rankings*, занимая 200-е место в рейтинге по хорошему здоровью и благополучию (ЦУР 3) и 300-е место в рейтинге по гендерному равенству (ЦУР 5). Основанный в 2005 г. с упором на медицину и фармацевтику, университет расширил свою деятельность и предлагает более 50 программ в различных областях, в т. ч. по биомедицинской инженерии¹⁰.

Важную роль в системе подготовки кадров и проведения научных исследований играют исследовательские университеты — это авторитетные государственные учреждения, официально признанные ведущими научно-исследовательскими и образовательными центрами. Кабинет министров утвердил их статус 11 октября 2006 г. Их основная задача — активизировать научные исследования и разработки, коммерциализацию и внедрение инноваций, а также привлекать больше аспирантов, докторантов и преподавателей с докторской степенью. Кроме того, исследовательские университеты должны реализовывать стратегии, направленные на увеличение числа иностранных студентов и повышение рейтинга высших учебных заведений Малайзии. Концепция исследовательских университетов заключается в том, чтобы брать на себя инициативу и активно генерировать инновационные исследовательские идеи, разрабатывать новые методы и способствовать интеллектуальному развитию¹¹.

На основе стратегии, согласованной Сетью исследовательских университетов Малайзии (*MRUN*) во время встречи в Университете Малайи 7 января 2016 г., было принято решение о создании специального Секретариата *MRUN*, который служит координационным центром пяти ведущих исследовательских университетов Малайзии: Университета Малайи (*UM*), Университета Путра Малайзии (*UPM*), Национального университета Малайзии (*UKM*), Университета наук Малайзии (*USM*), Технологического университета Малайзии (*UTM*). Секретариат стремится к тому, чтобы *MRUN* был признан юридическим лицом по закону, что позволит ему достичь своих стратегических

⁹ Malaysia leads Asia in university ranking climbs, with 65pc rising in QS list. 06 Nov. 2024. <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2024/11/05/malaysia-leads-asia-in-university-ranking-climbs-with-65pc-rising-in-qs-list/155919> (дата обращения: 5 мая 2025).

¹⁰ Universiti Cyberjaya. <https://cyberjaya.edu.my/university/background/about> (дата обращения: 01.10.2025).

¹¹ MRUN. <https://mrun.edu.my/background> (дата обращения: 01.10.2025).

целей по укреплению глобальной сети через эффективные партнерства и предоставит исследовательским университетам полную автономию в принятии решений¹².

Ведущие университеты Малайзии

Университет Малайя (*Universiti Malaya* — *UM*)¹³ — старейший и самый престижный вуз Малайзии. Он был создан в Сингапуре в 1949 г. путем объединения Медицинского колледжа короля Эдварда VII (осн. в 1905) и Колледжа Раффлза, поэтому датой основания университета считается 1905 г. [Малайзия, 2000, с. 231].

В 1959 г. в Куала-Лумпуре был основан филиал Университета Малайя, ставший самостоятельным учебным заведением в 1962 г. После отделения Сингапура от Малайзии в 1965 г. университет в Куала-Лумпуре получил название Университет Малайя, а его часть в Сингапуре стала Национальным университетом Сингапура [Universiti Malaya, 2025, p. 7].

Сейчас Университет Малайя — это 14 факультетов (искусства и общественных наук, строительства, бизнеса и экономики, информатики и информационных технологий, творческих искусств, стоматологии, образования, инженерного дела, юриспруденции, языков и лингвистики, медицины, фармации, естественных наук, спортивной науки и физкультуры), 2 центра (фундаментальных исследований в области науки, непрерывного образования), 3 института (Институт перспективных исследований, Азиатско-европейский институт, Международный институт государственной политики и управления). В университете реализуются 82 программы бакалавриата, 136 программ магистратуры, 28 программ докторантуры, 2 программы двойного диплома, 8 программ двойной магистратуры, 24 совместные программы аспирантуры [Ibid].

Факультет языков и лингвистики — единственный в стране, где преподаются 16 иностранных языков, в том числе русский. И единственный, где читается курс художественной культуры России [Погадаев, 2023, с. 270].

Публикационная активность по данным на декабрь 2024 г.: в *WoS* — 2516 статей, в *Scopus* — 3896, патенты выданные (национальные и международные) — 23, патенты поданные (на национальном и международном уровнях) — 40 [Universiti Malaya, 2025, p. 14]. Публикации в научных книгах и главах — 170, другие материалы (исследования, отчеты и т. д.) — 1042, авторское право, промышленный образец, товарный знак и пр. — 237 (на июль 2024)¹⁴.

По данным на 30 сентября 2025 г. в университет на бакалавриат зачислено 19354 местных студента и 2853 иностранных, в магистратуру и докторантуру — 9371 малайзиец и 9123 иностранца. Планируемый выпуск 2025/2026 уч. года — 77 докторантов, 464 бакалавра, 1631 магистр. *UM* предлагает более 300 программ — от базовых до докторских. Это гибкое и практико-ориентированное обучение, где теория органично сочетается с практическим опытом¹⁵.

По состоянию на декабрь 2024 г. Университет Малайя имеет 1066 соглашений о взаимопонимании с 710 университетами и исследовательскими институтами из 65 стран мира [Universiti Malaya, 2025, p. 31]. В частности, в 2024 г. был заключен меморандум о взаимопонимании между Университетом Малайя и Сеченовским университетом. Как сообщил ректор Сеченовского университета академик РАН Петр Глыбочко 29 апреля 2025 г. на втором заседании Российско-Малайзийской рабочей группы по образованию, науке и технологиям, прошедшем в Малакке,

¹² Ibid.

¹³ UM. <https://www.um.edu.my/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁴ UM. <https://www.um.edu.my/um-fact-sheet> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁵ UM. <https://study.um.edu.my> (дата обращения: 01.10.2025).

университет планирует развивать образовательные программы целевой подготовки специалистов для Малайзии в областях, которые будут определять будущее здравоохранения, таких как превентивная медицина, реабилитация и биомедицинская инженерия. Он также отметил, что Первый МГМУ уже активно развивает партнерство с Малайзией. За последние 15 лет более 1 500 граждан этой страны стали выпускниками университета¹⁶. В том же 2024 г. Казанский (Приволжский) федеральный университет и Университет Малайя провели программу повышения квалификации для 20 государственных служащих по вопросам развития исламских финансов и повышения эффективности государственного управления¹⁷.

Университет Путра Малайзии (*Universiti Putra Malaysia — UPM*)¹⁸, основанный в 1931 г., начинал как Сельскохозяйственная школа, которая предлагала тогда две программы: трехлетний диплом и годичный сертификат по сельскому хозяйству. В 1947 г. учебное заведение стало Сельскохозяйственным колледжем Малайи. В июле 1973 г. после слияния Сельскохозяйственного колледжа в Серданге с Сельскохозяйственным факультетом Малайского университета был открыт Университет Пертаниан Малайзии. На тот момент в новом вузе обучалось 1 559 студентов. В первый учебный год работали три основных факультета и одно базовое отделение: факультет ветеринарной медицины и зоотехники, факультет лесного хозяйства, факультет сельского хозяйства и отделение подготовительных курсов. В начале 1980-х годов *UPM* начал активно развивать научные исследования и технологии. В 1997 г. бывший премьер-министр Малайзии Тун Махатхир Мохамад переименовал *Universiti Pertanian Malaysia* в *Universiti Putra Malaysia*. Это изменение подчеркнуло статус университета как ведущего центра высшего образования, предоставляющего качественные образовательные услуги в различных сферах, особенно в науке и информационных технологиях, которые играют ключевую роль в развитии страны в новом тысячелетии¹⁹.

Университет объединяет более 30 700 студентов, среди которых 15 962 местных и 2 640 иностранных бакалавров, а также 12 118 магистрантов и докторантов, из которых 6 093 — иностранцы. По данным на декабрь 2024 г., в университете учатся студенты из более чем 75 стран. *UPM* предлагает местным и иностранным студентам программы обмена и стажировки. В университете работают свыше 1 800 преподавателей с докторскими степенями. Здесь 15 факультетов, 11 институтов и 2 школы, которые предлагают программы бакалавриата, магистратуры и докторантуры по широкому спектру дисциплин [*UPM*, 2025, pp. 6–8]. *UPM* сотрудничает с международными организациями и предлагает совместные программы, заключены 226 международных меморандумов о взаимопонимании и 179 внутренних (с малайзийскими организациями) соглашений [*Ibid*, p. 11].

Университет стремится к продуктивному партнерству с промышленностью, создавая новые бизнес-проекты, которые способствуют экономическому развитию и инновациям. Исследования *UPM* привели к созданию успешных стартапов, таких как *Lipidware Sdn. Bhd.*, также университет сотрудничает с компанией *Malaysian Vaccine Pharmaceuticals Sdn. Bhd.* [*Ibid*, p. 12].

UPM активно развивает инновации и интеллектуальную собственность. За годы работы университет подал более 2 419 заявок на патенты и неоднократно получал награды за свои достижения. Шесть раз *UPM* признавали лучшей организацией в области интеллектуальной собственности

¹⁶ Сеченовский университет запустит совместные образовательные программы с ведущими вузами Малайзии. 29 апреля 2025. <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/sechenovskiy-universitet-zapustit-sovmestnye-obrazovatelnye-programmy-s-vedushchimi-vuzami-malayzii/> (дата обращения: 05.10.2025).

¹⁷ В Малакке состоялось второе заседание Российско-Малайзийской рабочей группы по образованию, науке и технологиям. Минобрнауки России. 29.04.2025. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/97390/> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁸ *UPM*. <http://upm.edu.my/> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁹ *UPM*. https://upm.edu.my/about_us/history/the_story_behind_upm-76270 (дата обращения: 15.11.2025).

в Малайзии. На сегодняшний день 248 объектов интеллектуальной собственности *UPM* были коммерциализированы, что принесло валовой доход более 78,5 млн ринггитов. Программа *InnoHub*, созданная для поддержки стартапов, привлекла инвестиции на сумму почти 23 млн ринггит для 40 стартапов до января 2025 г. *UPM INNOHUB®* добился значительных успехов в рамках программы *Market Validation Hub*. Более 120 исследовательских проектов из разных областей прошли проверку на рынке технологий. Благодаря этим усилиям появился 81 стартап. Из них 40 получили лицензии на 68 патентов *UPM*. 26 стартапов уже выпустили коммерческие продукты на основе этих патентов. 576 проектов *UPM* на сумму 28,4 млн ринггит финансируются государственными агентствами, 61 проект на сумму 7,8 млн ринггит — частными агентствами, 64 проекта на сумму 19,7 млн ринггит — международными агентствами [Ibid, p. 12].

В 2024 г. *UPM* представил План продовольственной безопасности на 2025–2027 гг. для поддержки национальной повестки в области продовольственной безопасности²⁰.

Национальный университет Малайзии (*Universiti Kebangsaan Malaysia — UKM*)²¹ был основан в 1970 г. Начав с трех факультетов, *UKM* разросся до 14 факультетов, 13 научно-исследовательских институтов и двух клинических больниц. Благодаря своим выдающимся достижениям в области исследований в 2006 г. университет был выбран в качестве одного из исследовательских университетов Малайзии, получив в том же году специальную премию премьер-министра. В 2010 г. прошел аккредитацию, а в январе 2012 г. получил статус автономного университета. Под эгидой университета действует коммерческая организация *UKM Holdings Sdn. Bhd.*, которая занимается коммерциализацией и распространением экспертных знаний, а также привлечением финансирования²².

Исследования, проводимые в *UKM*, вносят значительный вклад в экономическое и социальное развитие страны благодаря экосистеме, которая способствует интеллектуальным открытиям, инновациям, распространению и применению знаний. Например, ученые факультета инженерии и искусственной среды создали высокочастотную патч-антенну для диапазона С, которая была установлена на наноспутнике *KITSUNE (CubeSat 6U)*. Антенна работает на частотах 5,66 ГГц и 5,84 ГГц с круговой поляризацией, обеспечивая стабильную связь без помех. Проект реализован в сотрудничестве с Технологическим институтом Кюсю (Япония)²³.

Согласно годовому отчету *UKM* за 2022 г. (отчет университета за 2023 г. в настоящее время под грифом «секретно»), в указанном году было опубликовано 1 943 статьи в журналах первого и второго квартилей, что составляет 36,27% всех индексируемых публикаций. В общей сложности университет получил 172 195 цитирований. *UKM* продолжает развивать междисциплинарные исследования в области машинного перевода, чтобы находить комплексные решения для общества и страны [Larogan, 2022, p. 37].

В 2022 г. в университете обучалось 39 524 студента, из них 4 914 приехали из 66 стран (Китай — 3 246, Индонезия — 414, Ирак — 287, Саудовская Аравия — 104). В общей сложности количество выпускников университета к 2022 г. составило 222 197 человек. Уровень трудоустройства выпускников — 94,1%, что выше целевого показателя в 86,7%. *UKM* организовал более 100 карьерных программ для студентов, включая проекты фондов *KPT-CAP PENJAJANA* и *KPT-PACE*, а также 1 898 студенческих мероприятий по девяти направлениям, охвативших все штаты Малайзии [Ibid].

²⁰ UPM. https://upm.edu.my/content/blueprint_keterjaminan_makanan_upm-79725?L=en (дата обращения: 15.11.2025).

²¹ UKM. <https://www.ukm.my/> (дата обращения: 17.11.2025).

²² UKM. <https://www.ukm.my/portallukm/about-ukm/> (дата обращения: 17.11.2025).

²³ UKM. <https://www.ukm.my/portallukm/research/> (дата обращения: 17.11.2025).

Студенты *УКМ* неоднократно побеждали на национальных и международных конкурсах. Для поддержки студентов университет получил 189 тыс. ринггитов от благотворителей. Эти средства были направлены на стипендии, кредиты и единовременную помощь более чем 9 тыс. студентов. Десять первокурсников получили полную стипендию на весь период обучения по программе, которая покрывает плату за обучение, проживание, ежемесячные расходы и ноутбук. Программа «Закят» (*UKM Zakat*) помогла более чем 10 тыс. студентов, общий объем помощи составил 7 млн ринггит [Ibid].

В 2022 г. *УКМ* подписал 312 новых соглашений о сотрудничестве с различными организациями, включая агентства, компании, учреждения и НПО. 45% этих соглашений касались промышленной сферы. Университет активно поддерживает студенческий обмен и мобильность, укрепляя связи с международными партнерами в ведущих университетах мира. В 2022 г. 645 студентов *УКМ* отправились учиться за границу в 25 стран, а 242 иностранных студента из 19 стран приехали учиться в *УКМ* [Ibid, p. 38].

Технологический университет Малайзии (*Universiti Teknologi Malaysia — UTM*) — ведущий университет Малайзии в области инженерии и технологий.

История технического образования в Малайзии началась в 1904 г. с открытия Технической школы Тричера на Уэлд-роуд по подготовке технических специалистов для железных дорог, геодезии и общественных работ. В 1941 г. были планы повысить статус школы до колледжа, но их осуществлению помешала Вторая мировая война. Во время японской оккупации Британской Малайи колледж назывался «Сихан Гакко», после окончания войны в 1946 г. он возобновил работу. В 1955 г. открылся Технический колледж с дипломами по гражданскому строительству, машиностроению, электротехнике и другим специальностям. В 1960 г. образование было поднято до уровня, позволяющего получать научные степени. В 1972 г. Технический колледж был преобразован в Технологический институт Кебангсаан (*ITK*), а в 1975 г. получил статус Технологического университета Малайзии (*UTM*). К 1976 г. число его студентов достигло 2593 человек. В 1981 г. Центр научных исследований стал факультетом естественных наук *UTM*, а в 1983 г. кафедра нефти и газа — факультетом химической инженерии и природных ресурсов *UTM*. В 1984 г. Институт компьютерных наук стал факультетом *UTM*. В 1985 г. университет переехал в новый кампус в Скудее. В 1991 г. Центр гуманитарных исследований был преобразован в факультет менеджмента и развития человеческих ресурсов, кафедра исламоведения, входившая в состав Центра гуманитарных исследований, также стала отдельным подразделением и теперь известна как Центр исламоведения и социального развития, а в 1994 г. был создан педагогический факультет *UTM*²⁴.

По данным на март 2025 г., в университете проходят обучение 21 581 студент бакалавриата, 4069 магистров и 4492 аспиранта, из них иностранцев — 4987 человек. Преподавательский состав — более 1,5 тыс. человек, из них 1452 — с ученой степенью. Всего за время существования из стен университета было выпущено 248 247 специалистов, в том числе 12 809 иностранцев из 102 стран²⁵.

Всего в *UTM* 13 факультетов: строительства, химической инженерии и энергетики, машиностроительный, электротехнический, вычислительной техники, искусственного интеллекта, естественных наук, строительной среды и геодезии, социальных и гуманитарных наук, менеджмента, педагогических наук и технологий, Международный технологический институт Малайзия–Япония, Международная бизнес-школа Азмана Хашима²⁶.

²⁴ UTM. <https://www.utm.my/about/facts-and-figures/> (дата обращения: 15.11.2025).

²⁵ Ibid.

²⁶ UTM. <https://www.utm.my/about/faculties/> (дата обращения: 15.11.2025).

В **Университете наук Малайзии** (*Universiti Sains Malaysia — USM*) обучаются более 34 тыс. студентов из более чем 80 стран. Междисциплинарный подход к образованию охватывает широкий спектр областей по естественным наукам, инженерному делу, общественным наукам и искусству. Университет предлагает гибкие программы бакалавриата и магистратуры, которые можно проходить не только в 6 кампусах *USM*, но и дистанционно. По данным на 2024 г., в университете 26 школ, 14 центров, около 1 800 преподавателей, 2 410 активных грантов, 1 215 ведущих исследователей, 249 действующих меморандумов о сотрудничестве (*MoU/MoA*), 3 794 статьи в *SCOPUS/WOS*²⁷.

USM продвигается в цифровом пространстве, укрепляя свои позиции лидера в области академических инноваций благодаря новаторскому партнерству с Азиатско-Тихоокеанской исследовательской и образовательной сетью (*ARENA-PAC*) по разработке и эксплуатации первой в Малайзии научно-образовательной сети со скоростью 100 Гбит/с.

Университет активизирует исследования через запущенную в июле 2024 г. виртуальную платформу, которая направлена на междисциплинарное сотрудничество и эффективное использование ресурсов. Реализованы инициативы по наставничеству и коучингу для повышения качества исследований и достижения инновационных результатов²⁸.

Ведущие научно-исследовательские центры Малайзии

Национальный токсикологический центр (*PRNLab*), основанный в 1996 г., является национальным центром по токсикологическому анализу и лечению отравлений, расположен в кампусе Университета наук Малайзии (*USM*) в Пенанге. Основные цели *PRNLab* — точная диагностика и лечение отравлений; мониторинг токсичных веществ и рисков; исследования и сотрудничество с госорганами и НПО²⁹.

Исследовательский центр речной инженерии и городского дренажа (*REDAC*), созданный в 1997 г., стал первым исследовательским центром в инженерном кампусе *USM*. В 2014 г. ему присвоен статус Центра передового опыта (*HICoE*) за вклад в устойчивое управление городскими ливневыми стоками. *REDAC* занимается проектами по управлению ливневыми стоками, включая разработку биоэкологических дренажных систем (*BIOECODS*), направленных на решение проблем наводнений, загрязнения рек и нехватки воды. Центр активно сотрудничает с государственными органами, городскими советами и университетами, включая Кардиффский университет и Китайский институт водных ресурсов. Центр проводит исследования по управлению речными ресурсами, включая моделирование рек и оценку рисков наводнений. Он также участвовал в разработке плана комплексного управления речными бассейнами для бассейна реки Сунгай-Перай. *REDAC* предлагает программы магистратуры и докторантуры в области управления городской дренажной системой, реками, гидроинформатики и экологической гидравлики. Центр был председателем ЮНЕСКО по устойчивому управлению водными ресурсами на 2020–2023 годы³⁰.

Центр исследований наркотических и лекарственных средств (*CDR*). В 1973 г. правительство Малайзии поручило Университету наук Малайзии (*USM*) изучить проблему наркомагии. В 1978 г. при канцелярии вице-канцлера был создан Исследовательский центр по борьбе с наркомагией. В 1983 г. центр получил грант, а в 1985 г. стал полноценным центром при *USM* (*Pusat*

²⁷ USM. <https://www.usm.my/en/> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁸ USM. <https://www.usm.my/en/success-stories/apex-facts-and-figures> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁹ PRNLab. <https://prn.usm.my/index.php/servicesv2/prnlab> (дата обращения: 16.11.2025).

³⁰ REDAC. <http://redac.eng.usm.my> (дата обращения: 18.11.2025).

Penyelidikan Dadah dan Ubat-Ubatan), в 2007 г. стал называться Центром по изучению биоэквивалентности, а в 2009 г. получил статус Центра передового опыта (*HICoE*). В 2016 г. Центр начал реализацию проектов по исследованиям поведенческой зависимости³¹.

Исследовательский центр аналитической биохимии (*ABrC*). 4 декабря 2015 г. Центр допинг-контроля (*DCC*) и Центр передовых аналитических токсикологических услуг (*CAATS*) объединились, создав Исследовательский центр аналитической биохимии (*ABrC*). Этот центр, функционирующий под эгидой *USM*, стремится предоставлять высококачественные аналитические услуги для блага страны. *ABrC* располагает широким набором масс-спектрометров, включая *LC-MS QQQ*, *GC-MS QQQ*, *LC-MS Q-TOF*, *MALDI-TOF*, *MALDI TOF/TOF*, *LC-MS LTQ Orbitrap*. Центр также ставит перед собой задачу стать площадкой для обучения специалистов в области аналитической биохимии³².

Центр глобальных исследований в области устойчивого развития (*CGSS*) сотрудничает со всеми соответствующими подразделениями Университета наук Малайзии, региональными и международными организациями, занимающимися вопросами устойчивого развития, национальными и региональными правительствами, частным сектором, группами гражданского общества и неправительственными организациями в целях содействия устойчивому развитию, уделяя особое внимание беднейшим слоям населения. Исследования, проводимые *CGSS*, направлены на то, чтобы найти баланс между наукой, технологиями и потребностями человечества³³.

Исследовательский центр кибербезопасности (*CYRES*), ранее известный как Национальный центр передового опыта в области *IPv6* (*NAv6*), был создан в Университете наук Малайзии как национальный лидер в области *IPv6* и сетевых технологий нового поколения. За годы работы *NAv6* получил мировое признание как ведущий центр обучения и исследований в области *IPv6* благодаря активному участию в разработке национальной стратегии в области ИКТ, учебных программ и новаторских пилотных проектов³⁴.

Центр проводит передовые исследования в области кибербезопасности, уделяя особое внимание их практическому применению. Кроме того, на базе центра проводится подготовка квалифицированных специалистов (магистратура/аспирантура) в области кибербезопасности. В задачи центра входит поддержка государственных и отраслевых инициатив с помощью технических экспертиз и консультаций, а также внедрение инноваций в области безопасных интернет-протоколов, инфраструктуры и приложений³⁵.

Центр передового опыта в области совместного проектирования микроэлектроники (*CEDEC*) — это авторитетный исследовательский центр в области микроэлектроники при Университете наук Малайзии, стратегически расположенный в *SAINS@USM*, Букит-Джамбул. В 2013 г. *CEDEC* был удостоен статуса Центра передового опыта (*COE*).

Центр занимается проведением исследований в области микроэлектронной инженерии, в частности, проектирования сверхбольших интегральных схем (*VLSI*³⁶) и гибридной интеграции интеллектуальных сенсорных технологий в Малайзии, а также оказывает поддержку и стимулирует развитие в этой области. Центр — часть важной стратегии по инвестированию в перспективную

³¹ CDR. <https://drug.usm.my/index.php/about-us-1/our-growth> (дата обращения: 18.11.2025).

³² ABrC. <https://abrc.usm.my/> (дата обращения: 18.11.2025).

³³ CGSS. <https://cgss.usm.my/division/cgss/about-us> (дата обращения: 20.11.2025).

³⁴ CYRES. <https://www.cyres.usm.my/en/about.html> (дата обращения: 20.11.2025).

³⁵ CYRES. <https://www.cyres.usm.my/en/> (дата обращения: 20.11.2025).

³⁶ VLSI (Very Large Scale Integration) — это технология, которая позволяет создавать интегральные схемы (IC), объединяя тысячи, миллионы или даже миллиарды транзисторов на одном чипе. Это позволяет создавать сложные цифровые системы, например, микропроцессоры, чипы памяти и устройства на основе системы на чипе (SoC).

область микроэлектроники. Ученые из *CEDEC* трудятся над решением современных задач, связанных с передовыми материалами и физикой устройств. Их цель — повысить производительность схем *VLSI* и расширить функциональность чипов для интеллектуальных сенсорных приложений, что соответствует требованиям к гибким физическим устройствам индустриальной революции 4.0. Центр проводит масштабные исследования, внедряя нанометровые технологии в создание схем *VLSI* и расширяя функционал чипов для интеллектуальных сенсорных приложений. Благодаря этому ученые из *CEDEC* находятся на передовой научных знаний и технологических достижений.

Помимо исследований, *CEDEC* занимается различными видами деятельности. Центр предоставляет инструменты *EDA*³⁷, программное обеспечение для автоматизированного проектирования и лицензии государственным и частным университетам, а также компаниям и исследовательским институтам в Малайзии. *CEDEC* также сотрудничает с местным литейным предприятием *Silterra Sdn Bhd* в рамках программы *Multi Project Wafer (MPW)*, которая позволяет создавать прототипы и проверять концепции на кремниевых пластинах с минимальными затратами³⁸.

CEDEC создан, чтобы координировать проектирование микросхем между малайзийскими университетами. Его цель — подготовить кадры для микроэлектронного проектирования, дополнив существующие возможности производства, сборки, корпусирования и тестирования. *CEDEC* связывает академическое сообщество и промышленный инжиниринг, формируя высококвалифицированных инженеров для полупроводниковой индустрии³⁹.

Центр научных и инженерных исследований (*SERC*) создан на базе *USM* для изучения материалов с использованием передовых аналитических инструментов. Его цель — предоставлять важные и эффективные результаты для академических кругов, промышленности и научного сообщества. С 2013 г. *SERC* функционирует как совместный объект, предоставляя общие услуги и продвигая исследования и разработки мирового уровня.

Основные его цели — стать универсальным центром, особенно для Северного региона, предоставляющим комплексные услуги по тестированию и анализу материалов для научных кругов, промышленности и исследовательского сообщества; обеспечивать компетентную техническую подготовку и навыки работы с различным оборудованием; объединять и налаживать связи между экспертами из научных кругов и промышленностью; сохранить аккредитацию по международному стандарту *ISO 17025*⁴⁰ для лаборатории механических испытаний *SERC (SMTL)* в качестве испытательной лаборатории; соблюдать надлежащую лабораторную практику и методы управления на всех уровнях⁴¹.

Центр химической биологии (*CCB*) при Университете наук Малайзии (*USM*) — это многопрофильный исследовательский центр, созданный для проведения фундаментальных и прикладных исследований в области химической биологии. Создание Центра химической биологии было одобрено Советом *USM* в июле 2008 г. и официально утверждено Министерством высшего образования в феврале 2009 г. *CCB* расположен в кампусе *Sains@USM* в Баян-Лепасе, Пенанг. Центр поддерживает научные исследования в области химической биологии, биотехнологии и молекулярной

³⁷ *EDA* (англ. *electronic design automation*) — термин, который обозначает системы автоматизированного проектирования (САПР) для проектирования электронных устройств, печатных узлов (плат) или микросхем. Они позволяют инженерам-электронщикам разрабатывать, моделировать, анализировать и оптимизировать электронные системы с использованием компьютерных технологий.

³⁸ *CEDEC*. <https://cedec.usm.my/index.php/about-us/director-s-message> (дата обращения: 22.11.2025).

³⁹ *CEDEC*. <https://cedec.usm.my/index.php/about-us/role> (дата обращения: 22.11.2025).

⁴⁰ *ISO/IEC 17025* («Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий») — стандарт менеджмента качества испытательных и калибровочных лабораторий.

⁴¹ *SERC*. <https://serc.eng.usm.my/index.php/en/about-us/about-us-details> (дата обращения: 20.11.2025).

науки. Особое внимание уделяется развитию международных проектов и поддержке местных учебных, а также передаче технологий через эффективное сотрудничество⁴².

Центр морских и прибрежных исследований (CEMACS) был основан в августе 1991 г. для проведения исследований и обучения в аспирантуре Университета наук Малайзии по специальностям «Морская наука» и «Прибрежные экосистемы». Он представляет собой институциональный механизм для мобилизации и интеграции значительного опыта и ресурсов университета в области морской науки. Основная цель CEMACS — расширить возможности проведения комплексных междисциплинарных исследований, направленных на решение проблем, связанных с морскими и прибрежными экосистемами.

CEMACS расположен в Телук-Алинг, на северо-западном побережье острова Пенанг, в Национальном парке Пенанга. В центре трудятся ведущие ученые, сотрудничающие с коллегами из других учебных заведений и специалистами, не связанными с университетом. Среди международных партнеров центра — ученые из 14 стран мира. Партнерам CEMACS предоставляется прямой доступ к обширным исследовательским и учебным ресурсам центра. В настоящее время исследования и обучение, проводимые в центре, сосредоточены на изучении биоразнообразия и сохранении морских экосистем, экосистем прибрежных лесов, марикультуре и экологии морских млекопитающих (кашалотов и дельфинов)⁴³.

Среди проектов — партнерское соглашение с *Cement Industries of Malaysia Berhad (CIMA)* для разработки экологически чистых решений в области бетона для морской и прибрежной инфраструктуры. CIMA будет использовать свой опыт в области «зеленых» технологий и экологических строительных материалов, а CEMACS предоставит результаты научных исследований⁴⁴.

26 мая 2025 г. состоялась официальная церемония открытия Совместной малайзийско-китайской прибрежной станции долгосрочных морских научных наблюдений (MSOS) — это результат подписания Меморандума о взаимопонимании (МОА) 2021 г. между Университетом наук Малайзии и Третьим институтом океанографии (ТЮ) Китая⁴⁵.

* * *

В заключение можно сделать вывод о том, что существующая в Малайзии система высшего образования, предлагающая разнообразные программы в области науки и технологий (STEM), не только готовит будущие кадры для развития инновационной экономики страны, но и, благодаря тесному взаимодействию с научно-технологическими центрами, предоставляет молодым специалистам возможность участвовать в научных исследованиях. При этом научно-технологические центры помогают объединить академические знания с практическим опытом, ускоряя внедрение инноваций в промышленность, предоставляя площадку для сотрудничества между учеными, инженерами и предпринимателями, что способствует созданию новых продуктов и услуг. Кроме того, университеты и научно-технологические центры в Малайзии активно сотрудничают с международными партнерами, что открывает широкие возможности для обмена опытом и знаниями, а также участия в международных проектах и программах. Такое сотрудничество способствует интеграции Малайзии в глобальное научное и технологическое сообщество.

⁴² CCB. <https://ccb.usm.my/> (дата обращения: 20.11.2025).

⁴³ CEMACS. <https://cemacs.usm.my/> (дата обращения: 22.11.2025).

⁴⁴ CEMACS. <https://cemacs.usm.my/about-us/latest-news/211-cima-cemacs-tie-up-on-eco-friendly-marine-concrete-solutions.html> (дата обращения: 22.11.2025).

⁴⁵ CEMACS. <https://cemacs.usm.my/about-us/latest-news/210-oceans-without-borders-cemacs-and-tio-launch-joint-marine-observation-station.html> (дата обращения: 22.11.2025).

Литература / Reference

Погадаев В. А. Университет Малайя на пути трансформации. Азиатско-Тихоокеанский регион: вчера и сегодня: сборник статей / Ин-т востоковедения Росс. акад. наук [отв. ред. Д. С. Панарина]. М.: ИВ РАН, 2023. С. 268–287 [Pogadaev V. A. University of Malaya on the Path of Transformation. Asian-Pacific Region: Yesterday and Today: Collection of Articles / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences [ed. D. S. Panarin]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 268–287 (in Russian)].

Малайзия. Карманная энциклопедия / Сост. В. А. Погадаев. М.: Издательский Дом «Муравей-Гайд», 2000. 337 с. [Malaysia. Pocket Encyclopedia / Comp. V. A. Pogadaev. Moscow: Publishing House "Muravei-Guide", 2000. 337 p. (in Russian)].

Laporan Tahunan UKM 2022. 268 p.

Universiti Malaya 2025. 48 p.

UPM. Facts & Figures 2025. 16 p.

ЯДЕРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ БОРЬБЫ С ПЛАСТИКОМ В ИНДОНЕЗИИ

© 2026

О. Л. Петрова¹

Индонезия ежегодно производит миллионы тонн пластиковых отходов — по оценкам различных источников, в последние годы этот показатель составляет около 7,8 млн тонн в год. Большая часть этих отходов неправильно утилизируется (неправильно собирается или выбрасывается), а не обрабатывается должным образом. Пластик стал важной составляющей бытовых отходов, во многих регионах уступая по этому показателю только пищевым отходам и составляя примерно 20% от всех отходов, указанных в национальной статистике.

Радиационная обработка — с использованием электронных пучков или гамма-лучей — позволяет делать то, что часто недоступно традиционным методам переработки. При широком внедрении и интеграции с традиционными стратегиями переработки и сокращения отходов такие технологии могут внести существенный вклад в замедление или стабилизацию роста загрязнения пластиком, особенно в регионах, где традиционная переработка отстает.

Ключевые слова: Индонезия, экология, пластиковые отходы, ядерные технологии, мирный атом

Для цитирования: Петрова О. Л. Ядерная технология борьбы с пластиком в Индонезии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 136–142. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-136-142

NUCLEAR TECHNOLOGY TO COMBAT PLASTIC POLLUTION IN INDONESIA

Olga L. Petrova

Indonesia produces millions of tons of plastic waste annually — estimates from various sources have been around 7.8 million tons per year in recent years. Much of this waste is improperly disposed of (incorrectly collected or discarded) rather than properly processed. Plastic has become a significant component of household waste, second only to food waste in many regions, accounting for approximately 20% of all waste reported in national statistics.

Radiation processing — using electron beams or gamma rays — offers capabilities often inaccessible to traditional recycling methods. When widely implemented and integrated with traditional recycling and waste reduction strategies, such technologies could significantly contribute to slowing or stabilizing the growth of plastic pollution, especially in regions where traditional recycling is lagging.

Keywords: Indonesia, ecology, plastic waste, nuclear technology, peaceful atom

For citation: Petrova O. L. Nuclear Technology to Combat Plastic Pollution in Indonesia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 136–142. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-136-142

¹ Петрова Ольга Леонидовна, младший научный сотрудник Отдела Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва; L.Petrova_Olga@mail.ru

Petrova Olga Leonidovna, Junior Research Fellow, Centre for South-East Asia, Australia, and Oceania, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; L.Petrova_Olga@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7782-277X

Индонезия ежегодно производит миллионы тонн пластиковых отходов — по оценкам различных источников, в последние годы этот показатель составляет около 7,8 млн тонн в год. Большая часть этих отходов неправильно утилизируется (неправильно собирается или выбрасывается), а не обрабатывается должным образом². Пластик стал важной составляющей бытовых отходов, во многих регионах уступая по этому показателю только пищевым отходам и составляя примерно 20% от всех отходов, указанных в национальной статистике [Prisca Triferna, Raka Adji, 2025].

Индонезия является одним из крупнейших в мире источников загрязнения морской среды пластиком. Большая часть пластиковых отходов попадает с суши в реки, а затем в океан, особенно с густонаселенных островов, таких как Ява и Суматра. Реки действуют как конвейеры, перенося мусор из населенных пунктов в морскую среду. Последние национальные данные показывают, что сотни тысяч тонн пластиковых отходов продолжают попадать в индонезийские воды каждый год, несмотря на то, что предпринятые в последнее время усилия снизили темпы утечки по сравнению с предыдущими годами [Prisca Triferna, Raka Adji, 2024]. Значительная часть домохозяйств, особенно в сельской местности, не имеет регулярных услуг по сбору отходов, что приводит к их прямому сбросу, открытому сжиганию или захоронению на неформальных площадках. Опросы показывают, что большинство населенных пунктов не имеют доступа к объектам по управлению отходами, что приводит к небезопасным методам утилизации [Muhammad Kholid Basyaiban, 2022]. Загрязнение пластиком наносит вред водным экосистемам, приводит к болезням или гибели животных, в желудках которых он распадается на микропластик, который сохраняется в организме десятилетиями. Открытое сжигание пластика высвобождает токсичные загрязняющие вещества, которые могут загрязнять воздух, почву, воду и даже пищевые цепи, влияя на здоровье дыхательной системы, репродуктивную систему и многое другое. Есть данные о том, что микропластик и токсичные соединения накапливаются в местных продуктах питания, что вызывает серьезные опасения для здоровья, особенно в районах, расположенных вблизи мест сжигания отходов [Johnny Wood Writer, 2019].

Помимо внутреннего производства пластика Индонезия стала пунктом назначения для импортируемых пластиковых отходов из более богатых стран в результате глобальных изменений в структуре торговли переработкой. Отчеты показывают, что ежегодно импортируются сотни тысяч тонн пластиковых отходов, которые часто сжигаются или выбрасываются из-за отсутствия местных мощностей для их безопасной переработки [Primagung Dary Riliananda, Garry Lotulung, 2025]. Это вызвало социальные и экологические опасения по поводу трансграничных потоков отходов и справедливости, а активисты называют это «отходным колониализмом»³. После запрета Китаем импорта пластиковых отходов в 2018 г. Индонезия в течение следующих семи лет пережила резкий рост объемов поступающих отходов. В 2022 г. она стала третьим по величине в мире импортером пластиковых отходов, получив более 194 000 тонн отходов. Последние данные Центрального статистического агентства Индонезии за 2024 г. показали, что Индонезия импортировала в общей сложности 262 900 тонн пластиковых отходов на сумму около 105 млн долл. США (примерно 1,7 трлн индонезийских рупий). Эта цифра на 4% больше, чем в 2023 г., когда Индонезия импортировала 252 300 тонн. Нидерланды возглавили список крупнейших поставщиков, отправив 107 500 тонн. За ними следуют Германия и Бельгия с 59 100 и 28 800 тоннами соответственно.

² Plastic Waste Discharges from Rivers and Coastlines in Indonesia // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/publication/plastic-waste-discharges-from-rivers-and-coastlines-in-indonesia> (дата обращения: 21.01.2026).

³ Toxic tofu? How plastic waste from the west fuels food factories in Indonesia // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2025/may/10/tofu-plastic-indonesia> (дата обращения: 21.01.2026).

Выявилась тревожная тенденция: развитые страны используют развивающиеся страны в качестве свалок, избегая таким образом более высоких затрат на переработку и утилизацию отходов на своей территории.

Хотя осведомленность о проблеме пластика растет, многим домохозяйствам и сообществам по-прежнему не хватает ресурсов, стимулов или доступа к устойчивым системам утилизации и переработки.

В долгосрочной стратегии Индонезии по снижению выбросов углерода и устойчивости к изменению климата (LTS-LCCR 2050) есть пункт про восстановление зеленых насаждений в городах, использование новых систем переработки отходов и создание промышленных комплексов с высоким уровнем нового CO₂. Эти цели также изложены в Национальном долгосрочном плане развития на 2025–2045 годы (RPJPN), который служит стратегическим руководством для национального развития. В соответствии с национальными целями одним из стратегических столпов правительство определило «устойчивое развитие» — реализацию политики, способствующей экологической устойчивости и социальной справедливости. Индонезия разработала пять стратегий и планов действий для долгосрочного сокращения пластиковых отходов:

- 1) усиление национального движения по комплексному управлению отходами с участием всех заинтересованных сторон и при поддержке строгих правил и их реализации на национальном и региональном уровнях;
- 2) внедрение системы управления отходами как на суше, так и на море с высокой интенсивностью, использованием технологических достижений, а также инициатив и участия местных сообществ;
- 3) улучшение управления пластиковыми отходами, включая загрязнение морской среды пластиковыми отходами от рыболовства, транспорта, туристических объектов и мероприятий, а также от населенных пунктов, особенно в прибрежных районах;
- 4) укрепление институционального и финансового потенциала, надзора и правоприменения;
- 5) исследования и разработки для поощрения инноваций и совершенствования технологий.

Инициатива NUTEC Plastics (Ядерные технологии для контроля загрязнения пластиком) была запущена Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) в 2020 г. в качестве стратегической глобальной программы по изучению решений в области ядерных технологий для борьбы с загрязнением пластиком. Индонезия была выбрана в качестве одной из пилотных стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе наряду с Малайзией и Филиппинами, чтобы внести свой вклад в эту работу и получить от нее выгоду. К октябрю 2022 г. Национальное агентство исследований и инноваций Индонезии (BRIN) начало проводить официальные исследования по применению методов ядерного излучения, таких как гамма- и электронное облучение, для переработки пластиковых отходов. Эти ранние исследования были сосредоточены на том, как излучение может улучшить переработку полимеров и создать продукты с добавленной стоимостью, такие как древесно-полимерные композиты (ДПК). Другими словами, с помощью радиационных технологий пластиковые отходы могут быть разложены и модифицированы для повторного использования в качестве новых, ценных материалов. NUTEC Plastics [Martha Herlinawati Simanjuntak, 2022].

МАГАТЭ находится в авангарде применения ядерной науки и технологий для решения глобальных проблем, включая загрязнение пластиком. По словам представителей МАГАТЭ, ядерные методы могут помочь в оценке и понимании масштабов проблемы, а также в переработке пластика с помощью радиационных методов, которые позволяют производить материалы, которые могут быть в дальнейшем использованы в концепции циклической экономики. МАГАТЭ готово

предложить уникальные ядерные решения проблемы загрязнения пластиком посредством разработки и продвижения радиационных технологий. Подход программы NUTEC Plastics состоит из двух частей: 1) предоставление научно обоснованных данных для характеристики и оценки загрязнения морской среды микропластиком и 2) демонстрация использования ионизирующего излучения в переработке пластика для преобразования пластиковых отходов в пригодные для повторного использования ресурсы. Программа NUTEC Plastics расширит возможности лабораторий по изучению воздействия загрязнения пластиком на прибрежные и морские экосистемы [Joanne Liou, 2021].

В рамках программы МАГАТЭ NUTEC Plastics Индонезия присоединилась ко многим странам, участвующим в структурированных проектах технологического сотрудничества. Демонстрационный проект имеет три этапа:

- этап 1 — усиление управления пластиковыми отходами в перерабатывающем секторе;
- этап 2 — строительство демонстрационных объектов;
- этап 3 — внедрение передовых технологий переработки пластика с использованием облучения⁴.

Индонезия твердо придерживается политики по сокращению пластиковых отходов, в том числе морских. Например, по данным Министерства лесного хозяйства и окружающей среды (на данный момент это два разных министерства), за трехлетний период количество морских пластиковых отходов сократилось с 615 000 тонн в 2018 г. до примерно 521 000 тонн в декабре 2020 г. Это означает, что общее количество морских пластиковых отходов в Индонезии сократилось на 15,3% за указанный период как в наземной, так и в морской деятельности.

В период с 2022 по 2024 г. МАГАТЭ и BRIN организовали региональные и национальные встречи заинтересованных сторон для экспертов и представителей отечественной промышленности. Эти встречи способствовали формированию партнерских отношений между BRIN и компаниями частного сектора для разработки прототипов и тестирования применения результатов в продукции⁵.

К началу 2024 г. МАГАТЭ запустило второй этап инициативы NUTEC, направленной на переход от фундаментальных исследований к созданию мелкомасштабных прототипов с использованием электронно-лучевых технологий для переработки пластика⁶. В феврале 2025 г. BRIN и МАГАТЭ в рамках инициативы NUTEC Plastics провели в Джакарте координационные совещания по среднесрочной перспективе проекта RAS1031 «Повторное использование и переработка полимерных отходов путем радиационной модификации для производства промышленных товаров — Фаза II», подчеркнув важность совместных исследовательских работ по радиационной модификации пластика и планирования демонстрационных внедрений. BRIN выступил в качестве национального координатора, привлекая исследовательские учреждения и отраслевых партнеров к этой технологии. На этом мероприятии присутствовали эксперты МАГАТЭ, ученые из ряда стран, таких как Бангладеш, Иран, Иордания, Малайзия, Мьянма, Пакистан, Филиппины, Шри-Ланка, Таиланд и Вьетнам, а также промышленные партнеры [Esti Utami, 2025].

Радиационная модификация позволяет разрушать или сшивать полимерные цепи в пластике, что дает возможность получать более качественные переработанные материалы без использования высоких температур или токсичных химикатов.

⁴ NUTEC Plastic, Teknologi Nuklir untuk Tekan Polusi Sampah Plastik // Atnews.id. URL: <https://www.atnews.id/portal/news/8586> (дата обращения: 21.01.2026).

⁵ IAEA Backs Plastic Recycling in Asia-Pacific // Mirage News. URL: <https://www.miragenews.com/iaea-backs-plastic-recycling-in-asia-pacific-1388620/> (дата обращения: 21.01.2026).

⁶ Electron beam for plastics recycling — IAEA NUTEC Plastics initiative // International Irradiation Association. URL: <https://iia-global.com/iia-news/electron-beam-for-plastics-recycling-iaea-nutec-plastics-initiative/> (дата обращения: 21.01.2026).

В рамках масштабирования МАГАТЭ передало Индонезии установку для обработки электронным пучком с энергией 2,5 МэВ (ЕВМ) для поддержки передовых исследований и пилотных процессов облучения. Планировалось разместить эту установку в пределах ядерного комплекса Научно-технологической зоны им. Б. Дж. Хабиби (KST) в Серпонге для укрепления инфраструктуры исследований пластмасс и смежных ядерных исследований и разработок [Safrezi Fitra, 2024].

Электронные пучки — это потоки высокоэнергетических электронов, используемые для облучения пластиковых отходов, что может изменить свойства полимеров и сделать их более пригодными для переработки или промышленного повторного использования.

К середине 2024 г. формальные партнерства с участниками отрасли способствовали работе над продуктами с добавленной стоимостью (такими как искусственная солома и ДПК), изготовленными из облученных пластиковых отходов. Это сотрудничество рассматривается как критически важный шаг на пути к масштабированию процессов для коммерческого применения [Arie Widowati, 2025].

К началу 2025 г. BRIN сообщила о переходе проекта во вторую фазу в соответствии с графиком RAS1031 и достижении уровня готовности технологии (TRL) ~5, что свидетельствует о прогрессе в направлении пилотной валидации. Заявленная цель — дальнейшее развитие технологии (до TRL 7) и подготовка к коммерциализации примерно к 2027 г. Проект RAS1031 / INS 1031 — конкретный проект технического сотрудничества МАГАТЭ, в рамках которого BRIN проводит исследования и инновации в области радиационной обработки пластика [Sean Filo Muhamad, 2025].

Уровни технологической готовности или TRL (Technology Readiness Level) — это шкала оценки зрелости технологии на этапах ее концептуализации, разработки и применения. Включает 9 уровней, где один балл — самый низкий уровень, девять — самый высокий. TRL 5 означает, что экспериментальный образец изготовлен и испытан в реальном масштабе по полупромышленной технологии, воспроизведены основные внешние условия. Компоненты и/или макеты подсистем испытаны в условиях, близких к реальным. TRL 7 говорит о том, что прототип системы может быть показан в составе других систем в реальных эксплуатационных условиях.

Инициатива по развитию ядерных технологий для переработки пластика, такая как участие Индонезии в программе МАГАТЭ NUTEC Plastics, имеет важное значение во многих экологических, экономических и технологических аспектах — она соответствует долгосрочным прогнозам глобального загрязнения пластиком и устойчивого развития. Без решительных мер к 2050 г. производство пластика может увеличиться почти втрое, примерно до 1,1 млрд тонн в год, что значительно усилит давление на окружающую среду и ее загрязнение. Кроме того, согласно исследованию, опубликованному в журнале Science Advances, к 2050 г. в океане может быть больше пластика, чем рыбы — это яркий показатель того, насколько актуальной стала проблема пластикового загрязнения [Joanne Liou, 2021]. Радиационная обработка — с использованием электронных пучков или гамма-лучей — позволяет делать то, что часто недоступно традиционным методам переработки, а именно:

- модифицировать пластмассы на молекулярном уровне, чтобы материалы, которые трудно перерабатывать механически, можно было повторно использовать или перерабатывать в более ценные продукты;
- улучшить сортировку полимеров и качество материалов, повысив экономическую эффективность и экономичность переработки [Ayhan Evrensel, 2025];

- снизить зависимость от токсичных химикатов и высокоэнергетических процессов, сделав переработку более экологичной — радиация не делает пластик радиоактивным и считается подходом «зеленой химии»⁷;
- расширить перечень видов пластика, которые можно перерабатывать в промышленных масштабах, и помочь сократить объем отходов, попадающих на свалки или в окружающую среду;
- поддержать экономику замкнутого цикла и промышленную ценность.

Ядерные и изотопные методы также поддерживают высокоточный мониторинг загрязнения микропластиком воды, отложений и биоты. Эти научные инструменты помогают создавать глобальные базы данных и отслеживать тенденции, что позволяет принимать более эффективные политические решения.

NUTEC Plastics привлекла к сотрудничеству десятки стран, оснатив лаборатории и продвигая согласованные методики отслеживания и управления загрязнением пластиком — основу для глобальных договоров или региональных стратегий, что означает более широкое международное сотрудничество. Научные данные и технологические платформы, разработанные в рамках таких инициатив, как NUTEC Plastics, могут способствовать заключению глобальных соглашений по борьбе с загрязнением пластиком и стандартам устойчивого производства в 2030-х годах и далее.

Пилотные проекты сегодня (включая индонезийский) направлены на переход к демонстрационным коммерческим масштабам и промышленному внедрению в середине-конце 2020-х годов⁸.

По мере развития технологий (повышение уровня технологической готовности) более широкое внедрение может значительно увеличить долю перерабатываемого пластика, особенно трудноперерабатываемых полимеров.

Продукция с добавленной стоимостью из облученного пластика может открыть новые экономические секторы для перерабатывающей промышленности и снизить зависимость от первичного пластика. Рынки таких продуктов, как строительные материалы, промышленные композиты и современные полимеры, могут расти по мере того, как переработка с использованием ядерных технологий становится более экономически эффективной.

При широком внедрении и интеграции с традиционными стратегиями переработки и сокращения отходов такие технологии могут внести существенный вклад в замедление или стабилизацию роста загрязнения пластиком, особенно в регионах, где традиционная переработка отстает. Это нововведение не только решает проблему пластиковых отходов, но и способствует более устойчивой экономике замкнутого цикла. Это не просто узкоспециализированный научный проект, а решение одной из самых актуальных экологических проблем и проблем устойчивого развития нашего времени.

Литература / Reference

Электронные ресурсы / Online resources

Arie Widowati, Dari Sampah Jadi Solusi: Cara Cerdas Indonesia Daur Ulang Plastik dengan Teknologi Nuklir, 2025 // MediaPatriot. URL: <https://www.mediapatriot.co.id/2025/07/31/dari-sampah-jadi-solusi-cara-cerdas-indonesia-daur-ulang-plastik-dengan-teknologi-nuklir/> (дата обращения: 21.01.2026).

⁷ How Nuclear Tech Could Revolutionise Plastic Recycling // The IAEA. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/how-nuclear-tech-could-revolutionise-plastic-recycling> (дата обращения: 21.01.2026).

⁸ Utilization of Radiation Technology for Plastic Waste Recycling // Ti Stic. URL: <https://www.ti-stic.org/post/utilization-of-radiation-technology-for-plastic-waste-recycling> (дата обращения: 21.01.2026).

Ayhan Evrensel, Revolutionizing Plastic Recycling Through Irradiation, 2025 // The IAEA. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/revolutionizing-plastic-recycling-through-irradiation> (дата обращения: 21.01.2026).

Esti Utami, Perkembangan NUTEC Plastics di Negara-negara Percontohan, 2025 // Ruang Kota. URL: <https://www.ruangkota.com/lingkungan/245660427/perkembangan-nutec-plastics-di-negara-negara-percontohan> (дата обращения: 21.01.2026).

How Nuclear Tech Could Revolutionise Plastic Recycling // The IAEA. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/how-nuclear-tech-could-revolutionise-plastic-recycling> (дата обращения: 21.01.2026).

IAEA Backs Plastic Recycling in Asia-Pacific // Mirage News. URL: <https://www.miragenews.com/iaea-backs-plastic-recycling-in-asia-pacific-1388620/> (дата обращения: 21.01.2026).

Joanne Liou, NUTEC Plastics: Using Nuclear Technologies to Address Plastic Pollution, 2021 // The IAEA. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/nutec-plastics-using-nuclear-technologies-to-address-plastic-pollution> (дата обращения: 21.01.2026).

Johnny Wood Writer, Plastic waste from Western countries is poisoning Indonesia, 2019 // Forum Agenda. URL: <https://www.weforum.org/stories/2019/12/plastic-waste-indonesia-pollution-health/> (дата обращения: 21.01.2026).

Martha Herlinawati Simanjuntak, BRIN memanfaatkan teknologi nuklir untuk daur ulang sampah plastik Jumat, 2022 // ANTARA News. URL: <https://www.antaranews.com/berita/3179653/brin-manfaatkan-teknologi-nuklir-untuk-daur-ulang-sampah-plastik> (дата обращения: 21.01.2026).

Muhammad Kholid Basyaiban Press Release: Indonesian river is plastic waste emergency. Ecoton survey: 68% of communities need waste facilities and access to complaints 2022 // ECOTON. URL: <https://ecoton.or.id/press-release-indonesian-river-is-plastic-waste-emergency-ecoton-survey-68-of-communities-need-waste-facilities-and-access-to-complaints/> (дата обращения: 21.01.2026).

NUTEC Plastic, Teknologi Nuklir untuk Tekan Polusi Sampah Plastik // Atnews.id. URL: <https://www.atnews.id/portal/news/8586> (дата обращения: 21.01.2026).

Plastic Waste Discharges from Rivers and Coastlines in Indonesia // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/publication/plastic-waste-discharges-from-rivers-and-coastlines-in-indonesia> (дата обращения: 21.01.2026).

Primagung Dary Riliananda, Garry Lotulung, Not Our Trash: Indonesia's Struggle with the World's Plastic Waste, 2025 // FairPlanet. URL: <https://www.fairplanet.org/story/not-our-trash-indonesias-struggle-with-the-worlds-plastic-waste/> (дата обращения: 21.01.2026).

Prisca Triferna, Raka Adji, Indonesia races to end plastic waste by 2029 amid rising crisis, 2025 // ANTARA News. URL: <https://en.antaranews.com/news/358689/indonesia-races-to-end-plastic-waste-by-2029-amid-rising-crisis> (дата обращения: 21.01.2026).

Prisca Triferna, Raka Adji, Ministry records 41.68 percent drop in plastic waste leaks into ocean, 2024 // ANTARA News. URL: <https://en.antaranews.com/news/328382/ministry-records-4168-percent-drop-in-plastic-waste-leaks-into-ocean> (дата обращения: 21.01.2026).

Safrezi Fitra, BRIN Kembangkan Daur Ulang Limbah Plastik dengan Teknologi Nuklir, 2024 // Kata data. URL: <https://katadata.co.id/berita/industri/669b5064e4015/brin-kembangkan-daur-ulang-limbah-plastik-dengan-teknologi-nuklir> (дата обращения: 21.01.2026).

Sean Filo Muhamad, BRIN bidik komersialisasi nuklir untuk daur ulang plastik pada 2027 Senin, 2025 // ANTARA News. URL: <https://www.antaranews.com/berita/4653997/brin-bidik-komersialisasi-nuklir-untuk-daur-ulang-plastik-pada-2027> (дата обращения: 21.01.2026).

Toxic tofu? How plastic waste from the west fuels food factories in Indonesia // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2025/may/10/tofu-plastic-indonesia> (дата обращения: 21.01.2026).

Utilization of Radiation Technology for Plastic Waste Recycling // Ti Stic. URL: <https://www.ti-stic.org/post/utilization-of-radiation-technology-for-plastic-waste-recycling> (дата обращения: 21.01.2026)..

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-143-155

ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ: ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

© 2026

Д. Б. Графов¹

Статья посвящена дилемме между определенностью (предсказуемостью) и неопределенностью взаимного сдерживания в ядерном треугольнике Индия — Пакистан — КНР под влиянием дестабилизирующих факторов и асимметричных угроз. Индия следует провозглашенному в ядерной доктрине более 20 лет назад принципу неиспользования ядерного оружия первой (NFU, “no-first-use”). Пакистан сохраняет неопределенность, допуская применение тактического ядерного оружия (ЯО) «нулевой дальности» (“zero-range” weapons), совершенствует носители и боевые платформы, которые могут иметь как ядерное, так и конвенциональное оснащение, а также использует прокси-силы для атак из «серых зон». Обе страны разрабатывают и производят конвенциональные системы оружия, способные влиять на стратегический баланс и стратегическую стабильность.

Автор анализирует возможный пересмотр Индией принципа NFU и разработку гибкой системы сдерживания, основанной на ясной пропорциональной эскалации, упреждающей действия Пакистана, что стало особенно актуальным после военного столкновения двух стран в мае 2025 г. Определенность и прогнозируемость ядерной стратегии могут сдерживать потенциального противника от перехода напряженности в открытый конфликт. Однако в условиях перманентно вспыхивающего с новой силой вооруженного противостояния индийское руководство не исключает отказа от принципа “no-first-use” при определенных обстоятельствах. Это повысит неопределенность, лишит противника монопольного контроля над ядерным порогом, увеличит его риск неконтролируемого ущерба и разрушит расчеты достичь целей в локальном столкновении без использования ЯО.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, ядерная политика, отказ от первого ядерного удара, сдерживание, стратегическая прогнозируемость, неопределенность

Для цитирования: Графов Д. Б. Ядерная политика Индии: от стратегической предсказуемости к неопределенности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 143–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-143-155

INDIA'S NUCLEAR POLICY: FROM STRATEGIC PREDICTABILITY TO AMBIGUITY

Dmitry B. Grafov

The article examines the dilemma between strategic consistency (certainty, predictability) and uncertainty (ambiguity) in the Pakistan-India-China triangle under the influence of destabilizing factors and asymmetric threats.

¹ Графов Дмитрий Борисович, кандидат политологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Москва; graftvc@mail.ru
Dmitry B. Grafov, PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow; graftvc@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7334-5398

India adheres to the no-first-use (NFU) policy, enshrined in its nuclear doctrine more than 20 years ago. Pakistan rejects the “no first use” (NFU) posture, maintains uncertainty by accepting the possibility of using low-yield tactical nuclear weapons (“zero-range weapons”) in a conventional conflict, developing missiles and weapon platforms for both nuclear and conventional use, and exploiting a proxy forces for “gray zone” attacks. Both states produce conventional weapons systems that could be used to attack nuclear infrastructure and undermine the strategic balance.

The author analyzes the possibility of India suspending its NFU policy and adopting a flexible nuclear strategy based on proportional escalation measures that constrain Pakistan's actions. The need for a new approach to nuclear deterrence became clear after the “five-day war” in May 2025 between India and Pakistan. A certainty and predictability of nuclear strategy policy can deter a potential adversary before the confrontation escalates into armed conflict. However, India's leadership has not ruled out rethinking the NFU commitment in some circumstances. The strategic uncertainty created by a possible revision of the «no-first-use» policy may better deter an adversary if the conflict spirals. This means that India is denying Pakistan control over the nuclear threshold, increasing the risk of unacceptable damage to the Pakistani government, and frustrating the adversary's hopes of achieving its goals without crossing the nuclear threshold.

Keywords: India, Pakistan, nuclear policy, no first use, NFU, deterrence, strategic consistency, ambiguity, uncertainty

For citation: Grafov D. B. India's Nuclear Policy: From Strategic Predictability to Ambiguity. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 143–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-143-155

В статье рассматривается ситуация взаимного ядерного сдерживания в Индо-Пакистанском противостоянии и дилемма между прогнозируемостью, дающей потенциальному противнику представление о ядерном пороге, и неопределенностью, которая затрудняет противоположной стороне оценку ситуации и увеличивает опасение неожиданных ответных или превентивных действий, т. е. работает на сдерживание, увеличивая риск неопределенных последствий. Практическая значимость постановки вопроса объясняется тем, что подходы в ядерной политике у Индии и Пакистана становятся все более асимметричными. В стратегическом сдерживании Нью-Дели сохраняет отказ от применения ЯО первой. Исламабад, который такого обязательства не брал, при этом рассматривает использование тактического ЯО малой дальности и малой мощности в конвенциональном конфликте. Пакистан принимает на вооружение носители, способные использовать как обычные, так и ядерные боезаряды. Различение их средствами технической разведки практически невозможно. Обе стороны активно развивают конвенциональные системы оружия (в первую очередь БПЛА и другие малозаметные дистанционно управляемые боеприпасы), которые при определенных сценариях способны повлиять на стратегический баланс сил.

В руководстве Индии давно задаются вопросом о целесообразности сохранения моратория на ядерный удар первыми, т. к. неопределенность в вопросе использования ЯО может создавать лучший сдерживающий эффект. Актуальность изучения изменений ядерной политики Индии и Пакистана возросла после очередной вооруженной эскалации в мае 2025 г.² Возможно, только скоротечность военного противостояния, неиспользование сухопутных сил, ограниченный военный ущерб удержали стороны от приближения к ядерному порогу. Очевидно, что сдерживание со стороны Индии недостаточно, если оно оставляет место для вооруженных столкновений неопределенной интенсивности и продолжительности, провоцируемых террористическими атаками. После окончания боевых действий 12 мая премьер-министр Н. Моди объявил о новой военной доктрине, согласно которой Индия будет реагировать на терроризм на своих условиях в отношении

² Ударами с воздуха Индия начала операцию «Синдур» с целью уничтожения лагерей террористов, от рук которых погибли индийские туристы.

как выбора средств, так и места проведения ударов. Она также больше не будет мириться с ядерным шантажом и не будет делать различий между правительством, спонсирующим терроризм, и его организаторами [English Rendering..., 2025].

Индия в своей ядерной политике вынуждена считаться с наличием сразу двух противников, с которыми она граничит, соперничает и имеет территориальные споры. Ее ядерная доктрина сводится к трем главным пунктам: отказ от применения ЯО первой (“no first use” — NFU); надежное минимальное сдерживание (Credible Minimum Deterrence); массированное возмездие в ответ на любую форму ядерного нападения.

Если более мощный Китай представляет угрозу в значительной степени системную, предсказуемую, то Пакистан декларирует использование ЯО первым в случае агрессии, которую его руководство может понимать и как территориальный конфликт. С пакистанской стороны делаются заявления о необходимости развития ЯО малой мощности и небольшой дальности в расчете на то, что его использование не приведет к полномасштабному ядерному конфликту, но ограничит возможности эскалации со стороны Индии конвенциональным оружием. Исламабад никогда официально не декларировал свою ядерную доктрину, оставляя ее расплывчатой и двусмысленной. Однако заявления значимых лиц из числа бывших и действующих руководителей позволяют выделить некоторые узловые точки так называемой политики «полного спектра сдерживания» («Full Spectrum Deterrence»; FSD).

Цель FSD: во-первых, затруднить решение индийских властей использовать ЯО, сделать любое возмездие Пакистану потенциально эскалационным вплоть до ядерного порога; во-вторых, FSD почти не оставляет промежутка для сигнальных действий между конвенциональными ударами и ядерным ответом; в-третьих, FSD позволяет проводить атаки с помощью прокси-сил, связывая руки Индии угрозой ядерной эскалации.

Индия не исключает возможности войны на два фронта — с Пакистаном и Китаем (или при поддержке первого вторым), что может стать критическим испытанием. У Индии нет экономических возможностей (самодостаточного ВПК, источников сырья в необходимых объемах), чтобы выйти победителем из большой войны. Балансирование противников через союзы с другими державами (блок «Quad», отношения с США) гарантии от войны не обеспечивают³. Альтернативой может быть отказ Индии от неприменения ЯО первой. Именно такой способ сдерживания использует Пакистан при недостаточности ресурсов против самой Индии. Нынешнее правительство под руководством Бхаратия джаната парти не исключает пересмотра приверженности NFU, чтобы сделать ядерную политику Индии более гибкой (менее определенной) [Clary, Narang, 2019].

Соотношение стратегических потенциалов Индии и Пакистана

По оценкам экспертов, Индия может иметь от 160 до 200 ядерных боезарядов. Запасы высокообогащенного урана составляют около 4,9–5,1 т, запасы оружейного плутония — 0,6–0,7 т. В качестве носителей ЯО могут использоваться бомбардировщики со свободнопадающими бомбами, баллистические ракеты (БР) наземного и корабельного старта, также имеется одна атомная подводная лодка с БР [Nuclear Threat..., 2024].

КНР предположительно обладает арсеналом в 500 ядерных боезарядов, в 2027 г. их число, возможно, возрастет до 700, а к 2030 г. приблизится к 1000. Средствами доставки являются 134 межконтинентальные БР наземного старта, 72 БР на подводных лодках (БРПЛ) и порядка 20 атомных

³ Хотя «майская война» 2025 г., как уверяет президент США Д. Трамп, остановилась после его вмешательства.

авиабомб. Запасы высокообогащенного урана оцениваются в 11–17 т, оружейного плутония — 2,3–3,5 т [Nuclear Disarmament..., 2024].

У Пакистана приблизительно 170 ядерных боезарядов, около 4,9 т высокообогащенного урана [Pakistan, 2023]. Средствами доставки ЯО являются бомбардировщики с арсеналом около 36 атомных бомб, баллистические и крылатые ракеты [Arms Control..., 2023].

Неустойчивость взаимного сдерживания в треугольнике Пакистан–Индия–КНР связана и с тем, что Индия вынуждена балансировать своим ядерным потенциалом угрозу и со стороны Пакистана, и со стороны Китая. Хотя ядерная война на два фронта маловероятна, индийское руководство не может исключать из расчетов самый негативный сценарий [Singh, 2021]. Тем более что сотрудничество между Пакистаном и КНР в ядерной и военно-технической сферах развивается. В 2023 году Пекин и Исламабад договорились о строительстве ядерного реактора мощностью 1200 мегаватт в Чашме⁴. Появившаяся у Пакистана в 2003 г. баллистическая ракета малого радиуса действия Ghaznavi (Hatf-3) является аналогом китайской БР DF-11, и ее производство организовано при помощи КНР [Ghaznavi, 2024]. Самая мощная и дальнобойная БР Ababeel, которая готовится к принятию на вооружение, имеет схожую конструкцию с китайской БР CSS-7. Также инженеры из КНР поделились технологиями индивидуального наведения боевых блоков разделяющихся головных частей [Ababeel, 2024].

Индия стремится балансировать увеличение китайского ядерного потенциала, хотя Пекин больше озабочен сдерживанием США. Однако Пакистан воспринимает увеличение индийского наступательного и оборонительного потенциала прежде всего как угрозу себе. Таким образом, в треугольнике Пакистан–Индия–КНР медленно раскручивается спираль увеличения ядерных потенциалов и возможностей нанесения удара. Вырисовываются контуры ядерной трилеммы: изменения в одной стороне, прилегающей к «индийской вершине», сказываются на другой стороне треугольника.

Изначально в ядерной доктрине Индии, изложенной в 2003 г. в заявлении правительства, речь шла о «достаточном минимальном убедительном ядерном сдерживании» (maximal minimum credible nuclear deterrence) [Сотников, 2020, с. 140–143]. Однако после 2017 года уже говорится о «достаточном сдерживании», а не о «достаточном минимальном сдерживании» [Зайцев, 2018]. Подчеркивается, что решение об использовании ЯО принимается политическим, а не военным руководством, только в ответ на ядерный удар или использование другого оружия массового поражения. Акцент делается на мирных усилиях: Индия подтверждает свое участие в переговорах по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), продолжает придерживаться объявленного ею добровольного моратория на проведение ядерных испытаний и вновь подчеркивает свою приверженность целям всеобщего и полного ядерного разоружения. Доктрина в целом стремится передать сдержанность Индии, представить ее балансирующей силой в стратегическом контексте субконтинента. Важным стабилизирующим фактором в доктрине выступает положение о неприменении ЯО первым. В отличие от Нью-Дели, Исламабад такого обязательства на себя не брал [Сотников, 2003].

Неопределенность ядерной стратегии Пакистана является самостоятельным элементом сдерживания. Исламабад не декларирует свою ядерную стратегию на официальном уровне, на неофициальных площадках шла речь о «Политике повышения возможностей» (Option-enhancing Policy) [Chakma, 2006, p. 120]. В нее вошли принципы «минимального ядерного сдерживания» (Indo-centric minimum nuclear deterrence), «массированного ядерного возмездия» (Principle of massive

⁴ Pakistan and China sign \$4.8 billion nuclear power plant deal. Reuters, 20.06.2023. Available at: <https://www.reuters.com/business/energy/pakistan-china-sign-48-bln-nuclear-power-plant-deal-2023-06-20/> (accessed: 18.12.2025).

retaliation) и «применения ядерного оружия первым» (Policy of nuclear first-use) [Inter Services..., 2017]. Массированное ядерное возмездие предполагается при пересечении индийскими силами «линии контроля» LoC (Line of Control) или ударе по чувствительным целям на пакистанской территории [Chakma, 2006, p. 124].

«Политика повышения возможностей» включает еще два принципа. Принцип удара по невоенным целям, имеющим критическое значение (Counter-value nuclear targeting), который создает неопределенность через риск нанесения ударов по крупным городам и промышленным центрам. А также принцип «делегативной системы управления ядерным оружием» (Delegative nuclear command and control structure), где решение о ядерном ударе принимается не исключительно высшим политическим руководством: при "определенных обстоятельствах" разрешение на использование ЯО имеют и военачальники, что также усиливает неопределенность.

В настоящее время неофициальным образом формулируется стратегия «полного спектра сдерживания» (Full Spectrum Deterrence; FSD), которая предполагает использование ЯО для срыва широкомасштабного наступления индийских ВС на стратегическом, оперативном и тактическом уровне в любом домене возможных боевых действий (на земле, на море, в воздухе) на любой дальности удара — от нулевой ("zero-range" weapons) до самых удаленных точек Индии — 2750 км. Пакистанские стратеги называют это асимметричной эскалацией [Narang, 2009/10, pp. 74–76] [Noor, 2023].

Пакистан в развитии ядерных сил делает акцент на тактическом ЯО в виде баллистических (БР) ракет средней и малой дальности (Hatf-2, Hatf-3, Hatf-4 и Hatf-9) [Сотников, 2020]. БР Hatf-9 имеет дальность в несколько десятков километров и рассчитана на использование в случае реализации индийской доктрины «холодного старта» ("cold start"). Доктрина предполагает быстрое массированное вторжение сухопутных сил Индии в расчете на то, что Пакистан не сможет нанести удар ядерным оружием по индийским частям на своей территории [Shankar, 2016]. Неожиданным для американских экспертов стало появление у Пакистана дозвуковой низколетящей крылатой ракеты (КР) Babur (или Hatf-7) [Kristensen, Korda, 2023], которая может нести небольшой ядерный заряд — от 5 до 12 кт и размещаться на мобильной установке или подводной лодке.

Ставка Пакистана в сдерживании на тактическое ЯО малой дальности, особенно если его носителями являются БР, снижает ядерный порог, увеличивая риск эскалации во время кризисов [Perkovich, 2013]. Сама возможность использования одних и тех же носителей (платформ) как для ударов конвенциональным оружием, так и ЯО увеличивает неопределенность и риск ошибки относительно угрозы противника. Если раньше к носителям двойного назначения традиционно относились пакистанские бомбардировщики Mirage III (V) (французского производства) и F-16A/B (американского), то теперь акцент в строительстве ядерных сил делается на БР и КР малой и средней дальности, которые могут оснащаться как обычными, так и ядерными зарядами, мобильные пусковые установки для них практически неотличимы.

Все большее влияние на баланс сил начинают оказывать высокоточные конвенциональные системы оружия и возможности космической разведки. В «майском» военном обострении 2025 г. Индия нанесла удары по чувствительным объектам в глубине пакистанской территории, включая базу Малир недалеко от Карачи и авиабазу Нур Хан в Равалпинди, где находится Генеральное командование армии Пакистана рядом со штабом командования ядерными силами Пакистана. А 9 мая состоялось совещание Пакистанского ядерного командования (Pakistan's Nuclear Command Authority), что может считаться ядерным сигналом Индии [Kronstadt..., 2025].

Возможность повреждения (и даже уничтожения) стратегической инфраструктуры с помощью дронов и других управляемых вне прямой видимости конвенциональных средств поражения

с расстояния сотен километров подтверждается противостоянием России с Украиной, а также 12-дневной войной между Израилем и Ираном в июне 2025 г. Могут быть выведены из строя системы ПРО и ПВО, стратегические бомбардировщики. Для ударов БПЛА уязвимы радары системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Девальвация стратегического потенциала такими средствами поражения вполне реальна. Все это повышает неопределенность и затрудняет предсказуемость действий Исламабада при эскалации конфликта.

В пакистанских (и китайских) арсеналах есть конвенциональные системы оружия, имеющие стратегическое значение при использовании против ядерной инфраструктуры.

Пакистанская крылатая ракета Babur (Hatf-7), схожая по характеристикам с американской ракетой «Tomahawk», способна нести как обычный, так и ядерный заряд. Она малозаметна, маневренна, имеет дальность 350–700 км. В 2017 г. прошла испытания более компактная КР воздушного базирования Ra'ad (Hatf-8) дальностью 350 км и точностью поражения с отклонением в несколько метров. Прорыв Пакистана в технологиях, необходимых для систем управления ракет, связывают с помощью КНР. КР Babur аналогична китайской крылатой ракете DH-10 наземного базирования, но доработана (Babur-3), чтобы использоваться и с подводных лодок [Saalman, 2020]. Обнаружение пуска такой ракеты создает для Индии стратегическую дилемму: считать удар КР ядерным или конвенциональным. В то же время размещение Babur-3 в ядерном оснащении на подводной лодке свидетельствует о желании Пакистана иметь возможность гарантированного ответного удара [IHS Jane's..., 2015].

Это говорит о том, что ситуация изменилась с момента объявления Индией принципа NFU больше 20 лет назад. В ядерной политике Индии появляются признаки гибкого переосмысления позиции «ядерное оружие нужно Индии не для войны». Индия по-прежнему делает ставку на традиционное сдерживание системами оружия стратегического уровня, например, последняя модернизация БР (Agni-V) с разделяемыми боеголовками индивидуального наведения имеет дальность от 5 до 8 тыс. км, что покрывает всю территорию КНР. Но при этом активно ведется работа над ПРО на основе российских зенитных ракетных комплексов С-400 и ЗРК собственного производства. Также Индия нацелена на развитие морской составляющей ядерной триады — стратегических ракет на подводных лодках. Это свидетельствует о проработке разных сценариев ядерного конфликта [Saalman, 2020].

Стратегическая прогнозируемость: плюсы и минусы

Доктрина Индии неприменения первой ЯО демонстрирует моральный авторитет, предсказуемость и заслуживает доверия. В октябре 2020 г. на Конференции по разоружению Индия подтвердила приверженность принципу NFU. Но заявление прозвучало как успокаивающее и дипломатическое, т. к. еще в 2016 г. министр обороны Индии М. Паррикар высказал сомнение относительно гарантированного сохранения обязательства не наносить ядерный удар первым в случае изменения обстоятельств. Уже в 2019 г. следующий министр обороны Р. Сингх снова задался вопросом: должна ли Индия следовать обязательству не применять ЯО первой? Типы угроз меняются. К угрозе большой войны по традиционному сценарию прибавилась возможность конфронтации через использование тактических приемов, описываемых как конфликты в «серой зоне»⁵ и «гибридная война» [Dowse, Bachmann, 2019].

⁵ Под «серыми зонами» подразумевается промежуточное неясное пространство, которое существует между прямым конфликтом и миром.

Плюсом позиции «ядерный удар только в ответ на ядерный удар» является то, что соперник получает ясный оборонительный сигнал. Индия не дает повода подозревать себя в агрессивных намерениях. Не возникает и так называемая спираль «дилеммы безопасности» (security dilemma) в ядерной плоскости. Но не сама декларация отказа от первого ядерного удара, а последовательно ясно формулируемые, четко аргументированные случаи использования ЯО дают потенциальному противнику представление о том, что его ждет. Объявленные правила стабилизируют противостояние и даже ограничивают его развитие [Morgan, 2008]. Стоит отметить, что ни США, ни РФ, ни Великобритания, ни Франция не декларировали отказа от использования ЯО первыми.

Стратегия ядерной определенности и последовательности, очевидно, достигает цели сдерживания в отношениях с Китаем. Хотя Пекин сохраняет стратегическую непрозрачность, развязывание войны с Индией, тем более ядерной, не соответствует китайским интересам. Обострение отношений происходит из-за территориальных претензий [Панин, 2023]. Но и в этом случае маловероятно, чтобы Пекин решился вторгнуться в штат Аруначал-Прадеш или перерезать Силигурский коридор, который связывает основную территорию Индии с ее восточными штатами. Пока Китай старается действовать осторожно. Китайско-пакистанский экономический коридор (СРЕС) выходит к северным границам бывшего княжества Джамму и Кашмир. Индия воспринимает этот проект как демонстрацию возможностей поддержки Пекином Исламабада, которая в перспективе может перевести двусторонний конфликт из-за Кашмира в трехсторонний.

В стратегической определенности есть серьезный минус. Если Индия обязалась не наносить первой ядерный удар, это оставляет свободу действий противнику ниже ядерного порога, подогревая надежду на достижение целей в конвенциональном конфликте. Однако, несмотря на заявления о неизменности ядерной позиции, есть признаки того, что Индия может двигаться в сторону большей стратегической неопределенности. Об этом говорит дополнение в ядерной доктрине, сделанное в 2023 г. Ядерное возмездие возможно в случае серьезного нападения на Индию или индийские силы где угодно с применением биологического или химического оружия [Saalman, 2020]. У индийского руководства есть понимание, что лучше избегать «ненужного связывания себе рук», особенно в отношениях с Пакистаном.

Индия довольно долго декларирует миролюбивую позицию, и Пакистан в переговорной плоскости не отталкивает протянутую руку. В 1988 г. две страны заключили Соглашение “Non-Nuclear Aggression Agreement”, согласно которому они отказываются от внезапного нападения на ядерные объекты друг друга. В 1999 г. обе страны подписали Лахорскую декларацию (Lahore Declaration) и договор, в котором говорится о недопущении случайного и несанкционированного применения ядерного оружия, предотвращении конфликтов с ядерным и конвенциональным оружием. Но атмосфера взаимного доверия продлилась недолго: через несколько месяцев между Индией и Пакистаном началась т. н. Каргильская война.

С 1988 г. в целях взаимного доверия между двумя странами существует военная горячая линия высокого уровня. Однако в марте 2022 г. Индия случайно запустила крылатую ракету «Бра-Мос», которая пролетела над Пакистаном около 120 км, прежде чем упасть. Операционный центр противовоздушной обороны ВВС Пакистана немедленно привел свои силы в состояние повышенной боевой готовности. Власти Пакистана потребовали объяснений: в течение семи минут полета ракеты Индия не использовала горячую линию, чтобы предупредить о запуске. Пакистан настаивал на совместном расследовании инцидента, но Индия не ответила [Pakistan rejects..., 2022]. Очевидно, при возникновении кризисной ситуации стороны не полагаются на меры доверия, а делают выводы о намерениях друг друга по выбору целей и средств поражения, глубины и тяжести удара, как это произошло при столкновениях в 2019 г. и тем более в 2025 г.

Стратегическая неопределенность: плюсы и минусы

В свою очередь, стратегическая двусмысленность или неопределенность в отношении использования ЯО тоже имеет плюсы и минусы. С одной стороны, неопределенность может оказывать больший сдерживающий эффект за счет страха. Но только эксплуатировать страх на продолжительном отрезке времени трудно. Если подтверждения высокого риска нет, то страх ослабевает, угроза начинает восприниматься блефом. С другой стороны, отсутствие четких заявлений о «красных линиях» и способа наказания за их пересечение может привести к непреднамеренному пересечению. Более того, если сдерживание подкрепляется только вербальными угрозами и не имеет доказательств реальности исполнения, то может спровоцировать упреждающий удар.

Стратегическая определенность для Индии (приверженность позиции неприменения ЯО первым) оправдана прежде всего в отношении КНР. В отношениях Индия–Пакистан инициатива в управлении неопределенностью принадлежит Исламабаду. Тактическое ядерное оружие может быть использовано пакистанским руководством в любой момент при отражении вторжения индийской армии, в этом и состоит неопределенность. Пакистанские власти полагают, что точечные удары оружием «нулевой дальности» поставят индийское руководство в тупик [Vinayak, 2023]. С одной стороны, для Индии отвечать стратегическим ударом на первый же ядерный взрыв малой мощности слишком непропорционально и несет риск неконтролируемого развития конфликта. С другой — продолжать наступление с чувствительными потерями от следующих тактических «ядерных уколов» — это платить неприемлемую цену, а значит, полагает противник, Индия остановится. Иная ситуация — если бы у Нью-Дели не были связаны руки позицией NFU, тогда жонглировать тактическим ЯО перед индийской стороной было бы небезопасно.

Обмен ударами после террористических атак в Пулваме (2019 г.), в Пахалгаме (2025 г.) подтверждает уверенность пакистанской стороны в том, что именно она контролирует дистанцию до ядерного порога. Индийское руководство ощущает значительный риск, давая сдерживающий ответ, и не отвечает эскалацией, опасаясь, что Исламабад может применить ЯО первым [Narejo, Khan, et al., 2024]. В итоге «минимальное надежное сдерживание», проводимое Индией, оказывается слишком минимальным и ненадежным, оставляя Пакистану возможность успеха в конвенциональном конфликте.

Один из основателей теории сдерживания Б. Броди полагал, что одна сторона может вступить в военные действия, считая, что конфликт останется безъядерным. Отчасти в этом виновата сдерживающая сторона. Такое «неправильное» ядерное сдерживание не работает и становится опасным [Brodie, 1959]. Чтобы угроза была сдерживающей, она должна убеждать противоположную сторону в неприемлемости (катастрофичности) и неизбежности ущерба в результате возмездия [Kahn, 1965], чего в противостоянии Индии и Пакистана пока нет.

Чтобы придать угрозе определенность, сделать ее явной, она должна состоять из действий, а не из намерений [Шеллинг, 2007, с. 59–60]. В этой логике отказ от использования ЯО оружия первым, с одной стороны, представляет собой миролюбивый жест, но с другой — обладает нулевым сдерживанием, т. к. не подвергает противника риску и дает ему фору: свободу в выборе путей и средств достижения цели. Четкое формулирование сигнального предупреждения усиливает правдоподобность угрозы. Например, в ядерной доктрине Франции присутствует принцип «последнего предупреждения». Противнику будет сделано ровно один раз «ядерное предупреждение», «чтобы ясно показать, что суть конфликта поменялась» [Speech on Defense..., 2020]. Такое предупреждение, например, может выполнять высотный ядерный взрыв для повреждения излучением электронных систем и узлов связи [Tertrais, 2020, p. 73].

Изменение ядерной доктрины Индии с четко изложенным ядерным сигнальным механизмом будет говорить не об агрессивном характере внешней политики, а об обратном. Первым шагом к этому может стать пересмотр индийским руководством взятых добровольно обязательств по отказу от ядерных испытаний. Китай, например, хоть и подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, но его не ратифицировал.

В целом влияние стратегической неопределенности (или наоборот — прогнозируемости, последовательности, предсказуемости) на сдерживание можно отразить на *рисунке 1*. Предсказуемость (определенность) стратегической позиции дает сдерживающий эффект, особенно когда соперник не настроен агрессивно, а само сдерживание имеет акцент на оборонительных возможностях (ПРО, ответный удар) — точка А. Однако сдерживание слабеет, когда начинают демонстрироваться наступательные возможности, способные восприниматься как агрессивность — отрезок А-Б. Если при этом начинает расти неопределенность или стратегическая двусмысленность, порождающие риск неясных потерь, то сдерживание может усиливаться до определенной величины — отрезок Б-В. С ростом дальнейшей неопределенности позиция сдерживающей стороны начинает восприниматься подготовкой к нападению, что снижает силу сдерживания и может толкнуть противника на упреждающий удар.

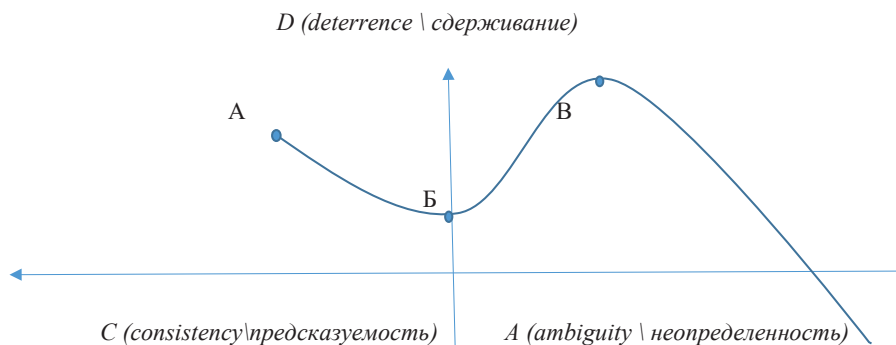

Рис. 1. Влияние стратегической неопределенности на сдерживание (предложено автором)

Неопределенность угрозы без подтверждения ее реальности (наличия и возможностей оружия) не дает эффективного сдерживания. Не объявляя официально ядерную доктрину, Исламабад посылает сигналы сдерживания через заявления официальных лиц, соответствующие обстановке и безопасности, тем самым сохраняя двусмысленность. Наиболее значимым спикером выступает генерал-лейтенант в отставке Х. Кидвай. На конференции Международного института стратегических исследований в 2023 г. он, усиливая неопределенность, заявил о возможности применения ядерного оружия в Южной Азии в любом конфликте [Kidwai..., 2020]. В экспертных кругах Пакистана текущую ядерную политику в отношении Индии называют «политикой полносpekтрального ядерного сдерживания под эгидой надежного минимального сдерживания» [Jaspal..., 2018]. Такая неопределенность является примером вербального сдерживания. Отчасти ее используют и власти КНДР, делая заявления, которые оставляют Вашингтон, Токио и Сеул в раздумьях: верить угрозам или нет и к какой аудитории они относятся.

В ядерной политике Китая тоже присутствует неопределенность, возникающая из умолчания. Основные направления строительства стратегических сил КНР — совершенствование РГЧ индивидуального наведения, развитие гиперзвуковых систем, средства сдерживания морского базирования. Неопределенность создается через размывание границы между созданием образцов космической, авиационной, подводной техники с научными целями и в рамках военных

исследований — это размывание преднамеренно. При этом Китай сохраняет принцип неприменения ЯО первым, но не говорит о ядерной доктрине. В 2022 г. генеральный директор департамента контроля над вооружениями МИД КНР заявил, что Китай не расширяет ядерный арсенал, но предпринимает шаги по модернизации своих ядерных сил [Kristensen, Korda, Johns, 2023]. Однако в США не сомневаются, что КНР строит большое число шахтных пусковых установок, наращивает арсенал МБР, ведет поиск путей преодоления американской ПРО, в том числе с использованием гиперзвуковых технологий [New Chinese..., 2021]. Что не может не учитываться Индией во взаимном сдерживании с КНР.

Заключение

Скоротечность «горячей фазы» противостояния и в 2019 г., и в 2025 г., а также быстрое ее затухание свидетельствуют о том, что ни Индия, ни Пакистан пока не хотят большой войны, тем более с использованием ЯО. Стороны не решились на эскалацию и ограничились ракетными ударами, использованием БПЛА и боями в воздухе.

При всей мощи вооруженных сил Индии ее стратегическая прогнозируемость (определенность) неэффективна и не вызывает доверия к сдерживающим факторам. На повторяющиеся атаки со стороны пакистанских «прокси» следуют ограниченные ответные меры, но они не решают проблему. У Индии нет разработанной архитектуры эскалации. Есть только два уровня: минимальное сдерживание и массированное возмездие. Необходима разработанная лестница эскалационных мер, которые предотвратили бы провокации, не вызывая спираль неуправляемой эскалации. [Pillai, 2025].

В экспертной среде рассматривается лестница контролируемой эскалации, которую может использовать Индия. С 1 по 5 ступени эскалация проводится конвенциональными средствами. На 6 ступени Индия объявляет о превентивной ядерной боеготовности (без передачи ЯО на боевые позиции). После ввода в бой и мобилизации всех видов вооруженных сил на 13 ступени объявляется полная ядерная боеготовность (сборка и передача ядерных боеприпасов из мест хранения). На 16 ступени после уничтожения баз и аэродромов обычным оружием следует демонстративное (сигнальное) применение ядерного оружия в ответ на использование противником тактического ЯО; следующая ступень — пропорциональный ответный удар против тактических систем ЯО; на 18 ступени — стратегический контрудар ЯО; на 19-й — продолжение ядерных контрударов с целью тотального уничтожения [Jones, 2011, p. 14].

Пока у Индии нет гибкости в стратегии сдерживания. Терпение и ответственность воспринимаются стратегической пассивностью. В ядерной доктрине зафиксирована конечная точка эскалации при использовании противником ЯО — «тотальное возмездие» (massive retaliation), но нужны возможности и механизмы управления эскалацией [Cohen, Dasgupta, 2010].

Критики сохранения существующего подхода NFU полагают, что «красные линии», которые структурируют эскалацию ответных действий, следует доктринально закрепить в публичной внешней политике. У противника необходимо сформировать ясное представление, какой ответ последует на его шаги и какую цену он заплатит. В поддержку этой позиции должны быть вовлечены влиятельные международные партнеры Индии (Франция, Израиль, союзники по QUAD) [Pillai, 2025].

Поддержание высокой неопределенности относительно целей и намерений ядерной политики является привлекательной стратегией. Заявление министра обороны Р. Сингха о возможном отказе Индии от принципа неприменения ЯО первой тоже является вербальным сдерживанием и создает стратегическую неопределенность [Clary, Narang, 2019].

Однако сохранение Индией принципа “no first use” дает Пакистану надежду достигнуть своих целей конвенциональным оружием. Пусть ограниченных, пусть локальных, когда превращение вооруженного конфликта в полноценную конвенциональную войну Индии покажется слишком рискованным, а переход через ядерный порог — пугающей «точкой невозврата». Принцип “no first use” имеет свои преимущества: это упреждающее сдерживание (пока конфликт не начался) и оборонительная природа стратегии. Но в начале лестницы эскалации, пока ЯО еще не пошло в ход, отказ от ядерного удара первым может быть оговорен многими условиями. В качестве иллюстрации гибкого применения принципа отказа от первого ядерного удара стоит привести КНДР. В «Законе о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил» содержится описание множества исключений из этого принципа⁶. Условия, при которых ЯО будет превентивно использовано, являются настолько широкими, что возникает эффект стратегической неопределенности.

Литература / References

Зайцев М.С. Сравнительный анализ военных доктрин Индии и Пакистана. *Сравнительная политика*. 2018. № 3. С. 14–25 [Zaytsev, Mikhail S. Sravnitel'nyanaliz voennykh doktrin Indii i Pakistana (Comparative Analysis of Military Doctrines of India and Pakistan). *Comparative Politics Russia*. 2018. No. 3. Pp. 14–25 (in Russian)].

Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. М.: Научная книга, 2003. 255 с. [Sotnikov V. I. Nuclear Problem in Indian–Pakistani Relations. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 2003. 255 p. (in Russian)].

Сотников В.И. Сравнительный анализ ядерных доктрин Индии и Пакистана. *Восточная аналитика*. 2020. № 1. С. 98–109 [Sotnikov V. Comparative Analysis of India's and Pakistan's Nuclear Doctrines. *Eastern Analytics*. 2020. № 1. Pp. 98–109 (in Russian)].

Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.: ИРИСЭН, 2007 [Schelling T. Strategy of Conflict (transl. from English). Moscow, 2007 (in Russian)].

Brodie B. Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959. 440 p.

Chakma B. Pakistan's Nuclear Doctrine and Command and Control System: Dilemmas of Small Nuclear Forces in the Second Atomic Age. *Security Challenges*. July 2006. Vol. 2. No. 2. Pp. 115–133.

Cohen S. P., Dasgupta S. Arming Without Aiming: India's Military Modernization. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2010. 223 p.

Jones R. Nuclear Escalation Ladders in South Asia. Policy Architects International. 2011, April. Defense Threat Reduction Agency, Advanced Systems and Concepts Office. Report Number ASCO 2011 007, 32 p.

IHS Jane's Weapons: Strategic 2015–2016, “Hatf 7” (Babur) / ed. James C. O'Halloran. United Kingdom: IHS, 2015. 172 p.

Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York: Praeger, xvii, 1965. 308 p.

Morgan F. E., et al. “The Nature of Escalation.” In *Dangerous Thresholds: Managing Escalation in the 21st Century*, 1st ed. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. 274 p.

Narang V. Posturing for Peace? Pakistan's Nuclear Postures and South Asian Stability. *Quarterly Journal: International Security*. Vol. 34. No. 3. (Winter 2009/10). Pp. 38–78.

⁶ КНДР может использовать ЯО против безъядерных стран, если они участвуют в агрессии против КНДР в сговоре с ядерными государствами; имеется информация о подготовке атаки с помощью ЯО, другого оружия массового уничтожения; при атаке конвенциональным оружием против руководства КНДР, командования ядерными силами, системы управления ядерными силами или при наличии данных о подготовке такого нападения; подозрении о приближении атаки любым оружием на стратегические объекты; при необходимости предотвращения расширения или затягивания войны, проведения операций по взятию инициативы в войне.

Narejo G. S., Khan Z., Khan A. Pakistan's Ambiguous Nuclear Doctrine Prima Facie Deterrence Aimed at War Avoidance and India's Quest for Compellence. *Strategic Thought*. 2024. No. 6 (1). Pp. 41–56.

Perkovich G. Nuclear Weapons in South Asia. Carnegie Endowment for International Peace, 2013.

Shankar M., Paul T. V. Nuclear doctrines and stable strategic relationships: the case of south Asia. *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944). Vol. 92. No. 1 (January 2016). Pp. 1–20.

Tertrais B. French Nuclear Deterrence Policy, Forces, and Future. A Handbook. Recherches & Documents. № 4/2020. Paris, Fondation pour la Recherche Stratégique. 73 p.

Электронные ресурсы / Electronic resource

Панин Л. Ядерный треугольник Индийского субконтинента. РСМД. 20.02.2023 [Panin L. Nuclear triangle of the Indian subcontinent. RIAC). 20.02.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernyy-treugolnik-indiyskogo-subkontinenta/> (in Russian)] (дата обращения: 11.12.2025).

Ababeel. CSIS. 23.04.2024. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/ababeel/> (дата обращения: 15.12.2025).

Arms Control and Proliferation Profile: Pakistan. Arms Control Association. 2023. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/arms-control-and-proliferation-profile-pakistan> (дата обращения: 17.11.2025).

Clary C., Narang V. Why India wants to break its decades-old nuclear pledge. BBC, MIT Center for International Studies. 22.08.2019. URL: <https://cis.mit.edu/publications/analysis-opinion/2019/why-india-wants-break-its-decades-old-nuclear-pledge> (дата обращения: 17.12.2025).

Dowse A., Bachmann S.-D. Explainer: What Is 'Hybrid Warfare' and What Is Meant by the 'Grey Zone'? The Conversation. 17.06.2019. URL: <https://theconversation.com/explainer-what-is-hybrid-warfare-and-what-is-meant-by-the-grey-zone-118841> (дата обращения: 21.11.2025).

English Rendering of PM's Address to the Nation, Ministry of External Affairs (India), May 15, 2025. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/39498/English_rendering_of_PMs_address_to_the_Nation_May_12_2025 (дата обращения: 22.11.2025).

Ghaznavi (Hatf 3). CSIS. 23.04.2024. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/hatf-3/> (дата обращения: 17.12.2025).

Jaspal Zafar Nawaz. "Full Spectrum Deterrence: Capability and Credibility." Pakistan Politico. 07.06.2018. URL: <https://pakistanpolitico.com/full-spectrum-deterrence-capability-and-credibility/> (дата обращения: 11.07.2025).

Inter Services Public Relations Directorate (Pakistan). Press Release No. PR10/2017-ISPR. 09.01.2017. URL: <https://www.ispr.gov.pk/press-release-detail.php?id=3672> (дата обращения: 10.12.2025).

Kidwai K., Keynote address and discussion session at "South Asian Strategic Stability: Deterrence, Nuclear Weapons and Arms Control" workshop. The International Institute for Strategic Studies. 06.02.2020. URL: <https://www.iiss.org/globalassets/media-library---content--migration/files/events/2020/transcript-of-It-general-kidwais-keynote-address-as-delivered---iiss-ciss-workshop-6feb20.pdf> (дата обращения: 12.07.2025).

Kristensen H, Korda M. Pakistan nuclear weapons, 2023. Bulletin of the Atomic Scientists. Retrieved 10 October 2023. URL: <https://thebulletin.org/premium/2023-09/pakistan-nuclear-weapons-2023/> (дата обращения: 09.12.2025).

Kronstadt K. A. India-Pakistan Conflict in Spring 2025. Congressional Research Service (CRS). 13.05.2025. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IF13000> (дата обращения: 11.12.2025).

New Chinese Missile Silo Fields Discovered. The Arms Control Association. 09.2021. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2021-09/news/new-chinese-missile-silo-fields-discovered> (дата обращения: 19.12.2025).

Nuclear Disarmament China. NTI. 08.02.2024. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/china-nuclear-disarmament/> (дата обращения: 12.12.2025).

Nuclear Threat Initiative, James Martin Center for Nonproliferation Studies at the Middlebury Institute of International Studies at Monterey. 18.03.2024. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/india-nuclear-disarmament/> (дата обращения: 19.11.2025).

Noor S. Did Pakistan Just Overhaul Its Nuclear Doctrine? Science and International Affairs. 19.06.2023. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/did-pakistan-just-overhaul-its-nuclear-doctrine> (дата обращения: 09.12.2025).

Pakistan. Nuclear Threat Initiative (NTI). 23.10.2023. URL: <https://www.nti.org/countries/pakistan/> (дата обращения: 19.12.2025).

Pakistan rejects India's purported closure of the incident of the firing of a supersonic Missile into Pakistani territory on 9 March 2022 and reiterates demand for joint probe. Pakistan Ministry of Foreign Affairs. 24.08.2022. URL: <https://mofa.gov.pk/pakistan-rejects-indias-purported-closure-of-the-incident-of-the-firing-of-a-supersonic-missile-into-pakistani-territory-on-9-march-2022-and-reiterates-demand-for-joint-probe/> (дата обращения: 29.12.2025).

Pillai S. Deterrence by Design: Pakistan's Playbook of Bluff and Influence. Jun 1, 2025. URL: <https://dras.in/deterrence-by-design-pakistans-playbook-of-bluff-and-influence/> (дата обращения: 13.07.2025).

Saalman L. India's no-first-use dilemma: Strategic consistency or ambiguity towards China and Pakistan. Stockholm International Peace Research Institute. 02.12.2020. URL: <https://www.sipri.org/commentary/blog/2020/indias-no-first-use-dilemma-strategic-consistency-or-ambiguity-towards-china-and-pakistan> (дата обращения: 29.10.2025).

Singh S. The Challenge of a Two-Front War: India's China-Pakistan Dilemma. The Stimson Center. 19.04.2021. URL: <https://www.stimson.org/2021/the-challenge-of-a-two-front-war-indias-china-pakistan-dilemma/> (дата обращения: 22.11.2025).

Speech on Defense and Deterrence Strategy, Macron E. École de Guerre. Paris, 07.02.2020. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2020/02/07/speech-of-the-president-of-the-republic-on-the-defense-and-deterrence-strategy> (дата обращения: 15.12.2025).

Vinayak B. Understanding Pakistan's Zero-Range Nuclear Strategy. Centre for Advanced Defence Studies, Rashtriya Raksha University. 18.08.2023. URL: <https://capsindia.org/understanding-pakistans-zero-range-nuclear-strategy/> (дата обращения: 16.12.2025).

МУЛЬТИТРЕКОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ПАПУА-НОВОЙ ГВИНЕИ (АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН).

Часть II

© 2026

Н. Н. Миклухо-Маклай мл.¹

В условиях сложившейся геополитической турбулентности все большее значение начинает приобретать «мультитрековая дипломатия», которую отличает мобильность во взаимодействии с партнерами. Альтернативные инструменты налаживания и поддержания международных связей, использование неофициальных каналов представляют собой важный вклад в практическую дипломатию. В данной работе автор ставит цель через призму «мультитрековой дипломатии» на основе анализа деятельности некоммерческой организации НКО Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая (Фонд им. Миклухо-Маклая) рассмотреть развитие отношений между Россией и Папуа – Новой Гвинеей (ПНГ) на современном этапе. Неофициальная дипломатия, зарекомендовавшая себя в отношениях между нашими странами еще начиная с первых контактов Н.Н. Миклухо-Маклая (1846–1888) в XIX в. и активно практикуемая в наши дни Фондом, демонстрирует ощутимые результаты, что обуславливает актуальность анализа деятельности НКО. В данном исследовании автор анализирует методы, способствующие развитию двусторонних отношений, и этапы взаимодействия некоммерческой организации с российской и папуа-новогвинейской сторонами через созданную независимую инфраструктуру коммуникации. Доказанная эффективность мультитрековой дипломатии в российско-папуа-новогвинейских отношениях (на примере работы НКО, НПО) создает основу для более активного задействования потенциала некоммерческих, неправительственных организаций в решении внешнеполитических задач.

Ключевые слова: мультитрековая дипломатия, неофициальная дипломатия, двусторонние отношения, развивающиеся островные государства, южная часть Тихого океана, страны ЮЧТО, второй трек, Миклухо-Маклай, Сомаре, Дж. Мараре, О’Нил, Папуа – Новая Гвинея, Азиатско-Тихоокеанский регион, Фонд им. Миклухо-Маклая, некоммерческие организации, НКО, НПО

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа-Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 156–174. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-156-174

MULTITRACK DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF RUSSIA’S RELATIONS WITH PAPUA-NEW GUINEA (ASIA-PACIFIC REGION).

Part II

Nickolay N. Miklouho-Maclay jr.

¹ Миклухо-Маклай мл. Николай Николаевич, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Санкт-Петербург; nn@mikluho-maclay.ru

Nickolay N. Miklouho-Maclay jr., PhD (Hist.), Head of the Center for South Pacific Studies, research fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, St. Petersburg; nn@mikluho-maclay.ru
ORCID: 0000-0002-5085-1693.

In the current climate of geopolitical turbulence, “multi-track diplomacy,” which is characterised by flexibility in interactions with partners, is becoming increasingly important. Alternative tools for establishing and maintaining international relations and the use of informal channels make an important contribution to practical diplomacy. In this paper, the author aims to examine the development of relations between Russia and Papua New Guinea through the prism of “multi-track diplomacy” based on an analysis of the activities of the Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage (Miklouho-Maclay Foundation). Informal diplomacy has proven its effectiveness, making it all the more interesting to examine and analyse the activities of NGOs using the example of relations between the Russian Federation and PNG at the present stage within the framework of “multi-track diplomacy”. In this study, the author seeks to examine and analyse the methods used to develop relations between Russia and PNG, describe the infrastructure created and the stages of interaction between the non-profit organisation and the Russian and Papuan New Guinean sides. The proven effectiveness of multitrack diplomacy in Russian-Papua New Guinea relations (as exemplified by the work of NGOs) creates a basis for more active engagement of the potential of non-profit organisations in resolving foreign policy issues.

Keywords: multi-track diplomacy, informal diplomacy, PSIDS (Pacific Small Island Developing States, Miklouho-Maclay, Somare, J. Marape, O'Neill, Papua New Guinea, Asia-Pacific region, Mikluho-Maclay Foundation, non-profit organizations, NGOs

For citation: Miklouho-Maclay N. N. jr. Multitrack Diplomacy in the Context of Russia's Relations with Papua New Guinea (Asia-Pacific Region). Part II. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 156–174. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-156-174

Введение

Исследование автор представляет в двух частях. Первая статья позволила выявить эффективность мультитрековой дипломатии и дать ее определение в контексте рассматриваемых двусторонних отношений между Россией и Папуа — Новой Гвинеей. «В связи с отсутствием общепринятой формулировки “мультитрековая дипломатия” определена как дипломатия, которая включает различные уровни (треки) взаимодействия с официальной дипломатией по направлению культуры, науки, спорта, бизнеса и др. Степень взаимодействия с “первым треком” (официальная дипломатия — межгосударственный уровень) и влияния на официальную повестку определяет название треков: “полуторный”, “второй” и “третий” трек. Отличительной особенностью дипломатии “полуторного”, “второго”, “третьего” трека в контексте деятельности НКО Фонд им. Миклухо-Маклая² является то, что она независима, а ее представители действуют в интересах государства, не являясь официальными лицами» [Миклухо-Маклай, 2025с, с. 210].

Папуа — Новая Гвинея

Независимое Государство Папуа – Новая Гвинея — крупнейшее после Австралии государство в южной части Тихого океана, занимает половину острова Новая Гвинея в восточной его части, а также располагается более чем на 600 близлежащих островах, самые крупные из которых — о-ва Новая Ирландия, Новая Британия и Бугенвиль. Страна граничит с Индонезией, Австралией, Соломоновыми Островами, Новой Каледонией, Федеративными Штатами Микронезии и принадлежит к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Площадь страны составляет 452 860 кв. км (чуть более площади Японии), а длина ее береговой линии — 5 152 км. Что касается населения,

² Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.org/>

то по заявлению премьер-министра Дж. Марапе³, «в настоящее время мы уже превысили 8 миллионов, но есть основания полагать, что мы можем достичь 12 миллионов»⁴. 12,4% населения — городское (1 310 465 человек в 2024 г.), остальные граждане проживают в деревнях⁵.

Официальными языками ПНГ являются английский, ток-писин, хири-моту, но более широко используется ток-писин⁶. Всего в ПНГ насчитывается более 800 языков⁷. Такое обилие языков делает страну самой многоязычной на нашей планете. Преподавание по всей стране как в деревенских школах, так и в университетах осуществляется на английском языке, так же как и документооборот во всех государственных структурах.

Административно ПНГ разделена на 24 провинции, в число которых входит Национальный столичный округ (агломерация г. Порт-Морсби) и Автономный регион Бугенвиль⁸.

ПНГ — конституционная монархия, признающая главой государства английского монарха, представленного генерал-губернатором. Фактическое руководство осуществляет премьер-министр, избираемый парламентом⁹. Действующим премьер-министром ПНГ с 30 мая 2019 г. является Джеймс Марапе, который возглавляет старейшую партию страны — Пангу Пати¹⁰.

Недра ПНГ хранят в себе обширные запасы природного газа, нефти, золота, серебра, никеля и других минеральных ресурсов¹¹.

Страна также экспортирует древесину и сельскохозяйственную продукцию, а прибрежные воды — 200-мильная исключительная экономическая зона, установленная в 1978 г., — богаты рыбными ресурсами, в частности тунцом [Campbell, Owen, 1994, p. 164].

Из истории связей России и ПНГ

История связей России и ПНГ началась благодаря экспедиции на остров Новая Гвинея в 1871 г. Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Выдающийся ученый-путешественник и общественный деятель [Миклухо-Маклай, 2022b, с. 220–237], получил мировое признание как исследователь региона, борец против расизма и угнетения папуасов о-ва Новая Гвинея [Levit, Hossfeld, 2020]. Такие постулаты ученого-гуманиста как расовое равенство, противодействие работорговле и нарушению прав человека колониальными властями сделали дальнейшие отношения между Россией и ПНГ открытыми и доверительными.

³ Hon. James Marape, MP. National Parliament of Papua New Guinea. URL: <https://www.parliament.gov.pg/index.php/tenth-parliament/bio/view/tari-pori-district> (дата обращения: 19.01.2026).

⁴ Population likely closer to 12 million, PNG PM Marape says. URL: <https://pina.com.fj/2024/10/29/population-likely-closer-to-12-million-png-pm-marape-says/> (дата обращения: 16.01.2026). PNG population closer to 12 million: Marape. URL: <https://islandsbusiness.com/breaking-news/png-census/> (дата обращения: 16.01.2026).

⁵ Population likely closer to 12 million, PNG PM Marape says; PNG population closer to 12 million: Marape.

⁶ Blackwood M. All You Need to Know About the Languages of Papua New Guinea. The Word Point. URL: <https://thewordpoint.com/blog/all-you-need-to-know-about-the-languages-of-papua-new-guinea> (дата обращения: 19.01.2026).

⁷ Papua New Guinea's incredible linguistic diversity. The Economist. URL: <https://www.economist.com/the-economist-explains/2017/07/20/papua-new-guineas-incredible-linguistic-diversity> (дата обращения: 10.02.2026).

⁸ About PNG [О ПНГ]. High Commission of the Independent State of Papua New Guinea. Canberra, Australia. URL: <https://pngcanberra.org/about-png/> (дата обращения: 03.02.2026); About Papua New Guinea. Papua New Guinea High Commission. London. URL: <https://www.pnghighcomm.org.uk/about/about-papua-new-guinea/index.html> (дата обращения: 03.02.2026).

⁹ Papua New Guinea country brief. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/papua-new-guinea/papua-new-guinea-country-brief#:~:text=Papua%20New%20Guinea%20is%20a,and%20performs%20mainly%20ceremonial%20functions> (дата обращения: 23.01.2026).

¹⁰ Hon. James Marape, MP. National Parliament of Papua New Guinea.

¹¹ Papua New Guinea — Country Commercial Guide. International Trade Administration. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/papua-new-guinea-minerals-and-energy> (дата обращения: 03.02.2026).

Благодаря российскому ученому жители северо-востока острова (Берега Маклая) впервые познакомились с металлическими орудиями труда, новыми сельскохозяйственными культурами и домашними животными [Миклухо-Маклай, 2022d, с. 20–43]. Такой просветительский подход в отношениях с коренными жителями стал основополагающим при дальнейшем взаимодействии и между двумя государствами.

В унисон гуманистическим идеям Н. Н. Миклухо-Маклая СССР с первых лет своего существования выступал с антиколониальных позиций на международной арене. Советский Союз заявлял о неприемлемости мандатной системы в Лиге Наций, а затем продвигал предложения о предоставлении независимости колониям и подопечным территориям в ООН. В 1960 г. советский представитель внес на 1239-е заседание Совета по опеке проект резолюции о неотъемлемом праве территории Папуа и Новой Гвинеи на самоуправление и получение независимости. Эту позицию СССР сохранял неизменной до момента выхода ПНГ из-под управления Австралии в 1975 г. [Миклухо-Маклай, 2020b, с. 213–249].

СССР, активно продвигая свою идеологию и влияние в период обретения независимости новыми островными государствами, направил в Тихоокеанский регион научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев», что позволило советским ученым провести полевые работы в 1971 и 1977 гг. под эгидой Академии наук СССР. Блестящие специалисты, составившие этнографический отряд экспедиции, выяснили, что память о Н. Н. Миклухо-Маклае жива в устных традициях жителей Берега Маклая, легендах и пантомимах, повествующих о деяниях великого ученого. Живой и непосредственный контакт советских исследователей и папуасов Берега Маклая в 1970-е годы приоткрыл двери для развития дальнейших отношений между странами и позволил вывести их на новый уровень. Немалую роль в создании теплых дружественных связей между странами сыграло личное общение заведующего отделом Южно-Тихоокеанских исследований К. В. Малаховского с будущим членом правительства ПНГ А. М. Кики и премьер-министром М. Сомаре: личные контакты были налажены во время визита советского ученого в ПНГ в ноябре 1974 г., накануне обретения страной суверенитета.

19 мая 1976 г. руководители дипмиссий СССР и ПНГ в Канберре (столице Австралии) подписали совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений¹². В 1976 г. в Москву с официальным визитом прибыл А. М. Кики в должности заместителя премьер-министра, министра иностранных дел и внешней торговли, а также министра обороны ПНГ. 8 июля 1976 г. он посетил Институт востоковедения АН СССР, где тепло встретился с К. В. Малаховским, который способствовал переводу на русский язык и изданию в 1981 г. автобиографической книги А. М. Кики «Десять тысяч лет в одну жизнь», к тому времени уже ставшей мировым бестселлером [Кики, 1981].

В интервью газете «Правда» А. М. Кики сказал: «У нас к вашей стране всегда было доброе отношение. Мы небольшое государство. Мы не стремимся к тому, чтобы влиять на мировую политику. Но выступаем за взаимопонимание и мирное сосуществование стран с различной идеологией, в том числе за сосуществование с вашей страной. Мы могли бы развивать взаимовыгодную торговлю. Советский Союз неизменно и последовательно поддерживал нашу борьбу за независимость, и это мы всегда будем с благодарностью помнить» [Николаев, 1989, с. 53].

В ноябре 1988 г. правительство ПНГ дало согласие на учреждение в столице страны городе Порт-Морсби посольства СССР, которое было официально открыто в марте 1990 г. За время работы посольства отношения между странами продвинулись по ряду направлений: осуществлялись межпарламентские связи, делегационные обмены по линии общественных организаций,

¹² Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между СССР и Папуа — Новой Гвинеей // «Известия». № 119 (18267). URL: <https://istmat.org/node/22448> (дата обращения: 23.01.2026).

предпринимались усилия по налаживанию сотрудничества в области образования и культуры, шли переговоры о возможностях взаимодействия в экономической сфере.

В последующие два десятилетия — с 1980-х по конец 1990-х годов связи между СССР/Россией и ПНГ были пассивными из-за тяжелейших социальных, политических и экономических потрясений в нашей стране. Ввиду распада СССР и сложного переходного периода российской экономики посольство РФ закрылось в 1992 г. С 1995 г. российская сторона представлена в ПНГ чрезвычайным и полномочным послом России в Индонезии и в Независимом Государстве Папуа — Новой Гвинее по совместительству, не находясь фактически на территории ПНГ, поддерживая формальные контакты [Николаев, 1989].

Новый этап официальных отношений

Активизация двусторонних отношений РФ и ПНГ наблюдается с 2010-х годов. На площадке Генассамблеи ООН в Нью-Йорке в рамках основного мероприятия¹³, но как отдельные двусторонние переговоры организованы регулярные встречи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова с высокими представителями развивающихся островных государств южной части Тихого океана (ЮЧТО) или PSIDS (Pacific Small Island Developing States), в которую входит 14 тихоокеанских островных стран, включая ПНГ¹⁴. Цель встреч — развитие двустороннего сотрудничества, обсуждение региональных и глобальных вопросов, а также укрепление позиций малых островных государств на международной арене. Особое внимание уделяется вопросам безопасности, экономического развития и противодействия изменению климата^{15,16}. Уже на 3-й встрече «Россия — ЮЧТО»¹⁷ подписано Совместное коммюнике¹⁸, в котором российская сторона «выражает стремление Российской Федерации и малых островных развивающихся государств Тихого океана продолжить укрепление уз дружбы и сотрудничества. Отмечая, что Российская Федерация назначила послов (включая послов по совместительству) во все малые островные развивающиеся государства Тихого океана, высказан призыв к тем малым островным развивающимся государствам Тихого океана, которые еще это не сделали, назначить своих послов в Российской Федерации»¹⁹. На начало 2026 г. посольства ПНГ в России нет. В области политического взаимодействия наблюдается совпадение

¹³ 66-я сессия (2011–2012 годы) // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/ru/ga/66/> (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁴ Pacific Small Island Developing States (PSIDS) // <https://sdgs.un.org/statements/pacific-small-island-developing-states-psids-11452> (дата обращения: 28.01.2026).

¹⁵ О встрече Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с руководителями и главами внешнеполитических ведомств островных государств южной части Тихого океана // МИД РФ. 23.09.2011. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1609606/ (дата обращения: 23.01.2026).

¹⁶ О встрече Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на полях 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с представителями малых островных стран южной части Тихого океана. 28.09.2024. <https://tass.ru/politika/21981147> (дата обращения: 26.01.2026).

¹⁷ О третьей встрече «Россия — развивающиеся островные государства южной части Тихого океана» // МИД РФ. 28.09.2012. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1630361/ «на полях» 67-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке состоялась третья встреча «Россия — ЮЧТО» (дата обращения: 18.01.2026).

¹⁸ О встрече Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с высокими представителями развивающихся островных государств южной части Тихого океана // МИД РФ. 28.09.2015. https://www.mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1515390/?clid=71faaba7 (дата обращения: 08.02.2026).

¹⁹ Совместное коммюнике Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и представителей малых островных развивающихся государств Тихого океана // МИД РФ. 26.09.2019. С. 1–2. URL: <https://www.mid.ru/upload/iblock/7f9/7f92a1d82a4ca151a49e6caf3f8949f6.pdf> (дата обращения: 23.01.2026).

позиций двух стран по основным глобальным вопросам, включая борьбу с международным терроризмом, изменением климата²⁰.

Новый виток отношений между нашими странами начался на полях Саммита АТЭС-2018 по итогам встречи Дмитрия Медведева (премьер-министр РФ в 2012–2020 гг.) с премьер-министром О’Нилом²¹. Встреча позволила «посмотреть друг другу в глаза» и однозначно понять, что развивать отношения важно и нужно²².

Из истории изучения ПНГ

Современные ученые в рамках организованных проектов Фонда им. Миклухо-Маклая фактически продолжили традиции исследования Берега Маклая, заложенные нашим выдающимся соотечественником Н. Н. Миклухо-Маклаем во второй половине XIX в. и продолженные советскими исследователями в XX в.

В отечественной историографии на начало 2025 г. существуют две научные монографии, посвященные истории, политике и экономике ПНГ. Самая первая работа в этой области, основанная на полевом материале, была опубликована в 1976 г. д. и. н. К. В. Малаховским, возглавлявшим в 1967–1988 гг. отдел Южно-Тихоокеанских исследований Института востоковедения АН СССР (отдел ЮТИ) [Малаховский, 1976]. Спустя 11 лет, в 1989 г., справочную научную работу о социально-политических и экономических процессах в ПНГ, но уже без полевых исследований, опубликовал к. и. н. В. П. Николаев, руководивший отделом ЮТИ с 1988 по 2009 г. [Николаев, 1989]. Еще одним российским ученым, затронувшим тематику ПНГ, стал д. и. н. В. Н. Тимошенко (Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск), который в рамках монографии, посвященной общей ситуации в Южно-Тихоокеанском регионе, кратко обозначил положение дел в ПНГ с середины 1990-х до начала 2000-х годов [Тимошенко, 2009]. Также В. Н. Тимошенко является автором единственной отечественной статьи, посвященной криминальной обстановке в ПНГ [Тимошенко, 2012]. Следует выделить и диссертацию в России/СССР, посвященную экономическому положению ПНГ с 1975 по 1990 г., защищенную М. Б. Куликовским в 1992 г.: «Проблемы социально-экономического развития Папуа — Новой Гвинеи в постколониальный период» [Куликовский, 1992].

Два выдающихся отечественных исследователя — д. и. н. Д. Д. Тумаркин (1928–2019) [Тумаркин, 2018] и его коллега к. и. н. И. В. Чининов (1974–2021) (Институт этнографии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН) лично посещали ПНГ в разные годы [см.: Керимова, Шалыгина, 2021, с. 207–210] и запечатлели в своих научных публикациях культурную и бытовую составляющую жизни коренных жителей Берега Маклая [Миклухо-Маклай, Чининов, 2024, с. 205–221]. Кроме того, стоит отметить работы российского исследователя А. В. Турского, посетившего северо-восток острова Новая Гвинея и подготовившего ряд научных публикаций об изучении наследия Н. Н. Миклухо-Маклая русско- и англоязычными исследователями в 1992–2017 гг. Его труды посвящены также описанию Берега Маклая учеными в период с конца XIX до начала XXI в. [Турской, 2021].

В сентябре 2025 г. к 50-летию независимости ПНГ вышло в свет подготовленное автором статьи богато иллюстрированное издание «Жизнь между двух миров. Папуасы Берега Маклая»

²⁰ О встрече С. В. Лаврова на полях 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Россия — ЮЧТО» 26.09.2019. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/pg/1470637/?TSPD> (дата обращения: 19.01.2026).

²¹ Hon. Peter Charles Paire O'Neill, CMG, MP // National Parliament of Papua New Guinea. URL: <https://www.parliament.gov.pg/index.php/tenth-parliament/bio/view/ialibu-pangia-district> (дата обращения: 19.01.2026).

²² Встреча Дмитрия Медведева с Премьер-министром Папуа — Новой Гвинеи Питером О’Нилом / Правительство России. Новости. 17 ноября 2018. URL: <http://government.ru/news/34747/> (дата обращения: 23.01.2026).

[Миклухо-Маклай, 2025а], в котором проанализированы изменения, произошедшие в стране за последние 150 лет, и даны сотни иллюстраций, представляющих жизнь папуа-новогвинейцев Берега Маклая.

Основные проекты Фонда им. Миклухо-Маклая

В условиях международной нестабильности альтернативные подходы в развитии двусторонних отношений особенно актуальны [Аликберов, Наумкин, 2024, с. 101–120]. Отношения РФ и ПНГ позволяют проследить уникальную историческую закономерность, когда в каждом из трех веков ученые играли существенную роль в выстраивании дружеских связей, способствуя официальной дипломатии [Миклухо-Маклай, 2020а, с. 269–284]. Автор обращает внимание, что организация в первую очередь полевых исследований в ПНГ²³ и популяризация результатов этих исследований в рамках проектов Фонда в России и ПНГ привели к налаживанию контактов в научной и политической сфере в рамках деятельности НКО.

В период с 2017 по 2025 г. были организованы семь научно-исследовательских экспедиций. Целостный подход способствовал возрождению отечественных исследований в регионе. Проведены исследования образа жизни и культуры (хозяйственный уклад, социальная организация, материальная культура, религиозные представления, фольклор, языки, система образования и др.). Изучалось влияние глобализации на современное общество папуа-новогвинейцев, в частности, интернета и гаджетов, которые начали появляться в деревнях, состоялось ознакомление самих коренных жителей с историей Берега Маклая, которая была записана Н. Н. Миклухо-Маклаем еще в XIX в. Осуществлен амбициозный проект по возвращению черепов жителей Берега Маклая. Эти черепа, собранные Н. Н. Миклухо-Маклаем в XIX в. для антропологических исследований, хранились в музее Чау Чак Винг в Сиднее и были возвращены в результате совместной работы автора с австралийским музеем, членами правительства и премьер-министром ПНГ в феврале 2025 г. [Миклухо-Маклай, 2024а, с. 296–313; 2025а; 2025b, с. 281–303].

Фонд им. Миклухо-Маклая, объединяющий экспертные сообщества, занимающиеся в рамках своих компетенций Южно-Тихоокеанским регионом, значительно оживил двусторонние отношения на современном этапе и представил методы взаимодействия через реализацию многочисленных проектов в абсолютно разных, казалось бы, не связанных темах, направленных в результате на развитие двусторонних отношений и укрепление имиджа РФ в регионе. Именно в рамках этого сотрудничества состоялся первый контакт с основателем государства ПНГ М. Сомаре [Миклухо-Маклай, Пале, 2022, с. 278, 279], который специально прибыл на встречу с автором работы на Берег Маклая для организации первого телемоста, соединившего наши страны в 2017 г. Первый премьер-министр страны сделал историческое заявление о том, что Россия — желанный партнер, которого ждут в ПНГ.

На Саммите АТЭС-2018 в Порт-Морсби работа официальной российской делегации проходила в тесном сотрудничестве с экспертами Фонда им. Миклухо-Маклая, прибывшими по инициативе автора для организации ряда культурных мероприятий (ставших в итоге самыми масштабными на форуме²⁴). В рамках АТЭС Фонд подписал меморандумы о сотрудничестве в научной, культурной и деловой сферах. Это позволило активизировать образовательные²⁵, культурные,

²³ URL: <https://mikluho-maclay.org/expeditions/> (дата обращения: 26.02.2026).

²⁴ URL: <https://mikluho-maclay.org/projekts/meropriyatiya-na-ates-2018/> (дата обращения: 23.01.2026).

²⁵ URL: <https://mikluho-maclay.org/v-papua-novoj-gvinee-otkryt-pervyj-kompyuternyj-klass/> (дата обращения: 14.02.2026).

гуманитарные и экономические связи между Россией и ПНГ, развиваемые при участии профильных организаций. Подробнее см.^{26,27,28,29,30}.

В апреле 2019 г. в Москве в МИД РФ состоялась выставка «Россия и Папуа — Новая Гвинея» — культурное событие, организованное Фондом совместно с Министерством иностранных дел РФ и посвященное истории связей между нашими странами. Выставку приветственным словом открыли заместитель министра иностранных дел РФ И. В. Моргулов и Н. Н. Миклухо-Маклай-младший. Заместитель министра отметил: «Я убежден в несомненной пользе таких мероприятий, которые вносят важный вклад в укрепление взаимопонимания между народами. И пользуясь случаем, хотел бы выразить признательность Фонду за подвижническую деятельность по популяризации научных достижений нашего выдающегося соотечественника, а также заверить вас в том, что Министерство иностранных дел готово и далее оказывать поддержку всем вашим инициативам,

²⁶ Дмитрий Медведев принял участие в работе саммита АТЭС, который в этом году состоялся в Папуа — Новой Гвинее // Первый канал. 17.11.2018. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-11-17/355817-dmitriy_medvedev_prinyal_uchastie_v_rabote_sammitya_ates_kotoryy_v_etom_godu_sostoyalsya_v_papua_novoy_gvinee (дата обращения: 14.02.2026); First PNG University Delegation Visits Russia // The National. November 15, 2018. URL: <https://www.thenational.com.pg/first-png-university-delegation-visits-russia/> (дата обращения: 14.02.2026). Россия и Папуа-Новая Гвинея подписали ряд документов о сотрудничестве // РИА Новости. 18.11.2018. URL: <https://ria.ru/20181118/1533022043.html> (дата обращения: 14.02.2026). Россия и Папуа-Новая Гвинея подписали ряд документов о сотрудничестве // News2World. 18.11.2018. URL: <https://news2world.net/obzor-mirovyh-novostej/rossiya-i-papua-novaya-gvineya-podpisali-ryad-dokumentov-o-sotrudnichestve.html> (дата обращения: 18.02.2026);

²⁷ Россия и Папуа — Новая Гвинея подписали ряд документов о сотрудничестве в гуманитарной сфере // RT на русском. 18.11.2018. URL: <https://russian.rt.com/world/news/574345-rossiya-papua-novaya-gvineya> (дата обращения: 16.02.2026).

²⁸ Меморандумы о сотрудничестве с партнерами из Папуа — Новой Гвинеи, Источник НКО «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: <https://mikluho-maclay.org/about/> (дата обращения: 18.02.2026).

²⁹ URL: https://nauka.tass.ru/nauka/21390021?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 14.02.2026).

³⁰ Экспедиция «Миклухо-Маклай XXI век. Берг Маклая» (научно-исследовательская экспедиция) // URL: mikluho-maclay.org/expeditions/ekspediciya-mikluho-maklaj-xxi-vek-bereg-maklaya-2017/ (дата обращения: 16.02.2026). Миклухо-Маклай. XXI век. Ожившая история (международный образовательно-просветительский проект) // URL: <https://mikluho-maclay.org/projekts/project-revived-history/> (дата обращения: 14.02.2026). Делегация из Папуа — Новой Гвинеи // URL: <https://mikluho-maclay.org/projekts/delegaciya-iz-papua-novoj-gvinei/> (дата обращения: 16.02.2026). VII Санкт-Петербургский международный культурный форум (15–17 ноября 2018 года) // URL: <https://mikluho-maclay.ru/vii-sankt-peterburgskij-mezhdunarodnyj-kulturnyj-forum/> (дата обращения: 14.02.2026). Экспедиция «Миклухо-Маклай XXI век. Берг Маклая» (научно-исследовательская экспедиция) // URL: <https://mikluho-maclay.org/expeditions/ekspediciya-mikluho-maklaj-xxi-vek-bereg-maklaya-2019/> (дата обращения: 14.02.2026). Россия и Папуа — Новая Гвинея. Единство в многообразии // URL: <https://mikluho-maclay.org/projekts/rossiya-papua-novaya-gvineya-edinstvo-v-mnogobrazii/> (дата обращения: 17.02.2026). VIII Санкт-Петербургский международный культурный форум // URL: <https://mikluho-maclay.ru/memorandum-o-sotrudnichestve-mezhdu-ro/> (дата обращения: 17.02.2026). Дни российской культуры в Папуа — Новой Гвинее // URL: <https://mikluho-maclay.org/projekts/dni-rossijskoj-kultury-v-papua-novoj-gvinee/> (дата обращения: 14.02.2026). Российский кабинет (представительство в ПНГ) // URL: <https://mikluho-maclay.org/v-papua-novoj-gvinee-otkryli-rossijskij-kabinet/> (дата обращения: 16.02.2026). Дни Папуа — Новой Гвинеи в Санкт-Петербурге // URL: <https://mikluho-maclay.org/projekts/dni-papua-novoj-gvinei-v-sankt-peterburge/> (дата обращения: 16.02.2026). Российские деятели науки и культуры как мировое явление // URL: <https://cse.mikluho-maclay.ru/ru/> (дата обращения: 14.02.2026). Маяк российских достижений // URL: <https://bra.mikluho-maclay.ru/> (дата обращения: 14.02.2026). Россия в регионе Южных морей // URL: <https://mikluho-maclay.org/mezhdunarodnyj-proekt-rossiya-v-regione-yuzhnyh-morej/> (дата обращения: 21.02.2026). Экспедиция Миклухо-Маклая-мл. 2023 г. Папуа — Новая Гвинея (научно-исследовательская экспедиция) // URL: <https://mikluho-maclay.org/expeditions/ekspediciya-maklaya-2023-g-papua-novaya-gvineya/> (дата обращения: 14.02.2026). Экспедиция Миклухо-Маклая-мл. 2023 г. Южное нагорье, Папуа — Новая Гвинея (научно-исследовательская экспедиция) // URL: <https://mikluho-maclay.org/expeditions/ekspediciya-mikluho-maklaya-iyul-avgust-2023-ozero-kutubu-yuzhnoe-nagore-papua-novaya-gvineya/> (дата обращения: 18.02.2026). Экспедиция в Папуа — Новую Гвинею. Коллекция черепов жителей Папуа — Новой Гвинеи вернется на родину (научно-исследовательская экспедиция) // URL: <https://mikluho-maclay.org/expeditions/> (дата обращения: 19.02.2026).

которые нацелены на развитие связей с дружественной Папуа — Новой Гвинеей»^{31,32}. По словам И. В. Моргулова, в последнее время связи РФ и Папуа — Новой Гвинеи активизировались³³.

В 2019 г. для развития экономических отношений были организованы бизнес-встречи в РФ и ПНГ. В апреле 2019 г. в Москве прошла первая бизнес-встреча «Россия — Папуа — Новая Гвинея: перспективы сотрудничества», для ознакомления российского делового сообщества с перспективами экономического взаимодействия с ПНГ, организованная совместно с Минэкономразвития РФ. Этим встречам было уделено пристальное внимание в прессе ПНГ³⁴, с которой активно работала пресс-служба Фонда. На встрече затрагивались вопросы, касающиеся защиты инвестиций и преференций для крупного бизнеса. Обсуждались и визовые проблемы, которые на тот момент были еще не решены. По итогу встречи были определены основные потенциальные направления сотрудничества в области геологоразведки и инвестиций в крупные инфраструктурные проекты в ПНГ³⁵.

Уже в мае 2019 г. в Порт-Морсби была организована вторая встреча. Мероприятие «Russia — Papua New Guinea: perspectives of cooperation»³⁶ прошло успешно при участии российских экспертов, чрезвычайного и полномочного посла РФ Л. Г. Воробьевой и директора Фонда им. Миклухо-Маклая³⁷. В ходе встречи представителей деловых кругов РФ и ПНГ были рассмотрены перспективы российских инвестиций в экономику страны. Мероприятие состоялось по инициативе Фонда им. Миклухо-Маклая при содействии МИД РФ, Торгово-промышленной палаты Порт-Морсби, Банка ВТБ, а также представителей крупного бизнеса обеих стран³⁸.

Одновременно были проведены культурные и выставочные мероприятия, организованные совместно с Университетом ПНГ, которые посетила Л. Г. Воробьева. «История связей РФ и ПНГ, продемонстрированная на выставке, — это хорошая основа для выстраивания доверительных отношений, которые позволяют развивать диалог об экономически выгодных отношениях между странами»³⁹, — отметила г-жа посол.

По итогам бизнес-встречи глава Торгово-промышленной палаты Порт-Морсби Стейси О'Нил отметила, что ПНГ обладает богатыми ресурсами, назвав страну «золотым островом в океане нефти» с исключительным потенциалом, и предложила осуществлять оперативное экономическое взаимодействие между Россией и ПНГ через Фонд им. Миклухо-Маклая. «Мы, конечно,

³¹ О результатах работы ученых 2017–2025 гг. в Папуа–Новой Гвинее. 6 мин. 34 сек. 2019. — Подробнее см. минута 00:56. URL: https://vkvideo.ru/video-133186284_456240316?t=4m29s (дата обращения: 17.02.2026).

³² «Россия — Папуа — Новая Гвинея». Фотовыставка в МИД РФ // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikhohomacalay.ru/fotovystavka-rossiya-papua-novaya-gvineya-v-mid-rf/> (дата обращения: 14.02.2026).

³³ Моргулов заявил, что визит премьер-министра Папуа — Новой Гвинеи в Россию прорабатывается / ТАСС. 04.04.2019. URL: <https://tass.ru/politika/6294956> (дата обращения 16.02.2026); «Россия — Папуа — Новая Гвинея». Фотовыставка в МИД РФ. Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikhohomacalay.ru/fotovystavka-rossiya-papua-novaya-gvineya-v-mid-rf/> (дата обращения: 16.02.2026).

³⁴ URL: <https://postcourier.com.pg/summit-sets-new-direction-development-bilateral-relations-russia-talibov/> (дата обращения: 19.02.2026).

³⁵ «Россия — Папуа — Новая Гвинея: перспективы сотрудничества». Встреча-презентация в Минэкономразвития России // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikhohomacalay.ru/vstrecha-prezentatsiya-rossiya-papua-novaya-gvineyaperspektivy-sotrudnichestva-v-minekonomrazvitiya-rossii/> (дата обращения: 19.02.2026).

³⁶ Russia — Papua New Guinea: perspectives of cooperation. URL: <https://news.pngfacts.com/2019/05/russia-papua-new-guinea-perspectives-of.html> (дата обращения: 24.01.2026).

³⁷ URL: <https://mikhohomacalay.org/rossiya-papua-novaya-gvineya-perspektivy-sotrudnichestva-rech-nikolaya-nikolaevicha-mikhohomacalaya/> (дата обращения: 24.01.2026).

³⁸ Россия рассматривает возможность инвестирования в Папуа — Новую Гвинею // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikhohomacalay.ru/rossiya-rassmatrivaet-vozmozhnostinvestirovaniya-v-papua-novuyu-gvineyu/> (дата обращения: 24.01.2026).

³⁹ Людмила Воробьева, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Индонезии и по совместительству в ПНГ. 6 мин. 34 сек. 2020. Подробнее см. минута 01:39. URL: https://vkvideo.ru/video-133186284_456240316?t=97s (дата обращения: 21.01.2026).

благодарим и рады взаимодействовать с Фондом им. Миклухо-Маклая, который готов активно сотрудничать во всех направлениях»⁴⁰, — добавила С. О'Нил.

12 декабря 2019 г. в Порт-Морсби состоялось торжественное открытие Российского кабинета в Национальной библиотеке и архиве ПНГ, деятельность которого направлена на популяризацию русского языка и культуры, поддержку образовательных программ, развитие культурно-гуманитарного сотрудничества между РФ и ПНГ. Учреждение Российского кабинета осуществлялось согласно поручению правительства РФ 2018 г. по результату встречи премьер-министров РФ и ПНГ на полях саммита АТЭС⁴¹. При открытии Российского кабинета Фонд им. Миклухо-Маклая⁴², обоснованно включенный как исполнитель в поручение правительства, осуществлял активное взаимодействие с Посольством РФ и Фондом «Русский мир». Финансирование фуршета и проезд участников, доставку оборудования к месту события по случаю открытия осуществлял Фонд «Русский мир», а все остальные расходы за счет оперативного привлечения спонсоров взяла на себя НКО. Гибкость в подходе Фонда явила собой пример эффективной работы неправительственной организации во взаимодействии с государством для осуществления проектов во благо национальных интересов.

На церемонии открытия присутствовали почетные гости, в числе которых были члены парламента ПНГ, руководство высших образовательных учреждений ПНГ, директор Фонда им. Миклухо-Маклая Н. Н. Миклухо-Маклай-мл. и, конечно, посол РФ Л. Г. Воробьева, которая неизменно поддерживала инициативы Фонда, что значительно способствовало эффективной работе НКО. Г-жа посол отметила, что создание Российского кабинета — это, безусловно, историческое событие, свидетельствующее о взаимном стремлении народов двух наших стран к укреплению традиционных отношений дружбы. «Рассчитываем, что набранная в последнее время позитивная динамика будет продолжена»⁴³, — резюмировала она. Во время церемонии группа папуановогвинейцев спела российский гимн на хорошем русском языке, показав заинтересованность в работе Российского кабинета, фактически возрождающего деятельность представительства РФ после закрытия посольства в 1992 г., что, безусловно, являлось важным шагом для налаживания всесторонних контактов.

Российский кабинет сразу полюбился жителям столицы ПНГ благодаря ряду международных просветительских проектов, которые знакомили с историей и культурой многонациональной России⁴⁴, переключаясь со схожими вопросами полиэтничной ПНГ⁴⁵, и возможности пройти обучение русскому языку. Два первых проекта Фонда, на которые автор хотел бы обратить особое внимание, — это проект «Дни российской культуры в Папуа — Новой Гвинее»⁴⁶, реализованный при поддержке Российского фонда культуры, с которым у Фонда действует соглашение о стратегическом сотрудничестве в рамках проектов в ПНГ⁴⁷, а также проект «Russia and Papua New Guinea.

⁴⁰ Золотой остров в океане нефти открыт для российского бизнеса // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluhomacalay.ru/zolotoj-ostrov-v-okeane-nefti-otkryt-dlya-rossijskogobiznesa/> (дата обращения: 16.02.2026).

⁴¹ В Папуа — Новой Гвинее состоялось торжественное открытие Российского кабинета // RT на русском. 12.12.2019. URL: <https://russian.rt.com/world/news/697028-gvineya-rossiya-kabinet>; URL: <https://rg.ru/2019/12/15/v-papua-novoj-gvinei-otkrytsia-kabinet-russkogo-izyuka.html> (дата обращения: 16.02.2026).

⁴² Некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками.

⁴³ В Папуа — Новой Гвинее открыли Российский кабинет // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-macalay.ru/v-papuanovoj-gvinee-otkryli-rossijskij-kabinet/> (дата обращения: 18.02.2026).

⁴⁴ URL: <https://mikluho-macalay.org/projekts/dni-rossijskoj-kultury-v-papua-novoj-gvinee/> (дата обращения: 18.02.2026).

⁴⁵ URL: <https://mikluho-macalay.ru/v-papua-novoj-gvinee-otkryli-rossijskij-kabinet/> (дата обращения: 18.02.2026).

⁴⁶ URL: <https://rcfoundation.ru/dayofculture.html> (дата обращения: 18.02.2026).

⁴⁷ URL: <https://rcfoundation.ru/mikluhomacalay.html> (дата обращения: 16.02.2026).

Unity in Diversity»⁴⁸, который состоялся в двух городах — Маданге и Порт-Морсби и был реализован при поддержке Минпросвещения и партнеров Фонда⁴⁹. Проект был представлен на площадках образовательных и библиотечных учреждений городов Порт-Морсби и Маданг. Экспозиция планшетной выставки познакомила папуа-новогвинейских студентов с культурой и историей России, способствовала углублению знаний о стране, а также обеспечила беспрецедентный рост интереса к изучению русского языка, что привлекло более тысячи человек, желающих записаться на курсы, — на что не рассчитывали организаторы, предоставив в рамках проекта только 10 мест⁵⁰.

Цифровизация

Важное направление работы Фонда им. Миклухо-Маклая — это цифровизация данных [См. подробнее: Миклухо-Маклай, 2022е, с. 255–267]. Интернет-ресурсы Фонда хранят архив ценной информации, способствующей сохранению наследия великого ученого-гуманиста и общественного деятеля и представляющей собой уникальный источник о современном состоянии дел и истории связей РФ и ПНГ. В ряду многочисленных работ, сохраненных и представленных в цифровом формате, важно упомянуть подлинную жемчужину — шеститомное собрание сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, которую удалось сохранить для современных исследователей и будущих поколений: материалы, которые могли быть бесследно утеряны, оцифрованы, и с 2020 г. шесть томов доступны для ознакомления на интернет-ресурсах Фонда им. Миклухо-Маклая. И это лишь приведенная в качестве примера малая часть того объема работы, который проделан некоммерческой организацией по цифровизации, способствующей развитию межкультурного диалога и еще большему укреплению связей между РФ и ПНГ [См. подробнее: Миклухо-Маклай, 2022с].

Под эгидой Фонда им. Миклухо-Маклая группой ведущих российских специалистов создан ряд коллективных научных трудов [Россия и Океания. Исследования и путешествия россиян в XIX–XXI вв., 2020; Экспедиции трех веков, 2021], в том числе по результатам научных конференций [Миклухо-Маклай, Пале, Астафьева, 2021, с. 306–321], восполнивших пробелы в отечественном маклаеведении и в истории освоения российскими мореплавателями южной части Тихого океана в начале XIX в., которую не освещают ни школьные и вузовские учебные программы, ни литература.

Масштабный проект по восстановлению 129 русских названий островов Тихого океана, которые нанесли на карты открывшие их российские капитаны и исследователи в первой четверти XIX в. [Миклухо-Маклай, Говор, 2021, с. 204–234], был осуществлен командой Фонда им. Миклухо-Маклая с целью сохранения наследия и популяризации отечественного вклада в изучение Океании⁵¹.

Тематические фотовыставки, проведенные в РФ и в ПНГ; документально-исторические фильмы, посвященные судьбе Н. Н. Миклухо-Маклая, научным экспедициям этого и прошлого веков, а также жителям Папуа-Новой Гвинеи, Берега Маклая в прошлом и настоящем; результаты полевой работы автора данного исследования и многие другие научные, просветительские и образовательные проекты тоже представлены в цифровом виде на сайте и на страницах российских

⁴⁸ URL: <https://mikluho-maclay.ru/en/russia-and-papua-new-guinea-unity-in-diversity/> (дата обращения: 14.02.2026). Подробнее: <https://mikluho-maclay.org/projekts/rossiya-papua-novaya-gvineya-edinstvo-v-mnogoobrazii/> (дата обращения: 14.02.2026).

⁴⁹ Единство в многообразии. Российская культура близка папуа-новогвинейцам // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/edinstvo-v-mnogoobrazii-rossijskayakultura-blizka-papua-novogvinejtsam> (дата обращения: 16.02.2026).

⁵⁰ Книга отзывов. Октябрь-декабрь 2019 г. // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/kniga-otzivov/> (дата обращения: 16.02.2026).

⁵¹ Russian Geographical Names: a history of discoveries. URL: <https://oceania.mikluho-maclay.ru/en/> (дата обращения: 19.01.2026).

и зарубежных социальных сетей Фонда им. Миклухо-Маклая, обеспечивая широчайший охват аудитории⁵². В 2025 г. в рамках проводимого в столице ПНГ музейно-выставочного проекта «Ван Бел», приуроченного к 50-летию независимости Папуа — Новой Гвинеи, Фонд им. Миклухо-Маклая представил обновленный онлайн-ресурс «Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая 2.0», подготовленный при экспертном участии российских ученых Института востоковедения РАН на русском и английском языках⁵³.

Электронные визы для россиян

После закрытия посольства РФ в 1992 г. посещать ПНГ россиянам было затруднительно. Для получения визы гражданин России должен был специально отправиться в одну из европейских стран, в Индонезию или Австралию и только там мог подать документы на визу в посольстве ПНГ без гарантии ее получения. Такой непростой путь объясняет почти полное отсутствие россиян в ПНГ, а учитывая тот факт, что добираться от Москвы до Порт-Морсби нужно в течение 1,5–2 дней на двух-трех самолетах, учитывая пересадки, становится понятно, что мало кто готов был отправиться в путешествие, не будучи уверенным, что сможет получить визу.

В ходе экспедиции 2017 г. ученые столкнулись с организационными трудностями: из-за проблем с оформлением необходимых документов пришлось провести несколько дней в аэропорту. Решение данного вопроса являлось необходимым условием для укрепления двусторонних отношений и стимулирования развития туризма. Несмотря на неоднократное рассмотрение вопроса по официальным каналам, его реализация не продвигалась. Прорыв был достигнут благодаря неформальным переговорам директора Фонда им. Миклухо-Маклая с премьер-министром Питером О'Нилом при содействии Майкла Сомаре и участии общественного деятеля, бывшего министра здравоохранения Питера Бартера. В результате миграционная служба ПНГ внедрила онлайн-формат для выдачи виз гражданам РФ, исключая необходимость посещения посольства⁵⁴.

В наши дни даже в период нестабильной международной обстановки россияне — желанные гости в ПНГ, что позволяет им беспрепятственно посещать ее. При этом Фонд им. Миклухо-Маклая оказывает консультационную и визовую поддержку, находясь в тесной коммуникации с миграционной службой ПНГ до настоящего времени [Миклухо-Маклай, 2024а, с. 296–313].

Контакты с первыми лицами ПНГ

Руководитель Фонда им. Миклухо-Маклая уже много лет поддерживает тот мост доверия, который был создан Николаем Миклухо-Маклаем и его последователями. Встречи с первыми лицами дружественной Папуа — Новой Гвинеи в рамках визитов директора Фонда можно назвать традиционными. Так, в 2017 году состоялась первая встреча с основателем и первым премьер-министром ПНГ Майклом Сомаре. Впоследствии контакты поддерживались с премьер-министром Питером О'Нилом, в наши дни — с действующим премьер-министром Дж. Марале.

⁵² Foundation's projects. URL: <https://mikluho-maclay.org/en/foundations-projects/> (дата обращения: 20.01.2026).

⁵³ Онлайн Музей Н. Н. Миклухо-Маклая. Макет Берега Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.online/exhibit/comp20/> (дата обращения: 21.01.2026); Папуа — Новая Гвинея. 50 лет независимости! // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.org/png-50-let-nezavisimosti/> (дата обращения: 21.01.2026).

⁵⁴ Туристическая виза в Папуа — Новую Гвинею теперь доступна для всех россиян. URL: <https://mikluho-maclay.ru/vizy-v-png-dlya-rossiyan-stali-elektronnymi/> (дата обращения: 19.02.2026).

30 мая 2019 г. Дж. Марапе стал восьмым премьер-министром ПНГ⁵⁵. Несмотря на то, что он лично не получал приглашения посетить Россию, уже после переговоров с Николаем Миклухо-Маклаем-мл⁵⁶. офис премьер министра Дж. Марапе направил письмо на имя главы правительства РФ, а также ноту через внешнеполитическое ведомство ПНГ о преемственности и готовности визита для развития диалога, к которому он открыт и в наши дни [Миклухо-Маклай, 2020с, с. 450–461].

Проблемы всемирного локдауна во время эпидемии COVID-19 перенесли формат встреч в дистанционный формат. 12 октября 2021 г. Дж. Марапе в своей речи в период празднования 175-летия Н. Н. Миклухо-Маклая и 45-летия дипломатических отношений с Россией отметил, что на самом деле «история отношений между странами насчитывает многим больше 45 лет», и эта история, по его словам, началась «в 1870–1880-х годах на северо-восточном побережье Новой Гвинеи (ныне провинция Маданг, Берег Маклая/Rai Coast), когда состоялись экспедиции выдающегося российского ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая, которые стали важной вехой в истории дружественных отношений России и Папуа — Новой Гвинеи⁵⁷. Он также подчеркнул, что «Папуа — Новая Гвинея открыта для плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами мира и, конечно, с Россией. Я приглашаю к обсуждению направлений сотрудничества и готов заверить в поддержке инициатив со стороны российских компаний»⁵⁸.

В результате контактов с губернатором провинции Маданг в августе 2023 г. было направлено официальное приглашение о побратимстве от губернатора г. Маданг Р. Парива губернатору Санкт-Петербурга А. Беглову, при этом для осуществления эффективного взаимодействия папуа-новогвинейской стороной «как важный представитель России для нашего народа в Маданге и Папуа — Новой Гвинее» был приглашен руководитель Фонда им. Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай, 2023, с. 250].

В нестабильной международной обстановке ПНГ продолжает придерживаться позиции открытости к диалогу и в современных геополитических условиях демонстрирует готовность и заинтересованность в сотрудничестве по направлению культурных, медицинских, гуманитарных, образовательных и экономических проектов [Миклухо-Маклай, 2021, с. 203–219]. На встрече в октябре 2025 г. помимо обсуждения научных и культурных проектов Николай Миклухо-Маклай-мл. провел переговоры о возможном представлении ПНГ совместно с Фондом им. Миклухо-Маклая на международном экономическом форуме в 2026 г. в Санкт-Петербурге (ПМЭФ). На этом форуме может быть представлен, в частности, ряд проектов по добыче полезных ископаемых^{59,60,61}.

⁵⁵ Hon. James Marape, MP // National Parliament of Papua New Guinea. URL: <https://www.parliament.gov.pg/index.php/tenth-parliament/bio/view/tari-pori-district> (дата обращения: 19.02.2026).

⁵⁶ Встреча Премьер-министра Папуа — Новой Гвинеи Джейса Марапе с Николаем Миклухо-Маклаем // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.org/post-rossiya-i-papua-novaya-gvineya-edinstvo-v-mnogoobrazii/> (дата обращения: 16.02.2026).

⁵⁷ Обращение Премьер-министра Папуа — Новой Гвинеи Джеймса Марапе к участникам форума «Берег Маклая» // Фонд им. Миклухо-Маклая (Rutube). 15.10.2021. URL: <https://rutube.ru/video/0a722784e4d6e299dca3f29950ad580f/> (дата обращения: 18.02.2026).

⁵⁸ Видеообращение Премьер-министра Папуа — Новой Гвинеи Джеймса Марапе к участникам форума «Берег Маклая». 4 мин. 55 сек. 2021. — Подробнее см. минута 00:10. URL: <https://rutube.ru/video/0a722784e4d6e299dca3f29950ad580f/> (дата обращения: 18.02.2026).

⁵⁹ Папуа — Новая Гвинея заинтересована в работе российских компаний в стране // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20104641> (дата обращения: 04.02.2026).

⁶⁰ Папуа — Новая Гвинея заключила соглашение о сотрудничестве с Фондом Росконгресс // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21030425/amp> (дата обращения: 04.02.2026).

⁶¹ Университеты Папуа — Новой Гвинеи хотели бы сотрудничать с российскими вузами // Газета.Ру. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/06/12/26022140.shtml> (дата обращения: 04.02.2026).

Независимая инфраструктура

Используемая система взаимодействия и коммуникации в рамках мультитрековой дипломатии с российской и папуа-новогвинейской сторонами, в которой некоммерческая организация является инициатором, позволяет выделить:

а) Ассоциацию исследователей Южно-Тихоокеанского региона, созданную по инициативе ученых и общественных деятелей, которая ведет работу на базе Фонда им. Миклухо-Маклая и Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН⁶². Она объединяет российских и зарубежных специалистов для консолидации и координации деятельности по изучению Южно-Тихоокеанского региона (Австралии и Океании)⁶³;

б) академический Центр изучения Южно-Тихоокеанского региона ИВ РАН⁶⁴, возрождение которого в 2021 г. позволило сфокусировать академические исследования в направлении ПНГ и объединить исследователей;

в) интернет-ресурсы на английском и русском языках — пять сайтов для взаимодействия в научной и культурной сфере, укрепляющие имидж России за рубежом⁶⁵;

г) пресс-службу Фонда им. Миклухо-Маклая⁶⁶, которая позволяет представлять выверенную информацию для российских и зарубежных СМИ (не менее двух тысяч публикаций с 2017 г.), осуществлять регулярную обратную связь через адресную рассылку политическим и общественным деятелям, исследователям РФ и ПНГ. Практика работы со СМИ, которой уделяет серьезное внимание официальная дипломатия, на примере рассматриваемой деятельности НКО в ПНГ показала, что работа особенно эффективна на втором треке, когда взаимное доверие и неофициальный подход приводят к позитивным результатам через публикацию достоверной информации, способствуя позитивному образу обеих стран в информационном пространстве.

Заключение

История связей между ПНГ и РФ представляет во многом отношения, где повестка культурных и научных проектов стоит на одном из первых мест. В период «новой международной», несмотря на то, что ПНГ находится под естественным влиянием западных партнеров, не заинтересованных в активизации России в регионе, готовность к сотрудничеству сохраняется на высоком уровне. Проведенный анализ деятельности НКО в контексте современных двусторонних отношений подтверждает высокую эффективность методов мультитрековой дипломатии в развитии двусторонних связей. В рамках модели мультитрековой дипломатии НКО продемонстрировала способность

⁶² Институт востоковедения РАН. URL: <https://www.ivran.ru/> (дата обращения: 19.01.2026).

⁶³ Ассоциация исследователей Южно-Тихоокеанского региона. URL: <https://association.southpacificworld.org/> (дата обращения: 14.02.2026).

⁶⁴ Центр изучения Южно-Тихоокеанского региона Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании «Института востоковедения РАН» URL: <https://www.ivran.ru/sea-center> (дата обращения: 14.02.2026).

⁶⁵ Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.org/> (дата обращения: 24.02.2026). Маяк российских достижений. URL: <https://bra.mikluho-maclay.ru/> (дата обращения: 14.02.2026). Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая. URL: <https://expedition.mikluho-maclay.ru/> (дата обращения: 18.02.2026). Русские географические названия: история открытий. URL: <https://oceania.mikluho-maclay.ru/> (дата обращения: 14.02.2026). Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.online/> (дата обращения: 21.01.2026). Российские деятели науки и культуры как мировое явление. URL: <https://cse.mikluho-maclay.ru/ru/> (дата обращения: 21.01.2026).

⁶⁶ СМИ Фонд им. Миклухо-Маклая 2017–2025 URL: https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2025/02/osnovnye_smi_o_deyatelnosti_fonda_im_mikluho_maklaya_2017_2024_gg.pdf (дата обращения: 21.02.2026); <https://mikluho-maclay.org/smi-aboutus/> (дата обращения: 21.02.2026).

обеспечить устойчивые каналы информационного обмена, построенные на взаимном доверии. Это в свою очередь создает благоприятные условия для продуктивного диалога и способствует оптимизации официального взаимодействия государств и планирования внешнеполитических стратегических программ государства, которые неразрывно связаны с коммуникациями дипломатов с экспертным сообществом в процессе выработки Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждаемой главой государства⁶⁷.

Стоит подчеркнуть значимость и в конечном итоге высокую окупаемость инвестиций в культурно-образовательные стратегии на международном уровне. Такие стратегии, безусловно, наиболее выгодны в долгосрочной перспективе, поскольку благоприятствуют установлению прочных дружественных отношений между различными международными субъектами, способствуя развитию экономических связей. В результате исследования установлено, что некоммерческие организации выступают важным ресурсом поддержания и развития межгосударственных отношений, особенно в ситуации, когда традиционные формальные институты демонстрируют ограниченную эффективность (отсутствие посольства в стране).

Полученные результаты обладают существенной практической значимостью и позволяют определить перспективные направления для их применения: это разработка целевых стратегий взаимодействия Российской Федерации и Папуа — Новой Гвинеи; разработка программ по взаимодействию независимых НКО (НПО) и государственных институтов на международной арене; создание специализированных образовательных программ в области истории внешней политики, а также изучения мультитрековой дипломатии как комплексного инструмента влияния через неформальные каналы; внедрение рекомендаций для профильных ведомств РФ для совершенствования текущей дипломатической практики и повышения ее результативности.

Автор выражает надежду, что анализ опыта работы НКО в ПНГ позволит дипломатам более активно использовать ресурсы неправительственных некоммерческих организаций для повышения эффективности в решении внешнеполитических вопросов во благо устойчивого мира и процветания нашего Отечества.

Литература / Reference

Аликберов А. К., Наумкин В. В. Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН. *Вестник МГИМО-Университета*. 2024. Т. 17. № 4. С. 101–120 [Alikberov A. K., Naumkin V. V. Track two diplomacy in the format of situational analysis: the experience of the Institute of Oriental Studies RAS. *Journal of MGIMO University*. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 101–120 (in Russian)].

Керимова М., Шалыгина Н. Чининов Игорь Викторович (05.11.1974–19.06.2021). *Этнографическое обозрение*. 2021. № 6. С. 207–210 [Kerimova M., Shalygina N. Chininov Igor Viktorovich (05.11.1974–06/19/2021). *Etnograficheskoe obozrenie*. 2021. No. 6. Pp. 207–210 (in Russian)]. URL: <http://ras.jes.su/ethnorev/s086954150017956-1-1>

Кики, Альберт Маори. *Десять тысяч лет в одну жизнь*. Пер. с англ. Послел. И. М. Меликсетовой. М.: Наука, 1981. 160 с. [Kiki, A. M. *Ten thousand years in a lifetime*. Translated from English. Afterword by I. M. Meliksetova. M.: Nauka, 1981. 160 p. (in Russian)].

⁶⁷ Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»: принят Президентом Российской Федерации 31 марта 2023 г. М., 2023. 43 с.; Указ Президента Российской Федерации № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»: принят Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г. М., 2016. 38 с.

Кругосветные путешествия и экспедиции из Петербурга в XVIII–XXI вв. К 220-летию первого кругосветного путешествия из России. Отв. ред. Е. М. Астафьева, Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: ИВ РАН, 2024 [*Circumnavigation of the world and expeditions from St. Petersburg in the 18–21 centuries. To the 220th anniversary of the first circumnavigation of the world from Russia* (ed. by E. M. Astafyeva, N. N. Miklouho-Maklay). M.: IV RAS, 2024 (in Russian)].

Куликовский М. Б. *Проблемы социально-экономического развития Папуа — Новой Гвинеи в послеколониальный период.* Автореф. дисс. М.: ИВ РАН, 1992 [Kulikovskiy M. B. *Problems of socio-economic development of Papua New Guinea in the post-colonial period.* The abstract diss. M.: IV RAS, 1992 (in Russian)]. URL: <https://economy-lib.com/disser/434746/a/#?page=1>

Малаховский К. В. *Остров райских птиц. История Папуа — Новой Гвинеи.* М.: Наука, 1976 [Malakhovskiy K. V. *Island of birds of Paradise. The History of Papua New Guinea.* M.: Nauka, 1976 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. *Путешествие на Берег Маклая.* СПб.: Наука, 2018. 81 с. [Miklouho-Maklay N. N. *Journey to the Shore of Maklay.* St. Petersburg: Nauka, 2018. 81 p. (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Возрождение российских научных исследований в Папуа — Новой Гвинее в начале XXI в. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2020а. Т. I. № 1(46). С. 269–284 [Miklouho-Maklay N. N. The revival of Russian scientific research in Papua New Guinea at the beginning of the 21st century. *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2020a. Vol. 1. No. 1 (46). Pp. 269–284 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Из истории двусторонних отношений России и Папуа — Новой Гвинеи. *Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем Глава 7.* Отв. ред.-сост. Д. С. Панарина. М.: ИВ РАН, 2020b. С. 213–249 [Miklouho-Maklay N. N. From the history of bilateral relations between Russia and Papua New Guinea. *The South Pacific region in the past and present. Chapter 7.* Ed.-comp. D. S. Panarin. M.: IV RAS, 2020b. Pp. 213–249 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Россия и Папуа — Новая Гвинея в свете новой политики островного государства — перспективы сотрудничества. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2020с. Т. I. № 1(46). С. 450–461 [Miklouho-Maklay N. N. Russia and Papua New Guinea in the light of the island state's new policy — prospects for cooperation. *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2020c. Vol. 1. No. 1(46). Pp. 450–461 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Обзор экономического и политического положения Папуа — Новой Гвинеи в период COVID-19 в 2021 г. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2021. Т. III. № 3(52). С. 203–219 [Miklouho-Maklay N. N. Review of the economic and political situation of Papua New Guinea during COVID-19 in 2021. *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2021. Vol. 3. No. 3 (52). Pp. 203–219 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Актуальность и перспективы сотрудничества в научной и гуманитарной сфере на примере проектов фонда им. Миклухо-Маклая. *Россия в регионе Южных морей: Сборник материалов международных научно-практических онлайн конференций.* М., 2022а. С. 142–157 [Miklouho-Maklay N. N. Relevance and prospects of cooperation in scientific and humanitarian spheres on the example of the Miklouho-Maklay Foundation's projects. *Russia in the South Seas region: A collection of materials from international scientific and practical online conferences.* M., 2022a. Pp. 142–157 (in Russian)]. URL: <https://book.ivran.ru/f/rossiya-v-regione-yum-2022-1.pdf> (дата обращения: 22.01.2026).

Миклухо-Маклай Н. Н. О роли личности в истории: Н. Н. Миклухо-Маклай. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2022b. № 1. С. 220–237 [Miklouho-Maklay N. N. On the role of personality in history: N. N. Miklouho-Maklay. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.* 2022b. No. 1. Pp. 220–237 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Роль цифровых технологий в укреплении связей России и Папуа — Новой Гвинеи. *Digital Orientalia.* 2022с. Т. II. № 1–2 [Miklouho-Maklay N. N. The role of digital technologies in strengthening ties between Russia and Papua New Guinea // *Digital Orientalia.* 2022c. Vol. 2. No. 1–2 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Сохранение историко-культурного наследия и исторической памяти как инструмент развития научных, образовательных и международных проектов. *Восточный курьер*. 2022d. Вып. 1. С. 20–43 [Miklouho-Maklay N. N. Preservation of historical and cultural heritage and historical memory as a tool for the development of scientific, educational and international projects. *Vostochny Courier*. 2022d. Issue 1. Pp. 20–43 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Цифровизация и ее методы для сохранения и обеспечения преемственности научных традиций. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022e. Т. II. № 2(55). С. 255–267 [Miklouho-Maklay N. N. Digitalization and its methods for preserving and ensuring the continuity of scientific traditions. *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2022e. Vol. 2. No. 2 (55). Pp. 255–267 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. История флагов Маданга (Папуа — Новая Гвинея). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. Т. IV. № 3 (60). С. 250 [Miklouho-Maklay N. N. The history of flags of Madang (Papua New Guinea) *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2023. Vol. 4. No. 3 (60). P. 250 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Культурно-исторические связи России и Папуа — Новой Гвинеи как пример эффективности мягкой силы. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2024a. Т. II. № 2(63). С. 296–313 [Miklouho-Maklay N. N. Cultural and historical ties between Russia and Papua New Guinea as an example of the effectiveness of soft power. *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2024. Vol. 2. No. 2 (63). Pp. 296–313 (in Russian)].

Миклухо-Маклай-мл. Н. Н. *Жизнь между двух миров. Папуасы Берега Маклая* / Ин-т востоковедения Росс. акад. наук [отв. ред. Д. М. Бондаренко]. М.: ИВ РАН, 2025a. 360 с. [Miklouho-Maklay-Jr. N. N. *Life between two worlds. Papuans of the Maklay Coast*. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences [ed. by D. M. Bondarenko]. M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2025a. 360 p. (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Черепа папуасов Берега Маклая, история возвращения на родину. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2025b. Т. 1. No 1 (66). С. 281–303 [Miklouho-Maklay N. N. The skulls of the Papuans of the Maklay Coast, the history of homecoming *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2025b. Vol. 1. No. 1 (66). Pp. 281–303 (in Russian)].

Миклухо-Маклай-мл. Н. Н. Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа — Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025c. № 4. С. 203–213 [Miklouho-Maklay, Jr. N. N. Multitrack diplomacy in the context of relations between Russia and Papua New Guinea (Asia-Pacific region). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025c. No. 4. Pp. 203–213. DOI: 10.31696/2618–7302–2025–4–203–213 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н., Говор Е. В. Первые шаги к созданию Атласа мира русских названий. *Российское цивилизационное наследие: русские топонимы в южной части Тихого океана. Глава 10*. Отв. ред. и сост.: Е. М. Астафьева, С. Е. Пале. М.: ИВ РАН, 2021. С. 204–234 [Miklouho-Maklay N. N., Govor E. V. Russian Russian Civilizational Heritage: Russian Toponyms in the South Pacific Ocean. *The first steps towards creating an Atlas of the World of Russian Names. Chapter 10*. Ed. and comp.: E. M. Astafyeva, S. E. Pale. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2021. Pp. 204–234 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н., Пале С. Е. В память о большом друге России и «отце нации» Папуа — Новой Гвинеи Майкле Сомаре. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Т. III. № 3 (56). С. 269–282 [Miklouho-Maklay N. N., Pale S. E. In memory of a great friend of Russia and the “father of the nation” of Papua New Guinea, Michael Somare. *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2022. Vol. 3. No. 3 (56). Pp. 269–282 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Пале С. Е., Астафьева Е. М. «Маяк российских достижений» — 2021. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. Т. IV. № 4(53). С. 306–321 [Miklouho-Maklay N. N. Pale S. E., Astafyeva E. M. “The Lighthouse of Russian achievements” — 2021. *Jugo-Vostochnaia Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2021. Vol. 4. No. 4 (53). Pp. 306–321 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н.Н., Чининов И. В. Культурные традиции моту через призму столетий: жизнь между двух миров (о-в Новая Гвинея). *Этнографическое обозрение*. 2024b. № 4. С 205–221 [Miklouho-Maklay N.N., Chininov I. V. Cultural traditions of Motu through the prism of centuries: life between two worlds (New Guinea Island). *Etnograficheskoe obozrenie*. 2024b. No. 4. Pp. 205–221 (in Russian)].

Николаев В. П. *Папуа — Новая Гвинея. Сер. «У политической карты мира»*. № 11. М.: Знание, 1989 [Nikolaev V. P. *Papua New Guinea. Ser. "At the political map of the world"*. No. 11. Moscow: Znanie, 1989 (in Russian)].

Об истории двусторонних отношений Российской Федерации и Папуа — Новой Гвинеи. *Сборник материалов Международного симпозиума «Россия и Папуа — Новая Гвинея» (доклады)*. Сост.: Е. А. Канаев, Н. Н. Миклухо-Маклай, Е. М. Астафьева, А. А. Гарин. М.: ИВ РАН, 2021 [On the history of bilateral relations between the Russian Federation and Papua New Guinea. *Proceedings of the International Symposium "Russia and Papua New Guinea" (reports)*. Comp.: E. A. Kanaev, N. N. Miklouho-Maklay, E. M. Astafyeva, A. A. Garin. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2021 (in Russian)].

Российское цивилизационное наследие: русские топонимы в южной части Тихого океана. Отв. ред. и сост.: Е. М. Астафьева, С. Е. Пале. М.: ИВ РАН, 2021. С. 204–234 [Russian Civilizational Heritage: Russian toponyms in the South Pacific Ocean. Ed. and comp.: E. M. Astafyeva, S. E. Pale. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2021. Pp. 204–234 (in Russian)].

Россия в регионе Южных морей: Сборник материалов международных научно-практических онлайн конференций «Практика сохранения историко-культурного и научного наследия». Ин-т востоковедения РАН, Центр изучения ЮТР Центра ЮВА, Австралии и Океании. Сост. Е. М. Астафьева, Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: ИВ РАН, 2022. С. 2–3 [Russia in the South Seas region: A collection of materials from international scientific and practical online conferences "The Practice of preserving historical, cultural and scientific heritage". Institute of Oriental Studies RAS, Center for the Study of Southern Asia, Australia and Oceania. Comp. E. M. Astafyeva, N. N. Miklouho-Maklay. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2022. Pp. 2–3 (in Russian)]. URL: <https://book.ivran.ru/f/grossiya-v-regione-yum-2022-1.pdf> (дата обращения: 22.01.2026).

Россия и Океания. Исследования и путешествия россиян в XIX–XXI вв. Фонд им. Миклухо-Маклая, Институт востоковедения РАН. Отв. ред.: Миклухо-Маклай Н.Н. СПб., 2020. С. 64–74 [Russia and Oceania. Research and travel of Russians in the 19–21st centuries. Foundation named after Miklouho-Maklay, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Ed.: Miklouho-Maklay N.N. SPb., 2020. Pp. 64–74 (in Russian)].

Тимошенко В. Н. *Рэкол-банды или новые «Генералы песчаных карьеров»*. Центр изучения международных отношений в АТР. 04.02.2012 [Timoshenko V. N. *Raskol-gangs or new "Generals of sand pits"*. Center for the Study of International Relations in the Asia-Pacific Region. 04.02.2012 (in Russian)]. URL: <https://ru.apircenter.org/archives/175>

Тимошенко В. Н. *Южно-Тихоокеанский регион на пороге XXI века: проблемы внешней политики и безопасности*. М.; Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2009 [Timoshenko V. N. *The South Pacific region on the threshold of the 21st century: problems of foreign policy and security*. Moscow; Khabarovsk: Publishing House of DVGGU, 2009 (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. «О тамо, кайе!» Воспоминания и размышления ученого-путешественника. М.: Наука; Восточная литература, 2018. 783 с. [Tumarkin D. D. *«Ob tamo, kaye!» Memoirs and reflections of a travel scientist*. Moscow: Nauka; Oriental Literature, 2018. 783 p. (in Russian)].

Туторский А. В. *Берег Маклая в дневниках и записках этнографов*. СПб.: Издательство Алетейя, 2021. 358 с. (Труды исторического факультета МГУ) [Tutorsky A. V. *The coast of Maklay in the diaries and notes of ethnographers*. St. Petersburg: Alethea Publishing House, 2021. 358 p. (Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University) (in Russian)].

Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая. Институт востоковедения РАН, Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. Отв. ред.: Миклухо-Маклай Н.Н. СПб., 2021. 112 с. [*Expeditions of three centuries. Following in the footsteps of Miklouho-Maclay.* The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage named after Miklouho-Maclay. Ed.: Miklouho-Maclay N.N. SPb., 2021. 112 p. (in Russian)].

Blackwood M. All You Need to Know About the Languages of Papua New Guinea. *The Word Point*. URL: <https://thewordpoint.com/blog/all-you-need-to-know-about-the-languages-of-papua-new-guinea> (дата обращения: 22.01.2026).

Campbell H. F., Owen A. D., ed. *The Economics of Papua New Guinea's Tuna Fisheries*. ACIAR Monograph. 1994. 28. P. 164. URL: https://www.aciar.gov.au/sites/default/files/legacy/node/2148/mn28_pdf_15938.pdf (дата обращения: 25.01.2026).

Levit G. S., Hossfeld U. Ernst Haeckel, Nikolai Miklucho-Maclay and the racial controversy over the Papuans. *Front Zool.* 17, 16 (2020). <https://doi.org/10.1186/s12983-020-00358-w>. URL: <https://frontiersinzoology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12983-020-00358-w> (дата обращения: 25.01.2026).

Miklouho-Maclay N. *Journey to the Maclay Coast*. The University of Papua New Guinea, Port-Moresby, Papua New Guinea, 2018. 80 p.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-175-185

**ОБЗОР
ТРЕТЬЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОСТОКОВЕДНЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ Д. Д. ВАСИЛЬЕВА»
(13–14 октября 2025 г.)**

**А. Д. Васильев, О. М. Курникова,
Н. К. Чарьева, Д. З. Шарьяфетдинова¹**

© 2026

В настоящей статье представлен обзор Третьей международной научной конференции «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева». Форум состоялся в смешанном формате 13–14 октября 2025 г. на базе Института востоковедения РАН (Москва). Организатор — Отдел истории Востока. Стартовав в 2021 году, данная конференция проходит регулярно — каждые два года и является площадкой для дискуссии специалистов, занимающихся изучением эпиграфики стран Азии, Африки и Латинской Америки. Ученые из разных регионов смогли обменяться знаниями, представить результаты своих исследований и обсудить актуальные вопросы в области эпиграфики. Участие в мероприятии приняли специалисты из России, КНР, Грузии, Туркменистана, Кыргызстана и Ливана. Россия на конференции была представлена экспертами из многочисленных регионов и городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Астрахани, Волгограда, Республики Бурятия (Улан-Удэ), Республики Дагестан (Махачкала), Республики Марий Эл и др. За два дня работы конференции было заслушано свыше 50 докладов российских и иностранных ученых, что отражает продолжающийся и не спадающий интерес к предложенной на конференциях тематике. Пять секций, сгруппированных по тематической, региональной и временной близости, представили следующие направления исследований: «Древнетюркская эпиграфика», «Эпиграфика Крыма, Кавказа, Поволжья и Средней Азии», «Эпиграфика Восточной и Южной Азии», «Ближневосточная эпиграфика», «Эпиграфика

¹ Васильев Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. Vasilyev, DSc (Hist.), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2947-4413

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.kurnikova@ivran.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; o.kurnikova@ivran.ru

ORCID: 0000-0001-9593-8912

Чарьева Наталья Какабалиевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; charyeva.n@inbox.ru

Natalia K. Charyeva, PhD (Hist.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; charyeva.n@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-3057-4713

Шарьяфетдинова Диана Зуфьяровна, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; dnshr@mail.ru

Diana Z. Shariafetdinova, Research Assistant, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dnshr@mail.ru

ORCID: 0009-0009-7600-0879

Мезоамерики». Доклады участников продемонстрировали обширный диапазон изучаемых вопросов эпиграфических изысканий и вызвали продолжительные дискуссии и живой интерес.

Ключевые слова: эпиграфика Востока, востоковедение, тюркология, эпиграфические памятники

Для цитирования: Васильев А. Д., Курникова О. М., Чарыева Н. К., Шаряфетдинова Д. З. Обзор Третьей международной научной конференции «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева» (13–14 октября 2025 г.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 175–185. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-175-185

OVERVIEW.

THIRD INTERNATIONAL CONFERENCE “ORIENTAL EPIGRAPHIC READINGS IN MEMORIAM OF DMITRY D. VASILYEV”, (OCTOBER 13–14, 2025)

**Alexander D. Vasilyev, Oxana M. Kurnikova,
Natalia K. Charyeva, Diana Z. Shariafetdinova**

This article presents an overview of the Third International Conference ‘Oriental Epigraphic Readings in Memory of Dmitry D. Vasilyev.’ The forum was held in a mixed format on October 13–14, 2025, at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow). The conference was organized by the Department of Oriental History. Since its inception in 2021, this conference has been held regularly every two years. The forum serves as a platform for discussion of specialists engaged in the study of epigraphy of Asian, African and Latin American countries. Scientists from different regions were able to exchange knowledge, present the results of their research, and discuss current issues in the field of epigraphy. The event was attended by experts from Russia, China, Georgia, Turkmenistan, Kyrgyzstan, and Lebanon. Russia was represented at the conference by experts from numerous regions and cities, including Moscow, St. Petersburg, Kazan, Astrakhan, Volgograd, the Republic of Buryatia (Ulan-Ude), the Republic of Dagestan (Makhachkala), the Republic of Mari El, and others. Over the two days of the conference, more than 50 presentations by Russian and foreign scholars were presented, reflecting the ongoing interest in the topics discussed at the conference. Five sections, organized by theme, region, and time, presented the following research areas: “Ancient Turkic Epigraphy,” “Epigraphy of Crimea, the Caucasus, the Volga Region, and Central Asia,” “Epigraphy of East and South Asia,” “Epigraphy of the Middle East,” and “Epigraphy of Mesoamerica.” The participants’ papers demonstrated a wide range of epigraphic research topics and sparked lengthy discussions and keen interest.

Keywords: epigraphy of the East, Oriental studies, Turkology, epigraphic monuments

For citation: Vasilyev A. D., Kurnikova O.M., Charyeva N. K., Shariafetdinova D. Z. Overview. Third International Conference “Oriental Epigraphic Readings in Memoriam of Dmitry D. Vasilyev” (October 13–14, 2025). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 175–185. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-175-185

13–14 октября 2025 г. на базе Института востоковедения РАН прошла Третья международная научная конференция «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева», подготовленная Отделом истории Востока ИВ РАН.

В работе конференции приняли участие более 50 специалистов в области восточной эпиграфики, представляющих научные учреждения Российской Федерации, Китайской Народной

Республики, Грузии, Туркменистана, Кыргызстана и Ливана. Тематика представленных докладов затронула самый широкий спектр научных вопросов, касающихся эпиграфики Древнего мира и Мезоамерики, средневековых культур Евразии. Были сделаны выступления, в которых освещалась восточная эпиграфика и связанные с ней сюжеты в Новое и Новейшее время.

На открытии форума прозвучали приветственные слова участникам от директора Института востоковедения д. и. н. А. К. Аликберова, научного руководителя Института востоковедения академика РАН, д. и. н. В. В. Наумкина и заместителя директора Института востоковедения к. и. н. Н. Г. Романовой, в которых участникам были высказаны пожелания плодотворной научной работы и отмечено важное значение проводимого мероприятия для развития исследований в области восточной эпиграфики.

Далее участники конференции продолжили свою работу в 5 секциях: **«Древнетюркская эпиграфика»**, **«Эпиграфика Крыма, Кавказа, Поволжья и Средней Азии»**, **«Эпиграфика Восточной и Южной Азии»**, **«Ближневосточная эпиграфика»** и **«Эпиграфика Мезоамерики»**.

В работе секции **«Древнетюркская эпиграфика»** приняли участие И. Л. Измайлов, В. В. Тишин, У. Ю. Кочкаров, А. Д. Бородина, А. А. Кочкаров, Р. А. Кочкаров, И. Л. Кызласов, Ю. А. Миронова, А. В. Савельев, Ю. М. Свойский, Е. Г. Шалахов, А. Д. Васильев, У. Т. Ховалыг.

И. Л. Измайлов в своем докладе «Источники по рунической письменности в Волжской Булгарии (X–XIII вв.)» осветил историю возникновения и функционирования рунического письма среди населения средневековой Волжской Булгарии, дал критический анализ существующих списков рунических текстов Восточной Европы, выявил противоречия и ошибки в предыдущих исследованиях, обнаружил отсутствие надежного корпуса рунических текстов и перечней графем для восточноевропейской руники, сделал важное наблюдение о присутствии рунической графики наряду с арабской системой письма, а также обосновал вывод о необходимости дальнейшей проверки и верификации рунических памятников, поскольку имеющиеся списки не согласуются друг с другом, а ряд памятников, вероятно, представляют собой фальсификации.

В. В. Тишин в своем сообщении «К толкованию термина *törö* в памятниках древнетюркской рунической письменности» затронул вопрос о толковании термина *törö* («закона», «порядка», «обычая») в древнетюркской рунической письменности и его роли в обществе и правовой культуре древних тюрков. Филологический и историко-культурологический анализ значений и функций термина в различных текстах дает основание предположить, что термин *törö* обозначал непрописанный обычай, действующий в обществе как основа поведения и законности. Понятия преступления, проступка и греха сливались в единое целое, отражающее неразрывность правового и нравственного порядков. Этим словом обозначали общую сумму обычаев и норм, присущих каждому народу и являющихся частью идентичности.

Коллектив авторов — **У. Ю. Кочкаров, А. Д. Бородина, А. А. Кочкаров и Р. А. Кочкаров** представил доклад на чрезвычайно интересную тему: «Применение методов машинного обучения для распознавания тюркских рунических надписей». Актуальность исследования обусловлена тем, что традиционная методика распознавания и чтения рунических надписей затруднительна, по мнению авторов, ввиду устаревших технологий и недостатка автоматизации процессов. Современные подходы машинного обучения и компьютерного зрения способны повысить эффективность процесса распознавания и транскрипции рунических текстов. Для проведения исследования ими применялся алгоритм YOLOv11 для детекции и классификации символов на изображениях рунических надписей. Проведен этап предварительной обработки изображений, включая сегментацию и нормализацию. Создан специальный набор данных с размеченными изображениями рунических символов, выполненных на основе графической стилистики памятника

в честь Кюль-Тегина. Разработанный подход повышает скорость и качество расшифровки рунических текстов и дает исследователям возможность автоматической обработки древних текстов.

Известный исследователь древних тюрков **И. Л. Кызласов** выступил с докладом «Тамга суджинской стелы (Е 48). Эмблематика аристократического рода Кыргыз». Была поднята проблема правильного понимания и прочтения тамги (символа рода) на одной из важнейших енисейских стел, датированной IX–X веками. Ранее данная тамга была неправильно идентифицирована или оставлена без должного внимания. Автор проанализировал символику на стеле, рассмотрев типичные, традиционные приемы размещения тамг на подобных объектах. И. Л. Кызласов полагает, что нарушение последовательности написания тамги на камне привело к ошибочным интерпретациям. Необходимо учитывать правила маркировки родов и символов на камнях, чтобы правильно восстанавливать генеалогические корни древних родов. Однако в данном случае лишь использование современных технологий обработки изображений позволило выявить на стеле тамгу аристократического рода Кыргыз.

Ю. А. Миронова, А. В. Савельев и Ю. М. Свойский представили коллективный доклад «Ре-документирование древнетюркских рунических надписей в Республике Тыва». Проект ре-документирования направлен на улучшение качества фиксации и обработки рунических надписей путем внедрения новейших методов документирующих технологий, таких как высокоточная съемка и геолокация. Они позволяют создавать цифровые модели надписей, использовать геоинформационные системы для точного позиционирования объектов. Это позволило создать высококачественный цифровой корпус рунических текстов и точно зафиксировать их местоположение.

В сообщении **Е. Г. Шалахова** «Эпиграфический памятник с древнетюркской руникой из Юрина на Волге: историография и контекст находки» проведен историографический и эпиграфический анализ широко известной специалистам находки осколка керамики из Юрина, который содержит предположительно древнетюркскую руническую надпись. Эта находка, с одной стороны, позволяет говорить об использовании рунического письма, хотя достоверность и аутентичность этой надписи оспаривается рядом ученых. Доклад вызвал бурную дискуссию о характере надписи и ее подлинности. Сам автор полагает, что надпись связана с передвижением из Сибири аскизских воинов, которые оказались в Поволжье, на службе у булгарских властителей.

А. Д. Васильев в своем выступлении рассказал о последних работах и находках памятников тюркской рунической письменности. Одной из них стала стела, обнаруженная рядом с могилом Уйтаг и покрытая с трех сторон руническими надписями. Подобного масштабного памятника уже долгое время не обнаруживали. Предварительная расшифровка надписи позволяет связать ее с одним из средневековых вождей енисейских кыргызов.

У. Т. Ховалыг в докладе «Древнетюркские рунические надписи на памятнике Алаш II (Е 154)» изложил результаты историко-лингвистического исследования древнетюркских рунических надписей и тамг, найденных на памятнике Алаш II, предположительно датированных VIII–IX веками. Автор сделал вывод, что надписи относятся к народу «Аз» и состоят из рунических знаков, сочетающихся с тамгой.

Во второй секции «**Эпиграфика Крыма, Кавказа, Поволжья и Средней Азии**» были заслушаны доклады В. П. Орлова, З. Ш. Закарияева, В. О. Бобровникова, П. И. Тахнаевой, М. Г. Шехмагомедова, Ш. М. Хапизова, А. А. Ярлыкапова, М. Е. Васильева, И. В. Зайцева, А. Н. Алиевой, Д. В. Васильева, А. С. Лапшина, И. Ю. Лапшиной, Д. Текаева, Д. М. Тимохина и И. А. Фукалова.

В. П. Орлов, озвучив тему «Древнеперсидская надпись из Фанагории в контексте практики создания победных стел на Древнем Востоке», дал оценку роли древнеперсидской надписи из Фанагории в контексте представлений о практике создания победных стел в древнеперсидской

империи. Проведя сравнительно-историческое исследование эпиграфических памятников ахеменидской эпохи, автор пришел к ряду заключений о стратегии персов по прославлению своих деяний. В отличие от ассирийцев, они делали упор на восстановление общего порядка, установленного волей Ахурамазды, а не на конкретные завоевания. Наличие фанаторийской надписи ставит вопрос о влиянии этих идей на восприятие власти и господства на периферии империи.

З. Ш. Закарияев в своей презентации «Арабская эпитафия 1787 года из дагестанского селения Ахты» изложил результаты исследования неизученного массива эпитафий, находящихся в экспозиции краеведческого музея села Ахты на основе филологического и исторического анализа надписей на камнях, дал подробный перевод и атрибуцию одной конкретной эпитафии, датированной 1787 годом. Данная эпитафия принадлежала знатоку мусульманского права («мулле»), чей отец был профессиональным мастером («уста»). Использование термина «уста» свидетельствует о распространённости профессиональных групп среди дагестанских мусульман. Имя деда покойного, жившего в XVII–XVIII веках, определено на основании дополнительной арабоязычной надписи. Найдена вторая надмогильная плита, вероятно, принадлежащая потомку хозяина первой эпитафии.

В. О. Бобровников и П. И. Тахнаева в сообщении «Герои и сюжеты фольклора в эпиграфике святых мест: кейсы Камалил Башира в Чохе и Пира корейшитки под Калакоморешем XIX–XXI вв.» провели сравнение двух типов местных эпиграфик — из села Чох и близ деревни Кала-Корейш в Дагестане. Эти надписи связаны с местными легендами и историческими событиями, передаваемыми в устной форме. Исследователи показывают влияние местного фольклора на содержание и форму эпиграфических записей, демонстрируя тесную связь между культурной памятью и ритуальной деятельностью населения.

В. О. Бобровников и А. А. Ярлыкапов в докладе «Недавние находки погребальной эпиграфики кубанских ногойцев на территории Карачаево-Черкесии начала XIX — середины XX века» вводят в научный оборот недавно открытые материалы эпитафий кубанских ногойцев, проживающих на территории Карачаево-Черкесии. Экспедиционные материалы были собраны в мае-июне 2025 года и включают исследование эпитафий на шести старых кладбищах. Большинство эпитафий выполнены на арабском языке с элементами ногойского, иногда с использованием русского языка на обратной стороне плиты. Распространено нанесение символов-тамг, обозначающих семейную или родовую принадлежность. Архитектурная форма стел варьировалась от простых прямоугольных конструкций до декоративных вариантов с закругленными вершинами.

М. Г. Шехмагомедов и Ш. М. Хапизов описали «Эпиграфические памятники Анцухского ущелья как источник по истории, поселенческой структуре и ономастике Нагорного Дагестана (по материалам экспедиции 2025 года)» предоставляющие ценные сведения о населении и истории этого района. Результаты анализа арабоязычных эпитафий и строительных надписей, датированных XV–XIX веками, позволяют говорить о распространении ислама в регионе, строительстве культовых зданий и участии местных жителей в Кавказской войне.

М. Е. Васильев в докладе «Горско-еврейская ономастика в надгробной эпиграфике Восточного Кавказа» сосредоточился на изучении материала, полученного в ходе экспедиционных обследований 2018–2020 годов и посвященных захоронениям горских евреев на Южном Кавказе. В центре его внимания — анализ имен и фамилий, встречающихся в эпитафиях, которые открывают уникальную картину традиционного еврейского наречения именами. Значительная часть обнаруженных им имен принадлежит традиционной еврейской традиции. Определенные имена несут следы контактов с соседними этническими группами, особенно азербайджанцами и аварцами.

В сообщении **И. В. Зайцева и Д. В. Васильева** «Персидская надпись на крестильной купели из собрания Астраханского музея-заповедника» приводятся данные о происхождении

и назначении уникальной медной крестильной купели, хранящейся в музее Астраханского запovedника, на которой имеется надпись на персидском языке. Купель поступила в музей не позднее 1914 года, точное происхождение неизвестно. Проведен историко-филологический анализ надписи и архивных материалов, привлечены источники о визитах иранского шаха в Россию в XIX веке. Персидская надпись гласит: «Вакф Насирийа. Хаджи-Тархан. Год 1289». Предположительно, надпись была изготовлена специально для визита иранского шаха Насир ад-Дина Каджара в Россию в 1873 году. Существует вероятность, что купель предназначалась в подарок православной общине Астрахани. Необходим дальнейший анализ обстоятельств нанесения надписи, так как сама купель не упоминается в дневниках шаха.

А. С. Лапшин и И. Ю. Лапшина в презентации «Изображения из общественного здания на Водянском городище (по материалам раскопок 2001 г.)» обосновывают художественную и культурную ценности внутреннего оформления здания на археологическом комплексе Водянского городища (первая половина XIV века). Один из интересных элементов — фреска мечети с двумя симметричными башнями и надписью «Аллах». Комплексный анализ рисунков и надписей, найденных на стенах помещения, позволил идентифицировать художественный стиль и смыслы изображений. Изображение мечети сопровождается мистическими символами, что характерно для исламского искусства того времени. Рисунки на стене могут отражать влияние ближневосточной эстетики и символизировать религиозную идеологию периода Золотой Орды.

Д. Текаев в своем выступлении «Камень с именем хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны как эпиграфический памятник» привел анализ стелы с именем последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, находящейся ныне в Британском музее. Автор детально рассмотрел титул, оформление и содержание надписи, которую оставил мастер Махмуд ибн Мухаммад ал-Гауахири ан-Нишапури. Титулатура на камне подчеркивает высокое положение Джалал ад-Дина как султана и халифа. Место изготовления и хранение стелы за рубежом делают ее интересным предметом для изучения, хотя причины перемещения в Великобританию остаются невыясненными.

Д. М. Тимохин в сообщении «Имя Бога на «Камне дождя»: эволюция нарратива в анонимном персидском сочинении 1126 года» предлагает трактовку средневекового персидского мифа о камне, на котором было выгравировано имя Бога, наделенном способностью управлять погодой. Автор сравнил две версии сюжета, представленные в сочинениях Гардизи и анонимного автора начала XII века. В обеих версиях миф рассказывает о получении сыном Ноя, Йафетом, секретного имени Бога, способного вызывать дождь. Позднее эта легенда послужила поводом для соперничества и войн между потомками Йафета за владение камнем. Вторая версия добавляет новые детали, усиливающие детализацию мифа и придающие ему большее символическое значение.

И. А. Фукалов с темой «О. Караев и его исследования истории средневековой Средней Азии» рассказал о вкладе казахстанского историка О. Караева в изучение истории и культуры Средней Азии в средние века. В центре его повествования труды О. Караева, посвященные формированию и развитию среднеазиатских государств, особенно династии Караханидов. О. Караев внес значительный вклад в разработку теории происхождения Караханидов и их участия в установлении мусульманских государств в Средней Азии.

Вниманию участников секции «Эпиграфика Восточной и Южной Азии» были представлены доклады А. К. Аблязова, Т. А. Сафина, Ю. И. Дробышева, И. С. Колнина, О. А. Королевой, Д. Е. Куликова, А. А. Туранской, А. А. Столярова, Я. В. Тарасюка, С. В. Сидоровича, Е. В. Коровиной.

А. К. Аблязов и Т. А. Сафин в своем докладе «Ранняя история жоужаньского каганата по данным жоужаньских эпитафий и китайских источников» ставят под сомнение традиционную

версию происхождения жоужаньского народа, представленную в китайской хронике «Книги Вэй», подчеркивая ее предвзятость и этническую дискриминацию. Они предлагают альтернативную гипотезу, основанную на анализе южнокитайских памятников и собственных эпитафий жоужаньских вождей, свидетельствующих о выделении жоужаней из племени сюнну в III веке нашей эры. Исследование способствует лучшему пониманию истории раннего формирования жоужаньского государства.

Ю. И. Дробышев в сообщении «История дискуссий о надписи «силой вечного неба» на монгольских верительных грамотах» коснулся эпиграфических материалов, полученных с так называемых «монгольских пластинок» (пайцза), используемых для подтверждения полномочий государственных представителей монгольской администрации. Доклад подробно описал возникновение и эволюцию концепции «силой вечного неба», появившейся в официальных документах монгольской империи.

И. С. Колнин в своем докладе «Китайская стела гарнизона Вэйюань в г. Банмо как уникальный источник пограничного конфликта конца XVI века» попытался представить новый взгляд на историю военного похода армии Китайской империи против мятежных племен на границе Юньнани и Бирмы в конце XVI в. Автор опирался на данные мемориальной стелы, установленной генерал-лейтенантом Лю Тином в честь успешного завершения похода. Информация о походе 1582–1584 годов изложена в коротких, лаконичных сообщениях, без детализации хода сражений. Мемориальная стела служит ключевым источником для изучения ситуации, поскольку подробности конфликта отсутствуют в иных источниках.

В выступлении **О. А. Королевой** «Ритуальный сосуд И: история одной судебной тяжбы» была сделана попытка изучить судебную запись, находящуюся на внутренней стороне дна ритуального сосуда И, принадлежащего эпохе Западной Чжоу. В записи говорится о судебном деле, имевшем место около 2800 лет назад, где суд решал конфликт между мелкими чиновниками. Бронзовый сосуд как раз и является примером юридической практики древности. Документ фиксирует практику назначения наказания, судебного разбирательства и наложения штрафных санкций.

Д. Е. Куликов в презентации «Проблема эпиграфических памятников Саньсиндуй и опыт интерпретации одной надписи из коллекции Чжан Пицяо» обращается к изучению редких эпиграфических памятников эпохи бронзового века (1700–1150 гг. до н. э.) из комплекса Саньсиндуй, расположенного в провинции Сычуань. Особенное внимание уделено надписи из частной коллекции Чжан Пицяо, которая отличается своеобразием стиля и наличием необычных знаков. Автор пытается интерпретировать ее с помощью сопоставления с известными письменами на позднешанских гадательных костях и ранними пиктограммами Южного Китая.

А. А. Туранская в своем сообщении «Эстампажи последнего маньчжурского амбана в Урге в коллекции «Центральная Азия и Сибирь» ИВР РАН» приводит описание коллекции копий рунических текстов, созданных под руководством маньчжурского амбана Саньдо в начале XX века. Амбань Саньдо организовал снятие копий рунических надписей в Монголии, стремясь сохранить памятники прошлого. Большая часть этих копий оказалась в Институте восточных рукописей РАН и теперь доступна специалистам. Эти эстампажи помогают восстановить историю и культуру региона, обогащая наше знание о древних народах, и являются ранее неизвестным источником.

А. А. Столяров в докладе «Политические и культурные центры раннесредневековой Одиши (по материалам эпиграфики)» попытался реконструировать политическую географию и социальные отношения в регионе Одиши (Орисса) в раннем средневековье посредством анализа эпиграфических данных. Автор провел анализ эпиграфических памятников, выданных правящими династиями, таких как Виграха и Мудгала, и пришел к выводу, что основными политическими центрами региона выступали Калинга, Кошала и Тошали.

Я. В. Тарасюк в своей презентации «Сельские и городские общины в Южноиндийском царстве Паллаво по данным эпиграфики» исследует социально-экономический уклад сельских и городских общин, существовавших в царстве Паллаво в VIII–IX веках, на основе эпиграфических источников. В основе его работы — анализ пожалованных грамот и эпиграфических текстов, относящихся к периоду правления Паллаво. По мнению автора, земледельческие общины находились под контролем религиозной собственности, контролируемой храмами и брахманами. Городские сообщества развивались вместе с ростом торговли и процветали благодаря покровительству царской власти. Управление земель, вода и торговля зависели от централизованного аппарата, действовавшего совместно с религиозными организациями.

С. В. Сидорович исследовал артефакт, ошибочно принятый за монету, но фактически представляющий собой амулет, обнаруженный в Семиречье в XIX веке, и сделал сообщение на тему «Амулет из находок Императорской Археологической Комиссии в Семиречье». В этом докладчик убеждает сравнительный анализ изображения и надписей на амулете с существующими примерами китайской и киданьской эпиграфики. Амулет содержит надписи, имитирующие китайскую легендарную фразу, но выполненную с отклонениями от стандартной каллиграфии. Грамотность исполнения текста сомнительна, и предположение о местном изготовлении на территории Западного Ляо кажется ему вероятным.

Е. В. Коровина в своем докладе «Расстояние единственности и оценка возможности дешифровки» задается вопросом: возможна ли полная дешифровка незнакомых письменностей при отсутствии достаточных объемов материала? Автор обращается к концепции расстояния единственности Клода Шеннона, применяемой в криптографии, рассматривая ее в качестве базовой для своего доклада, и приходит к выводу, что для полной дешифровки исторических письменностей необходим значительно больший объем материала, чем доступен сейчас, особенно в случае протоиндийского письма. Тем не менее частичное прочтение и выделение общих закономерностей вполне достижимо.

Участники секции «**Ближневосточная эпиграфика**» заслушали доклады А. А. Акопяна, Ю. М. Кондратьева, Э. Е. Кормышевой, А. Е. Демидчика, И. Р. Лученкова, В. В. Прудникова, А. Свенциса, В. С. Тимофеева, О. С. Хижняковой, Г. Абусамра, Х. Гиунашвили, Д. Е. Мишина.

А. В. Акопян в сообщении «Полигlossия и мультиграфия в средневековой Амиде (по материалам граффити на монетах)» исследовал многообразие языковой среды в городе Амиде (современный Диарбакыр) в Средневековье. Анализируя граффити на монетах XII века, он выявил использование множества языков и письменностей среди населения города, отражающих разнообразие религиозных и культурных традиций разных общин.

В докладе **Ю. М. Кондратьева** «Набатейские надписи в Египте: история и перспективы изучения» было отмечено, что набатейские надписи, найденные в Египте, остаются практически неизученными, хотя они важны для понимания миграции и коммуникации древнего Ближнего Востока. Корпус современных исследований насчитывает лишь четыре набатейские надписи из Египта, остальные игнорируются или забыты. Предлагается создание электронного корпуса набатейских надписей и введение методик цифрового картографирования для дальнейших исследований.

Э. Е. Кормышева в своем выступлении «Семантика фразы «Весьма добрая старость» в древнеегипетских погребальных надписях и царских анналах Куша» проанализировала употребление выражений типа «добрая старость» в древнеегипетских и кушитских текстах. Докладчик провела сравнительный анализ подобных фраз, присутствующих в надписях разных царств Древнего Египта. В Древнем Египте фраза «добрая старость» обозначала социальный статус и подготовку к посмертному существованию. В царстве Куш та же фраза приобретает политический смысл, связанный с процедурой восхождения на трон.

А. Е. Демидчик в докладе «Цифровые данные о продолжительности деятельности и возрасте чиновников в древнеегипетских жизнеописаниях Старого и Среднего царства» рассмотрел вопросы того, как древние египтяне воспринимали длительность жизненного пути и профессиональной активности. Важнейшие выводы основаны на изучении надписей в гробницах, где указывается возраст умерших и длина их карьеры. Автор подчеркнул, что египтяне высоко ценили долгую службу государству и считали это признаком добродетельности. Регистрация точной продолжительности службы встречается редко, однако существует тенденция указывать периоды длительной занятости высокопоставленных лиц.

И. Р. Лученков в сообщении «Проблема возникновения топонима «Хатай» в турецких, сирийских и французских синхронных источниках второй половины 1930-х гг.» рассмотрел появление топонима «Хатай» в контексте борьбы Турции за возвращение территории Александреттского санджака и попыток обосновать свое историческое право на этот район. Автор анализирует публикации в турецкой и международной печати, воспоминания участников событий, полагая, что термин «Хатай» возник как искусственное наименование региона, инициированное правительством Турции для обоснования претензий на территорию. Использование этого термина позволило создать политическую базу для последующего присоединения региона к Турции в 1939 году.

В. В. Прудников в докладе «Сообщения итало-норманнских авторов о пизанских экспедициях против мусульман Сицилии (1064 г.) в свете эпиграфических данных с фасада собора Санта-Мария Ассунта в Пизе» представил описание итальянской экспедиции против мусульман Сицилии в 1064 году, упомянутое итальянскими хронистами, и сравнил его с информацией, запечатленной в эпиграфическом памятнике на соборе Санта-Мария Ассунта в Пизе. Сопоставление сообщений хронистов с описанием произошедшего, содержащимся в надписи на храме, позволило автору сделать вывод, что итальянские хронисты давали сильно расходящуюся с реальностью оценку успеха предприятия пизанцев.

А. Свенцис выступил с темой «Мой дядя — Яхве: Два древнееврейских имени, известных из эпиграфики» и провел исследование двух уникальных древнееврейских имен, содержащих теофорные компоненты и отражающих использование семейных терминов в религиозных контекстах. Морфологический и лексический анализ имен с привлечением соответствующих эпиграфических и текстологических источников позволил автору сделать выводы о том, что имена *Ddyhw* и *Hlyw* имеют сходство с библейскими именами. Первый элемент каждого имени — это термин родства («дядя по отцу» и «дядя по матери»), соединенный с именем Бога Яхве. Подобные конструкции отражают архаичную систему обозначения родства и богопочитательную практику.

В. С. Тимофеев в докладе «Значение эпиграфики в трудах И. Ш. Шифмана» ознакомил участников конференции с научным вкладом советского ученого Ильи Шифмана, специалиста по языку и истории Древнего Востока, который уделял особое внимание изучению эпиграфических данных. Анализ его публикаций и переводов эпиграфических памятников на различных древних языках (греческом, финикийском, арамейском, древнееврейском и других) позволил автору доклада утверждать, что труды И. Ш. Шифмана являются незаменимым источником для реконструкции истории и культуры народов древности. Его знаменитая работа по изданию Пальмирского таможенного тарифа, переведенная на английский язык, демонстрирует огромное значение подобных памятников для истории и экономики древнего мира.

С. О. Хижнякова в своем сообщении «Пальмирская эпиграфическая традиция» исследует разнообразные надписи на арамейском языке как способ изучения повседневной жизни и истории Пальмиры. Автор рассмотрел содержание надписей, проанализировал их жанровое своеобразие, а также языковые особенности и стили письма и сделал вывод, что Пальмира имела развитую

эпиграфическую традицию, включающую различного рода тексты (памятные, посвятительные, хозяйственные). Характерная особенность пальмирской эпиграфики — двуязычие (арамейский и греческий языки), встречающееся на одних и тех же памятниках.

Г. Абусамра и **Х. Гиунашвили** в своем совместном докладе «Aramaic Inscription on the Golden Plate from Vani (II–I cc BC)» рассмотрели золотую пластину с арамейской надписью, найденную в элитном захоронении в Вани, Грузия. Авторы проводят лингвистический и историко-культурный анализ надписи и ее художественных деталей. Пластина демонстрирует влияние персидской культуры и свидетельствует о присутствии арамейского языка в Грузии в античную эпоху. Включение арамейских надписей в предметы роскоши свидетельствует о высоком уровне культурных взаимодействий и наличии двуязычия.

В выступлении «Посольства в южноаравийской надписи СІН 541» **Д. Е. Мишин** исследовал дипломатические миссии, отправленные к эфиопскому правителю Абрахе в VI веке и отмеченные в южноаравийской надписи СІН 541. Автор интерпретировал термины, характеризующие статус дипломатов, исходя из характера отношений с правителями. По его мнению, термины, обозначающие дипломатические миссии, различались в зависимости от уровня отношений с каждой из отправляющих держав. Можно выделить эмиссаров (представители негуса и Византии), посольство (от сасанидского царя) и посланников (от арабских правителей).

На секции «**Эпиграфика Мезоамерики**» были представлены доклады Г. А. Борисовой, С. В. Вепрецкого, Т. В. Напольских, Я. А. Науменко, А. В. Сафронова, Д. Д. Беляева.

Г. А. Борисова в докладе «Репрезентация водной стихии в монументальной иконографии тихоокеанского побережья Юго-Восточной Мезоамерики позднеформативного периода (III век до н. э. — II век н. э.)» рассмотрела роль образа воды в культуре и религии цивилизаций, живших вдоль тихоокеанского побережья Центральной Америки. Ключевой объект исследования — две крупные культуры региона: Исапа и Абах-Такалик. Основное внимание уделено образам океана и морских животных, которые становятся центральным элементом искусства и символизируют переход между жизнью и смертью. Водные существа представлены как проводники души умершего в загробный мир. Появляются художественные элементы, связанные с культами плодородия и дождем.

Сообщение **С. В. Вепрецкого** «Новые эпиграфические данные о времени правления Болон-К'авиля в Калакмуле (штат Кампеч, Мексика)» касалось восстановления политической истории Канульского царства, которое находилось в районе современного мексиканского штата Кампеч. Используя современные технологии документирования каменных артефактов методом фотограмметрии, автору удалось прочитать некоторые фрагменты надписей, ранее считавшиеся утраченными. Установлено, что правитель Болон-К'авиль правил значительно дольше, чем предполагалось ранее, с 741 по 789 год. Новый титул правителя был обнаружен на нескольких стелах и звучит как «Ух-Мам-Чан-Йопат». Эта информация меняет наше представление о структуре политической власти в данном регионе.

Т. В. Напольских в докладе «Именной иероглиф верховного божества древних майя Ицам-Коха» изучила эволюцию именного иероглифа главного божества майя — Ицам-Коха, известного также как Ицамна. Палеографическое и текстологическое исследование иероглифов, использованных в классических произведениях майя, позволило ей сделать вывод, что логограмма ITZAM — это голова старого бога, а знак КОКАЈ — птица с головным убором в виде цветка. Генезис этого божества восходит к тому периоду, когда изображения подобного персонажа появились на памятниках тихоокеанского побережья.

Я. А. Науменко с темой выступления «Одна закономерность семидневной календарной серии в надписях Йашчилана» попытался определить связи между семидневной серией календаря

и характеристиками памятников майя из Йашчилана. Используя статистический анализ календарной серийности и характеристик надписей, он выстраивает связь между номерами дней семидневной серии и типами памятников, но точный смысл семидневной серии остается неясным. Тем не менее статистика показывает определенную тенденцию в расположении номеров дней на определенных типах памятников.

А. В. Сафронов в докладе «Проблема престолонаследия в династии Шукальнаха в 1-й половине VIII века» представил механизмы престолонаследия в царстве Шукальнах в VIII веке в связи с влиянием внешних сил и внутренними кризисами. Автор проанализировал иероглифические надписи и структурные изменения в местной иерархии власти. По его мнению, во главе государства находились представители местных аристократических кланов, зависящие от сильных соседей (Пачан, Сакци). Правители получали поддержку от внешних союзников и могли претендовать на трон, если обладали поддержкой влиятельного регионального игрока. Этот период характеризуется нестабильностью и сменой царских линий, связанной с отсутствием прочных династических традиций.

В сообщении **К. С. Щеглова** «Миф о начале новой эры в иероглифических текстах майя: космогония и сакральная власть» были рассмотрены космогонические представления майя, зафиксированные в эпиграфических памятниках, отражающих начало новой эры и устройство космоса. Обращаясь к эпиграфике и иконографии источников разных центров майя (Киригуа, Копан, Ла-Корона и др.), автор говорит, что майя придавали большое значение моменту начала новой эры, считая его актом сотворения мира. Символика трона и статуи правителя тесно связана с представлениями о миротворении и сакральной власти. Эти тексты и изображения подчеркивают связь между сакральным прошлым и реальной властью правителя, помогая укрепить его статус как посредника между миром людей и божественным началом.

Д. Д. Беляев в докладе «Иероглифическая надпись на стеле № 6 из Йашхи (Гватемала): вопрос о датировке основания царской династии» провел дешифровку и анализ иероглифической надписи на одной из сохранившихся стел древнего центра цивилизации майя — Йашхе. Благодаря сопоставлению исторических документов и археологических находок он устанавливает приблизительную дату основания местной царской династии — около I века нашей эры, основываясь на данных династического счета, найденных на стеле.

* * *

Итоговое заседание конференции было посвящено обсуждению наиболее значимых проблем в области восточной эпиграфики, истории и антропологии, межкультурных коммуникаций, древних языков и письменностей, мифологии и народной культуры, в частности, кочевых народов Центральной Азии, изучения средневековья Ближнего Востока, исследования культуры майя Центральной Америки и анализа фольклора и эпиграфики Кавказа, Крыма и Поволжья.

Участники конференции отметили высокий уровень представленных научных докладов в рамках международной научной конференции «**Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева**» и глубину состоявшихся дискуссий. Доклады участников в виде научных статей будут представлены на страницах журнала «**Эпиграфика Востока**», издаваемого Институтом востоковедения РАН, и тем самым станут доступны самому широкому кругу читателей.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА XVIII–XXI вв.»
(03–04 ДЕКАБРЯ 2025 г.)**

© 2026

А. Д. Васильев, О. М. Курникова, Д. З. Шарьяфетдинова¹

03–04 декабря 2025 г. в Институте востоковедения РАН состоялась Международная научная конференция «Исследователи и исследования Евразийского пространства XVIII–XXI вв.». В настоящей статье представлен обзор данного мероприятия. Организатор — Отдел истории Востока совместно с Лабораторией исследований современных Центральной Азии и Кавказа. Конференция прошла в очно-дистанционном формате и собрала специалистов из разных стран и регионов Российской Федерации. За два дня работы форума было представлено свыше 60 сообщений и презентаций. Тематика докладов участников конференции была разнообразна и затрагивала русские и зарубежные исследования Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии, Ближнего Востока, Крыма, Кавказа и других регионов. Ученые рассказали об отечественных и иностранных исследователях Евразийского пространства, осветили темы, связанные с военным и гражданским востоковедением XVIII–XIX вв., представили вниманию слушателей современные российские и зарубежные научно-исследовательские проекты и экспедиции в государствах Евразии. Данная конференция стала первым мероприятием на заявленную тематику. Широкий круг поднятых на форуме востоковедческих вопросов исследований разных стран и регионов России, живой интерес и продолжительные дискуссии предоставили возможность организаторам конференции в последующее время проводить мероприятия на данную тематику на регулярной основе.

Ключевые слова: востоковедение, исследователи, исследования Евразии, Евразийское пространство, экспедиция

Для цитирования: Васильев А. Д., Курникова О. М., Шарьяфетдинова Д. З. Международная научная конференция «Исследователи и исследования Евразийского пространства XVIII–XXI вв. (03–04 декабря 2025 г.)». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 186–193. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-186-193

¹ Васильев Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. Vasilyev, DSc (Hist.), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2947-4413

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.kurnikova@ivran.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; o.kurnikova@ivran.ru

ORCID: 0000-0001-9593-8912

Шарьяфетдинова Диана Зуфьяровна, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; dnsnr@mail.ru

Diana Z. Shariafetdinova, Research Assistant, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dnsnr@mail.ru

ORCID: 0009-0009-7600-0879

INTERNATIONAL CONFERENCE
“RESEARCHERS AND RESEARCHES INTO THE EURASIAN SPACE
OF THE EIGHTEENTH — TWENTY-FIRST CENTURY”
(DECEMBER 03–04, 2025)

Alexander D. Vasilyev, Oxana M. Kurnikova,
Diana Z. Shariafetdinova

This article presents an overview of the International Conference “Researchers and Research the Eurasian Space the Eighteenth — Twenty-first century”. The organizers are the Oriental History Department and Laboratory for Research on Contemporary Central Asia and the Caucasus. The conference was held in a face-to-face and remote format and brought together experts from different countries and regions of the Russian Federation. Over 60 papers were presented during the two days of the forum. The presentation delivered by Russian and foreign experts covered a wide range of issues relating to studies a Siberia and the Far East, Central Asia, the Middle East, Crimea, the Caucasus and other regions.

A splendid gallery of Eurasia explores their findings dating back to eighteenth — twenty-first century has been revealed in the course of the participants’ papers unpacking the military and civil oriental agenda. The conference has also exposed a variety of contemporary research projects by Russian and foreign explorers of the Eurasian space. Being the first ever conference devoted to a very specific issue, It has provoked a genuine interesting lengthy discussion, thus providing its organizers with a perspective for its regular holding in the future.

Keywords: Oriental studies, researchers, Eurasian studies, Eurasian space, expedition

For citation: Vasilyev A. D., Kurnikova O. M., Shariafetdinova D. Z. International Conference “Researchers and Researches into the Eurasian Space of the Eighteenth — Twenty-First Century” (December 03–04, 2025). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 186–193. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-186-193

03–04 декабря 2025 г. на базе Института востоковедения РАН состоялась Международная научная конференция «Исследователи и исследования Евразийского пространства XVIII–XXI вв.». Организаторами мероприятия выступили Отдел истории Востока и Лаборатория исследований современных Центральной Азии и Кавказа.

В работе форума приняли участие ученые из разных стран, таких как Россия, Азербайджан, Армения, Израиль, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан. Россия на конференции была представлена исследователями из многочисленных регионов и городов: Москва, Санкт-Петербург, Рязань, Казань, Нижний Новгород, Самара, Челябинск, Новосибирск, Томск, Кемерово, Чита, Владивосток, Якутск, Республика Калмыкия (Элиста), Республика Башкортостан (Уфа), Республика Марий Эл, Республика Крым (Симферополь), Республика Хакасия (Абакан) и др., что свидетельствует о широком развитии востоковедения в нашей стране.

Более 70 специалистов представили вниманию аудитории доклады о российских и зарубежных исследованиях Евразийского пространства, гражданских и военных экспедициях, исследователях Евразии, что показало актуальность предложенной на конференции тематики.

На базе Отдела истории Востока продолжительное время функционирует семинар о путешествиях «Место встречи — Восток»², на котором, по задумке организаторов, коллеги могут

² См. Семинар о путешествиях «Место встречи — Восток». URL: <https://orient.ivran.ru/seminar-o-puteshestviyah-mesto-vstrechi—vostok>

обмениваться опытом поездок в страны Востока с различными целями: экспедиции, конференции, научно-исследовательская деятельность и т. д., поделиться полученными впечатлениями, рассказать об увиденном, продемонстрировать фото- и видеоматериалы о своих путешествиях на Восток. Заседания семинара проходят в простом, неофициальном формате, когда выступающий может в свободной форме представить вниманию слушателей результаты и ощущения от своего путешествия, изложить видение того или иного события, мероприятия, свидетелем которого удалось стать. Ведь дорога, новые места и люди, иные культуры и мировоззрения, в целом понятие «другое» вызывают множество чувств и эмоций, переходящих в размышления.

Таким образом, удачный и плодотворный опыт проведения семинара, вышедшего далеко за рамки Отдела истории Востока и даже Института востоковедения РАН, теперь может уверенно называться «межинститутским», а значительное внимание к мероприятию со стороны желающих выступить с докладами и потенциальных слушателей подсказало идею проведения полномасштабного мероприятия по тематике «исследований и исследователей». Количество поданных к участию в конференции заявок подтвердило актуальность и значимость данной тематики.

На открытии конференции с приветственными словами к участникам выступили директор Института востоковедения д. и. н. А. К. Аликберов, заместитель директора по науке Института востоковедения РАН к. и. н. Наталья Геннадиевна Романова и руководитель Отдела истории Востока д. и. н. Александр Дмитриевич Васильев.

Пленарное заседание открылось докладом **А. С. Ряжева** «На границе Великой Степи: российское практическое востоковедение и его носители в XVIII в.», который был посвящен образованию базы научных знаний о степных народах Центральной Азии, проживающих вдоль границ Российской империи в XVIII веке. Автор подчеркнул роль администраторов, миссионеров и военных в сборе и передаче этих знаний, формирующих основы российской политики в регионе, а также исследовал различные аспекты изучения и описания Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока, делая акцент на конкретных личностях, источниках и проблемах, возникающих в процессе освоения и познания этих регионов Российской империи. **Г. Ж. Мхитарян** рассказала о ранних системных исследованиях немецкого ученого Самуила Гмелина, направленных на изучение западного берега Каспийского моря и северной части Персии. Доклад **М. Р. Рыженкова** содержал сведения о русских военных востоковедах, отправлявшихся в Сирию в первой половине XIX в. Автор подчеркнул ценность таких материалов как исторических источников и отметил перспективы их дальнейшего изучения. Описание этноконфессиональных общностей Крыма и вопросы становления отечественного военного востоковедения в середине XIX в. отразил в своем сообщении **Д. А. Прохоров**. Доклад «Российские военные и гражданские исследователи Центральной Азии и Северная Африка: опыт сравнительного изучения регионов» представил заведующий Отделом истории Востока ИВ РАН **А. Д. Васильев**. С трудами В. В. Бартольда по истории Средней Азии слушателей ознакомил **Ш. Б. Мухамедов**. В сообщении **А. А. Соколова** речь шла о периоде первых русско-вьетнамских контактов во второй половине XIX — начале XX вв. Авторы из Казани **Р. М. Валеев** и **Р. З. Валеева** представили биографический очерк о профессоре С. Е. Малове и его научных экспедициях в Сибирь и Восточный Туркестан, результатом которых стало появление новых страниц в изучении древнетюркских рукописей и культурно-исторического наследия евразийских народов. Завершил пленарное заседание доклад **Д. А. Аманжоловой** «Зарубежная историография о «деколонизации» советской истории Евразии». Автор дал обзор новейших подходов западной историографии к интерпретации советской национальной политики, сосредоточенной вокруг концептов неокOLONIALИЗМА и деколонизации, были исследованы методы искажения фактов

и манипулирования источниками, используемые для критики Советского Союза как якобы колонизатора при игнорировании реальных исторических процессов.

Далее участники конференции продолжили свою работу в 5 секциях: **Исследования Центральной Азии; Балканы, Крым, Кавказ, Поволжье; Север Евразии и Сибирь; Ближний Восток; Дальний Восток.**

Секции на конференции были сформированы по принципу тематической, региональной и временной близости исследований в докладах участников.

Выступления участников первой секции были посвящены **исследованиям Центральной Азии** и затронули, например, современные исследования сельского хозяйства в Узбекистане и Казахстане, что было отражено в докладе **И. В. Дерюгиной**. Первое исследование, выполненное В. Г. Растянниковым, сфокусировано на анализе деформаций механизма экономического роста в узбекском сельском хозяйстве в XX веке. Второе исследование, которое провела сама И. В. Дерюгина, охватило весь спектр сельскохозяйственной эволюции Казахстана с конца XIX века до первых десятилетий XXI века. В своем сообщении **А. Н. Одинаев** рассказал о комплексе целей и задач Искандеркульской экспедиции 1870 года, которая совместила военную рекогносцировку и научные исследования горной местности бассейна реки Зарафшан и продемонстрировала тесную связь между военным присутствием и научными исследованиями региона. В докладе **И. А. Мамадалиева** шла речь о русской дореволюционной историографии по изучению истории Ходжента и документирующей процесс присоединения Средней Азии к Российской империи. Особенности власти в Мерве осветил **О. А. Чернов**, используя материалы из «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии». Автор подчеркнул номинальный характер власти верховных ханов и отсутствие эффективного контроля над территорией, что вызвало сомнения в целесообразности заключения соглашений с местными властями. Сообщение **О. А. Махмудова** было посвящено Большой памирской экспедиции 1883 г., проведенной участниками Генерального штаба и профессорами-геологами. С биографическим исследованием А. П. Савицкого нас ознакомил доклад **С. А. Асановой**, в котором был прослежен путь его карьеры от военного до преподавателя и историка. **Д. И. Хомидов** рассказал о жизни и трагической судьбе ученого-языковеда П. Е. Кузнецова, который в период Советской России подвергся репрессиям в связи с проводимыми им исследованиями языков народов Туркестана. Вопросы исследования природных богатств Туркестанского края Российской империи и перспектив их освоения в конце XIX — нач. XX вв. были подняты в сообщении **О. Г. Пуговкиной**. Автор осветил результаты научных экспедиций, проводимых российскими властями, которые способствовали выявлению полезных ископаемых и определению возможностей промышленного освоения региона. Коллектив авторов из Казахстана — **С. И. Ковальская и Абдинасир Назира** проанализировали вклад зарубежных исследователей в изучение Казахстана, их роль в формировании глубокого понимания исторического и современного контекста региона в глобальной перспективе. Доклад был основан на интервью с ведущими международными специалистами по истории Казахстана и продемонстрировал современное состояние изучения казахской истории и культуры в мировом масштабе. Исследователи отметили важность локализации и интернационализации в подходе к историческим проблемам региона. Доклад **С. К. Алымкуловой** рассказал об Н. И. Ильминском и его вкладе в этнологию народов Центральной Азии. В своем сообщении **Т. В. Котюкова** описала публикации инспектора народных училищ Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства М. С. Андреева в «Туркестанских ведомостях», посвященные важным и злободневным вопросам жизни Туркестана — новометодным школам, периодике и книгоиздательскому делу в поздней имперский период. Рассказ об экспедиции Н. Н. Пантусова, известного своим открытием несторианского кладбища

близ Пишпека, в Семиреченскую область представила в своем докладе **П. С. Дрёмова**. Об археологических исследованиях в Казахстане в XIX–XX вв. повествовал доклад **М. В. Медведевой**, в котором автор продемонстрировала содержание архивных материалов, включая полевые отчеты, фотографии и отчетные документы, проливающие свет на научную ценность проводимых исследований. В своем сообщении **Г. С. Солодова** рассмотрела основные принципы установления российской политики в Туркестане в дореволюционный период, акцентируя внимание на административных реформах, изучении региона и осторожном подходе к местной специфике. **А. Р. Кудияров** в докладе «Кладезь знаний и духовности» сосредоточил внимание слушателей на вопросах просвещения и распространения книги как в древнем, так и в современном Узбекистане, особенно Каракалпакстане, чем и завершил работу секции по исследованиям Центральной Азии.

Секция «**Балканы, Крым, Кавказ, Поволжье**» начала свою работу с доклада **Н. И. Храпунова**, в котором были приведены сведения из записок путешественников о Крымском ханстве и Османской империи конца XVIII — первой половины XIX в., а также сравнение противоположных точек зрения на прошлое Крыма. Одни видят в прошлом Крыма «золотой век», связанный с процветанием Крымского ханства, другие считают этот период эпохой упадка и хаоса. Вопросы возникают из различия восприятий путешественников, обусловленных собственными культурными стереотипами и предпочтениями. Описание Таврической губернии офицерами Генерального штаба в середине XIX века осветила **Н. Д. Борщик**, рассказав об учреждении и работе первого в истории русской армии постоянно действующего органа управления войсками, взявшего на себя функцию подготовки в мирное время к будущим военным конфликтам, — Генерального штаба и о составителе описания Таврической губернии подполковнике Н. Б. Герсиванове. Историографический обзор об исследователях Крымских земель от дипломатических посольств XVI в. до трудов академических ученых начала XIX в. и военных экспедиционных исследований российскими моряками конца XVIII в. представила **О. М. Курникова**. В докладе **Д. В. Конкина** были рассмотрены несколько конкретных распоряжений Екатерины II, Павла I, Александра I, выявленных в результате архивных исследований. Они касаются поддержания мечетей, вакуфов и других элементов мусульманской культуры, играя важную роль в сохранении регионального наследия. Сообщение **А. В. Болдырева** повествовало о том, как российские путешественники и исследователи в конце XVIII — начале XX в. видели Османскую империю. Докладчик продемонстрировал особенности освещения турецких реалий, выявление стереотипов и предвзятостей, влияющих на российские представления о Востоке. В основе выступления лежат материалы мемориального кабинета-библиотеки имени академика В. А. Гордлевского Института востоковедения РАН. **И. В. Грибков** в своем выступлении рассказал о румынском кавказоведении в период между Первой и Второй мировыми войнами, одним из направлений которого являлось изучение миграционных потоков жителей Бессарабии на территорию Кавказа, их расселение, фольклорные и этнографические особенности. Вторым направлением было изучение жизни диаспор кавказских народов (прежде всего армян) на территории Румынии. **Л. И. Цвижба** представила доклад о жизнедеятельности кавказоведа Адольфа Петровича Берже, франко-русского ученого, который 35 лет своей жизни посвятил изучению Кавказа и опубликовал немало очерков и статей о народах Кавказа, русских военных и др. **М. А. Козинцев** представил вниманию слушателей презентацию о Персии штабс-капитана П. Н. Мариамбея, который описал свои впечатления о поездке в Персию летом 1910 г. В тексте отчета был дан обзор и взгляды на политическую обстановку, внутренний уклад страны, подчеркнуты негативные аспекты русско-иранских отношений и общая нестабильность региона, особенности менталитета местных жителей. В своем сообщении «Зарубежные исследования протекания “Чёрной смерти” на пространствах Евразии» **Т. Ф. Хайдаров** поднял вопросы, связанные с возникновением, регионами распространения и последствиями данного бедствия. Доклад **Д. А. Сусевой**

был посвящен жизнедеятельности В. Н. Татищева, когда он занимал пост руководителя Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел и губернатора Астраханской губернии в 1742–1745 гг. **Я. В. Осипова** рассказала об исследованиях киргиз-кайсацкой степи дипломатом и администратором А. И. Тевкелевым, который оставил материалы, ставшие основой для последующего описания и изучения территорий Казахской степи и Южного Урала. Доклад **З. А. Имамутдиновой** ознакомил слушателей с опытом исследования религиозных музыкальных традиций российских мусульман — татар и башкир в отечественной и зарубежной науке, дал представление о религиозном музыкальном наследии урало-поволжских автохтонов — тюрков-мусульман и их диаспорных групп в границах России и современных формах и жанрах. **О. Н. Сенюткина** ставила целью своего исследования выявление отношения нижегородских мусульман к таким явлениям, как ишанизм, кадимизм, джадидизм и панисламизм на рубеже XX–XXI вв., опираясь на новые, не введенные ранее в научный оборот архивные документы. **Н. Г. Агаев** в своем докладе проанализировал работы западных авторов XIX вв., побывавших на территории республики Азербайджан, где были отражены их впечатления о стране, ее жителях и культуре. Особое внимание автор уделил описаниям повседневных занятий, традиций и обычаев местного населения, запечатленных на страницах путевых заметок, очерков и научных трудов исследователей XIX в. Завершил работу секции «**Балканы, Крым, Кавказ, Поволжье**» **Ю. В. Псянчин**, который в своем сообщении представил жизнедеятельность и научное наследие языковеда-тюрколога А. А. Юлдашева, занимавшегося исследованиями в области фонетики, морфологии, диалектологии, лексикографии и даже социолингвистики и публиковавшего работы и статьи, которые повлияли на дальнейшее развитие башкирского языкознания.

Выступления участников следующей секции были посвящены **исследованиям Севера Евразии и Сибири**, и открыл ее работу доклад **А. Д. Васильева** о провинциальном чиновничестве Азиатского Севера первой половины XIX в. — областном правлении, социальном составе, характеристиках и функционировании начальников Якутского края. Автор обратил внимание на реконструкцию возрастных категорий, образовательных уровней, национальных признаков и материальных условий служащих. Источниками информации послужили формулярные и послужные списки из Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ). **Е. Г. Шалахов** продемонстрировал презентацию об историко-культурном наследии тюркских народов Южной Сибири в XVIII–XXI вв. и привел примеры научных и творческих исследований, направленных на изучение и репрезентацию культуры тюркских народов региона. В докладе **И. Владимирски** была представлена Витимская экспедиция князя П. А. Кропоткина по исследованию пути между Забайкальской областью и Олекминско-Витимской тайгой в 1866 г., развитию частной Сибирской золотопромышленности, информация о которой сохранилась в личном архиве Я. Д. Фризера. Благодаря усилиям Кропоткина были обнаружены перспективные районы, проложены дороги и организована инфраструктура для добычи драгоценного металла. **И. В. Чанкова** рассказала о вкладе Н. Я. Бичурина в исследование средневековой истории Сибири, описала материалы Н. Я. Бичурина об истории Сибири, связанные с военными походами, взаимодействиями разных народов, географическими названиями, такими как Бэйхай (Байкал), Цзинь шань (Алтай) и т. д. В докладе **А. О. Рудковской** были подняты вопросы по исследованию проблемы формирования региональной идентичности Сибири, конструктивным элементам и внешним факторам, воздействующим на нее, оценены изменения идентичности в контексте политической и культурной обстановки России XIX–XX веков. **А. Н. Васильев** в своем сообщении представил результаты Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, организованной Институтом этнографии АН СССР в 1957–1966 гг. после присоединения Тувы к СССР, и археологические исследования в этот период. Экспедиция активно занималась разведочными работами,

выявив целый ряд ценных артефактов, относящихся к различным этапам истории Тувы. Основная цель экспедиции заключалась в систематическом изучении археологических объектов и этнографических особенностей республики. **И. А. Данилов** посвятил свой доклад феномену ассимиляции русских старожилов в якутской среде на примере района Приленья (Средняя Лена, Якутия), исследуемой на протяжении XVIII–XXI вв. Основываясь на широком спектре источников, включая дореволюционные и советские исследования, а также собственные полевые наблюдения, автор описал постепенную адаптацию русских поселенцев к местным условиям и их интеграцию в якутское сообщество. **Т. А. Филиппова** представила вниманию слушателей образы стран Азии в русской и советской журнальной сатире первых десятилетий XX века. Было отмечено, что эти образы использовались как средство выражения политических и культурных установок, помогая формировать общественное мнение и политику России в отношении Востока. Закрыл работу секции по **исследованиям Севера Евразии и Сибири** доклад **Б. У. Китинова**, в котором автор рассказал об идее английского дипломата, купца и путешественника Энтони Дженкинсона “открытия” Китая, т. е. об установлении отношений с Китаем, о морском пути через Московское царство и Каспий, о продвижении Великобритании в Сибирь, о вкладе Дженкинсона в сбор редких сведений о народах и культурах сибирских регионов, природных условиях, а также о ресурсно-экономическом потенциале Китая.

Работа секции по **исследованиям Ближнего Востока** стартовала с доклада **Т. В. Киселевой** об ученом-востоковеде финляндце Георге Августе Валлине, который шесть лет путешествовал по Аравии, Палестине, Персии и Сирии в середине XIX в. Автор подробно рассказала о годе нахождения его экспедиции в Египте. Документированы личные дневники и корреспонденция Валлина, содержащие уникальные сведения о быте и традициях Египта и соседних стран, включая материальное наследие и обычаи местного населения. Две редкие греческие рукописи из фонда А. С. Норова из НРБ представила **О. Е. Петрунина**. Рукописи содержат исторические и богословские материалы, представляющие интерес для изучения византийской культуры и церковной жизни конца XVIII — начала XIX века. В своем докладе **Т. Г. Корнеева** рассказала о российском иранисте В. А. Иванове, большая часть жизни которого прошла на Востоке: в Индии и Персии, осветив его научный путь, дав его портрет на основе автобиографии, а также проанализировав его вклад в изучение исмаилизма. **А. А. Дурманов** привлек внимание слушателей к недостаточно освещенным, по мнению автора, вопросам германо-турецкой торговли и их влиянию на политические взаимоотношения двух стран в работах современных исследователей. Автор критикует упрощенные выводы ряда исследователей, утверждая, что экономическое сотрудничество достигло пика в середине 1930-х годов, однако его значение снижалось к концу десятилетия, и Турция сознательно расширяла торговые отношения с другими странами. **Khavarinejad Saeed** в своем докладе рассказал о причинах снижения интереса к иранским исследованиям в России после распада СССР и предложил стратегии для возрождения этой отрасли. Выделяется необходимость реформ правительственной поддержки и внедрения цифровых технологий для повышения привлекательности и доступности иранских исследований. Исследование **О. С. Морозовой** рассмотрело разные типы электоральных практик в странах Евразии, акцентировав внимание на сочетании формальных заимствований и местных адаптаций, подчеркнуло региональные особенности и политическое поведение элиты, влияющие на функционирование выборов. **В. В. Прудников** представил итоги совместной археологической миссии Венгрии и Сирии, которая начала свою работу в октябре 2007 г. и провела важные исследования в регионе Замка Крестоносцев аль-Маргат. Коллектив многопрофильных ученых — историки, археологи, археозоологи, историки искусства, эксперты в области геологии и геофизики, архитекторы и реставраторы объектов и фресок и др. — смог добиться значительных результатов, о чем и сообщил докладчик во время завершающей работу секции по **исследованиям Ближнего Востока** презентации.

Исследования Дальнего Востока были представлены в работе следующей секции конференции. **Р. М. Зиганшин** в своем докладе описал впечатления русских офицеров XIX в. о военном деле в Китае: о состоянии вооруженных сил, о достижениях военной мысли, о боевом духе, о боеспособности, о системе обучения и т. д. Свое сообщение **О. П. Федирко** посвятила описанию жизнедеятельности, научному пути и наследию исследователя фольклора нивхов Г. А. Отаиной. Доклад **Е. И. Нестеровой** сообщил о российских военно-научных экспедициях в Корею в конце XIX в., осуществленных представителями Генерального штаба. В нем на основе опубликованных и архивных источников были рассмотрены организация, цели, маршруты и результаты данных экспедиций. **А. И. Янгуразова** рассказала о развитии дальневосточной образовательной системы для китайских студентов в СССР, подчеркнув ее роль в культурной и политической интеграции, осветила структуру и программы, дипломатические связи и культурный диалог Советского Союза и Китайской Народной Республики. Вклад Н. И. Конрада в изучение стран Дальнего Востока в своем сообщении представил **Е. В. Бадаев**. Докладчик выделил несколько сфер деятельности академика, заострив внимание на широком круге его исследований Японии и Китая, и отметил его роль в объединении классической и социально-экономической методологии. **Р. Ю. Почекаев** и **И. В. Тутаев** представили вниманию слушателей доклад на тему «Записки Е. Я. Пестерева как источник сведений о правовой политике Российской империи на Дальнем Востоке во второй половине XVIII в.», который базировался на записках Е. Я. Пестерева, военного чиновника, выполнявшего функции пограничного комиссара. Записки предоставляют уникальные сведения о правовых отношениях между Российской империей и Китаем, о положении народов Южной Сибири и взаимодействии с империей Цин. В своем докладе **Т. Н. Кучинская** презентовала региональную школу исследований Китая, основанную в Забайкальском госуниверситете и Забайкальском научном центре РАН. Цель работы заключалась в анализе достижений и перспектив развития исследований, акцентирующих внимание на подготовке квалифицированных кадров, проведении грантов и развитии межрегионального сотрудничества. Сообщение **С. В. Алкина** о судьбе и научных достижениях российского учёного XX в. В. С. Старикова завершило работу секции по **исследованиям Дальнего Востока**. Докладчик рассказал, как русский эмигрант, стал известным ученым-востоковедом, а его профессиональная ориентация и последующая деятельность в Советском Союзе, связанная с изучением этнографии и археологии китайского севера, сформировалось именно благодаря китайской эмиграции.

* * *

На заключительном заседании **Международной научной конференции «Исследователи и исследования Евразийского пространства XVIII–XXI вв.»** были подведены итоги работы первого на подобную тематику крупного мероприятия в Институте востоковедения РАН. В рамках докладов участников были представлены самые разнообразные исследования Евразийского пространства XVIII–XXI вв.; биографические очерки исследователей Евразии и их научное наследие; разнообразные сюжеты, описанные в заметках многочисленных путешественников; было рассказано об академических, гражданских и военных экспедициях на Ближний и Дальний Восток, в Центральную Азию, Сибирь, Крым, на Кавказ, в другие страны и регионы России. Состоялся обмен мнениями по обсуждавшимся на конференции вопросам и дана оценка дальнейших перспектив проведения подобных мероприятий на данную тематику. Организаторы отметили высокий интерес к прошедшему форуму как со стороны желающих принять в нем участие, так и со стороны слушателей, о чем свидетельствовали количество поданных заявок, продолжительные дискуссии и многочисленные вопросы к докладчикам.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-194-199

**ПАКИСТАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.
[РЕЦЕНЗИЯ НА:] PAKISTAN–RUSSIA RELATIONS. A COMPREHENSIVE
HISTORICAL AND STRATEGIC ANALYSIS.
ED. BY DR. NEELAM NIGER. ISLAMABAD: INSTITUTE
OF STRATEGIC STUDIES, 2025. 271 p. ISBN 978-969-8772-23-9**

© 2026

В. Я. Белокреницкий¹

Коллективная монография группы пакистанских и российских авторов привлекает значительный интерес, поскольку это первый труд, подготовленный специалистами из двух стран, анализирующих комплекс отношений между Пакистаном и Россией. Инициатива в подготовке такого издания принадлежала пакистанской стороне, а конкретно Центру стратегических перспектив Исламабадского Института стратегических исследований. В работе приняли участие восемь авторов из Пакистана и пять — из России. Все главы книги отличает высокий профессиональный уровень и доскональное знание предмета. При этом авторы осторожны в своих выводах, оценивая настоящее состояние и будущие перспективы пакистано-российских отношений. Вместе с тем монография содержит рекомендации по дальнейшему развитию двусторонних связей в различных областях, которые могут быть полезны с практической точки зрения.

Ключевые слова: Пакистан, Россия, пакистано-российские связи

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Пакистано-российские отношения. [Рецензия на:] Pakistan–Russia Relations. A Comprehensive Historical and Strategic Analysis. Ed. by Dr. Neelam Niger. Islamabad: Institute of Strategic Studies, 2025. 271 p. ISBN 978-969-8772-23-9. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2026. № 1. С. 194–199. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-194-199

**PAKISTAN–RUSSIA RELATIONS. [REVIEW OF:]
PAKISTAN–RUSSIA RELATIONS. A COMPREHENSIVE HISTORICAL
AND STRATEGIC ANALYSIS. ED. BY DR. NEELAM NIGER. ISLAMABAD:
INSTITUTE OF STRATEGIC STUDIES, 2025. 271 p. ISBN 978-969-8772-23-9**

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

The collective monograph of a group of Pakistani and Russian authors attracts considerable interest, as it is the first work prepared by specialists from the two countries analyzing the complex of relations between Pakistan

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru
Vyacheslav Y. Belokrenitsky, DSc (Hist.), Professor, Chairman, Centre for the Study of Countries of Near and Middle East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; enitsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8471-928X

and Russia. The initiative in the preparation of such a publication belonged to the Pakistani side, and specifically to the Center for Strategic Prospects of the Islamabad Institute for Strategic Studies. Eight authors from Pakistan and five from Russia took part in the work. All chapters of the book are distinguished by a high professional level and thorough knowledge of the subject. The authors are cautious in their conclusions, assessing the current state and future prospects of the Pakistani-Russian relations. At the same time, the monograph contains recommendations for the further development of bilateral relations in various areas that can be useful from the practical point of view.

Keywords: Pakistan, Russia, Pakistani-Russian Relations

For citation: Belokrenitsky V. Y. Pakistan–Russia Relations. A Review of “Pakistan–Russia Relations: A Comprehensive Historical and Strategic Analysis”. Ed. by Dr. Neelam Nigir. Islamabad, Institute of Strategic Analysis, 2025. 271 p. ISBN 978-969-8772-23-9. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 194–199. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-194-199

2023 и особенно 2024 год можно считать пиковыми с точки зрения развития пакистано-российских связей в последние десятилетия. Постепенно возраставшие объемы взаимной торговли впервые перевалили за 1 млрд долл., состоялся интенсивный обмен визитами между руководством государственных, в том числе военных, а также общественных организаций и деловых кругов, в Карачи прошел первый большой пакистано-российский форум по налаживанию контактов в образовательной и гуманитарной сферах. Внимание пакистанской общественности привлекла перспектива возобновления работы построенного с помощью СССР металлургического комбината и осуществления новых совместных проектов, прежде всего в энергетике и в транспортной инфраструктуре. На волне этого интереса оживились связи между академическими и научно-аналитическими кругами двух стран, одним из заметных свидетельств чего и надо считать рецензируемую книгу [Pakistan-Russia Relations, 2025].

Но сначала несколько слов об Институте стратегических исследований, расположенном в столице Пакистана Исламабаде. В своей области это ведущее научно-исследовательское учреждение, близкое к правительственным кругам, прежде всего Министерству иностранных дел. Директорами Института являются обычно послы в отставке или вышедшие в отставку военные. Нынешний директор посол Сохейл Махмуд был в конце 2010-х гг. секретарем по иностранным делам (foreign secretary), т. е. заместителем министра, руководителем министерского аппарата. Действующий в рамках Института Центр стратегических перспектив занимается наиболее «академической» работой, рассчитанной на оценку нынешнего состояния международного положения страны, прогноз его будущего и выработку рекомендаций по проведению внешней политики. Разумеется, Центр не является единственным подразделением, занятым этими проблемами, но его возглавляет обычно доктор наук (PhD), хорошо зарекомендовавший себя в сфере изучения международных отношений. К таковым относится д-р Нилам Нигар, под руководством которой Центр подготовил в 2025 г. и книгу о пакистано-китайских отношениях. В предисловии к данной монографии она выражает особую благодарность соредактору г-ну Таймур Фахад Хану, который несколько раз в последнее время приезжал в Россию, участвовал в научных мероприятиях, проводимых у нас в стране, и знаком многим отечественным специалистам.

Коллективная монография состоит из четырех разделов, содержание которых составляют главы, последовательно посвященные историческим основам и дипломатическим отношениям, стратегической обстановке и региональной безопасности, экономическому взаимодействию, социальным контактам и политическим оценкам. Из 13 глав, включенных в монографию, восемь написаны пакистанскими, а пять российскими авторами. Главу 1 об эволюции пакистано-российских отношений и недавних сдвигах, произошедших в них, написал видный дипломат, занимавший

на протяжении четырех лет (2016–2019) пост чрезвычайного и полномочного посла Пакистана в РФ г-н Кази Халиуллы. Достаточно бегло коснувшись пакистано-советских взаимосвязей, посол остановился на позиции современной России по исключительно важному для Пакистана Кашмирскому вопросу, рассказал о московском формате консультаций по Афганистану. Коснулся он и ряда других тем, в частности, военных и торгово-экономических связей. Отметив, что объем взаимной торговли в 2010-х гг. колебался вокруг отметки в 500 млн долларов США (далее — долл.), он подчеркнул, что достигнутое в 2019 г. урегулирование проблемы долга Пакистана России за взятые им еще у СССР кредиты (Исламабад выплатил в твердой валюте 93,5 млн долл.) позволили в дальнейшем увеличить торговый оборот, который в 2024 г. достиг 1,1 млрд долл., в основном благодаря импорту российской нефти и пшеницы. В том же году были заключены важные соглашения о бартерной торговле и расчетах в национальных валютах [Ibid., p. 11].

Вторую главу подготовила преподаватель Школы азиатских исследований ВШЭ кандидат политических наук О. Н. Харина. Заслуживает внимания предложенная ею периодизация пакистано-российских отношений и общая их характеристика с выделением этапов, начиная с 1979 и кончая 2022 г. Характерно значение, которое автор придает продаже Пакистану Москвой четырех боевых вертолетов Ми-35М стоимостью 135 млн долл. в 2017 г., несмотря на протесты, которые эта сделка вызвала в индийской прессе, а также разговорам о возможности приобретения Исламабадом самолетов Су-35 и систем противовоздушной обороны С-400 [Ibid., p. 27]. Хотя переговоры, если они и велись, остались в незавершенной фазе, автор справедливо подчеркивает зависимость двусторонних связей от комплекса взаимоотношений между Россией и Индией, а также Пакистаном и США.

Значительный интерес вызывает глава 3, подготовленная директором Центра региональных исследований Пешаварского университета д-ром Шаббир Ахмад Ханом. Автор дал теоретический анализ концепции стратегического партнерства применительно к пакистано-российским взаимосвязям, утверждая, что оба государства следуют в своей политике традициям стратегического реализма и безопасности, или оборонного реализма. Он высоко оценил поддержку России приему Пакистана в ШОС (Шанхайскую организацию сотрудничества) и ее ключевую роль в формирующейся системе стратегического партнерства в Евразии. В главе прослежены этапы двусторонних отношений в 1990-е гг. и в начале XXI в. В качестве крупного достижения последних лет упомянуто подписанное в июле 2021 г. в ходе 8-го заседания Межправительственной комиссии соглашение о сооружении Пакистанского газопровода длиной в 1,1 тыс. км между югом и севером страны стоимостью в 3,4 млрд долл. в рамках российского содействия развитию энергетической системы Пакистана в 18,7 млрд долл. [Ibid., p. 52]. Большие надежды Ш. А. Хан возлагает на расширение двустороннего сотрудничества путем подключения Пакистана к российско-китайским проектам. В заключение он перечисляет основные условия долгосрочного взаимодействия двух государств — стабилизация обстановки в Афганистане, устранение исходящих оттуда угроз в виде терроризма и контрабанды наркотиков, расширение сети взаимосвязанности (connectivity) между Южной и Центральной Азией на фоне углубления кооперации между Россией и Китаем и между Китаем и Пакистаном [Ibid., pp. 58–59].

Следующая глава написана доктором политических наук, руководителем Центра научно-аналитической информации ИВ РАН Н. С. Плотниковым. Она посвящена пакистано-российским отношениям в быстро меняющемся мире. Говоря о военных поставках Пакистану, автор указывает, что в дополнение к четырем боевым вертолетам Ми-17 Россия в том же 2017 г. продала два многоцелевых вертолета Ми-171Е, но «символически важные, эти трансферты остаются скромными по сравнению с военным экспортом России другим региональным игрокам» [Ibid., p. 70]. В главе

отмечается значение координации действий Пакистана и России на афганском треке и подчеркивается роль дипломатических усилий, направленных на расширение контактов в сфере образования, науки и культуры.

Пятая глава монографии подготовлена д-ром Хуррам Икбалем, имеющим длительный опыт преподавательской работы в Китае, Австралии и США. В главе освещается главным образом пакистано-российское взаимодействие в оборонной области. Отталкиваясь от традиций опоры Пакистана на западные блоки в период холодной войны, автор постулирует наличие новых тенденций в оборонной политике Исламабада, проявившихся еще в 1990-е гг. и получивших развитие в дальнейшем, особенно с середины 2010-х гг. Он выделяет такие проявления пакистано-российского сотрудничества, как проведение с 2016 г. ежегодных военных учений «Дружба», приобретение Пакистаном в конце 2010-х гг. образцов передовой российской военной техники и укрепление контактов на высоком дипломатическом уровне. Что касается учений, то они носят характер, направленный против угроз терроризма. Седьмые по счету учения прошли в 2024 г. в пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва, в наибольшей степени охваченной волной террористических актов. К появлению у Пакистана военной техники российского происхождения, уже отмеченных в монографии и данной рецензии, автор главы добавляет китайско-пакистанские истребители JF-17 Thunder (Гром), где используется российский двигатель РД-93 [Ibid., p. 84]. Как достижение в дипломатической сфере он указывает на образование в 2018 г. Российско-пакистанского объединенного военно-консультативного комитета, а также переговоры в ходе визита министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в 2021 г. и визит первого заместителя министра обороны России генерал-полковника А. В. Фомина в 2024 г. Особо им отмечена роль ШОС как площадки для двусторонних контактов в сфере безопасности. Общий вывод автора сводится к тому, что за последнее время созданы основы для расширения и укрепления двусторонних военных контактов и ближайшее десятилетие покажет, насколько прочными они являются.

Глава 6 открывает раздел, посвященный экономическому взаимодействию. Она написана профессором Национального университета науки и технологий в Исламабаде Ашфак Хасан Ханом, имеющим многолетний опыт работы в высших государственных органах страны. А. Х. Хан детально рассмотрел основные черты и особенности пакистано-российских торгово-экономических связей в изменяющейся геостратегической среде. Коротко охарактеризовав перемены в глобальных отношениях, переход от доминирования в них американо-советского соперничества к американо-китайскому, автор делает вывод, что трудности и проблемы для Пакистана в плане развития геоэкономического взаимодействия с Россией сохраняются, хотя с обеих сторон в последние годы предприняты усилия к расширению связей и в торговой, и в экономической сферах. С опорой на данные Госбанка Пакистана в главе приводятся цифры, свидетельствующие о заметном росте торгового оборота между двумя странами в последнее время. За шесть лет, с 2018–19 ф. г. (с июля по июнь) по 2023–24 ф. г., объем торговых операций увеличился в пять раз, но в следующем году опустился до исходного уровня. При этом за весь семилетний период он составил почти 4 млрд долл. с большим дефицитом для Пакистана. Он экспортировал в Россию товаров на 815 млн а импортировал почти на 3 млрд. Импорт в 2020–21 и 2022–23 гг. равнялся почти 1,5 млрд в основном благодаря ввозу пшеницы, а в 2023–24 г. превысил 1 млрд долл. благодаря ввозу 100 тыс. т российской сырой нефти [Ibid., p. 102]. Трудности с переработкой тяжелой нефти и ограничения с выгрузкой в портах сделали эпизод с импортом нефти единичным, хотя Пакистан очень хотел бы, следуя примеру Индии, получать нефть с дисконтом. Помимо технических моментов, увеличению торгового оборота препятствуют сложности с оплатой, в частности отключение России от системы Свифт, а также дорогая логистика, связанная с перевозками по морю, т. е. высокие фрахт и страховка, наконец, узкий ассортимент

товаров, которые Пакистан может предложить России. Более половины его экспорта составляет текстиль, а пятую часть — цитрусовые. Да и Россия помимо зерна и нефти поставляет только удобрения и бумагу [Ibid., p. 104]. Похожая картина, как подчеркивает автор, наблюдается и в сфере экономического взаимодействия. Обоюдное желание сторон наталкивается на внутренние и внешние преграды — договоренность о сооружении газопровода из Карачи в Лахор, достигнутая в 2015 г., остается на бумаге, в том же положении находятся заверения о помощи России в металлургии. Подключение Пакистана к МТК Север–Юг и осуществление давно существующих планов сооружения газопроводов из Ирана в Пакистан с выходом через территорию Пакистана на ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия) принадлежат по-прежнему к области «нереально-желательного».

Главы 7 и 8 написаны пакистанскими авторами Афия Малик и упомянутым выше соредактором Таймур Фахад Ханом. Д-р А. Малик — экономист, работает в престижном Пакистанском институте экономики развития, специализируясь на проблемах энергетики. Этот аспект она и раскрыла, проанализировав состояние энергетического комплекса в Пакистане, а отчасти и в России и указав на возможности двустороннего сотрудничества в этой области. Т. Ф. Хан посвятил свою главу «зеленой энергетике», т. е. возобновляемым источникам энергии, в первую очередь солнечной, которая становится все более важной для Пакистана, и перспективам пакистано-российской кооперации в этой сфере.

Следующая глава экономического раздела написана научным сотрудником ИВ РАН и сотрудником Фонда им А. М. Горчакова Д. В. Сапрынской. В отличие от предшествующих глав в этой расширен взгляд на историю пакистано-российского торгового обмена, дана оценка объемов торговли начиная с 1990 г. При этом автор опирается на данные пакистанских источников и, несмотря на некоторую приблизительность приводимых данных, общий вывод его не вызывает сомнений — по сравнению с 1990-ми и 2000-ми гг. объемы торговли в дальнейшем выросли, хотя ассортимент товаров существенно не изменился [Ibid., pp. 173–175]. В главе отмечена также возможность взаимодействия между странами в сфере ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) и цифровизации.

Завершает экономический раздел глава д-ра Адама Сауда из Университета Бахриа в Исламабаде. В ней рассмотрена роль Центральной Азии в стратегическом взаимодействии и экономической кооперации между Пакистаном и Россией. Потенциальное значение региона, как отмечается в главе, невозможно переоценить, поскольку практически все сухопутные пути между двумя государствами пролегают по странам ЦА. Помимо уже упомянутой ТАПИ, давно существует проект CASA-1000, соединяющий энергосистемы Киргизии и Пакистана, и проект железной дороги из Узбекистана до Пакистана, но все эти маршруты проходят через Афганистан, и их выполнение зависит от ситуации в этой стране и ее отношений с Пакистаном.

Последний раздел монографии состоит из трех глав. Самая большая по размеру во всей книге глава 11 написана старшим научным сотрудником ИВ РАН кандидатом педагогических наук И. Н. Серенко. Глава посвящена истории и современному состоянию двусторонних связей с позиции культурных и межчеловеческих контактов. Значительную часть главы автор посвятила советскому и первому постсоветскому периоду, отметив вклад в развитие дружественных связей с Пакистаном плеяды видных пакистановедов, специалистов в области истории, философии, филологии (Ю. В. Ганковского, М. Т. Степанянц, Л. А. Васильевой и др.). Не остались забыты дипломаты (И. В. Халевинский) и журналисты (Е. А. Пахомов), а также пакистанские приверженцы политики поддержания и усиления связей с Россией, такие как сенатор Валид Икбал (внук «духовного отца» Пакистана знаменитого поэта и философа Алламы Икбала), журналист Раза Хан и др. В целом глава написана с искренней теплотой к народу и культуре Пакистана, зародившейся, надо полагать,

в период работы автора переводчиком на строительстве Карачинского металлургического завода в середине 1980-х гг. (подр. см. [Белокреницкий, Серенко, 2025, с. 291–298]). Ценными представляются приводимые в главе сведения о текущем периоде развития двусторонних контактов путем обмена делегациями, проведения совместных форумов и налаживания кооперации в области науки и высшего образования. По сравнению с 2013 г., когда число пакистанских студентов в России едва превышало 400, ныне оно перевалило за 1000 [Pakistan-Russia Relations, pp. 224–225].

В предпоследней главе монографии, написанной преподавателем исламабадского Университета Бахрия д-ром Саира Н. Аббаси, главное внимание уделено роли многосторонних международных организаций в содействии пакистано-российскому сотрудничеству. Автор высоко оценила участие России и Пакистана в ШОС и отметила, что Пакистан хотел бы присоединиться к БРИКС, имея заверение со стороны российских руководителей, что Москва поддерживает это стремление [Ibid., p. 243].

Глава 13 подготовлена ведущим преподавателем МГИМО кандидатом исторических наук Н. В. Мелехиной. Глава посвящена вызовам двусторонним отношениям и возможностям их преодоления. Автор последовательно рассматривает исторический фон и текущую динамику взаимных связей, политико-дипломатические контакты, сотрудничество в военной сфере. Интерес вызывает раздел о геостратегической важности Пакистана в политике России, где акцентируется роль тройственного дипломатического диалога с участием Афганистана. Подводя итог, автор отмечает безусловный прогресс в развитии пакистано-российских связей и выражает уверенность в расширении сотрудничества с учетом национальных интересов обеих стран [Ibid., p. 265].

Соглашаясь с автором завершающей главы монографии, хочется отметить, что составители книги не напрасно торопились с ее изданием (допустив некоторые погрешности в оформлении) и презентацией, которая торжественно прошла в Исламабаде 29 октября 2025 г. Ситуация в регионе подвержена быстрым изменениям. Изуверский теракт в Кашмире в конце апреля, в результате чего погибли свыше 20 индийских туристов, вызвал четырехдневную войну в начале мая, которая сблизила Пакистан с США и отодвинула от них Индию. Состоявшийся в начале декабря первый за четыре года официальный визит президента РФ В. В. Путина в Индию прошел на фоне непростой внутренней ситуации, складывающейся в Пакистане (подр. см. [Белокреницкий, 2025]), и не мог не оказать определенного влияния на его отношения с Россией. Вместе с тем при любом раскладе сил в регионе значение пакистано-российских взаимосвязей остается существенным пунктом в повестке дня внешнеполитического курса как России, так и Пакистана. Надо надеяться, что нашей стране удастся развивать связи с Пакистаном параллельно с углублением сотрудничества с Индией, а также содействовать разрешению обострившихся в последнее время пакистано-афганских проблем.

Литература / References

Белокреницкий В.Я. Пакистан: экономика и общество на перепутье. *Восточная аналитика*. 2025. № 4. С. 9–28.

Белокреницкий В.Я., Серенко И.Н. *Пакистан во внешней политике России. Геополитические императивы и динамика двусторонних отношений*. М., 2025.

Pakistan-Russia Relations: A Comprehensive Historical and Strategic Analysis. Islamabad, 2025.

**[РЕЦЕНЗИЯ НА:] ADAPTATION IN TURKISH LITERATURE,
CINEMA AND MEDIA. ED. BY SEDA ÖZ, TANER CAN. CHAM: PALGRAVE
MACMILLAN, 2025. XIII, 241 p. ISBN 978-3-031-74448-8**

П. Ю. Рыбина¹

В рецензии рассматривается коллективная монография «Адаптация в турецкой литературе, кинематографе и других медиа», вышедшая в серии «Исследования адаптации и визуальной культуры издательства Палгрейв». Редакторы коллективного труда Седя Оз и Танер Кан напоминают, как важно обращаться к материалу, который недостаточно рассматривается в современных адаптационных исследованиях (adaptation studies), — искусству Турции. Ценность книги — в развитии и переосмыслении наличных представлений теории (Л. Хатчен, Р. Стэм, Д. Картмелл, Т. Лич). Авторы (М. Аксер, С. Арслан, М. Огутчу, М. Орслер, Д. Эрсин Тутан, К. Кеннеди-Карпат, Дж. Кёскер-Бевингтон, К. Озкалкалар, О. Озмен Акдоган, Н. Саглам) демонстрируют, что исследовательские наработки позволяют успешно анализировать самые разные социокультурные функции медиа, в том числе — в контексте турецкой культуры. Важно, что выбранный материал не только используется в качестве иллюстрации уже существующих теоретических идей, но и ставит их под вопрос, указывает на необходимость корректировки представлений о «классическом» и новом, иностранном и домашнем, глобальном и локальном, «низкосортном» и престижном.

Ключевые слова: культурное воображение, идентичность, медиа, классика, киноадаптация, турецкая литература, турецкий кинематограф, Йешилчам, сериалы, комиксы

Для цитирования: Рыбина П. Ю. [Рец. на книгу:] *Adaptation in Turkish Literature, Cinema and Media*. Ed. by Seda Öz, Taner Can. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. XIII, 241 p. ISBN 978-3-031-74448-8. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 200–206. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-200-206

**[REVIEW OF:] ADAPTATION IN TURKISH LITERATURE,
CINEMA AND MEDIA. ED. BY SEDA ÖZ, TANER CAN. CHAM: PALGRAVE
MACMILLAN, 2025. XIII, 241 p. ISBN 978-3-031-74448-8**

Polina Yu. Rybina

The volume *Adaptation in Turkish Literature, Cinema and Media*, published in the “Palgrave Studies in Adaptation and Visual Culture” series, expands the scope of the field by adding to it the discussion of Turkish culture. The editors of the collection, Seda Öz and Taner Can, emphasize the importance of engaging with

¹ Рыбина Полина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей теории словесности филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва; rybina_polina@mail.ru

Polina Yu. Rybina, PhD, Associate Professor, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; rybina_polina@mail.ru
ORCID: 0009-0001-7739-0911

cultural material slightly overlooked in adaptation studies introducing new names, practices, and diverse perspectives. The book's value lies in its attempt to develop and re-invent adaptation theory via a more inclusive approach. The authors (Murat Akser, Savaş Arslan, Murat Ögütcü, M. Mert Örsler, Defne Ersin Tutan, Colleen Kennedy-Karpat, Ceylan Köşker-Bevington, Kaya Özkaracalar, Özlem Özmen Akdoğan, Naciye Sağlam) demonstrate that their research both contextually situates international audiences and allows for the effective re-thinking of how to engage with adaptations. Diverse theoretical approaches and in-depth case studies not only illustrate established ideas but also challenge them, emphasizing the need to re-evaluate simplistic binaries of 'classical' and 'new', 'foreign' and 'domestic', 'global' and 'local', or 'low-quality' and 'prestigious'.

Keywords: cultural imagination, identity, media, classics, film adaptation, Turkish literature, Turkish cinema, Yeşilçam, series, comics

For citation: Rybina P. Yu. [Review of:] *Adaptation in Turkish Literature, Cinema and Media*. Ed. by Seda Öz, Taner Can. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. XIII, 241 p. ISBN 978-3-031-74448-8. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 1. Pp. 200–206. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-200-206

Коллективная монография под редакцией С. Оз и Т. Кана вышла в серии «Исследования адаптации и визуальной культуры», которая существует в издательстве «Палгрейв Макмиллан» уже больше 20 лет и насчитывает свыше 40 публикаций. Адаптации — повествования, приспособляющиеся к новым контекстам — принимают самые разные медийные формы: экранизации, театральные спектакли и телесериалы на основе романов, песни на стихи знаменитых поэтов прошлого, комиксы по фильмам и фильмы по комиксам. Адаптационные исследования — важное дисциплинарное поле современной гуманитаристики, сфокусированное на культурной функции повтора и варьирования «классики» (в широком смысле) в разных контекстах (Л. Хатчен, Р. Стэм, Д. Картмелл, Т. Лич). На данный момент в области сложился целый ряд концептуальных и методологических подходов, позволяющих выходить за рамки рассмотрения адаптации как подобия оригиналу [Leitch, 2025, p. 6]. Актуальнее видеть в гибридном тексте, каким является адаптация, площадку для диалога медийных и культурных воображений [Hutcheon, 2006], средство понимания контекстов с помощью нового пересказа «старых» историй [Stam, 2005], а также инструмент коммерциализации [Murray, 2012] и распространения ценностей и смысловых доминант самых разных культур.

Книга «Адаптация в турецкой литературе, кинематографе и других медиа» включает в этот разговор контекст, которому в современных адаптационных исследованиях (сфокусированы на англо-американском материале) не всегда уделяется достаточно внимания. Это — популярная культура и искусство Турции. Рассмотрены разные случаи, объединенные в книге зонтичным термином «адаптация»: неавторизованные переводы западноевропейской классики на турецкий язык, экранизации разных периодов (раннее кино, период массового производства «Йешилчам», современное авторское кино, телесериалы), комиксы и документальный театр на основе источников из других медиа. Авторы работ показывают, как адаптационные практики в Турции зависимы от социально-политических обстоятельств внутри страны и от международной ситуации.

Как отмечает во вступительной главе Оз, адаптации всегда связаны с тем, как культурные общности воображают самих себя. Согласно Б. Андерсону, «сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» [Андерсон, 2001, с. 31]. Выстраивая образы собственного будущего, культурные общности опираются как на другие эпохи локальной истории, так и на свое воображение о других культурах. Вступает ли турецкий экран в диалог с американским или корейским, в центре всегда оказываются вопросы «своей» идентичности внутри глобального мира. Кроме того, практики адаптирования позволяют ставить вопросы

о том, как переживаются границы между культурами. Оз, оглядываясь на классика адаптационной теории Т. Лича, утверждает, что в зрительском и читательском восприятии текст другой культуры может ощущаться как навсегда оставшийся в пограничной ситуации: он не остался «дома», но так до конца и не освоился в новом контексте.

Часть 1. «Транснациональные адаптации». Отметим остроумие редакторов этого коллективного труда, собравших в первой части статьи о «любимцах» адаптационных исследований: Дж. Кёскер-Бевингтон пишет о версиях «Дракулы» Б. Стокера, М. Огутчу — о У. Шекспире, Д. Э. Тутан — о Дж. Остен, то есть об авторах, чье творчество существует в огромном количестве версий. Важно, что открывает этот раздел, посвященный освоению нарративов западноевропейской литературы, статья С. Арслана о раннем турецком кино. Рассуждения о том, как «приживаются» инокультурные повествования в новом контексте, оказываются заключенными в рамку истории медиа. Арслан показывает, как задолго до возникновения диалога нарративов и смыслов из разных культур должно произойти встраивание новых средств коммуникации в существующий медийный ландшафт. Судьба раннего кино в Турции — яркая иллюстрация того, как для продвижения культурных смыслов должно сойтись несколько факторов: от развития самого средства (кино становится искусством, а не только аттракционом) до его социокультурной и политической востребованности. Помимо этого, нельзя исключать непредвиденные факторы локального контекста: Арслан напоминает, что, как и в каждой национальной культуре, в турецкой тоже идет дискуссия о том, кто снял первый фильм (З. Вайнберг или Ф. Узкынай?), когда и где состоялся первый кинопоказ (в Измире или Стамбуле?), какие религиозные конфессии лучше приняли новый медиум. В главе Арслана дана периодизация истории турецкого кино, которая облегчает и структурирует знакомство с остальными разделами книги.

Далее исследовательский разговор выстроен вокруг вопросов глобального и локального (глокального), а также — разных типов и стратегий присвоения (или освоения) инокультурного материала. Например, Кёскер-Бевингтон обращает внимание на то, как в поздний период Османской империи и в начале существования Турецкой республики курс на вестернизацию предполагал сложные стратегии совмещения знакомого и нового в переводной литературе и на экране. Исследовательница показывает, что важнейшим было стремление не отпугнуть аудиторию экзотической инаковостью, сплавив ее с чем-то хорошо знакомым и домашним. Для сохранения ценности западной модерности ее последовательно подавали под соусом «не столь и чуждого» («Дракула в Стамбуле», 1953). Подхватывая размышления Кёскер-Бевингтон о сложном встраивании иностранной классики в локальный контекст, Огутчу показывает, как один сонет Шекспира (Сонет 66), существующий в разных переводах и музыкальных версиях, подсвечивает изменения в жизни страны и потребность в диаметрально противоположных смыслах поэзии английского барда. Тутан, рассматривая турецкие телевизионные адаптации «Гордости и предубеждения» («Аси», 2007–2009; «Любовь и гордость», 2017), напоминает: важно думать о том, как эти версии соотносятся не с литературным источником, но друг с другом, высвечивая особенности контекстов создания и восприятия. Кроме этого, Тутан выдвигает интересное предположение, связанное с анализом экранных мелодрам по романам Остен. Напоминая о семантическом и синтаксическом подходах к жанру [Altman, 1984], она предлагает думать о том, какие структурные модели дарит Остен турецкому телевидению, и о том, как они осваиваются дальше.

Часть 2. «Адаптации в популярной культуре». Вторая часть объединяет главы о таких явлениях популярной культуры, как комикс (К. Озкаракалар), телесериал («дизи», М. Орслер) и ремейк (М. Аксер). Материалом для переработки здесь становятся внутри-культурные нарративы:

комиксы о Кара Мурате Р. Турана, роман «Запретная любовь» (1899) Х. З. Ушаклыгиля, а также фильмы 1960–70-х годов, превратившиеся в пародийные ремейки актера и сценариста Дж. Йылмаза.

Начиная разговор об образах популярной культуры Турции, Озкаракалар приводит интересную статистику: с 1965 по 1978 г. было произведено порядка 60 историко-приключенческих фильмов, и половина из них адаптировала сюжеты комиксов. Комиксы о героическом воине Кара Мурате — как раз такого рода, у них счастливая экранная судьба. В главе анализируются два фильма из 1970-х годов: один о борьбе Кара Мурата с Дракулой (*Fatih'in Fedaisi Kara Murat*, 1972), другой — с шейхом Гаффаром (*Kara Murat Şeyh Gaffara Karşı*, 1978). Первая лента — локального производства, основана не только на комиксе, но и на предшествующих литературных источниках, а также исторических нарративах. Вторая — совместного турецко-итальянского производства, выводит местного героя на интернациональную сцену, ставя вопросы о его востребованности и изменчивости. Озкаракалар обращает внимание на то, что итальянский прокат фильма предполагал создание дублированных версий. Обсуждение роли дубляжа в судьбе «бродячего сюжета» — еще одна интересная тема, которую можно развивать.

Следующая глава, написанная М. Орслером, уводит разговор от серьезных и комических образов турецкой героики в сторону мелодрамы. Рассматривается феномен популярности турецких телесериалов («дизи»), ставятся вопросы о его статусе в локальной и глобальной культуре. Важно, что материалом исследования здесь является сериал «Запретная любовь» (2008–2010) — известный экранный нарратив, который затем адаптировали в целом ряде стран. Одним из средств увеличения престижности сериала Орслер называет адаптацию. Литературный материал, роман Ушаклыгиля, действие которого переносится из конца XIX века в наше время, имеет достаточный культурный статус, чтобы поднять уровень потоковой продукции в глазах зрителей. Впрочем, как замечает Орслер, адаптирование литературы — давно опробованное телевидением средство, избавляющее малый экран от «комплекса неполноценности» [Hogg, 2021, p. 7].

В главе о ремейках М. Аксер сводит вместе те жанровые линии популярной турецкой культуры, которые обсуждали Озкаракалар и Орслер, предлагая посмотреть на ситуацию несколько шире. Он выделяет в современном турецком кино три дискурсивных сферы: националистическую — в исторических жанрах, технократическую — в кинофантастике, патриархальную — в мелодраме. Аксер показывает, что актер и сценарист Дж. Йылмаз в своих фильмах собирает и по-разному комбинирует элементы перечисленных сфер, создавая пародии на известные ленты, а также на сами форматы разговора о них. Среди наиболее успешных — комедия о похищении героя инопланетянами «GORA» (2004), включающая интертекстуальные отсылки к «Пятому элементу» Л. Бессона, эпизоду «Звёздные войны: Скрытая угроза» Дж. Лукаса, а также к турецким пародиям на «Звёздные войны» 1970-х годов. Фильм продолжили два сиквела: один обыгрывает историю о путешествии того же героя в каменный век (AROG, 2008), а другой (Arif v. 216, 2018) — сюжет о путешествии во времени (1969), в которое герой отправляется вместе с роботом, прибывшим с планеты Гора. Примером игры с различными жанрами турецкого кино становится сериал «Жизнь и фильмы Эршана Кунери» (2022), в котором главный герой, бывший продюсер эротических фильмов, пробует свои силы в разных жанрах — от исторического экшна до мюзиклов. Автору главы интересны закономерности, благодаря которым жанровые клише, сформировавшиеся в период «Йешилчама» (на основе американских лент), через пародийное переосмысление становятся частью востребованных в мире медиапродуктов (сериалы 2020-х годов успешно демонстрируются на стриминговых платформах Netflix и Amazon Prime).

Часть 3. «Культура, теория и адаптация» — один из самых теоретически сильных разделов коллективной монографии. Четыре главы строятся вокруг ключевых проблем теории адаптации:

представлений об изменчивости и подобию (Т. Кан, К. Кеннеди-Карпат), о работе памяти в процессе восприятия адаптационных палимпсестов (О. Озмен Акдоган), а также — идей интермедийных взаимодействий (Н. Саглам). В главе Т. Кана рассматривается концепция «текучего текста» (fluid text) Дж. Брайанта применительно к романам О. Памука и их адаптациям. Текучий текст существует одновременно в нескольких разных версиях — первоначальных набросках, редакциях, переработках [Bryant, 2002]. Потенциал текстовой «текучести» выражается в разной степени: может проявляться в минимальных правках, которые вносит автор, а может — в существенной редакторской корректуре. В наибольшей степени способность текста к трансформациям манифестирована в переводах на другие языки и в адаптациях в иные медиа. Согласно Брайанту, к пониманию текста нас скорее приближает не французское «oeuvre», законченный продукт, а «travail» — некая энергия, которой текст обладает. Отсюда — интерес Кана к трансформациям, которые переживают сюжеты Памука: от романа «Чёрная книга» — к фильму «Тайное лицо» О. Кавура, а затем снова к тексту Памука, его роману «Новая жизнь». Текст существует в непрерывном потоке, в изменчивости, что всегда вызывает отклик таких изменчивых существ, какими являемся мы сами.

Новизна подхода автора следующей главы, К. Кеннеди-Карпат, в том, что она исследует, как адаптации разных литературных текстов представляют сходные коммуникативные ситуации (любовные треугольники). В центре внимания — две экранизации: «Жюль и Джим» (1962) Ф. Трюффо по роману Ж.-П. Роше и «Наше великое отчаяние» (2011) С. Теомана по роману Б. Бичакчи. У Бичакчи присутствуют неоднократные отсылки к фильму Трюффо, несмотря на то что изображенный в нем любовный конфликт происходит в иной культурной среде, а значит зависит от другого распределения ролей. Кеннеди-Карпат интересно, как место женщины внутри прихотливой «геометрии отношений» (relational geometry) ведет к изменению нарративной структуры фильмов, к трансформации финалов, а в результате делает фильмы, изображающие любовные треугольники, текстами-симптомами, которые объясняют зрителю, как меняется место героев-аутсайдеров в социуме, как и чем оно исторически обусловлено.

В главе О. Озмен Акдоган рассматривается представление об адаптации как инструменте контрпамяти (М. Фуко, А. Ассман). Исследовательница анализирует два спектакля документального театра: первый, по пьесе Б. Эренус «Призыв», посвящен Дерсимской резне, а второй — по драме Г. Эркала «Сивас'93» — поджогу отеля «Madimak» во время культурного фестиваля. Постановки текстов для документального театра (на них тоже распространяется зонтичный термин адаптация) позволяют поддерживать существование альтернативных версий исторических событий. Медийные средства современного театра разнообразны: использование не только живого плана действия, но и видеопоза, известных музыкальных композиций, фотографий; соположение документального (интервью, газетные статьи, признания очевидцев) с вымышленным. Все это работает на эффекты иммерсии, должно снизить чувство зрительской дистанции (и временной, и пространственной) по отношению к изображаемым событиям. Именно поэтому с особым интересом читаются страницы, посвященные анализу постановки Эркала в стамбульском театре «Достлар». Театральные адаптации напоминают, что все исторические события существуют в контексте множества взглядов, более того — не имеют устойчивой версии, если носители разных позиций получают право голоса, а значит, в культуре реализуется потенциал контрпамяти.

Четвертая теоретическая проблема, которая видится важной авторам, осмысливается в главе Н. Саглам. Это вопрос о соотношении в современных исследованиях разных представлений об адаптации, интермедийности и переводе. Казалось бы, речь идет о близких явлениях, связанных со сменой контекста и приспособлением к нему. Тем не менее три представления осваиваются разными областями гуманитаристики, а наведение мостов между ними не всегда ставится

учеными в приоритет. Одна из заслуг Саглам в том, что она стремится увидеть возможности диалога между дисциплинарными сферами. Глава посвящена театральной адаптации романа Л. Текин «Моя милая наглая смерть» Турецкая актриса Н. Эрден является и исполнительницей главной роли (театр «Хемхал»), и автором сценической адаптации (в соавторстве с Х. Э. Юналем). Через смену повествовательной перспективы, средства мизансцены и переписывание монологического текста происходит театральная перекодировка романного материала. В главе ставятся вопросы о том, что мы приобретаем, используя в анализе переложений (из романа — в спектакль) инструменты теории интермедийности. Как кажется, речь идет о более структурированном понимании медиа и способов их воздействия.

Завершает коллективный труд интервью главных редакторов Оз и Кана с режиссером и продюсером Дж. Кая: собеседники рассуждают об адаптационных стратегиях кино «Йешилчама». Это — особый период в истории турецкого экрана, особенно интересный многим исследователям адаптации. Из-за отсутствия норм авторского права (и того обстоятельства, что Турция была сравнительно небольшим кинорынком) турецкие режиссеры занимались копированием сценариев, саундтреков, постановочных сцен из фильмов западного производства. Это не мешало «оригинальным» лентам выходить в прокат и пользоваться популярностью. Местные ремейки создавались для другой аудитории: фильмы показывались внутри страны и не столько для просвещенных зрителей больших городов, сколько для жителей сельской местности. Кай ставит под сомнение распространенную мысль о том, что «Йешилчам» — турецкий пример кинематографического плагиата, своеобразного «воровства» чужих сюжетов. Креативность питается обменом, утверждает Кай, и не стоит ли внимательней присмотреться к нормам авторского права, которые позволяют потомкам десятилетиями жить за счет творчества ушедшего гения? Альтернативой видится режим открытого доступа к знаниям и творческим продуктам, который продвигают такие организации, как, например, «Creative Commons». К тому же в рамках современных представлений об интертекстуальности (в широком смысле слова) вопрос об оригинале и копии, о единственном пратексте скорректирован представлениями о множестве источников, неиерархичности обмена, различных «узлах» адаптационной сети, которые находятся в сложных отношениях взаимовлияния. Фильмы, которые 60 лет назад могли рассматриваться под знаком плагиата, теперь выглядят «прогрессивными» образцами эпохи «copyleft» (термин иронически обыгрывает английское «copyright»). Разговор с практиком кино завершается мыслью о том, что сегодня мы стоим на пороге трудно теоретизируемых изменений. Современные ИИ-инструменты еще больше усложняют представления о творчестве, об авторстве, а значит об образе человека в искусстве, о том, как с его помощью можно выразить себя.

В заключение следует сказать, что все авторы вносят вклад в глобальное исследовательское воображение о «турецком». Важный эффект работы — это то, каким начинает представляться после нее современное турецкое искусство и популярная культура. Можно выделить три доминанты: во-первых, встроенность истории в острую современность, во-вторых, сплав серьезного отношения к культурной идентичности с подчеркнуто игровым и неожиданно свободным; в-третьих, открытость к освоению других культур при заметном акценте на локальном своеобразии. Все эти аспекты получается обнаружить благодаря тому, что авторы работают с адаптированным материалом — то есть с изменчивыми текстами, наводящими мосты между прошлым и будущим, близким и далеким, аудиовизуальным и словесным.

Литература / References

Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001 [Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. М.: KANON-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001 (in Russian)].

Altman R. A Semantic/Syntactic Approach to Film Genre. *Cinema Journal* 23.3. Spring 1984. Pp. 6–18.

Bryant J. *The Fluid Text: A Theory of Revision and Editing for Book and Screen*. Ann Arbor (MI): University of Michigan Press, 2002.

Cartmell D. 100+ Years of Adaptations, or, Adaptation as the Art Form of Democracy. *A Companion to Literature, Film, and Adaptation*. Ed. by Deborah Cartmell. Malden (MA), Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 1–13.

Hogg Ch. *Adapting Television Drama: Theory and Industry*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021.

Hutcheon L. *A Theory of Adaptation*. London, New York (NY): Routledge, 2006.

Leitch Th. *Engagements with Adaptation*. Abingdon, Oxon; New York (NY): Routledge, 2025.

Murray S. *The Adaptation Industry: The Cultural Economy of Contemporary Literary Adaptation*. Abingdon, Oxon; New York (NY): Routledge, 2012.

Stam R. *Literature Through Film: Realism, Magic, and the Art of Adaptation*. Malden (MA), Oxford: Blackwell Publishing, 2005.

Подписано в печать 23.03.2026. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 16,3
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром *А. О. Захаров*

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: +7 (499) 322-38-31
e-mail: www.t8print.ru